АЗБУКА ВЕРЫ

Лондон Джек

Сердца трёх

Художественная литература · azbyka.ru

Сердца трёх – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/serdcza-tryoh

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Сердца трёх

Лондон Джек

Предисловие

Надеюсь, читатель извинит меня за то, что я начинаю это предисловие с похвальбы. Дело в том, что эта работа — юбилейная. Ее завершением я отмечаю свое сорокалетие, свою пятидесятую книгу, шестнадцать лет своей писательской деятельности и новое направление в своем творчестве. А «Сердца трех» — это новое направление. До сих пор я, безусловно, не создавал ничего подобного и почти убежден, что и впредь не создам. И я вовсе не намерен скрывать, что горжусь этой работой. А теперь я советовал бы читателю, который любит стремительное развитие действия, перескочить через все то бахвальство, что содержится в предисловии, и погрузиться с головой в повествование, — пусть он потом попробует сказать мне, что от моей книги легко оторваться.

Для любопытствующих разрешу себе кое-что пояснить. По мере того как кинематограф становился наиболее популярной формой развлечения во всем мире, запас фабул и интриг, накопленный мировой беллетристикой, стал быстро истощаться. Какая-нибудь одна кинокомпания с помощью двух десятков режиссеров способна экранизировать все литературное наследие Шекспира, Бальзака, Диккенса, Скотта, Золя, Толстого и десятков менее плодовитых писателей. А поскольку на свете сотни кинокомпаний, нетрудно сообразить, как скоро они могут столкнуться с нехваткой сырья, из которого фабрикуют кинокартины.

Право на экранизацию всех романов, рассказов и пьес, издаваемых или подлежащих изданию определенными издательствами или лицами, уже давно куплено и зафиксировано договорами; если же попадается материал, право собственности на который истекло за давностью лет, то он экранизируется с такой же быстротой, с какой матросы, очутившись на берегу, усеянном золотым песком, набросились бы на самородки. Тысячи сценаристов — точнее будет сказать десятки тысяч, ибо нет такого мужчины, женщины или младенца, которые не считали бы себя вполне созревшими для написания сценария, — итак, десятки тысяч сценаристов рыщут по литературе (как охраняемой авторским правом, так и не охраняемой) и хватают журналы чуть ли не из машины, в надежде поживиться какой-нибудь новой сценкой, фабулой или историйкой, придуманной их собратьями по перу.

Кстати, справедливость требует отметить, что совсем недавно, в те дни, когда сценаристов еще не очень уважали, они надрывались в поте лица за пятнадцать-двадцать долларов в неделю, а случалось, что прижимистые директоры платили им и поштучно: десять-двадцать долларов за сценарий, да еще в пятидесяти случаях из ста не выдавали сценаристам и тех грошей, которые им причитались; бывало и так, что товар, украденный сценаристами, в свою очередь, крали у них не менее бессовестные и беззастенчивые люди, работающие в штате. Так было только вчера, а сегодня я знаю сценаристов, которые имеют по три машины и по два шофера, которые посылают своих детей в самые дорогие школы и вообще обладают устойчивой платежеспособностью.

В значительной мере именно из-за нехватки беллетристического сырья и начали ценить и уважать сценаристов. На них появился спрос, они получили признание, их стали лучше оплачивать, а от них требовать продукцию более высокого качества. Начались новые поиски материала, выразившиеся, в частности, в попытке завербовать известных писателей для работы в качестве сценаристов. Но то, что человек написал двадцать романов, еще не может

служить ручательством, что он способен написать хороший сценарий. Как раз наоборот: очень быстро обнаружилось, что успех в беллетристике — верная гарантия провала на экране.

Но тут на сцене появляются хозяева кинокомпаний.

Разделение труда — прежде всего. И вот, связавшись с могущественными газетными объединениями или с отдельными лицами, как это имело место в данном случае, — я имею в виду «Сердца трех», — они заказывают высококвалифицированным сценаристам (даже ради спасения собственной жизни не сумевшим бы написать роман) сценарий, который романисты (даже ради спасения собственной жизни не сумевшие бы написать сценарий) превращают затем в роман.

Итак, является м-р Чарльз Годдард к некоему Джеку Лондону и говорит ему: «Время действия, место действия и действующие лица определены; кинокомпании, газеты и капитал к нашим услугам; давайте договариваться». И мы договорились. Результат — «Сердца трех». Ни у кого не может возникнуть сомнения в искусстве и мастерстве м-ра Годдарда после того, как я перечислю его творения, перу его принадлежат: «Злоключения Полины», «Приключения Илейн», «Богиня», «Обогащайся, Уоллингфорд» и т.д. Кроме того, имя героини данного романа — Леонсия — тоже им придумано.

Первые несколько эпизодов он написал на своем ранчо в Лунной долине. Но писал он быстрее, чем я, и закончил свои пятнадцать эпизодов на много недель раньше меня. Да не введет вас в заблуждение слово «эпизод». На первый эпизод ушло три тысячи футов пленки. А на последующие четырнадцать — по две тысячи футов на каждый. В каждом эпизоде около девяноста сцен, что составляет в общем около тысячи трехсот сцен. Итак, мы работали параллельно, каждый над своим куском. Когда я писал какую-то главу, я, естественно, не мог принимать в расчет того, что происходит в следующей или через двенадцать глав, так как я этого не знал. Не знал этого и м-р Годдард. Отсюда неизбежные последствия: нельзя сказать, чтобы повествование в «Сердцах трех» отличалось особой последовательностью, хотя, оно, безусловно, не лишено логики.

Представьте себе мое изумление, когда я, будучи на Гавайях, вдруг получаю от м-ра Годдарда по почте из Нью-Йорка сценарий четырнадцатого эпизода (я же в то время только еще трудился над литературной обработкой десятого эпизода) и вижу, что мой герой женат совсем не на той женщине! И в нашем распоряжении всего только один эпизод, когда можно избавиться от нее и связать моего героя узами законного брака с единственной женщиной, на которой он может и должен жениться. Как это сделано — прошу посмотреть в последней главе или пятнадцатом эпизоде. Можете не сомневаться, что м-р Годдард надоумил меня, как это сделать.

Дело в том, что м-р Годдард — мастер по части развития действия и гений по части быстроты. Развитие действия нимало не волнует его. «Изобразить», — спокойно указывает он в авторской ремарке киноактеру. Очевидно, актер «изображает», ибо м-р Годдард тут же начинает нагромождать одно действие на другое. «Изобразить горе!» — приказывает он, или «печаль», или «гнев», или «искреннее сочувствие», или «желание убить», или «стремление покончить жизнь самоубийством». Вот и все. Так и должно быть — иначе, когда же он завершил бы работу и написал свои тысячу триста сцен?

Но можете себе представить, каково пришлось мне, несчастному, который не мог ограничиться волшебным словом «изобразить», а должен был описать — и притом весьма подробно — все те настроения и положения, которые одним росчерком пера наметил м-р Годдард! Черт побери! Диккенсу не казалось чрезмерным излишеством потратить тысячу слов на описание и

возможно более тонкую обрисовку горестных переживаний того или иного из своих героев. А вот м-р Годдард говорит: «Изобразить», — и рабы киноаппарата делают все, что нужно.

А развитие действия! В свое время я написал не один приключенческий роман, но во всех них вместе взятых вы не найдете столь стремительного развития действия, как в «Сердцах трех».

Зато теперь я знаю, почему так популярен кинематограф. Я теперь знаю, почему «Г-да Барнес из Нью-Йорка» и «Техасский горшечник» разошлись в миллионах экземпляров. Я теперь знаю, почему какая-нибудь напыщенная агитационная речь может привлечь куда больше голосов, чем самый прекрасный и доблестный поступок или замысел государственного деятеля. Переделка сценария м-ра Годдарда в роман была для меня интересным опытом — и весьма поучительным. Эта работа по-новому осветила давно продуманные мною социологические обобщения, подвела под них новую основу и укрепила их. После этой попытки испробовать свои силы как писатель в новой для себя области я стал понимать душу народа в его массе глубже, чем понимал до сих пор, и осознал — полнее, чем когда-либо, — каким высоким искусством жеста и мимики должен владеть демагог, привлекающий голоса избирателей на свою сторону благодаря своему умению играть на коллективной душе масс. Я буду очень удивлен, если эта книга не получит самого широкого распространения. («Изобразить удивление», — сказал бы м-р Годдард; или: «Изобразить широкое распространение».)

Если в основе этой авантюры, именуемой «Сердца трех», лежит сотрудничество, я восхищен идеей сотрудничества. Но только — увы! — боюсь, что такого коллегу, как м-р Годдард, можно встретить не чаще, чем одного на миллион. Мы ни разу не перебросились даже словом, у нас не было ни одного спора, ни единой дискуссии. Но в таком случае я, должно быть, и сам — не коллега, а мечта! Разве я не позволил ему — без единого намека на жалобу или возражение — «изображать» все, что ему заблагорассудится, на протяжении 15 эпизодов сценария, 1300 сцен и 31000 футов пленки, а затем 111000 слов, составивших роман? И все-таки теперь, когда я кончил сей труд, я очень был бы рад, если бы не начинал его, — по одной простой причине: мне хотелось бы самому прочесть книгу и посмотреть, как она читается. А меня это очень интересует. Очень.

Джек Лондон
Уаикики, Гавайские о-ва, 23 марта 1916 года

Старая пиратская песня

Кто готов судьбу и счастье
С бою брать своей рукой,
Выходи корсаром вольным
На простор волны морской!

Припев:
Ветер воет, море злится, —
Мы, корсары, не сдаем.
Мы — спина к спине — у мачты,
Против тысячи вдвоем!
Нож на помощь пистолету —
Славный выдался денек!
Пушка сломит их упрямство,
Путь расчистит нам клинок.

Припев.

Славь, корсар, попутный ветер,
Славь добычу и вино!
Эй, матрос, проси пощады,
Капитан убит давно!

Припев.
Славь захваченное судно,
Тем, кто смел, сдалось оно.
Мы берем лишь груз и женщин,
Остальное — все на дно!

Джордж Стерлинг

Глава первая

В это позднее весеннее утро события развивались очень быстро в жизни Френсиса Моргана. Если когда-нибудь человеку суждено было, переместившись во времени, стать участником жестокой, кровавой драмы, а точнее — трагедии бесхитростных душ, и одновременно свидетелем средневековой мелодрамы, насыщенной сентиментальностью и бурными страстями, свойственными обитателям Латинского Нового Света, то этим человеком Судьба предназначила быть Френсису Моргану, и притом весьма скоро.

Однако сам Френсис Морган пребывал в ленивом неведении относительно того, что в мире что-то для него готовится, и едва ли был готов встретить надвигавшиеся события. Поздно засидевшись за бриджем, он поздно начинал свой день. За поздним пробуждением последовал поздний завтрак из фруктов и каши; покончив с ним, Френсис направился в библиотеку — строго, со вкусом обставленную комнату, откуда его отец в последние годы жизни руководил своими обширными и многообразными делами.

— Паркер, — обратился Френсис к камердинеру, который служил еще его отцу, — ты не замечал признаков ожирения у Р. Г. М. в последние годы его жизни?

— О нет, сэр, — отвечал тот со всей почтительностью хорошо вышколенного слуги, но невольно бросая беглый оценивающий взгляд на великолепную фигуру молодого человека. — Ваш батюшка, сэр, всегда отличался стройностью. Фигура у него никогда не менялась; он был широкоплечий, с могучей грудью, и хоть широковат в кости, но талия, сэр, у него была тонкая, всегда тонкая. Когда его обмыли, сэр, и положили на стол, многие молодые люди в нашем городе могли бы устыдиться своей фигуры. Он всегда тщательно следил за собой, сэр, — я имею в виду все эти упражнения, которые он делал в постели, полчаса каждое утро. Ничто не могло заставить его отступить. Он называл это своим культом.

— Да, фигура у отца была редкостная, — рассеянно произнес молодой человек, глядя на биржевой телеграф и несколько телефонных аппаратов, установленных еще его отцом.

— Совершенно верно, — убежденно подтвердил Паркер. — Ваш батюшка был строен, как аристократ, несмотря на широкую кость, могучие плечи и грудь. И вы это унаследовали, сэр; только вы еще лучше.

Молодой Френсис Морган, унаследовавший от своего отца не только статную фигуру, но и немало миллионов, безмятежно развалился в широком кожаном кресле и вытянул ноги — совсем как могучий лев в клетке, не знающий, куда девать свои силы. Развернув утреннюю газету, он остановился взглядом на заголовке, извещавшем о новом оползне на Кьюлебрском

участке Панамского канала.

— Хорошо, что мы, Морганы, не склонны к полноте, — позевывая, произнес он, — не то ведь я мог бы и растолстеть от такой жизни… Правда, Паркер?

Престарелый камердинер, не расслышав, смущенно посмотрел на своего хозяина.

— О да, сэр, — поспешно сказал он. — То есть я хочу сказать: нет, сэр. Вы сейчас в наилучшей форме.

— Ничего подобного, — убежденно заявил молодой человек. — Я, может, и не разжирел, но безусловно пообмяк… А, Паркер?

— Да, сэр… То есть нет, сэр, — я хотел сказать: нет, сэр. Вы все такой же, каким вернулись из колледжа, три года назад.

— И решил, что безделье — мое призвание, — рассмеялся Френсис. — Паркер!

Паркер почтительно вытянулся. Однако хозяин его уже погрузился в глубокое раздумье, словно решая проблему первостепенной важности, а рука его то и дело принималась теребить топорщившиеся усики, которые он с некоторых пор стал отращивать.

— Паркер, я намерен съездить на рыбную ловлю.

— Да, сэр.

— Я велел прислать несколько складных удочек. Пожалуйста, составь их и принеси сюда — я хочу их осмотреть. Мне думается, что уехать недельки на две куда-нибудь в лес — самое для меня полезное. Если я этого не сделаю, то, несомненно, начну толстеть и опозорю весь наш род. Ты ведь слышал про сэра Генри? Старого оригинала сэра Генри, пирата и головореза?

— Да, сэр. Я читал о нем, сэр.

Паркер уже стоял в дверях и только ждал той минуты, когда словоохотливость молодого хозяина иссякнет, чтобы отправиться по его поручению.

— Да, гордиться тут нечем — подумаешь, старый пират!

— О нет, сэр, — запротестовал Паркер. — Он ведь был губернатором на Ямайке и умер в почете.

— Счастье еще, что его не повесили, — расхохотался Френсис. — В сущности говоря, только он один и позорит наш род, который сам же основал. Но я вот что хотел сказать: я очень тщательно просмотрел все, что его касается. Он весьма заботился о своей фигуре и, слава Богу, до самой смерти сохранил тонкую талию. В этом отношении он оставил нам хорошее наследство. А вот сокровища его мы, Морганы, так и не нашли; впрочем, тонкая талия, которую он нам завещал, дороже всех рубинов. Родовая черта, — говоря языком биологов, которому научили меня профессора.

Наступила долгожданная пауза, и Паркер осторожно выскользнул из комнаты, а Френсис Морган погрузился в изучение газетной статьи о Панаме, из которой он выяснил, что канал будет открыт для судоходства, по-видимому, не раньше, чем через три недели.

Зазвонил телефон, и с помощью электрических нервов современной высокой цивилизации

Судьба сделала первую попытку протянуть свои щупальца и добраться до Френсиса Моргана, который сидел в эту минуту в библиотеке особняка, выстроенного его отцом на Риверсайд-драйв.

— Но, дорогая мисс Каррузерс, — запротестовал он в трубку. — Что бы там ни было, это просто временный ажиотаж. «Тэмпико петролеум» в полном порядке. Это не спекулятивные бумаги, а вполне надежное помещение капитала. Держите их. Держите крепко… Все дело, наверно, в том, что какой-нибудь фермер из Миннесоты приехал в Нью-Йорк и решил купить пакета два акций просто потому, что они кажутся ему солидными, а так оно и есть… Ну и что тут такого, что они поднялись на два пункта? Все равно не продавайте. «Тэмпико петролеум» — это вам не лотерея и не рулетка. Это крепкое промышленное предприятие. Мне бы, например, очень хотелось, чтобы оно было не таким грандиозным, — я бы тогда мог финансировать его один… Да нет, выслушайте меня: совсем это не мыльный пузырь! Мы сейчас одних цистерн заказали больше чем на миллион долларов. Наша железная дорога и три нефтепровода стоят свыше пяти миллионов. Да одни только действующие нефтескважины дадут нам нефти на сто миллионов долларов, так что сейчас главная наша задача — доставить ее к морю на танкеры. Теперь самое время для вложения капитала. Пройдет год-другой, и государственные бумаги по сравнению с вашими акциями покажутся сущей чепухой…

…Да-да, пожалуйста. Не обращайте внимания на биржевой рынок. И потом — я вовсе не советовал вам приобретать эти акции. Я никогда не давал своим друзьям таких советов. Но уж раз вы приобрели эти акции, то держитесь за них. «Тэмпико» такое же солидное предприятие, как Английский банк… Да, мы с Дикки поделили вчера вечером трофеи. Подобралась великолепная компания. Хотя Дикки, надо сказать, чересчур горяч для бриджа… Да, везло, как игроку на бирже… Ха-ха! Я горяч? Ха-ха!.. Да?.. Скажите Гарри, что я отбываю недели на две… Поеду форель удить… Весна, знаете ли, ручейки журчат, на деревьях сок выступил, распускаются почки, зацветают цветы и тому подобное… Да, всего наилучшего. И держитесь обеими руками за «Тэмпико петролеум». Если они немножко упадут, после того как этот миннесотский фермер кончит играть на повышение, прикупите еще. Я тоже собираюсь так сделать. Это все равно что найти деньги… Да… Да, конечно… Слишком это крепкие бумаги, чтобы вот так — ни с того ни с сего — взять и продать их: ведь они, может, никогда больше не понизятся… Ну конечно, я знаю, что говорю. Я проспал сегодня восемь часов и еще не выпил ни капли… Да, да… До свидания.

Не поднимаясь с кресла, Френсис потянул к себе ленту от соединенного с биржей аппарата и лениво пробежал ее глазами; то, что в ней сообщалось, не вызвало у него особого интереса.

Вернулся Паркер, неся несколько тоненьких удочек; каждая из них по своей полировке и отделке была верхом искусства и мастерства. Френсис мигом вскочил с кресла, отбросил в сторону телеграфную ленту, про которую тут же забыл, и, точно мальчишка, с радостью и восторгом принялся осматривать игрушки и пробовать их одну за другой: он то взмахивал удочками так, что леска со свистом, похожим на удар хлыста, разрезала воздух, то осторожно, рассчитанным движением, закидывал ее под высокий потолок, как если бы там, на другом конце комнаты, находился невидимый пруд, в котором таинственно поблескивала форель.

Зазвонил телефон. Лицо Френсиса перекосилось от раздражения.

— Ради Бога, поговори ты, Паркер, — приказал он. — Если это опять какая-нибудь дура, играющая на бирже, скажи, что я умер, или пьян, или лежу в тифу, или женюсь, — словом, придумай что-нибудь пострашнее.

После непродолжительных переговоров, проведенных в спокойном, вежливом тоне, так

подходившем к величественному стилю этой холодной, чинной комнаты, Паркер произнес в трубку: «Одну минуту, сэр» — и, прикрыв ее рукой, сказал:

— Это мистер Бэском, сэр. Он просит вас.

— Скажи мистеру Бэскому, чтобы он убирался к черту, — отозвался Френсис, замахнувшись так, будто хотел невесть куда забросить удочку; и в самом деле, опиши леска кривую, начертанную его зачарованным взглядом, она вылетела бы в окно и, по всей вероятности, до смерти перепугала бы садовника, который, стоя на коленях, пересаживал розовый куст.

— Мистер Бэском говорит, что это насчет положения на бирже, сэр, и что он задержит вас не более пяти минут, — настаивал Паркер, но так деликатно и мягко, словно передавал какое-то совсем несущественное, пустяковое поручение.

— Хорошо. — Френсис осторожно прислонил удочку к столу и взял трубку. — Алло, — сказал он в аппарат. — Да, это я, Морган. Ну, валяйте. Что там такое?

Он с минуту послушал, потом раздраженно перебил говорившего:

— Продавать? Черта с два! Ни в коем случае… Конечно, я рад это слышать. Но даже если акции поднимутся на десять пунктов, — чего, конечно, не случится, — все равно держите их. Весьма возможно, что это закономерное повышение и они уже больше не упадут. Эти акции — штука солидная. Они стоят куда больше, чем котируются. Вообще этого могут и не знать, но я-то знаю. Через год они до двухсот дойдут — конечно, если в Мексике прекратятся эти вечные революции… А вот если акции упадут, вы получите от меня приказ покупать… Ерунда. Кто это хочет приобрести контрольный пакет? Да нет же, это чисто спорадическое явление… Что? Прошу прощения. Я хотел сказать: чисто временное. Так вот что: я уезжаю недели на две удить рыбу. Если акции упадут на пять пунктов, — покупайте. Покупайте все, что будут предлагать. М-да, когда у человека на руках солидное предприятие и начинается игра на повышение его акций, это почти так же опасно, как игра на понижение… Да… Конечно… Да… До свидания.

Френсис с восторгом снова занялся своими удочками, а тем временем на другом конце города в кабинете Томаса Ригана уже неутомимо трудилась Судьба. Томас Риган отдал своей армии маклеров приказ скупать акции «Тэмпико петролеум», пустил через посредство многообразных каналов таинственный слушок, будто у «Тэмпико петролеум» какие-то осложнения с мексиканским правительством по поводу концессии, и погрузился в чтение отчета своего эксперта по нефти, который целых два месяца провел на месте, выясняя подлинные перспективы и возможности этой компании.

Вошел клерк, подал визитную карточку и доложил, что какой-то иностранец просит принять его. Риган взглянул на карточку.

— Передайте этому мистеру, сеньору Альваресу Торресу, — сказал он, — что я не могу его принять.

Через пять минут клерк вернулся с той же карточкой, но теперь на обратной ее стороне было что-то нацарапано карандашом. Риган так и расплылся в улыбке, прочитав:

«Дорогой и многоуважаемый мистер Риган. Имею честь сообщить Вам, сэр, что мне известно местонахождение клада, который, еще в бытность свою пиратом, спрятал сэр Генри Морган.

Альварес Торрес».

Риган покачал головой; клерк был уже у двери, когда хозяин вдруг окликнул его:

— Пусть войдет, немедленно.

Оставшись один, Риган беззвучно рассмеялся, обмозговывая пришедшую ему в голову идею.

— Молокосос! Щенок! — бурчал он сквозь облако дыма, раскуривая сигару. — Воображает себя львом, точно он сам старик Р. Г. М. Хорошая порка — вот что ему нужно, и старый стреляный воробей Риган уж позаботится об этом.

Английский язык сеньора Альвареса Торреса был столь же безукоризнен, как и его модный весенний костюм; и хотя смуглая кожа выдавала его латиноамериканское происхождение, а блеск черных глаз достаточно красноречиво говорил о том, что в этом человеке течет давняя смесь испанской и индейской крови, — он казался настолько типичным ньюйоркцем, что Томас Риган большего и желать бы не мог.

— После многих лет упорного труда и поисков, — начал Торрес, — я, наконец, догадался, где спрятан клад сэра Генри Моргана. Я уверен, что он зарыт на Москитовом Берегу. Скажу точнее: до него не больше тысячи миль от лагуны Чирикви, а ближайший к нему город, судя по всему, — Бокас-дель-Торо. Я там родился, хотя образование получил в Париже; знаю местность как свои пять пальцев. Для такой экспедиции достаточно было бы маленькой шхуны. Ведь снарядить ее недорого обойдется, совсем недорого, зато какая будет прибыль: в награду целое сокровище.

Сеньор Торрес умолк: ему не хватало слов, чтобы выразиться определеннее, но Томас Риган, крутой и жесткий человек, привыкший иметь дело с людьми такого же склада, как и он сам, начал вытягивать из него сведения, точно адвокат, ведущий перекрестный допрос.

— Да, — тотчас признался сеньор Торрес, — в настоящее время я несколько стеснен… как бы это сказать?.. — в средствах.

— Вам нужны деньги, — грубо уточнил биржевик, и тот с горестным видом поклонился.

И еще многое другое вынужден был признать Альварес Торрес под беглым огнем допроса. Да, он лишь недавно покинул Бокас-дель-Торо и надеется, что никогда больше туда не вернется. Тем не менее он готов вернуться, если они придут сейчас к какому-то соглашению…

Но Риган остановил его властным жестом человека, привыкшего повелевать простыми смертными, он взял чековую книжку и выписал чек на имя Альвареса Торреса. Когда тот взглянул на бумажку, то увидел, что там проставлена сумма в тысячу долларов.

— Так вот к чему сводится моя идея, — сказал Риган. — Я лично ничуть не верю вашим россказням. Но у меня есть один юный друг. Я очень люблю этого мальчика, и меня огорчает, что его слишком затягивают соблазны большого города — Бродвей с его красотками и тому подобное, — ну вы понимаете.

Сеньор Альварес Торрес поклонился, как светский человек, разговаривающий со светским человеком.

— Так вот, ради его здоровья, а также спасения не только его души, но и состояния, самое лучшее, что можно было бы придумать, — это путешествие за сокровищем, полное приключений, требующее физического напряжения, и… словом, я убежден, что вы меня понимаете.

Альварес Торрес снова поклонился.

— Вам нужны деньги, — продолжал Риган. — Постарайтесь заинтересовать его. Эта тысяча вам за труды. Заинтересуйте его так, чтобы он отправился разыскивать золото старика Моргана, — и еще две тысячи ваши. Если сумеете заинтересовать его настолько, что он пробудет в отлучке три месяца, — я добавлю вам еще две тысячи; а если полгода — то пять тысяч. Можете мне поверить: я хорошо знал его отца, мы с ним были товарищами, компаньонами, я… я могу даже сказать: почти братьями. Я готов пожертвовать любой суммой, чтобы наставить сына моего друга на правильный путь и сделать из него человека. Что вы на это скажете? Для начала вот вам тысяча. Идет?

Сеньор Альварес Торрес дрожащими пальцами свертывал и развертывал чек.

— Я… я согласен, — с запинкой произнес Торрес и даже начал заикаться от волнения. — Я… я… как бы это сказать?.. я весь в вашем распоряжении.

За пять минут Торресу были даны все инструкции относительно той роли, которую ему предстояло играть, а его рассказ о кладе Моргана был несколько видоизменен, для большей правдоподобности, хитрым, практичным биржевиком; после этого испанец поднялся и, прежде чем откланяться, заметил шутливо, но не без грусти:

— Самое забавное, мистер Риган, что все это чистейшая правда. Изменения, которые вы внесли в мою историю, делают ее более правдоподобной, но она правдива и без них. Мне нужны деньги. Вы очень щедры, и я буду стараться изо всех сил… Я… я горжусь тем, что обладаю даром артиста. И все-таки клянусь: я действительно разгадал, где спрятаны сокровища, которые награбил и зарыл Морган. Я имел доступ к документам, недоступным для широкой публики; да и все равно, едва ли кому-либо удалось бы в них разобраться. Эти документы хранятся в нашей семье, и многие мои предки трудились над ними всю жизнь, но так и не нашли разгадки. Однако они были на правильном пути — им только не хватало смекалки: они ошибались на двадцать миль. А ведь место точно указано в документах. Они ошибались, мне кажется, потому, что там нарочно все было зашифровано, запутано, написано в виде ребуса; и только я, один я, сумел понять это и разгадать. Все мореплаватели былых времен прибегали к таким трюкам, когда чертили свои карты. Мои испанские предки подобным образом скрыли Гавайские острова, переместив их на целых пять градусов долготы в сторону.

Для Томаса Ригана все это было китайской грамотой, он слушал Торреса с терпеливой улыбкой, явно говорившей: «Вот заставляет занятого человека отрываться от дел и выслушивать какие-то небылицы».

Не успел сеньор Торрес откланяться, как в кабинет вошел Френсис Морган.

— Решил на минутку забежать к вам за советом, — сказал он после обычного обмена приветствиями. — Да и к кому же мне обращаться, как не к вам, — ведь вы столько лет работали с моим отцом. Насколько мне известно, вы были его компаньоном в крупнейших сделках. Он всегда советовал мне доверять вашим суждениям. Ну, вот я и пришел. Прежде всего скажите, что происходит с «Тэмпико петролеум»? Дело в том, что я хочу уехать на рыбную ловлю.

— Что происходит с «Тэмпико петролеум»? — вопросом на вопрос ответил Риган, ловко разыгрывая полное неведение, хотя он один был во всем повинен.

Френсис кивнул и, опустившись в кресло, закурил сигарету, а Риган стал просматривать ленту

биржевого телеграфа.

— Акции «Тэмпико петролеум» поднялись… на два пункта… А тебя, собственно, что беспокоит? — спросил он.

— Да ничего, — ответил Френсис. — Ровно ничего. Но не думаете ли вы, что некая группа хочет прибрать «Тэмпико» к рукам, — ведь потенциальная ценность предприятия колоссальна. Это, как вы понимаете, между нами; то есть я хочу сказать: совершенно конфиденциально.

Риган кивнул.

— Предприятие огромное, — продолжал Френсис. — В полном порядке. Солидное во всех отношениях. Без обмана. И вдруг такой скачок! Не кажется ли вам, что какое-то лицо, или группа лиц, хочет завладеть контрольным пакетом акций?

Компаньон его отца тряхнул своей седою копной, однако в голове, покрытой этими благородными сединами, таились далеко не благородные мысли.

— Ну что ты, — заметил он, — скорей всего это просто случайный скачок. А может быть, публика, играющая на бирже, заподозрила, что акции «Тэмпико петролеум» — штука в самом деле стоящая. Ты-то сам как считаешь?

— Конечно, стоящая, — горячо ответил Френсис. — Я получил такие приятные вести, Риган, что вы ахнете от удивления. Я всем моим друзьям говорю, что это дело солидное, без обмана. До чертиков обидно, что мне пришлось привлечь посторонний капитал. Но предприятие оказалось настолько крупным, что я просто вынужден был это сделать. Даже если бы я вложил все деньги, которые оставил мне отец, — я имею в виду свободный капитал, а не то, что уже вложено в другие предприятия, иными словами: наличность, — все равно мне одному не поднять этого.

— У тебя что, туго со средствами? — спросил старик Риган.

— О, у меня есть кругленькая сумма, которой я могу оперировать, — беспечно отвечал молодой человек.

— Ты хочешь сказать…

— Конечно. Вот именно. Если акции «Тэмпико» упадут, я буду покупать. Ведь это все равно, что найти деньги!

— На сколько же ты намерен покупать? — спросил Риган, пытаясь прощупать своего гостя, но скрывая свою заинтересованность под личиной добродушия и одобрения.

— На все, что у меня есть, — не задумываясь, ответил Френсис Морган. — Я же говорю вам, Риган: это колоссальное дело!

— Я не интересовался по-настоящему этим предприятием и не могу сказать, чего оно стоит, Френсис, но из тех немногих фактов, которые мне известны, оно представляется вполне солидным.

— Представляется! Говорю вам, Риган, что это золотое дно, без всякого обмана; и мне стыдно, что акции его пришлось выпустить на биржу. Но зато на них уж никто не разорится. Я только окажу услугу миру, выбросив на рынок… даже не могу сейчас точно сказать, сколько сотен

миллионов баррелей отличной нефти… Да вы знаете, что у меня есть скважина на Хуастекских разработках, которая вот уже семь месяцев дает по двадцать семь тысяч баррелей в день. И фонтан еще не иссяк. Но это капля в море по сравнению с тем, что мы способны поставить на рынок. У этой нефти удельный вес двадцать два, я осадка в ней меньше двух десятых процента. Потом есть еще один фонтан — к нему надо только проложить миль шестьдесят нефтепровода, — который выбрасывает около семидесяти тысяч баррелей в день и, несмотря на принятые меры, буквально заливает нефтью всю окрестность. Это я сообщаю вам, конечно, по секрету, сами понимаете. Дела у нас идут неплохо, и я вовсе не хочу, чтобы акции «Тэмпико петролеум» подскочили до небес.

— Можешь не беспокоиться об этом, сынок. Еще надо, чтобы нефть потекла по нефтепроводам и чтобы в Мексике прекратились революции, — только тогда акции «Тэмпико» могут взлететь вверх. А пока поезжай удить рыбу и забудь об этом. — Риган помолчал, потом, притворившись, будто вдруг что-то вспомнил, взял со стола визитную карточку Альвареса Торреса, на которой карандашом была нацарапана записка. — Взгляни, кто у меня только что был. — Риган помолчал, словно обдумывая внезапно пришедшую в голову мысль. — Ну зачем тебе ехать удить какую-то форель? Ведь это в конце концов пустое развлечение. А вот тут есть для тебя улов поинтереснее — это развлечение настоящее, достойное мужчины, не то что дача в Адирондакских горах наподобие персидского дворца, где вам и мороженое, и слуги, и электрические звонки. Твой отец всегда немало гордился этим пиратом, от которого пошел весь ваш род. Он утверждал, что похож на него, ну а ты безусловно похож на своего папашу.

— На сэра Генри, — с улыбкой заметил Френсис, протягивая руку за карточкой. — А я ведь тоже немало горжусь этим старым бандитом!

Прочитав каракули, нацарапанные на визитной карточке, он вопросительно взглянул на Ригана.

— История, которую рассказал мне этот парень, звучит вполне правдоподобно, — пояснил Риган. — Он говорит, что родился на этом самом Москитовом Берегу и узнал про клад из документов, хранящихся у них в семье. Но я, конечно, не верю ни единому слову из всего этого. У меня нет ни времени, ни желания интересоваться тем, что не имеет отношения к моим делам.

— Любопытно, что сэр Генри умер почти бедняком, — заметил Френсис, брови его сдвинулись, и между ними прорезались упрямые моргановские складки, — а спрятанный им клад так никто и не нашел.

— Ну что ж, желаю удачи в рыбной ловле, — добродушно усмехнулся Риган.

— А все-таки мне бы хотелось повидать этого Альвареса Торреса, — заявил молодой человек.

— Все это пустые бредни насчет зарытого золота, — продолжал Риган. — Хотя, должен признаться, история, которую рассказал мне этот парень, звучит на редкость правдоподобно. М-да, будь я помоложе… но мне, как видно, суждено сиднем сидеть здесь.

— Вы не знаете, где бы я мог найти его? — уже через минуту спрашивал Френсис, доверчиво всовывая шею в петлю, которую Судьба в образе Томаса Ригана приготовила, чтобы уловить его.

Свидание состоялось на следующее утро, в кабинете Ригана. При виде Френсиса сеньор Альварес Торрес вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Это не ускользнуло от Ригана, который спросил с усмешкой:

— Совсем точно старый пират собственной персоной, а?

— Да, сходство поразительное, — солгал, или почти солгал, Торрес, ибо хотя он и заметил сходство Френсиса с портретами сэра Генри Моргана, но в то же время перед его мысленным взором предстал образ другого, только живого человека, который был похож и на Френсиса и на сэра Генри в такой же мере, в какой они оба походили друг на друга.

Френсис был молод, а молодость не знает преград. Тотчас были вытащены современные атласы и старинные географические карты, равно как и документы, написанные выцветшими чернилами на пожелтевшей от времени бумаге, — и не прошло и получаса, как Френсис объявил, что отныне признает рыбную ловлю только на Быке или на Тельце, — то есть на одном из двух островков в лагуне Чирикви, где, по уверению Торреса, должен находиться зарытый клад.

— Сегодня же вечером выезжаю поездом в Новый Орлеан, — объявил Френсис. — Тогда я как раз успею попасть на один из пароходов «Юнайтед фрут компани», который отправляется в Колон. О, я уже все выяснил вчера, прежде чем лечь спать.

— Только не фрахтуйте шхуны в Колоне, — посоветовал Торрес. — Поезжайте верхом до Белена. Там лучше всего фрахтовать судно: матросы народ простой — туземцы, и вообще все просто.

— Пожалуй, это разумно! — согласился Френсис. — Мне давно хотелось посмотреть тамошние края. А вы поспеете к этому поезду, сеньор Торрес?.. Вы, конечно, понимаете, что я беру на себя обязанности казначея и оплату всех расходов.

Но, поймав взгляд Ригана, Альварес Торрес мигом сообразил, что от него требуется, и принялся вдохновенно лгать.

— К сожалению, мистер Морган, я вынужден задержаться и присоединюсь к вам позже. У меня тут одно неотложное дельце… как бы это сказать?.. — небольшой судебный процесс, который мне надо довести до конца. Сумма иска, правда, незначительна, но тут затронуты интересы семьи, и потому это дело для меня чрезвычайно важное. У нас, Торресов, есть своя гордость. Я знаю, вам, американцам, это кажется смешным, но для нас — вещь очень серьезная.

— Он потом присоединится к тебе и поможет, если ты собьешься со следа, — заверил Френсиса Риган. — Кстати, пока вы не забыли, не мешало бы вам заранее договориться о разделе добычи… если вы, конечно, когда-нибудь найдете этот клад.

— Слово за вами. Что вы скажете? — спросил Френсис.

— Разделите поровну. Точно пополам, — предложил Риган, великодушно деля между ними то, чего, по его убеждению, вовсе не существовало.

— И вы сразу же приедете, как только сумеете, дар — спросил Френсис Торреса. — Послушайте, Риган, займитесь-ка его иском и уладьте все побыстрее. Ладно?

— Непременно, мой мальчик, — был ответ. — А если ему потребуются деньги? Дать?

— Безусловна — Френсис крепко пожал обоим руки. — Это избавит меня от лишних хлопот. Ну, а сейчас я бегу: надо уложиться, отменить все свидания, которые были у меня назначены, и успеть на поезд. Всего хорошего, Риган. До скорой встречи, сеньор Торрес, где-нибудь возле

Бокас-дель-Торо или в какой-нибудь яме на Быке или Тельце. Так, по-вашему, клад на Тельце? Ну, в общем до встречи. Adios!

А сеньор Альварес Торрес остался еще на некоторое время у Ригана и получил подробнейшие инструкции о той роли, которую ему предстояло играть: с самого начала пути и на всем его протяжении он должен всячески задерживать и затягивать экспедицию Френсиса.

— Короче говоря, — заключил Риган, — я не буду очень горевать, если в интересах своего здоровья он останется там надолго, а если и вообще не вернется, тоже плакать не буду.

Глава вторая

Деньги, как и молодость, не знают преград, и Френсис Морган, законный и естественный обладатель и молодости и денег, в одно прекрасное утро, через три недели после того, как он распрощался с Риганом, оказался на борту зафрахтованной им шхуны «Анджелика», попавшей неподалеку от берега в полосу штиля. Вода была точно стекло, шхуну еле покачивало, и Френсис Морган, томясь от скуки и избытка энергии, которая, так же как молодость, не знает преград, попросил метиса-капитана, сына ямайского негра и индианки, спустить за борт маленький ялик.

— Похоже, что здесь можно подстрелить попугая, или обезьяну, или что-нибудь в этом роде, — заметил Френсис, разглядывая в мощный цейсовский бинокль берег, поросший непроходимым лесом, в полумиле от них.

— Скорей всего, сэр, вы наткнетесь на лабарри, местную ядовитую змею, укус которой смертелен, — усмехнулся капитан и владелец «Анджелики», унаследовавший от своего отца ямайца способность к языкам.

Но Френсиса уже невозможно было удержать: в эту самую минуту он увидел в бинокль сначала белую асьенду[1] вдали, а затем фигуру женщины в белом на берегу; он даже заметил, что женщина тоже рассматривает в бинокль его самого и шхуну.

— Спустите ялик, капитан, — приказал он. — Кто там живет? Белые?

— Семейство Энрико Солано, сэр, — был ответ. — Это родовитые испанские аристократы, уж поверьте моему слову. Им принадлежит вся эта местность, от моря до Кордильер, а также половина лагуны Чирикви. Земли у них много, а вот денег — мало. Гордецы страшенные, ну и вспыльчивые, как порох.

Когда Френсис в крошечном ялике отплыл к берегу, зоркий глаз капитана подметил, что он не взял с собой ни ружья, ни дробовика для предполагаемой охоты на попугаев или обезьян. А еще глаз капитана уловил фигуру женщины в белом, выделявшуюся на темном фоне джунглей.

Френсис греб прямо к берегу, покрытому белым коралловым песком, не решаясь оглянуться через плечо и посмотреть, там ли еще эта женщина, или уже исчезла. Б его помыслах не было ничего дурного — лишь вполне естественное для молодого человека желание познакомиться с молодой сельской жительницей, вероятно полудикаркой, а в лучшем случае — наивной провинциалочкой, с которой можно будет поболтать и подурачиться, пока штиль сковывает «Анджелику». Когда дно ялика зашуршало по песку, Френсис выпрыгнул из лодки, сильной рукой приподнял ее нос, втащил на берег и только после этого обернулся. Вокруг не было ни души. Френсис доверчиво пошел вперед. «Любой путешественник, попав на незнакомый берег, имеет право поискать местных жителей, чтобы узнать дорогу», — сказал он себе.

И Френсис, рассчитывавший лишь на мимолетное развлечение, получил столько развлечений и таких, о каких и мечтать не мог. Из-за зеленой стены джунглей, точно фея из волшебной шкатулки, внезапно выскочила уже виденная им молодая женщина и обеими руками схватила его за руку. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, что это девушка, вполне созревшая и оформившаяся. Френсиса удивили сила и нежность, с какими она сжала его руку. Свободной рукой он сорвал с головы шляпу и поклонился незнакомке с невозмутимостью Моргана, воспитанного в Нью-Йорке и привыкшего ничему не удивляться, — и был удивлен, да еще как! Причем потрясла его не только красота девушки, но и взгляд, каким она в упор смотрела на него, — суровый и непреклонный. Ему даже показалось, будто он уже где-то встречался с нею. Он что-то не замечал, чтобы незнакомые люди так смотрели друг на друга.

Девушка обеими руками потянула его за руку и взволнованно прошептала:

— Скорей! Следуйте за мной! С минуту он колебался. Тогда она нетерпеливо дернула его, увлекая за собой. Решив, что это какая-то странная игра, принятая, вероятно, на побережье Центральной Америки, он с улыбкой уступил — и уже сам не знал, добровольно ли следует за нею, или она силой тащит его в джунгли.

— Делайте то же, что и я, — бросила она ему через плечо, держа его теперь только одной рукой.

Он повиновался с улыбкой: он полз, когда ползла она, сгибался в три погибели, когда она сгибалась, и то и дело сравнивал себя с Джоном Смитом и Покахонтасом[2].

Внезапно девушка остановилась и села на землю, жестом приказав Френсису сесть рядом; она высвободила свою руку из его руки и прижала ее к сердцу.

— Слава Богу! — с трудом переводя дух, произнесла она. — О милосердная дева Мария!

Подражая ей, — такова была ее воля и таковы были, по-видимому, правила игры, — он с улыбкой тоже прижал руку к сердцу, хоть и не обратился при этом ни к Богу, ни к Деве Марии.

— Неужели вы никогда не научитесь быть серьезным? — гневно сверкнув глазами, напустилась на него девушка.

Френсис тотчас принял самый серьезный и естественный вид.

— Милая моя леди… — начал было он.

Но она резким жестом оборвала его. С возрастающим удивлением Френсис увидел, как она наклонилась и стала прислушиваться, а потом и сам услышал шаги людей, спускавшихся по тропинке неподалеку от них.

Повелительно положив свою мягкую теплую ладонь на его руку и как бы приказывая ему молчать, девушка порывисто поднялась, — Френсис уже пришел к выводу, что эта порывистость у нее в натуре, — и побежала вниз по дорожке. Он чуть не свистнул от изумления. Да он бы и свистнул, если бы не услышал невдалеке ее голос: она резко спрашивала что-то по-испански, а мужские голоса хотя и почтительно, но возражали ей.

Затем Френсис услышал, как они пошли дальше, продолжая разговаривать. Минут на пять воцарилась мертвая тишина; потом до Френсиса снова донесся голос девушки: она приказывала ему выйти из засады.

«Ну и ну! Интересно, как бы вел себя Риган в таких условиях?» — с усмешкой подумал он, вылезая из кустов.

Он шел за ней следом, — теперь она уже не держала его за руку, — через джунгли к морю. Когда она остановилась, он подошел почти вплотную и стал перед нею, все еще считая, что это игра.

— Запятнал! — рассмеялся он, дотрагиваясь до ее плеча. — Запятнал! — повторил он. — Теперь вам ловить!

Ее черные глаза сверкнули испепеляющей яростью.

— Глупец! — воскликнула она и, подняв руку, ткнула пальцем — как ему показалось, с излишней фамильярностью — в его усики. — Неужели вы думаете, что это делает вас неузнаваемым?

— Но, милая моя леди… — начал было он, намереваясь объяснить девушке, что безусловно видит ее впервые.

Однако то, что последовало, заставило его прикусить язык и было столь же неожиданно, как и все, что девушка делала до сих пор. Это случилось так молниеносно, что он даже не заметил, откуда был извлечен крошечный серебряный револьвер, дуло которого было не только направлено на него, но вплотную прижато к его животу.

— Милая моя леди… — снова попытался начать он.

— Я не желаю разговаривать с вами, — перебила она его. — Отправляйтесь на свою шхуну и уезжайте… — Френсису показалось, что она подавила рыдание. И лишь после паузы она договорила: — …навсегда.

Он снова открыл было рот, но, почувствовав резкий толчок револьвером под ложечку, так ничего и не сказал.

— Если вы еще когда-нибудь вернетесь — да простит мне мадонна! — я застрелю вас.

— В таком случае мне, пожалуй, лучше убраться отсюда, — шутливо бросил он и, повернувшись, зашагал к ялику; ему было и стыдно и смешно при мысли о том, в какое непостижимо нелепое положение он попал.

Он пытался сохранить последние остатки достоинства и делал вид, будто не замечает, что незнакомка идет за ним. Вытягивая из песка нос ялика, он подметил, что легкий ветерок зашелестел листьями пальм. От налетевшего с суши бриза море у берега стало темнеть; потемнело оно и там, у выхода из еще гладкой, как зеркало, лагуны Чирикви, где на горизонте вставали, точно мираж, далекие очертания рифов.

Френсис уже занес ногу, чтобы сесть в ялик, как вдруг услышал рыдание, заставившее его остановиться и повернуть голову. Странная девушка стояла, опустив револьвер, и плакала. В один миг Френсис очутился рядом с ней и участливо дотронулся до ее плеча. Девушка вздрогнула от его прикосновения и, отшатнувшись, с укором посмотрела на него сквозь слезы. Френсис пожал плечами, как бы говоря, что отказывается понимать столь необъяснимую смену настроений, и снова повернулся было к лодке, но незнакомка остановила его.

— Вы… — начала она, запнулась и тяжело вздохнула, — вы могли бы хоть поцеловать меня на

прощанье.

И девушка порывисто бросилась к нему, раскрыв объятия, но все еще продолжая держать в правой руке столь не подходящий к случаю револьвер. Френсис, вконец сбитый с толку, какое-то мгновение стоял в растерянности, потом обнял ее и был награжден страстным поцелуем в губы, повергшим его в полное изумление; а незнакомка уронила голову ему на плечо и разразилась потоком слез. У Френсиса в глазах помутилось, однако он все же чувствовал давящую тяжесть револьвера, прижатого к его спине между лопатками. Через некоторое время девушка подняла мокрое от слез лицо и поцеловала Френсиса несколько раз, а он подумал: не подло ли с его стороны отвечать на ее поцелуи с такой же, не менее загадочной страстностью?

И только он успел сказать себе, что в общем ему безразлично, сколько времени продлится эта неясная сцена, как девушка вдруг отшатнулась от него и лицо ее снова запылало гневом и ненавистью, — угрожающе взмахнув револьвером, она указала ему на лодку.

Пожав плечами и как бы говоря, что он ни в чем не может отказать красивой женщине, Френсис повиновался, сел на весла, лицом к ней, и начал грести от берега.

— Да спасет меня дева Мария и не даст погибнуть из-за моего слабого сердца! — воскликнула девушка, свободной рукой срывая с шеи медальон. Золотые бусинки посыпались дождем, и медальон полетел в воду, разделявшую ее и Френсиса.

В эту минуту из джунглей выскочили трое мужчин с ружьями и бегом устремились к девушке, которая в изнеможении опустилась на песок. Они стали поднимать ее и тут только заметили Френсиса, который греб теперь изо всех сил. Френсис поспешно оглянулся, чтобы удостовериться, далеко ли еще до «Анджелики», и увидел, что шхуна, слегка накренившись, разрезая носом воду, идет ему навстречу. В эту минуту один из трех мужчин на берегу — тот, что был постарше, с бородой, — выхватил у девушки бинокль и направил его на Френсиса. А в следующий миг, бросив бинокль, он уже целился в него из ружья.

Пуля шлепнулась в воду на расстоянии какого-нибудь ярда от лодки, но, прежде чем раздался второй выстрел, девушка поспешно вскочила на ноги и ударом снизу выбила ружье из рук старика. Продолжая ожесточенно грести, Френсис увидел, как мужчины, отбежав от девушки, прицелились в него, но она выхватила револьвер и, наведя на них, заставила опустить ружья.

«Анджелика», повернутая против ветра, приостановилась, вспенивая воду, и Френсис ловким прыжком вскочил на палубу; в ту же секунду капитан повернул рулевое колесо, паруса надулись, и шхуна понеслась в море. С мальчишеским озорством Френсис послал на прощанье воздушный поцелуй незнакомке, продолжавшей смотреть ему вслед, и увидел, как она, в полном изнеможении, упала на грудь бородатого старика.

— Ну и порох, эти проклятые Солано! И гордые до сумасшествия, — заметил Френсису метис-капитан и улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Бешеные какие-то, настоящие психопаты! — рассмеялся Френсис и, подбежав к борту, послал еще несколько воздушных поцелуев эксцентричной молодой особе.

Благодаря попутному ветру, дувшему с материка, «Анджелика» добралась до рифов, ограждающих вход в лагуну Чирикви, и, сделав еще миль пятьдесят вдоль них, к полуночи подошла к островам Быка и Тельца; тут капитан поставил судно на якорь, решив дождаться рассвета. После завтрака Френсис, посадив на весла матроса, негра с Ямайки, отправился в ялике обследовать остров Быка — более крупный, чем остров Тельца, и населенный в это время года, по словам шкипера, индейцами, которые перебираются сюда с материка для охоты на

черепах.

Еще не успев подъехать к острову, Френсис понял, что его отделяют от Нью-Йорка не только тридцать градусов широты, но и тридцать столетий, через которые он перемахнул, попав из ультрасовременной цивилизации в обстановку, можно сказать, первобытной дикости. Совсем голые, если не считать лоскутов мешковины на бедрах, вооруженные тяжелыми, необычайно острыми топорами-мачете, охотники на черепах очень быстро доказали, что они отъявленные попрошайки и не остановятся перед убийством. Остров Быка принадлежит им, — объявили они Френсису через переводчика-матроса, который привез его сюда, — а Телец, прежде тоже принадлежавший им в сезон охоты на черепах, теперь захватил один бешеный гринго[3], отчаянный сорвиголова, несговорчивый и властный, сумевший с помощью страха завоевать их уважение — уважение перед двуногим существом, еще более свирепым, чем они сами.

За серебряный доллар Френсис уговорил одного из индейцев отправиться к таинственному гринго и передать ему, что он хотел бы его навестить. Тем временем остальные окружили ялик, принялись разглядывать Френсиса, клянчить у него деньги и даже бесцеремонно стащили его трубку, которую он на минуту вынул изо рта и положил рядом. Френсис тотчас дал по уху вору, а затем и второму, выхватившему ее у первого, и вернул себе трубку. В один миг вся толпа ощетинилась мачете, угрожающе засверкали на солнце отточенные острия, но Френсис быстро унял пыл индейцев, наведя на них свой пистолет-автомат; они попятились и, сбившись в кучу, принялись зловеще шептаться. Тут Френсис обнаружил, что его единственный спутник и переводчик струсил: подойдя к охотникам на черепах, он заговорил с ними явно заискивающим тоном, очень не понравившимся Френсису.

Тем временем вернулся посланный с запиской, и Френсис, поняв, что ему самому придется объясняться с ним, так как на ямайца надежда плохая, взял у него листок, поперек которого карандашом было нацарапано: «Vamos! Пошел ты к черту!»

— Придется мне, как видно, самому поехать туда, — подозвав к себе негра матроса, сказал Френсис.

— Будьте как можно осторожнее и осмотрительнее, сэр, — предупредил его негр. — Эти безмозглые скоты на все способны, сэр.

— Садись в лодку и вези меня туда, — кратко приказал Френсис.

— Нет, сэр. Очень сожалею, но нет, сэр, — отвечал чернокожий матрос. — Я нанимался, сэр, к капитану Трефэзену в матросы, но я не нанимался в самоубийцы, и я не поеду с вами, сэр, на верную смерть. Самое лучшее для нас было бы убраться из этого пекла; если же мы останемся, сэр, то нам тут зададут жару — это уж: точно.

Возмущенный до глубины души, Френсис смерил матроса презрительным взглядом, сунул в карман пистолет, повернулся спиной к полуголым дикарям и зашагал прочь через пальмовую рощу. В том месте, где торчал огромный кусок кораллового рифа, выброшенный здесь давним землетрясением, он вышел к морю. У берега Тельца, от которого его отделял узкий проливчик, он увидел ялик на приколе. У того же берега, на котором находился он сам, стояло на приколе выдолбленное из дерева старое и явно дырявое каноэ. Френсис перевернул его, чтобы вылить воду, и тут заметил, что охотники на черепах последовали за ним и теперь с опушки кокосовой рощи наблюдают за его действиями; однако трусливого матроса среди них не было.

Переехать через проливчик было для Френсиса делом нескольких минут, но на берегу Тельца его ждал не более радушный прием — из-за пальмы вышел высокий молодой человек, босиком,

с пистолетом-автоматом в руке, и гаркнул:

— Vamos! Убирайтесь вон отсюда! Живо!

— О боги морских глубин со всеми их рыбами и рыбешками! — полушутя, полусерьезно воскликнул Френсис и улыбнулся. — Тут у вас человеку и шагу нельзя ступить, чтобы ему не ткнули пистолетом в физиономию. И все кричат: «Убирайся вон, pronto![4]»

— Никто вас не звал сюда, — возразил незнакомец, — Вы явились без спроса. Убирайтесь с моего острова. Даю вам полминуты.

— Знаете ли, приятель, я начинаю злиться, — чистосердечно признался Френсис, в то же время искоса поглядывая на ближайшую пальму и соображая, какое расстояние отделяет его от нее. — Все, кого я здесь ни встречал, какие-то сумасшедшие и к тому же невежи: гонят человека без всякого стеснения. Так что под конец у меня тоже характер изменился. А вот насчет того, будто этот остров ваш, так одни слова еще не являются доказательством…

И, не докончив фразы, Френсис метнулся под прикрытие пальмы. Едва он успел забежать за дерево, как в ствол ударилась пуля.

— Ах так! — крикнул он и всадил пулю в ствол пальмы, за которой спрятался незнакомец.

Несколько минут продолжалась перестрелка: противники то палили друг в друга, то выжидали, тщательно рассчитывая выстрелы. Наконец, Френсис выпустил восьмую, и последнюю, пулю и тут без особого удовольствия вспомнил, что насчитал всего семь выстрелов со стороны незнакомца. Тогда он надел на руку свой пробковый шлем и осторожно высунул его из-за пальмы, — шлем был тотчас же пробит пулей.

— Какой системы у вас револьвер? — холодно-вежливым тоном осведомился он.

— Кольт, — последовал ответ.

Френсис смело вышел из-за своего укрытия.

— В таком случае вы извели весь свой запас. Я считал выстрелы. Восемь. Теперь мы можем поговорить.

Незнакомец тоже вышел из-за дерева. И Френсис невольно залюбовался его статной фигурой, которую не мог обезобразить даже костюм, состоявший из грязных парусиновых штанов, тельняшки и сомбреро с обвисшими полями. Больше того: Френсису показалось, что он уже где-то видел этого человека, хотя ему и в голову не пришло, что он смотрит на точную копию самого себя.

— Поговорить! — фыркнул незнакомец и, отбросив револьвер, выхватил из-за пояса нож. — Вот сейчас отрежу тебе уши, а потом, может, и скальп сдеру.

— Ишь ты! Какие, однако, милые и добродушные звери водятся в здешних лесах, — в тон ему заговорил Френсис, чувствуя, как в нем нарастают гнев и возмущение. Он тоже выхватил свой охотничий нож, совсем еще новенький и блестящий. — Давай-ка лучше померяемся силами — без всякой этой поножовщины из дешевого уголовного романа.

— Мне нужны твои уши, — любезно возразил незнакомец и стал медленно наступать на Френсиса.

— Очень хорошо. Кто первый будет положен на обе лопатки, тот и отдаст свои уши победителю.

— Согласен! — Молодой человек в парусиновых штанах спрятал нож.

— Жаль, что здесь нет киноаппарата, чтобы заснять эту сцену, — усмехнулся Френсис, в свою очередь пряча нож. — Я зол, как сто чертей! Как самый злющий индеец! Берегись! Я тебя сейчас любым способом положу на лопатки!

Сказано — сделано, но блестящий натиск Френсиса привел к самым позорным результатам: незнакомец, на первый взгляд, казалось бы, способный выдержать любой наскок, как только они сшиблись, повалился на спину. Это была хитрость: подняв ногу, он пнул Френсиса в живот, да так, что тот, перекувырнувшись в воздухе, перелетел через него.

От падения Френсис едва не лишился чувств, а тут еще противник набросился на него и так придавил к земле, что чуть дух из него не вышиб. Френсис лежал на спите, не в силах произнести ни слова, как вдруг заметил, что навалившийся на него человек с внезапным любопытством разглядывает его.

— Зачем тебе эти усики? — спросил незнакомец.

— Ладно, не разговаривай, отрезай уши, — проговорил Френсис, как только дыхание вернулось к нему. — Уши твои, а усы мои. Мы насчет них не уговаривались. А вообще ты положил меня на лопатки по всем правилам джиу-джицу.

— Ты же сам сказал: «Любым способом положу на лопатки», — процитировал со смехом незнакомец. — Так вот: уши можешь оставить себе; я и не собирался отрезать их, а теперь, посмотрев на них поближе, и вовсе не собираюсь: они мне не нужны. Вставай и убирайся отсюда. Я тебя побил. Vamos! И не смей больше появляться здесь и разнюхивать! Пошел вон! Живо!

Возмущенный еще больше, чем прежде, и униженный сознанием своего поражения, Френсис вернулся на берег, где стояло его каноэ.

— Эй, молодой человек, может хоть свою визитную карточку мне оставите? — крикнул ему вслед победитель.

— Визитных карточек головорезам не оставляют, — бросил через плечо Френсис, прыгая в каноэ и отталкиваясь веслом от берега. — А фамилия моя — Морган.

На лице незнакомца отразилось величайшее изумление; он открыл было рот, намереваясь что-то сказать, потом передумал и лишь пробормотал себе под нос: «Одной породы! Не удивительно, что мы так похожи».

Все еще кипя от негодования, Френсис добрался до Быка, вытащил каноэ на берег, присел на борт, набил трубку, закурил и погрузился в мрачное раздумье. «Все здесь сумасшедшие, решительно все, — думал он. — Ни один человек не ведет себя по-человечески. Интересно, как бы старик Риган стал обделывать дела с такими людьми? Уж ему они бы наверняка уши отрезали».

Если бы в эту минуту Френсис мог видеть обладателя парусиновых штанов и такой знакомой физиономии, он окончательно пришел бы к убеждению, что жители Латинской Америки — самые настоящие сумасшедшие, ибо вышеупомянутый молодой человек сидел в крытой травою

хижине у себя на острове и, улыбаясь собственным мыслям, говорил вслух:

— Кажется, я все-таки вселил Божий страх в сердце этого представителя моргановской семейки. — И, подойдя к стене, принялся разглядывать висевшую на ней копию с портрета сэра Генри, родоначальника Морганов. — Итак, господин пират, — усмехнувшись, продолжал он, — двое ваших последних отпрысков чуть было не прикончили друг друга из пистолетов-автоматов, по сравнению с которыми ваше допотопное оружие — грошовая игрушка.

Он нагнулся к старенькому, сильно побитому и изъеденному червями морскому сундучку, приподнял крышку с вырезанной на ней буквой «М» и снова обратился к портрету:

— Да, благородный мой предок, пират валлиец, немного же ты мне оставил: старое тряпье да лицо, как две капли воды похожее на твое. Но если б меня обстреляли, как тебя в Порт-о-Пренсе, я бы тоже сумел себя показать.

С этими словами он стал натягивать на себя изъеденную молью одежду, обветшавшую за долгие годы лежания в сундуке.

— Вот я и принарядился, — добавил он через минуту. — А ну, дражайший предок, выйди-ка из рамы и посмей сказать, что мы с тобой не похожи как две капли воды!

Теперь, когда молодой человек облекся в старинные одежды сэра Генри Моргана, перепоясался тесаком и засунул за широкий пояс два огромных, украшенных резьбою кремневых пистолета, сходство между ним, живым человеком, и портретом старого пирата, давно превратившегося в прах, было поистине разительно.

Ветер воет, море злится, —
Мы, корсары, не сдаем.
Мы — спина к спине — у мачты,
Против тысячи вдвоем!

— запел молодой человек, перебирая струны гитары, старую пиратскую песню. Постепенно образ, смотревший на него с портрета, стал расплываться, и молодой человек увидел перед собой совсем другую картину.

Прислонившись спиной к грот-мачте, со сверкающим тесаком в руке, стоял старый пират, а перед ним полукругом толпились причудливо одетые головорезы-матросы; спиной к нему, по другую сторону мачты, стоял другой человек, одетый в такой же костюм и тоже с тесаком в руке, и так же полукругом толпились перед ним головорезы-матросы, замыкая образовавшееся вокруг мачты кольцо.

Яркое видение вдруг исчезло, разорванное звоном лопнувшей струны, которую молодой человек, увлекшись, сильно дернул. В наступившей тишине ему показалось, что старый сэр Генри вышел к нему из рамы и, став перед ним, теребит его за рукав, словно приказывая выйти из хижины, а сам с настойчивостью призрака все шепчет:

Мы — спина к спине — у мачты,
Против тысячи вдвоем!

Послушный зову призрака, а может быть, собственной обостренной интуиции, молодой человек вышел из хижины и спустился к морю. Посмотрев через узкий проливчик на противоположный берег, он увидел на острове Быка своего недавнего противника, который, прислонившись спиной к огромному обломку кораллового рифа, отбивался от полуголых индейцев,

наступавших на него со своими мачете; в руках у него был тяжелый сук, выловленный, очевидно, в воде.

В это время кто-то угодил Френсису камнем по голове, и все поплыло у него перед глазами; теряя сознание, он вдруг увидел нечто, почти убедившее его, что он уже мертв и находится в царстве теней: сэр Генри Морган собственной персоной, с тесаком в руке, спешил по берегу ему на выручку. Больше того — он размахивал этим тесаком и, круша индейцев направо и налево, пел зычным голосом:

Ветер воет, море злится, —
Мы, корсары, не сдаем,
Мы — спина к спине — у мачты,
Против тысячи вдвоем!

Ноги у Френсиса подкосились, он весь обмяк и медленно опустился на землю; последнее, что он видел, были индейцы, которые бросились врассыпную, преследуемые таинственным пиратом.

«Боже милосердный!» — «Святая дева, спаси нас!» — «Да ведь это призрак старика Моргана!» — донеслись до него их крики.

Френсис очнулся в крытой травою хижине в самом центре Тельца. Первое, что он увидел, придя в сознание, был портрет сэра Генри Моргана, глядевший на него со стены. А затем он увидел точную копию сэра Генри, только совсем молодого, из живой плоти и крови, — и этот сэр Генри поднес к его губам флягу с бренди и велел сделать глоток. Как только Френсис глотнул из фляги, силы сразу вернулись к нему, и он вскочил на ноги; движимые одним и тем же побуждением, молодые люди пристально посмотрели друг на друга, потом на портрет и, чокнувшись флягами, выпили за предка и друг за друга.

— Вы сказали мне, что вы — Морган, — произнес незнакомец. — Я тоже Морган. Этот человек на стене дал начало моему роду. А ваш род откуда берет начало?

— От него же, — ответил Френсис. — Меня зовут Френсис. А вас как?

— Генри — так же, как нашего предка. Мы с вами, должно быть, дальняя родня — четвероюродные братья или что-то в этом роде. Я тут ищу сокровища, которые в свое время награбил этот хитрый старый скупердяй валлиец.

— Я тоже, — сказал Френсис и протянул ему руку, — Только к черту всякий дележ!

— Это в тебе говорит кровь Морганов, — одобрительно усмехнулся Генри. — Дескать, пусть достанется все тому, кто первый найдет. Я перекопал почти весь остров за эти полгода, и все, что нашел, — вот это тряпье. Я, конечно, постараюсь найти клад раньше тебя, но как только понадоблюсь тебе и ты меня позовешь, стану с тобой спина к спине у мачты.

— Это замечательная песня, — сказал Френсис, — я бы хотел ее выучить. Ну-ка, повтори еще раз ту строфу.

И, звякнув флягами, они запели:
Мы — спина к спине — у мачты,
Против тысячи вдвоем!

Глава третья

Однако сильнейшая головная боль заставила Френсиса прекратить пение, и он с радостью позволил Генри уложить его в повешенный в тени гамак. Тем временем сам Генри отправился на «Анджелику» — передать капитану приказание своего гостя стоять на якоре и ни под каким видом не пускать матросов на берег Тельца. Лишь поздно утром на следующий день, проспав тяжелым сном немало часов кряду, Френсис, наконец, поднялся и заявил, что голова у него снова ясная.

— Я знаю, как это бывает: сам однажды свалился с лошади, — сочувственно заметил его странный родственник, наливая ему большую кружку ароматного черного кофе. — Выпей-ка вот это, сразу станешь другим человеком. Не могу предложить тебе ничего особенного на завтрак, кроме солонины, сухарей да яичницы из черепашьих яиц. Яйца свежие, за это могу поручиться: я вырыл их сегодня утром, пока ты спал.

— Этот кофе уже сам по себе целый завтрак, — тоном знатока отозвался Френсис, разглядывая своего нового родича и время от времени переводя взгляд с него на портрет.

— Ты ведь тоже точная его копия; и схожи вы не только внешне, — рассмеялся Генри, поймав взгляд Френсиса. — Когда ты отказался вчера делить клад, ты рассуждал так, как рассуждал бы старик сэр Генри, будь он жив. У него была врожденная антипатия к дележу, он не делился даже с собственной командой. Отсюда все его беды. И уж, конечно, он не поделился бы ни одним пенни со своими потомками. А вот я совсем другой. Я не только готов отдать тебе половину Тельца, но и свою половину в придачу, вместе со всей движимостью и недвижимостью: бери себе и хижину, и прелестную обстановку, и фамильные ценности — все, даже черепашьи яйца, какие остались. Когда же вам угодно будет вступить во владение всем этим?

— Как это понять?.. — спросил Френсис.

— А вот так. Здесь ничего нет. Я, можно сказать, перекопал весь остров, и единственное, что я нашел, — это сундук, набитый тряпьем.

— Но это должно было вдохновить тебя на дальнейшие поиски!

— Еще бы! Я уж думал, что клад у меня в кармане.

Во всяком случае этот сундук указывал, что я на правильном пути.

— А почему бы нам не попытать счастья на острове Быка? — спросил Френсис.

— Вот об этом я как раз и подумываю, хотя у меня есть основания предполагать, что сокровище зарыто где-то на материке. Ведь в старину люди имели обыкновение указывать долготу и широту с отступлением на несколько градусов.

— Да, если на карте помечено десять градусов северной широты и девяносто восточной долготы, это вполне может означать двенадцать градусов северной широты и девяносто два восточной долготы, — подтвердил Френсис. — А может означать и восемь градусов северной широты и восемьдесят восемь восточной долготы. Пираты держали поправку в уме, и если умирали внезапно, что, как видно, было их обыкновением, то секрет умирал вместе с ними.

— Я уже почти решил перебраться на остров Быка и всех этих охотников на черепах выставить

оттуда на материк, — продолжал Генри. — А потом мне вдруг начало казаться, что, пожалуй, лучше начать с материка. У тебя ведь тоже, наверно, есть свои ключи для поисков клада?

— Конечно, — кивнул Френсис. — Но знаешь, мне хотелось бы взять обратно свои слова по поводу дележа.

— Валяй, бери, — подзадорил его Генри.

— Ну, так беру! И, скрепляя свой договор, они крепко пожали друг другу руки.

— «Морган и Морган» — компания только из двух человек, — рассмеялся Френсис.

— Актив: все Карибское море, испанские колонии на материке, большая часть Центральной Америки, сундук, набитый никуда не годным старьем, и множество ям, вырытых в земле, — подхватывая шутку, в тон ему продолжал Генри. — Пассив: змеиные укусы, грабители индейцы, малярия, желтая лихорадка…

— И красивые девушки, которые сначала целуют совершенно незнакомого человека, а потом тычут ему в живот блестящим серебряным револьвером, — вставил Френсис. — Я сейчас расскажу тебе одну занятную историю. Позавчера я отправился на шлюпке к материку. Не успел я высадиться на берег, как ко мне подскочила красивейшая в мире девушка и потащила за собой в джунгли. Я решил, что она либо собирается съесть меня, либо женить на себе. Но что из двух — понять не мог. И вот, прежде чем я успел это выяснить, как ты думаешь, что сделала эта прелестная особа? Сказала что-то весьма неблаговидное о моих усах и, пригрозив револьвером, погнала обратно к лодке. А там заявила, чтобы я немедленно уезжал и никогда больше не возвращался или что-то в этом роде.

— Где же это случилось? — спросил Генри, весь превратившись в слух.

Но Френсис, увлеченный воспоминаниями о своем злополучном приключении, не заметил повышенного интереса собеседника.

— Да вон там, на противоположной стороне лагуны Чирикви, — ответил он. — Я узнал потом, что это родовое имение семейства Солано. Ну и люди же — настоящий порох! Но я еще не все тебе рассказал. Слушай. Сначала, значит, эта особа потащила меня в заросли и оскорбительно отозвалась о моих усах, потом, угрожая револьвером, погнала меня назад к лодке. А под конец пожелала узнать, почему я ее не поцеловал. Нет, слыхал ты что-нибудь подобное?

— И ты поцеловал ее? — спросил Генри, и рука его непроизвольно сжалась в кулак.

— А что еще оставалось делать несчастному чужеземцу, очутившемуся в чужой стране? Девчонка была прехорошенькая!..

В следующую секунду Френсис был уже на ногах и, прикрыв рукою челюсть, едва успел отразить удар могучего кулака Генри.

— Я… я… извини, пожалуйста, — пробормотал Генри, тяжело опускаясь на старинный морской сундучок. — Я идиот — знаю, но пусть меня повесят, не могу я вынести…

— Ну вот, опять, — с упреком перебил его Френсис, — Нет, ты такой же сумасшедший, как и все в этой сумасшедшей стране. То ты перевязываешь мне рану на голове, а то готов снести эту самую голову с плеч. Ведешь себя не лучше той девчонки, которая сначала расцеловала меня, а потом стала тыкать револьвером в брюхо.

— Правильно! Ругай меня, я заслужил это, — уныло произнес Генри и тут же, помимо воли, снова вспылил: — Да черт бы тебя побрал, ведь это была Леонсия!

— Ну и что же, что Леонсия? Или Мерседес? Или Долорес? Неужели, если парень поцеловал хорошенькую девчонку, — да еще под дулом револьвера, — это дает право какому-то проходимцу в грязных парусиновых штанах, живущему на куче мусора, именуемой островом, снести ему голову с плеч?

— А если хорошенькая девчонка помолвлена с проходимцем в грязных парусиновых штанах?..

— Не может быть!.. — возбужденно прервал его Френсис.

— Да, и этому оборванцу, — продолжал Генри, — не очень-то приятно слышать, что его невеста целовалась с проходимцем, которого она никогда не видела, до того как он высадился со шхуны какого-то сомнительного ямайского негра.

— Значит, она приняла меня за тебя, — задумчиво произнес Френсис, начиная понимать, как все произошло. — Я не виню тебя за то, что ты вспылил; хотя, должен сказать, характер у тебя прескверный. Вчера ты, например, собирался отрезать мне уши, не так ли?

— Ну и у тебя характер ничуть не лучше, мой милый Френсис. Как ты настаивал, чтоб я отрезал тебе уши, когда я положил тебя на обе лопатки, ха-ха!

И оба весело расхохотались.

— Это характер старика Моргана, — сказал Генри. — Он, судя по преданию, был задирист, как черт.

— Но уж, наверно, не задиристее этих Солано, с которыми ты собираешься породниться. Ведь почти все семейство высыпало тогда на берег и хотело изрешетить меня, пока я греб к шхуне. А твоя Леонсия схватила свою пушку и пригрозила длиннобородому, должно быть ее отцу, что, мол, пристрелит его, если он не перестанет в меня палить.

— Держу пари, что это и был ее отец, сам старый Энрико! — воскликнул Генри. — А остальные — ее братья.

— Прелестные ящеры! — произнес Френсис. — Скажи, ты не боишься, что твоя жизнь станет слишком монотонной, после того как ты женишься и войдешь в эту мирную, кроткую семейку? — Но он тут же перебил сам себя: — Послушай, Генри, но если они приняли меня за тебя, какого же черта им так хотелось тебя укокошить? Опять, наверно, виноват сварливый моргановский нрав! Чем это ты привел в такое раздражение родичей своей будущей жены?

Генри с минуту смотрел на него, как бы решая, сказать или не сказать, и, наконец, ответил:

— Ну что ж, могу тебе, пожалуй, рассказать. Это преотвратительная история, и, должно быть, всему виною мой нрав. Я поссорился с ее дядей. Это был самый младший брат ее отца…

— Был?.. — прервал его Френсис многозначительно.

— Я же сказал, что был, — кивком подтверждая свои слова, продолжал Генри. — Его уже нет в живых. Звали его Альфаро Солано, и характерец у него был тоже преотменный. Все они считают себя потомками испанских конкистадоров[5] и важничают поэтому, как индюки. Альфаро нажил себе состояние на продаже ценных пород древесины и как раз в ту пору развел

большую плантацию кампешевого дерева на побережье. Однажды я с ним поссорился. Произошло это в маленьком городке Сан-Антонио. Может, это было недоразумение, хотя я до сих пор считаю, что он был не прав. Он всегда искал со мной ссоры: понимаешь, не хотел, чтобы я женился на Леонсии.

Ну и заваруха получилась! Началось все в пулькерии[6]. Альфаро пил там мескаль[7] и хватил, должно быть, лишнего. Он оскорбил меня не на шутку. Нас разняли и отобрали ружья; но, прежде чем разойтись, мы поклялись убить друг друга. И вся беда в том, что при нашей ссоре присутствовало человек двадцать и все они слышали, как мы угрожали друг другу.

Часа через два комиссар с двумя жандармами проходил по глухому переулку в ту самую минуту, когда я наклонился над телом Альфаро: ему кто-то всадил нож в спину, и я споткнулся о его труп, идя к берегу. Что тут можно было сказать? Ничего! Все знали про ссору и угрозу мести. И вот не прошло и двух часов, как меня поймали с поличным у еще неостывшего трупа Альфаро. С тех пор я ни разу не был в Сан-Антонио: не теряя времени даром, я тогда моментально удрал. Альфаро был очень популярен — это был лихой парень, а толпа таких всегда любит. Меня даже и судить бы не стали, тут же выпустили бы кишки; так что я почел за благо исчезнуть побыстрее — pronto!

Затем, когда я уже был в Бокас-дель-Торо, меня разыскал посланный от Леонсии и передал мне обручальное кольцо с брильянтом: она возвращала мой подарок. Теперь ты знаешь все. После этой истории мне все опротивело. Вернуться в те края я не решался, зная, что семейка Солано, да и тамошние жители жаждут моей крови; вот я и прибыл сюда пожить немного затворнической жизнью и поискать сокровища Моргана… Однако мне бы очень хотелось узнать, кто всадил нож в Альфаро. Если мне удастся когда-нибудь найти этого человека, я оправдаюсь перед Леонсией и остальными Солано; и тогда можно не сомневаться, что мы поженимся. А сейчас могу тебе признаться, что Альфаро был вовсе не такой уж плохой малый, хоть и вспыльчив до чертиков.

— Ясно как день, — пробормотал Френсис. — Теперь я понимаю, почему ее отец и братья хотели продырявить меня… В самом деле, чем больше я смотрю на тебя, тем больше убеждаюсь, что мы похожи, как две горошины, если не считать моих усов…

— И вот этого, — Генри закатал рукав, и Френсис увидел длинный тонкий рубец, белевший у него на левой руке. — Это у меня с детства: упал с ветряной мельницы и пролетел прямо через стеклянную крышу в оранжерею.

— Теперь слушай, что я тебе скажу, — начал Френсис и весь просиял от осенившей его мысли. — Кто-то должен вытащить тебя из этой грязной истории. И сделает это не кто иной, как Френсис, компаньон фирмы «Морган и Морган»! Можешь оставаться здесь или отправиться на остров Быка и начать там разведку, а я поеду назад и объясню все Леонсии и ее родне…

— Если они не ухлопают тебя прежде, чем ты сумеешь объяснить, что ты — это не я, — с горечью заметил Генри. — В том-то и беда с этими Солано. Они сначала стреляют, а уж потом разговаривают. Они могут внять рассудку, только когда противника уже не будет в живых.

— И все-таки я попытаю счастья, старина, — заверил его Френсис, загоревшись своей идеей уладить печальное недоразумение между Генри и его возлюбленной.

Однако он сам удивлялся тому чувству, с каким вспоминал о ней. Ему было невыразимо жаль, что это очаровательное существо принадлежит по праву человеку, который так на него похож.

Френсис снова увидел девушку, какой она была в ту минуту на берегу, когда, обуреваемая противоречивыми чувствами, то загоралась любовью и устремлялась к нему, то обрушивалась на него с гневом и презрением. Он невольно вздохнул.

— О чем это ты? — насмешливо спросил его Генри.

— Леонсия на редкость красивая девушка, — откровенно признался Френсис. — Но, как бы то ни было, она твоя, и уж я позабочусь о том, чтобы она тебе досталась. Где то кольцо, которое она тебе вернула? Если я не надену его на палец Леонсии от твоего имени и не вернусь сюда через неделю с добрыми вестями, можешь отрезать мне не только уши, но и усы.

Через час к берегу Тельца уж подходила шлюпка с «Анджелики», высланная капитаном Трефэзеном в ответ на поданный с берега сигнал. И молодые люди стали прощаться.

— Еще два обстоятельства, Френсис. Во-первых, забыл тебе сказать, что Леонсия вовсе не Солано, хоть она этого и не знает. Об этом мне сказал сам Альфаро. Она приемная дочь, но старик Энрико положительно молится на нее, хотя в жилах ее и не течет его кровь и она даже не одной с ним национальности. Альфаро никогда не рассказывал мне подробностей, сказал только, что она вовсе не испанка. Я даже не знаю, кто она — англичанка или американка. Она довольно прилично говорит по-английски, хотя изучила этот язык в монастыре. Видишь ли, Энрико удочерил ее, когда она была совсем крошкой, она и не догадывается, что это не ее отец.

— Неудивительно, что она с таким презрением и ненавистью отнеслась ко мне! — расхохотался Френсис. — Ведь она приняла меня за тебя; а она считала — да и до сих пор считает, — что это ты всадил нож в спину ее родному дядюшке.

Генри кивнул и продолжал прерванный рассказ:

— Во-вторых, я хочу предупредить тебя об одном чрезвычайно важном обстоятельстве. Речь идет о здешних законах, или, вернее, об отсутствии таковых. В этой богом забытой дыре законом вертят, как хотят. До Панамы далеко, а губернатор этого штата — или округа, или как он там у них называется — старик, настоящий сонный отец Силен. Зато начальник полиции Сан-Антонио — человек, с которым надо держать ухо востро. Он в этой глуши царь и бог, и подлец первостатейный, — уж кто-кто, а я это знаю. Взяточник — это слабое слово в применении к нему; а жесток он и кровожаден, как хорек. Для него самое большое удовольствие казнить человека: он обожает вешать. Берегись его и держи ухо востро… Ну, ладно, до свидания. Половина того, что я найду на острове Быка, — твоя… Да смотри, постарайся надеть кольцо на палец Леонсии.

Прошло два дня. После того как метис-капитан сам произвел разведку и привез известия, что вся мужская половина семьи Солано отсутствует, Френсис высадился на берег, где он впервые встретился с Леонсией. На этот раз поблизости не видно было ни девиц с серебряными револьверами, ни мужчин с ружьями. Кругом царил покой, и лишь оборванный мальчишка индеец сидел у воды; увидев монету, он охотно согласился отнести записку молодой сеньорите в большую асьенду. Френсис вырвал из блокнота листок и начал писать: «Я тот, кого Вы приняли за Генри Моргана; у меня к Вам поручение от него…», отнюдь не подозревая, какие необычайные события должны обрушиться на него с не меньшей стремительностью, чем во время его первого посещения здешних мест.

Если бы ему пришло на ум заглянуть за выступ скалы, к которой он прислонился спиной, сочиняя это послание к Леонсии, глазам его предстала бы поразительная картина: Леонсия

собственной персоной, точно морская царица, выходила после купанья из воды. Но Френсис продолжал спокойно писать, а маленький индеец был не менее его поглощен этой процедурой, так что Леонсия, выйдя из-за скалы, первая увидела их. Подавив возглас изумления, она повернулась и, не разбирая пути, бросилась бегом в зеленые заросли джунглей.

Френсис почти тотчас узнал, что она где-то рядом, когда до него долетел ее испуганный крик. Бросив на песок карандаш и записку, он побежал на крик и столкнулся с мокрой, полуодетой девушкой — она в ужасе мчалась назад, спасаясь от чего-то. Не разобравшись, что Френсис прибежал ей на помощь, Леонсия снова вскрикнула.

Она метнулась в сторону, чуть не сбив с ног мальчишку индейца, и остановилась, лишь когда выбежала на песчаную отмель. От страха лицо ее побелело как полотно. Только тут она обернулась и увидела, что перед нею не новый враг, а спаситель.

— Что с вами? — взволнованно спросил Френсис. — Вы ушиблись? Что произошло?

Девушка указала на свое голое колено, на котором алели две крошечные капельки крови, вытекшие из двух еле заметных ранок.

— Гадюка, — сказала она. — Ее укус смертелен. Через пять минут я умру, и я рада этому, очень рада: по крайней мере тогда вы уже не будете больше терзать мое сердце.

И Леонсия, укоризненно ткнув в него пальцем, хотела было высказать все, что она думает о нем, но силы изменили ей, и она без чувств упала на песок.

Френсис знал о змеях Центральной Америки лишь понаслышке; и то, что он слышал, было ужасно: говорили, что даже мулы и собаки умирают в страшных мучениях через пять-десять минут после укуса какой-нибудь двадцатидюймовой змейки. «Ничего нет удивительного, что она потеряла сознание, — подумал он, — ведь яд этот очень быстро действует, и, по-видимому, он уже начал свою работу». О том, какую помощь оказывают при змеиных укусах, Френсис знал тоже лишь понаслышке. Но он мгновенно вспомнил, что надо туго перевязать ногу выше укуса, чтобы приостановить циркуляцию крови и не дать яду добраться до сердца.

Он вынул носовой платок, перевязал им ногу Леонсии выше колена, просунул в узелок коротенькую палочку, валявшуюся на берегу и, по-видимому, выброшенную морем, и туго-натуго закрутил платок. Затем, действуя опять-таки понаслышке, быстро открыл перочинный нож, прокалил лезвие на нескольких спичках, чтобы продезинфицировать его, и осторожно, но решительно сделал несколько надрезов в том месте, где виднелись следы змеиных зубов.

Френсис был донельзя перепуган; он действовал с лихорадочной поспешностью, каждую минуту ожидая появления на лежавшем перед ним прелестном существе страшных признаков смерти. Он слышал, что от змеиного укуса тело быстро распухает до невероятных размеров. Еще не покончив с надрезами, он уже решил, что будет делать дальше. Прежде всего он высосет, по возможности, весь яд, а затем раскурит сигарету и горящим концом прижжет ранки.

Не успел Френсис сделать и двух крестообразных надрезов ножом, как девушка беспокойно зашевелилась.

— Лежите смирно! — приказал он.

Но Леонсия села как раз в ту минуту, когда он нагнулся, чтоб высосать из ранки яд. Ответом на его слова была звонкая пощечина, которую нанесла ему маленькая ручка Леонсии.

В этот момент из джунглей выскочил мальчишка индеец, приплясывая и размахивая мертвой змейкой, которую он держал за хвост.

— Лабарри! Лабарри! — захлебываясь от восторга, кричал он.

Френсис, услышав это, решил, что дело совсем худо.

— Лежите смирно! — резко повторил он. — Нельзя терять ни секунды.

Но Леонсия так и впилась глазами в мертвую змею. На душе у нее явно стало легче, однако Френсис этого не заметил, — он снова нагнулся, собираясь по всем правилам приступить к лечению.

— Да как вы смеете! — прикрикнула она на него. — Ведь это всего лишь лабарри, и притом не взрослая змея, а детеныш — его укус безвреден. А я думала, что это гадюка. Маленькие лабарри очень похожи на гадюк.

Почувствовав, что нога у нее онемела, — жгут, которым она была перетянута, почти приостановил кровообращение, — Леонсия посмотрела вниз и увидела носовой платок Френсиса, обмотанный выше ее колена.

— Что это вы придумали? — Яркий румянец залил ее лицо. — Ведь это всего лишь детеныш лабарри, — с упреком повторила она.

— Вы же мне сами сказали, что это гадюка! — возразил он.

Девушка спрятала лицо в ладонях, но скрыть своего смущения не могла: уши у нее так и пылали. Френсис мог бы поклясться, что она смеется, — если это, конечно, не истерика. Тут только он понял, как трудно ему будет выполнить взятую на себя задачу: надеть кольцо другого мужчины на палец Леонсии. Но он твердо решил не поддаваться ее чарам.

— Ну, теперь ваши родичи, надо полагать, изрешетят меня на том основании, что я не могу отличить лабарри от гадюки, — с горечью заметил он. — Можете позвать кого-нибудь из рабочих с плантации, чтоб они выполнили эту миссию! Или, может, вы пожелаете пристрелить меня собственноручно?

Но она, по-видимому, не слышала его: вскочив легко и грациозно, как и следовало ожидать от столь безукоризненно сложенного существа, она принялась изо всей силы топать ногой по песку.

— У меня нога затекла, — пояснила она со смехом, уже не прячась от него.

— Вы ведете себя просто позорно, — поддразнивая ее, заметил он. — Ведь вы считаете, что это я убил вашего дядюшку.

Леонсия сразу перестала смеяться, и кровь отхлынула от ее лица. Она ничего не ответила, только нагнулась и дрожащими от гнева пальцами попыталась развязать платок, точно он жег ей ногу.

— Давайте я помогу вам, — любезно предложил Френсис.

— Вы зверь! — в запальчивости выкрикнула она. — Отойдите в сторону. Ваша тень падает на меня.

— Вот теперь вы совершенно очаровательны, просто прелестны, — продолжал насмехаться Френсис, в то же время с трудом подавляя властное желание заключить ее в объятия. — Вы сейчас точь-в-точь такая, какой я вас запомнил, когда в первый раз увидел на берегу: то вы упрекали меня, почему я не поцеловал вас, то принимались сами целовать меня — да, да, вы меня целовали! — а в следующую секунду уже угрожали навеки испортить мне пищеварение этой вашей серебряной игрушкой. Нет, вы ни на йоту не изменились с тех пор. Вы все тот же вулкан, именуемый Леонсией. Давайте-ка я лучше развяжу вам платок. Неужели вы не видите, что узел затянут? Вашим пальчикам никогда с ним не справиться.

Леонсия в безмолвной злобе топнула ногой.

— Мне еще повезло, что вы не берете с собой вашу игрушку, когда идете купаться, — продолжал поддразнивать ее Френсис, — а не то здесь, на берегу, пришлось бы устраивать похороны очаровательному молодому человеку, чьи намерения по отношению к вам всегда отличались благородством.

В эту минуту к ним подбежал мальчишка индеец с купальным халатом Леонсии; она схватила его и поспешно надела, а уже потом, с помощью мальчишки, снова принялась развязывать узел. Когда платок был развязан, она отшвырнула его от себя с таким видом, точно это была ядовитая змея.

— Фу, гадость! — воскликнула она, чтобы уязвить Френсиса.

Но Френсис, продолжая в душе вести борьбу с самим собой, чтобы не поддаться ее обаянию, медленно покачал головой.

— Это вам не поможет, Леонсия, — заметил он. — Я оставил на вас метину, которая никогда не сойдет. — Он дотронулся до надрезов, сделанных на ее коленке, и рассмеялся.

— Метина зверя, — бросила она через плечо и повернулась, чтобы уйти. — Предупреждаю вас, мистер Генри Морган, не попадайтесь больше на моем пути.

Но он сделал шаг и преградил ей путь.

— Ну, а теперь поговорим по-деловому, мисс Солано, — сказал он, меняя тон. — И вы выслушаете меня. Можете сверкать глазами, сколько вам угодно, но прошу меня не перебивать. — Он нагнулся и поднял записку, которую начал было писать. — Я как раз собирался послать это вам с мальчиком, когда вы вскрикнули. Возьмите ее и прочтите. Она вас не укусит. Это ведь не ядовитая змея.

Хотя Леонсия решительно отказалась взять записку, однако глазами она непроизвольно пробежала первую строку:

«Я тот, кого Вы приняли за Генри Моргана...»

Девушка посмотрела на своего собеседника. По ее испуганным глазам видно было, что она многого не понимает, но о многом уже смутно догадывается.

— Честное слово, — серьезно сказал он.

— Вы... не... не Генри? — с запинкой спросила она.

— Нет, я не Генри. Быть может, вы все-таки возьмете записку и прочтете?

Она повиновалась и стала читать, а он не отрываясь смотрел на матовое лицо блондинки, позлащенное тропическим солнцем, которое не только опаляло тело, но и горячило кровь, а может быть, наоборот: именно горячая кровь придавала коже Леонсии этот чудесный золотисто-матовый оттенок.

Френсис был точно во сне; внезапно он понял, что смотрит прямо в ее испуганные, вопрошающие бархатисто-карие глаза.

— А чья подпись должна была стоять под этой запиской? — уже во второй раз спрашивала его Леонсия.

Заставив себя очнуться, он поклонился.

— Но имя? Как вас зовут?

— Морган, Френсис Морган. Как я уже объяснил в записке, мы с Генри — дальние родственники, троюродные братья или что-то в этом роде.

К удивлению Френсиса, в глазах ее вдруг появилось сомнение и взгляд снова загорелся гневом.

— Генри, — с укоризной сказала она ему, — ведь это же обман, дьявольская хитрость! Вы просто пытаетесь разыграть меня. Конечно, вы Генри.

Френсис указал на свои усы.

— Вы успели отрастить их с тех пор, — не отступала она.

Тогда он закатал рукав и показал ей свою левую руку от запястья до локтя. Но она только недоуменно глядела на него, явно не понимая, что он хочет этим доказать.

— Вы помните рубец? — спросил он ее.

Она кивнула.

— Тогда попытайтесь его найти.

Она наклонила голову, скользнула по его руке взглядом и медленно покачала головой.

— Я… — запинаясь, произнесла она, — я прошу извинить меня. Это ужасная ошибка. Подумать только, как… как я обошлась с вами…

— Вы подарили мне божественный поцелуй, — с озорством школьника заметил он.

Но она вспомнила то, что произошло совсем недавно, взглянула на свое колено и, как ему показалось, подавила очаровательнейший смешок.

— Вы сказали, что у вас есть поручение от Генри? — спросила она, внезапно меняя тему разговора. — И что он не виновен?.. Это правда? Ох, как бы мне хотелось вам поверить!

— Я глубоко убежден, что Генри столь же невиновен в убийстве вашего дядюшки, как и я.

— Тогда не говорите больше ничего, по крайней мере сейчас, — радостно прервала она его. — Прежде всего я должна принести вам свои извинения, хотя вы и не можете отрицать, что некоторые ваши слова и поступки были просто возмутительны. И вы не имели права меня

целовать.

— Если вы припомните, — возразил он, — я сделал это под угрозой револьвера. А вдруг вы бы меня пристрелили, если б я вас не поцеловал?

— Ох, замолчите, замолчите! — взмолилась она. — А теперь пойдемте со мной к нам в дом. И по пути вы расскажете мне о Генри.

Взгляд ее случайно упал на платок, который она так презрительно отшвырнула в сторону. Она подбежала и подняла его.

— Бедный, обиженный платочек, как с тобой плохо обошлись, — нежно промолвила она. — Перед тобой мне тоже придется извиниться. Я сама тебя выстираю и… — Она подняла глаза на Френсиса. — И верну его вам, сэр, свежим и чистым, пропитанным благодарностью моего сердца…

— Это к зверю-то? — спросил он.

— Извините, пожалуйста, — покаянно сказала она.

— И мне теперь будет дозволено отбрасывать свою тень на вас?

— Да, да! — весело воскликнула она. — Вот! Видите: я стала в вашу тень. А теперь пойдемте.

Френсис бросил песо обрадованному мальчишке индейцу и в самом веселом настроении повернулся и последовал за Леонсией по дорожке, которая сквозь густую тропическую растительность вела к белой асьенде.

Альварес Торрес, сидевший на широкой террасе перед асьендой Солано, увидел сквозь густой кустарник юную пару, приближавшуюся к дому по извилистой подъездной аллее. И то, что он увидел, заставило его заскрежетать зубами и сделать весьма ошибочные выводы. Он пробормотал про себя проклятье и от злости даже не заметил, что у него потухла сигарета.

Он видел Леонсию и Френсиса, погруженных в оживленный разговор и, казалось, забывших обо всем на свете. Он видел, как Френсис размахивал руками, горячо что-то доказывая, — Леонсия даже остановилась, явно тронутая мольбами своего спутника. Он видел, — Торрес с трудом мог поверить собственным глазам, — как Френсис достал кольцо, а Леонсия, отвернувшись, протянула левую руку и позволила ему надеть это кольцо на ее безымянный палец — палец, на который надевают обручальные кольца. В этом Торрес мог бы поклясться.

А на самом деле Френсис просто надел на палец Леонсии подарок Генри. Леонсия, сама не зная почему, без особой охоты приняла его обратно.

Торрес отбросил потухшую сигарету, яростно, словно находя в этом какое-то облегчение, закрутил усы и направился навстречу молодым людям, уже поднимавшимся на террасу. Даже не ответив на приветствие девушки, он с перекошенным от гнева лицом набросился на Френсиса.

— Трудно, конечно, ожидать, чтобы убийца устыдился своего поступка, но он мог бы по крайней мере соблюдать приличия!

Френсис иронически усмехнулся.

— Ну вот, опять начинается, — сказал он. — Еще один сумасшедший в этой сумасшедшей стране! Последний раз, Леонсия, я видел этого джентльмена в Нью-Йорке. Он был тогда преисполнен готовности участвовать со мной в одном деле. А теперь я его встречаю здесь, и первое, что он мне говорит, — это что я низкий, бесстыжий убийца.

— Сеньор Торрес, вы должны извиниться, — вмешалась возмущенная девушка. — В доме Солано не принято оскорблять гостей.

— В таком случае, насколько я понимаю, в доме Солано принято, чтобы проезжие авантюристы убивали членов их семьи, — в тон ей заявил он. — Конечно, нет такой жертвы, которую нельзя было бы принести во имя гостеприимства.

— Возьмите себя в руки, сеньор Торрес, — любезно посоветовал ему Френсис. — Вы слишком много себе позволяете. Я скажу вам, в чем ваша ошибка. Вы считаете, что я Генри Морган. А я Френсис Морган, и мы с вами не так давно беседовали в кабинете Ригана в Нью-Йорке. Вот вам моя рука, пожмите ее — другого извинения при создавшихся обстоятельствах я от вас не потребую.

Торрес, в первую минуту совершенно ошеломленный тем, что мог так ошибиться, взял протянутую Френсисом руку и рассыпался в извинениях перед ним и Леонсией.

— А теперь, — сказала девушка, радостно рассмеявшись, и хлопнула в ладоши, вызывая служанку, — мне надо поместить куда-нибудь мистера Моргана, а самой пойти переодеться. После этого, сеньор Торрес, если вы разрешите, мы расскажем вам про Генри.

Леонсия удалилась на свою половину. Френсис вслед за молоденькой хорошенькой метиской-горничной тоже направился в отведенную ему комнату. А Торрес тем временем несколько опомнился, и все-таки удивлению его и злобе не было предела. Так, значит, этому пришельцу, совершенно незнакомому человеку, Леонсия разрешила надеть ей на палец кольцо, словно он ее жених. И мозг Торреса заработал яростно и быстро. Леонсия, которую он называл в душе владычицей своих грез, вдруг в один миг обручилась с каким-то чужеземцем, с нью-йоркским гринго! Невероятно! Чудовищно!

Хлопнув в ладоши, он велел подать экипаж, нанятый им в Сан-Антонио. И когда Френсис вышел на террасу, чтобы поговорить с ним поподробнее о местонахождении клада старика Моргана, Торрес в своем экипаже был уже у ворот.

После завтрака Френсис заметил, что ветер переменился и подул с суши — следовательно, можно будет быстро пересечь лагуну Чирикви и вдоль берега добраться до островов Быка и Тельца. Горя желанием поскорее обрадовать Генри известием о том, что его кольцо снова украшает пальчик Леонсии, он решительно отклонил ее любезное предложение заночевать у них и познакомиться с Энрико Солано и его сыновьями. У Френсиса была и еще одна причина для поспешного отъезда: он не мог дольше оставаться в обществе Леонсии. И совсем не потому, что она была ему неприятна, — напротив: она очаровала его, увлекла так сильно, что он не смел больше оставаться здесь, подвергаясь воздействию ее чар и этого все возрастающего влечения, если собирался сдержать слово, данное человеку в парусиновых штанах, который сейчас искал клад на острове Быка.

Итак, Френсис отбыл, унося в кармане письмо Леонсии к Генри. Прощание было кратким. Со вздохом, столь быстро подавленным, что Леонсия даже подумала, не почудилось ли ей это, оторвался он от ее руки и зашагал прочь по подъездной аллее. Она смотрела ему вслед, пока он не исчез из виду, затем со смутной тревогой перевела взгляд на кольцо, блестевшее у нее на

пальце.

Выйдя на берег, Френсис подал сигнал стоявшей на якоре «Анджелике», чтобы за ним выслали шлюпку. Но не успели матросы спустить ее на воду, как из лесу выскочили человек шесть всадников с револьверами за поясом и ружьями поперек седел и галопом помчались к нему. Двое скакали впереди. В одном из них Френсис узнал Торреса. Остальные четверо были метисы с физиономиями отъявленных бандитов. Все схватились за винтовки и прицелились в Френсиса, так что ему оставалось лишь повиноваться незнакомому вожаку, который рявкнул, чтобы он поднял руки вверх.

— Подумать только, — сказал Френсис, — что еще совсем на днях — или это было миллион лет назад? — я считал бридж по доллару за фишку самым волнующим развлечением. А тут вдруг являетесь вы, сэры, верхом и угрожаете моей бедной плоти всякими чужеродными телами. Так, может, вы объясните мне, в чем дело? Неужели мне всегда суждено покидать этот берег под аккомпанемент выстрелов? Что вам собственно нужно: мои уши или хватит усов?

— Нам нужен ты сам, — ответил незнакомый вожак, усы его свирепо щетинились, а черные бегающие глазки свирепо поблескивали.

— Так, может, вы мне скажете, во имя Адама и Евы и всех распрекрасных ящеров, кто вы такие?

— Это достопочтенный сеньор Мариано Веркара-и-Ихос, начальник полиции Сан-Антонио, короче — шеф, — ответил Торрес.

— Ну, пропал! — рассмеялся Френсис, вспомнив, как описывал этого субъекта Генри. — Должно быть, вы считаете, что я нарушил какое-то правило стоянки судов или предписание санитарной комиссии, бросив здесь якорь. Но об этом вам надо говорить с моим капитаном — капитаном Трефэзеном, весьма почтенным джентльменом. А я — только лицо, зафрахтовавшее шхуну, обычный пассажир. Вы безусловно убедитесь, что капитан Трефэзен — большой знаток законов мореплавания и стоянки судов в порту.

— Вы должны держать ответ за убийство Альфаро Солано, — сказал Торрес. — Вам не удалось одурачить меня, Генри Морган, вашими разговорами в асьенде о том, что вы якобы кто-то другой. Я знаю этого другого. Его зовут Френсис Морган, и я смело могу сказать, что он вовсе не убийца, а джентльмен.

— О боги морских глубин со всеми их рыбами и рыбешками! — воскликнул Френсис, — Но ведь вы пожали мне руку, сеньор Торрес!

— Я был одурачен, — со скорбной миной признался Торрес, — но только на какой-то миг. Ну, так сдаетесь вы мирным путем?

— Точно я могу… — Френсис взглянул на шесть ружей и красноречиво пожал плечами. — Я полагаю, вы будете Судить меня pronto и на заре повесите?

— Правосудие свершается очень быстро в Панаме, — ответил начальник полиции по-английски; говорил он более или менее понятно, только с забавным акцентом. — Но все-таки не так быстро. Мы не повесим вас на Заре, лучше в десять утра — так для всех будет удобнее. Как вы полагаете?

— О, решайте сами, — ответил Френсис. — Можно и в одиннадцать и в двенадцать, мне все равно.

— Попрошу вас следовать за нами, сеньор, — сказал Мариано Веркара-и-Ихос мягким тоном, который, однако, не мог скрыть железной твердости его намерений. — Хуан! Игнасио! — скомандовал он по-испански, — Слезайте с коней! Отберите у него оружие! Нет, руки связывать не надо. Посадите его на лошадь позади Грегорио.

Френсиса втолкнули в аккуратно выбеленную камеру с глинобитными стенами футов в пять толщиной; на земляном полу спали в разных позах человек шесть арестантов-пеонов. Прислушиваясь к глухим ударам топора, раздававшимся где-то неподалеку, Френсис вспомнил только что окончившийся суд и тихо, протяжно свистнул. Было половина девятого вечера. Суд начался в восемь. А топоры уже стучали по бревнам, из которых сооружали виселицу, — завтра в десять часов утра на этом помосте ему обовьют веревкой шею и вздернут. Разбор дела длился всего тридцать минут, по его часам. Они уложились бы и в двадцать, если бы в зал не ворвалась Леонсия и не задержала внимания судей еще на десять минут, любезно предоставленных ей, как даме из знатного рода Солано.

«Шеф был прав, — заключил про себя Френсис. — Правосудие в Панаме на самом деле свершается быстро».

Одно то, что в кармане у него нашли письмо от Леонсии на имя Генри Моргана, уже губило его. Остальное было просто. С полдюжины свидетелей присягнули в том, что было совершено убийство, и опознали его как убийцу. То же подтвердил и сам начальник полиции. Единственным светлым моментом было внезапное появление Леонсии в сопровождении трясущейся от старости дряхлой тетушки Солано. У Френсиса сладко замерло сердце, когда он увидел, с какой энергией прелестная девушка ринулась в борьбу за его жизнь, хотя борьба эта и была заранее обречена на провал.

Первым делом она велела Френсису закатать рукав и показать левую руку, при этом Френсис заметил, как начальник полиции презрительно передернул плечами. Затем Леонсия повернулась к Торресу и заговорила по-испански, страстно доказывая что-то, — что именно, Френсис не мог понять, так как говорила она слишком быстро. А потом он видел и слышал, как орала и жестикулировала наполнявшая зал толпа, когда Торрес взял слово.

Но чего он не видел — это как Торрес потихоньку обменялся несколькими словами с начальником полиции, прежде чем пробраться сквозь толпу к месту, отведенному для свидетелей. Он не видел этой сценки, как не знал и того, что Торрес находится на жалованье у Ригана, который платит, чтобы его, Френсиса, держали вдали от Нью-Йорка как можно дольше, а если удастся, то и всю жизнь. Не знал Френсис и того, что Торрес влюблен в Леонсию и терзается ревностью, способной толкнуть его на любой шаг.

Поэтому Френсис не понял всего, что скрывалось за ответами Торреса на вопросы Леонсии, которая все-таки заставила его признать, что он никогда не видел шрама на левой руке Френсиса Моргана. Леонсия победоносно посмотрела на старикашку судью, но тут начальник полиции вышел вперед и, подойдя к Торресу, громовым голосом спросил:

— А можете ли вы поклясться, что когда-либо видели шрам на руке Генри Моргана?

Смущенный, сбитый с толку Торрес растерянно посмотрел на судью, потом умоляюще перевел взгляд на Леонсию и, наконец, молча покачал головой в знак того, что не может поклясться в этом.

Толпа оборванцев, наполнявшая зал, торжествующе заревела. Судья произнес приговор, рев усилился, и комиссар с несколькими жандармами поспешно вывели Френсиса — не без

сопротивления с его стороны — из зала суда и препроводили в камеру, — казалось, они стремились спасти его от толпы, не желавшей ждать до десяти часов завтрашнего утра, чтобы учинить над ним расправу.

«Эх, как этот бедняга Торрес попался, когда его стали спрашивать про шрам Генри!» — дружелюбно размышлял Френсис; вдруг загромыхали засовы, дверь в его камеру отворилась, и на пороге показалась Леонсия.

Френсис поднялся навстречу ей. Но она, не отвечая на его приветствие, повернулась к сопровождавшему ее комиссару и обрушилась на него, подкрепляя свою речь властными жестами. Комиссар, видимо, дал себя уговорить и приказал тюремщику перевести пеонов в другие камеры, а сам как-то нервно поклонился, словно извиняясь перед Леонсией, и вышел, прикрыв за собой дверь.

Только тогда самообладание покинуло Леонсию: она бросилась в объятия Френсиса и разрыдалась у него на плече.

— Проклятая страна, проклятая страна! Нет в ней справедливости!

Держа в объятиях ее гибкое тело, такое волнующе прекрасное, Френсис вспомнил Генри — босого, в парусиновых штанах и обвисшем сомбреро, который там, на острове Быка, упорно роет песок в поисках сокровища.

И хотя его влекло к Леонсии, он попытался высвободиться из ее объятий, но это не вполне удалось ему. И все же он отчасти сумел овладеть собой и заговорил с ней голосом рассудка, а не сердца, властно напоминавшего о себе.

— Теперь по крайней мере я знаю, что такое сговор, — произнес он, хотя сердце его в этот миг подсказывало ему совсем иные слова. — Если бы ваши соотечественники умели спокойно рассуждать, вместо того чтобы действовать сгоряча, они бы прокладывали железные дороги и развивали свою страну. Посмотрите на этот суд — ведь он весь был построен на игре страстей, на сговоре. Те, кто меня судил, заранее знали, что я виновен, и им так хотелось наказать меня, что они даже не потрудились отыскать доказательства моей виновности или хотя бы установить личность обвиняемого. К чему откладывать? Они знали, что Генри Морган пырнул ножом Альфаро. Они знали, что я Генри Морган. А когда человек знает, чего ради утруждать себя проверкой?

Не слушая его, Леонсия всхлипывала и все порывалась обнять его, а когда он умолк, она уже была в его объятиях, головка ее прильнула к его груди, губы — к его губам; и не успел он опомниться, как уже сам целовал ее.

— Люблю тебя, люблю тебя! — сквозь рыдания шептала она.

— Нет, нет! — сказал он, отталкивая от себя ту, которую больше всего желал. — Мы просто очень похожи с Генри. Ведь вы любите Генри, а я не Генри.

Разжав объятия, она сдернула с пальца кольцо Генри и швырнула его на пол. Френсис совсем потерял голову; он и сам не знал, что могло бы произойти в следующий момент, если бы его не спасло появление комиссара с часами в руке, который, не поднимая головы, упорно смотрел на минутную стрелку и делал вид, что для него больше ничего не существует.

Леонсия горделиво выпрямилась, но когда Френсис снова надел ей на палец кольцо Генри и на прощание поцеловал руку, она едва не разрыдалась. Уже у самой двери она обернулась и

одними губами беззвучно шепнула: «Люблю тебя».

Ровно в десять, с последним ударом часов, Френсиса вывели на тюремный двор, где стояла виселица. Все жители Сан-Антонио, а также и многих окрестных селений собрались здесь; толпа была возбуждена и весело настроена. Леонсия, Энрико Солано и пять его рослых сыновей были тоже тут. Отец и братья Леонсии, кипя от негодования, нетерпеливо прохаживались взад и вперед, но начальник полиции, окруженный жандармами во главе с комиссаром, оставался невозмутимым. Тщетно пыталась Леонсия пробиться к Френсису, когда его подвели к виселице, и тщетно пытались родные уговорить девушку покинуть двор. И так же тщетно протестовали ее отец и братья, утверждая, что Френсис не тот человек, которого ищет правосудие. Начальник полиции лишь презрительно усмехнулся и приказал начинать.

Когда Френсис взошел на помост и ступил уже на лестницу, приставленную к виселице, к нему подошел священник; но Френсис отказался от его напутствия: он сказал ему по-испански, что если вешают невинного человека, то он и без чужих молитв попадет в рай, — пусть молятся те, кто его вешает.

Френсису связали ноги и стали вязать руки, на него уже собирались надеть черный колпак и накинуть на шею петлю, как вдруг из-за тюремной ограды донесся голос приближающегося певца:

Мы — спина к спине — у мачты,

Против тысячи вдвоем!

Леонсия, находившаяся в полуобморочном состоянии, услышав этот голос, пришла в себя и даже вскрикнула от радости, увидев Генри Моргана, который, расталкивая стражу, преграждавшую ему путь, входил в это время во двор.

Один только Торрес огорчился при появлении Генри, но все были так возбуждены, что никто этого не заметил. Зрители не стали возражать, когда начальник полиции, пожав плечами, объявил, что ему безразлично, кого из этих двух вешать, — лишь бы повесить. Зато вся мужская половина семейства Солано горячо запротестовала, утверждая, что Генри тоже не виновен в убийстве Альфаро. Однако решил дело Френсис; все еще стоя на помосте, пока ему развязывали руки и ноги, он крикнул, перекрывая шум толпы:

— Вы судили меня! Вы не судили его! Вы не можете повесить человека без суда! Раньше должен быть суд!

Френсис спустился с помоста и обеими руками схватил руку Генри, но не успел он пожать ее, как к ним подошел комиссар, сопутствуемый начальником полиции, и с соблюдением всех формальностей арестовал Генри Моргана за убийство Альфаро Солано.

Глава четвертая

— Надо действовать быстро — это главное, — заявил Френсис, обращаясь к небольшому семейному совету, собравшемуся на веранде асьенды Солано.

— Главное — укоризненно воскликнула Леонсия, перестав взволнованно мерить шагами веранду. — Главное — спасти его!

И она возмущенно потрясла пальцем перед носом Френсиса, как бы подчеркивая значение

сказанного. Не удовольствовавшись этим, она потрясла пальцем и перед носом всех своих родных — отца и каждого из братьев.

— И быстро! — с жаром продолжала она. — Мы должны действовать быстро, а не то… — И голос ее оборвался от несказанного ужаса, охватившего ее при мысли о том, что может произойти с Генри, если они не будут действовать быстро.

— Для шефа все гринго одинаковы, — в тон ей заметил Френсис, а сам при этом подумал: «Какая она красивая и чудесная». — Шеф безусловно царь и бог в Сан-Антонио, — продолжал он, — и привык действовать не раздумывая. Он даст Генри не больше сроку, чем дал мне. Мы должны сегодня же вызволить беднягу из тюрьмы.

— Слушайте! — снова заговорила Леонсия. — Мы, Солано, не можем допустить этой… этой казни. Наша гордость… наша честь… Мы не можем допустить этого. Ну, говорите же! Да говорите же кто-нибудь! Хоть ты, отец. Предложи что-нибудь…

А пока шло обсуждение, Френсис молча слушавший их дебаты, терзался глубокой печалью. С каким великолепным пылом говорила Леонсия, но пыл этот был вызван чувством к другому человеку, что, конечно, не могло порадовать Френсиса. Сцена, разыгравшаяся на тюремном дворе после того, как его выпустили, а Генри арестовали, все еще стояла у него перед глазами. Он точно сейчас видел — и сердце его заныло при воспоминании об этом, — как Леонсия бросилась в объятия Генри, а тот отыскал ее руку, чтобы убедиться, на месте ли его кольцо, и, убедившись, крепко обнял девушку и поцеловал долгим поцелуем.

«Ну ладно, хватит», — со вздохом подумал Френсис. Во всяком случае, он сделал все, что мог. Разве после того, как Генри увели, он не сказал Леонсии — спокойно и даже холодно, — что Генри ее жених и возлюбленный и что лучшего выбора дочь Солано и сделать не могла?

Но от этих воспоминаний он ничуть не становился счастливее, как и от сознания, что поступил правильно. Да, правильно. Он ни разу в этом не усомнился, и это позволяло ему глушить в себе чувство к Леонсии. Однако сознания собственной правоты, как он обнаружил в данном случае, еще далеко не достаточно, чтобы чувствовать себя счастливым.

Но на что же иное мог он рассчитывать? Просто ему не повезло: он приехал в Центральную Америку слишком поздно — вот и все; приехал, когда эта прелестная девушка уже отдала свое сердце тому, кто пришел до него, — человеку, ничуть не хуже его самого, а может быть, как подсказывало ему чувство справедливости, даже и лучше. И это чувство справедливости требовало, чтобы он честно относился к Генри — своему кровному родственнику Генри Моргану, необузданному потомку необузданного предка, человеку в парусиновых штанах и обвисшем сомбреро, неравнодушному к ушам незнакомых молодых людей, питающемуся сухарями и черепашьими яйцами и готовому перекопать целых два острова — Быка и Тельца — в поисках клада старого пирата.

Энрико Солано и его сыновья, сидя на широкой веранде своего дома, строили планы спасения Генри, а Френсис рассеянно слушал их; в это время из комнат вышла служанка, прошептала что-то на ухо Леонсии и повела ее за угол дома, на другой конец веранды, где произошла сцена, которая немало насмешила бы и разъярила Френсиса, присутствуй он при ней.

Завернув за угол дома, Леонсия увидела Альвареса Торреса, разодетого в пышный средневековый костюм богатого плантатора, какие еще носят в Латинской Америке; Торрес снял сомбреро и, держа его в руке, склонился перед девушкой чуть не до земли, затем подвел ее к плетеному диванчику из индейского тростника и усадил. Леонсия грустно ответила на его

приветствие, хотя в тоне ее прозвучало любопытство — точно она надеялась услышать от него какую-нибудь обнадеживающую весть.

— Суд закончился, Леонсия, — сказал Торрес тихо и печально, словно говорил о покойнике. — Он приговорен. Завтра в десять утра — казнь. Все это очень грустно, чрезвычайно грустно, но… — Он пожал плечами. — Нет, я не стану говорить о нем ничего дурного. Он был достойный человек. Единственный его недостаток — характер. Слишком он был горяч, слишком вспыльчив. Это и погубило его, заставив погрешить против чести. Будь он в ту минуту спокойнее и хладнокровнее, никогда бы он не всадил нож в Альфаро…

— Это не он убил моего дядю! — воскликнула Леонсия, поднимая голову и глядя на него.

— Все это весьма печально, — мягко и грустно продолжал Торрес, избегая перечить ей. — Судья, народ, начальник полиции — все, к сожалению, в один голос утверждают, что он виновен. Весьма печально, конечно. Но не об этом я пришел с вами говорить. Я пришел предложить вам мои услуги. Располагайте мной, как вам угодно. Моя жизнь, моя честь — в вашем распоряжении. Приказывайте. Я ваш раб.

И Торрес вдруг грациозно опустился перед ней на одно колено; взяв ее левую руку, он, видимо, собирался продолжать свою цветистую речь, но в эту минуту взгляд его упал на кольцо с брильянтом, украшавшее безымянный палец Леонсии. Он нахмурился и опустил голову; затем, поспешно придав своему лицу обычное выражение, заговорил:

— Я знал вас, когда вы были еще совсем дитя, Леонсия, прелестная очаровательная крошка, и я уже тогда любил вас. Нет, выслушайте меня! Прошу вас. Я должен излить свое сердце. Выслушайте меня до конца. Я всегда любил вас. Но когда вы вернулись из-за границы, из этого монастыря, где вы учились, — вернулись уже взрослой, благородной и важной дамой, какой и подобает быть хозяйке дома Солано, — о, тогда я был просто сражен вашей красотой. Я был терпелив. Я не говорил вам о своих чувствах. Но вы могли догадаться о них. И вы, конечно, догадывались. С тех самых пор я воспылал к вам страстью. Меня пожирало пламя, зажженное вашей красотой, вашей душой, которая еще прекрасней вашей красоты.

Леонсия знала, что остановить поток его излияний невозможно, и потому терпеливо слушала, глядя на склоненную голову Торреса и от нечего делать думая о том, почему у него волосы так некрасиво подстрижены и где он в последний раз стригся — в Нью-Йорке или в Сан-Антонио.

— Знаете ли вы, чем вы были для меня с тех пор, как вернулись?

Она не отвечала и не пыталась отнять у него руку, хотя он так сильно сжимал ее, что кольцо Генри Моргана впилось ей в пальцы, причиняя острую боль. Она не слышала речей Торреса, все дальше и дальше уносясь в мыслях. И первая ее мысль была о том, что вовсе не такими выспренними тирадами сказал ей Генри Морган о своей любви и завоевал ее взаимность. И почему это испанцы всегда так высокопарно и многословно выражают свои чувства? Генри вел себя совсем иначе. Он вообще почти ни слова не сказал ей. Он действовал. Поддавшись ее обаянию, чувствуя, что и она неравнодушна к нему, он без всякого предупреждения — так он был уверен, что не удивит и не испугает свою любимую, — обнял ее и прижался губами к ее губам. И она не испугалась и не осталась равнодушной. Только после этого первого поцелуя, продолжая держать ее в объятиях. Генри заговорил о своей любви.

А о чем совещаются сейчас там, на другом конце террасы, ее родные и Френсис Морган, что они придумали? Мысли ее текли дальше — она была глуха к мольбам своего поклонника. Френсис! Ах!.. Она даже вздохнула: почему, несмотря на любовь к Генри, этот чужой гринго

так волнует ее сердце? Неужели она такая уж безнравственная? Кто же из них ей более мил? Этот? Или тот? Или вообще любой мужчина может ее увлечь? Нет! Нет! Она не легкомысленна и не вероломна. И все же?.. Может быть, это потому, что Френсис и Генри так похожи друг на друга и ее бедное глупое любящее сердечко не в состоянии их различить? Прежде ей казалось, что она готова последовать за Генри на край света, делить с ним радости и горе; однако сейчас ей казалось, что она готова последовать за Френсисом еще дальше. Она безусловно любит Генри — сердце говорит ей это. Но она любит и Френсиса и почти уверена, что Френсис любит ее: ей не забыть, с каким пылом они целовались там, в тюремной камере. И хотя любила она этих двух людей по-разному, чувство это не укладывалось в ее сознании, а порой даже вынуждало прийти к позорному выводу: что она — последняя и единственная представительница женской линии в роду Солано — безнравственная женщина.

Кольцо Генри сильно врезалось в палец Леонсии — Торрес в приливе страсти опять крепко сжал ей руку, — и это вернуло ее к действительности, волей-неволей заставив слушать его излияния.

— Вы шип дивной розы, вонзившийся мне в сердце, острая шпора, терзающая мне грудь, но это раны любви, мучительно-сладостные. Я мечтал о вас… и о том, что совершу ради вас. И у меня было для вас особое имя, всегда только одно: владычица моих грез! И вы выйдете за меня замуж, моя Леонсия! Мы забудем этого сумасшедшего гринго, который сейчас уже все равно что мертв. Я буду с вами нежен и добр. Я буду вечно любить вас. И никогда образ того, другого, не встанет между нами. Что до меня, то я не позволю себе вспоминать о нем. Что же до вас… я буду любить вас так сильно: вы забудете об этом человеке, и воспоминание о нем ни на миг не даст вашему сердечку заныть.

Леонсия молчала, обдумывая про себя, как ей поступить, и молчание это только разжигало надежды Торреса. Леонсия чувствовала, что надо выиграть время и не отвечать сразу. Если браться за спасение Генри… ведь Торрес предлагает ей свои услуги! Зачем же его отталкивать, когда от него, возможно, зависит жизнь человека.

— Говорите! Я сгораю!.. — молил прерывающимся голосом Торрес.

— Не надо! Не надо! — мягко сказала она. — Ну как же я могу слушать про чью-то любовь, когда тот, кого я любила, еще жив?

Любила!.. Она даже вздрогнула, произнеся это слово в прошедшем времени. Вздрогнул и Торрес — и надежда разгорелась в нем еще более ярким пламенем. Он считал Леонсию уже почти своей. Ведь она сказала: «любила», значит, она уже больше не любит Генри. Она любила его, но теперь это все в прошлом. И, конечно, женщина с такой нежной и чуткой душой, как она, не может говорить с ним о любви, пока тот, другой, еще жив. Какая тонкость чувств! Торрес с гордостью подумал и о тонкости собственных чувств и даже поздравил себя в душе с тем, что сумел так правильно разгадать сокровенные мысли Леонсии. И уде он теперь позаботится, решил Торрес, чтобы этот человек, которому предстоит умереть на следующий день в десять утра, не был помилован и не сбежал из тюрьмы. Для него было ясно одно: чем скорее Генри Морган умрет, тем скорее он получит Леонсию.

— Не будем больше об этом говорить… пока, — сказал он с рыцарской галантностью, не менее галантно пожав руку Леонсии; потом встал с колен и долгим взглядом посмотрел на нее.

Она ответила ему благодарным рукопожатием и, высвободив свою руку из его руки, тоже поднялась.

— Пойдемте, — сказала она, — посмотрим, что делают остальные. Ведь они сейчас разрабатывают — или, вернее, пытаются разработать — план спасения Генри Моргана.

Когда они подошли к сидевшим на террасе, разговор тотчас прекратился, словно присутствие Торреса вызвало недоверие собеседников.

— Ну как, придумали что-нибудь? — спросила Леонсия.

Старик Энрико, который, несмотря на свой возраст, был такой же прямой, стройный и ловкий, как любой из его сыновей, только покачал головой.

— Я могу, если вы позволите, предложить вам один план, — начал было Торрес, но тут же умолк, поймав предостерегающий взгляд Алесандро.

На аллее, у самой веранды, появилось двое мальчишек-оборванцев. По росту им нельзя было дать более десяти лет, но по хитрому выражению глаз и лиц они казались куда старше. Одеты они были весьма необычно: поделили между собой рубашку и штаны, так что каждому досталось по одежке. Но какая рубашка! И какие штаны! Были они старые, парусиновые и в свое время принадлежали рослому мужчине; мальчишка натянул их на себя до подбородка и обвязал бечевкой вокруг шеи, чтобы они не могли с него соскользнуть, а руки продел в дыры, зиявшие на месте боковых карманов; внизу штаны были обрезаны ножом — по его росту. На другом мальчишке была мужская рубаха, подол которой волочился по земле.

— Пошли вон! — рявкнул на них Алесандро.

Но мальчишка в штанах с самым невозмутимым видом снял камень, который он нес на голове, и извлек из-под него письмо. Алесандро перегнулся через балюстраду, взял письмо и, взглянув на конверт, передал Леонсии, а мальчишки принялись клянчить деньги. Френсис, глядя на это забавное зрелище, невольно рассмеялся, бросил несколько серебряных монеток, и рубашка со штанами тотчас помчались прочь по аллее.

Письмо было от Генри, и Леонсия быстро пробежала его глазами. Письмо это нельзя было назвать прощальным, ибо писал он его как человек, который и не думает умирать, если, конечно, не произойдет чего-то непредвиденного. Однако, поскольку такая непредвиденность могла случиться. Генри считал своим долгом попрощаться с Леонсией; при этом он в шутку просил ее не забывать Френсиса, который заслуживает внимания хотя бы уже потому, что так похож на него. Генри.

Сначала Леонсия хотела было показать письмо всем остальным, но строки о Френсисе заставили ее отказаться от своего намерения.

— Это от Генри, — сказала она, пряча записку за корсаж. — Ничего существенного он не пишет. Но, видимо, ни на минуту не сомневается, что так или иначе ему удастся спастись.

— Мы уж постараемся, чтоб ему это удалось, — решительно заявил Френсис.

Благодарно улыбнувшись ему и с улыбкой же вопросительно взглянув на Торреса, Леонсия сказала:

— Вы говорили, что у вас есть какой-то план, сеньор Торрес?

Торрес осклабился, подкрутил усы и принял важный вид.

— Существует только один способ — способ гринго, к которому обычно прибегают англосаксы, прямой и действенный. Именно прямой и действенный. Мы поедем и выкрадем Генри из тюрьмы — нагло, грубо и открыто, как это делают гринго. Уж этого-то они там никак не ожидают, а потому операция наверняка удастся. На побережье можно найти достаточно бандитов, по которым плачет веревка, и с их помощью атаковать тюрьму. Пообещайте им хорошо заплатить, только не все деньги давайте сразу, и дело будет сделано.

Леонсия восторженно закивала головой. У старика Энрико заблестели глаза, а ноздри раздулись, точно он уже почуял запах пороха. Глядя на него, молодежь тоже загорелась. Все взоры обратились к Френсису: что думает он об этом, согласен ли? Он медленно покачал головой, и возмущенная Леонсия даже выкрикнула что-то резкое по его адресу.

— Этот план безнадежен, — сказал Френсис. — Ну зачем всем нам рисковать головой, пускаясь на эту безумную авантюру, которая заранее обречена в провал? — Говоря это, он поднялся со своего места подле Леонсии и, подойдя к балюстраде, стал так, чтобы очутиться между Торресом и остальными; улучив минуту, он бросил предостерегающий взгляд Энрико и его сыновьям. — Что же до Генри, то похоже, что его песенка спета…

— Иными словами, вы не доверяете мне? — рассердился Торрес.

— Помилуйте, что вы! — запротестовал Френсис.

Но Торрес, не обращая на него внимания, продолжал:

— Значит, по-вашему, я не должен участвовать в семейном совете Солано, моих старейших и наиболее уважаемых друзей? И этот запрет накладываете вы — человек, с которым я едва знаком?

Старый Энрико, заметив, как вспыхнуло гневом лицо Леонсии, поспешил предостеречь ее взглядом и, любезным жестом прервав тираду Торреса, сказал:

— У Солано не может быть такого семейного совета, на который вы не были бы допущены, сеньор Торрес. Ведь вы действительно давний друг нашей семьи. Ваш покойный отец и я были товарищами и дружили, как братья. Но все это — уж вы простите старику, если он откровенно выскажет вам свое мнение, — не мешает сеньору Моргану быть правым, когда он говорит о безнадежности вашего плана. Штурмовать тюрьму — чистейшее безумие. Поглядите на толщину ее стен. Они могут выдержать многонедельную осаду. Впрочем, должен признаться, ваша мысль вначале очень подкупила меня. Когда я был еще совсем молодым человеком и сражался с индейцами в Кордильерах, у нас был такой случай. Сядемте поудобнее, и я расскажу вам эту историю…

Но Торрес, которому предстояло немало дел, отклонил приглашение, дружески пожал всем руки, в нескольких словах извинился перед Френсисом и, сев на свою лошадь, седло и уздечка которой были отделаны серебром, поскакал в Сан-Антонио. Одним из таких важных дел была телеграфная переписка, которую он поддерживал с конторой Томаса Ригана на Уолл-стрите. Он имел тайный доступ на радиостанцию панамского правительства в Сан-Антонио и мог передавать депеши на телеграф в Вера-Крус. Союз с Риганом был не только выгоден ему, но и совпадал с его собственными планами в отношении Леонсии и Морганов.

— Что вы имеете против сеньора Торреса и почему вы отклонили его план и так рассердили его? — спросила Леонсия Френсиса.

— Ничего, — отвечал тот, — просто мы не нуждаемся в нем, и он не внушает мне особой

приязни. Он дурак и потому способен погубить любой план. Вспомните, как он сел в калошу, давая показания по моему делу на суде. А может быть, ему и вообще доверять нельзя? Не знаю. Как бы то ни было, зачем доверять ему, раз он нам не нужен? Ну, а план его правильный. Мы так и поступим: отправимся прямо в тюрьму и выкрадем оттуда Генри, если все вы согласны. И нам вовсе не надо поручать это висельникам, по которым плачет веревка, и всяким оборванцам с побережья. Нас шестеро мужчин. Если мы своими силами не сумеем справиться с этим делом, значит, надо на нем ставить крест.

— Но у тюрьмы всегда околачивается с десяток часовых, — возразил брат Леонсии, восемнадцатилетний Рикардо.

Леонсия, снова было оживившаяся, с укоризной посмотрела на него; но Френсис поддержал юношу.

— Правильно сказано! — согласился он. — Мы устраним часовых.

— А стены толщиной в пять футов? — напомнил Мартинес Солано, один из близнецов.

— Мы пройдем сквозь них, — ответил Френсис.

— Но как? — воскликнула Леонсия.

— Вот к этому-то я сейчас и подходку. Скажите, сеньор Солано, у вас много верховых лошадей? Отлично! А вы, Алесандро, случайно не могли бы достать несколько шашек динамита где-нибудь на плантации? Отлично! Великолепно! Ну, а вы, Леонсия, как хозяйка асьенды, должны, конечно, знать, есть ли у вас в кладовой достаточный запас виски «Три звездочки»?

— Ага, заговор начинает созревать, — рассмеялся он, получив от Леонсии утвердительный ответ. — Теперь у нас есть все атрибуты для приключенческого романа в духе Райдера Хаггарда или Рекса Бича. Так слушайте… А впрочем, подождите. Я сначала хочу поговорить с вами, Леонсия, о некоторых частностях этого представления…

Глава пятая

Было далеко за полдень; Генри стоял у зарешеченного окна своей камеры, смотрел на улицу и ждал, когда же, наконец, с лагуны Чирикви подует ветерок и хоть немного охладит раскаленный воздух. Улица была пыльная и грязная, — грязная потому, что со времени основания города, немало столетий назад, никто, кроме бродячих псов и отвратительных сарычей, которые даже и сейчас парили в небе и прыгали по отбросам, не очищал ее. Низкие, выбеленные известкой дома из камня или обожженной глины превращали эту улицу в настоящее пекло.

От белизны и пыли у Генри даже заломило глаза, и он уже собирался отойти от окошка, как вдруг заметил, что несколько оборванцев, дремавших в дверной амбразуре дома напротив, встрепенулись и с интересом стали смотреть куда-то вдоль улицы. Генри ничего не было видно, но до него доносился грохот несшейся вскачь повозки. Затем в поле его зрения показался небольшой ветхий фургон, который мчала закусившая удила лошадь. Седобородый и седовласый старец, сидевший на козлах, тщетно пытался сдержать ее.

Генри с улыбкой подивился тому, как еще не развалился ветхий фургон — так его подбрасывало на глубоких выбоинах, покосившиеся колеса еле держались на оси и вращались вразнобой. Но если фургон еще с грехом пополам держался, то как не разлетелась на куски

ветхая упряжь, — это уж, по мнению Генри, было просто чудом. Поравнявшись с окном, у которого стоял Генри, старик сделал еще одну отчаянную попытку остановить лошадь; он приподнялся с козел и натянул вожжи. Одна вожжа оказалась гнилой и тут же лопнула. Возница повалился на сиденье, оставшаяся в его руках вожжа натянулась, и лошадь, повинуясь ей, круто повернула вправо. Что произошло затем — сломалось ли колесо, или сначала отскочило, а уж потом сломалось, — Генри не мог разобрать. Одно было несомненно: фургон разлетелся на части. Старик упал и, протащившись по пыльной мостовой, но упрямо не выпуская из рук оставшуюся вожжу, заставил лошадь описать круг, и она, фыркая, стала мордой к нему.

Когда он поднялся на ноги, вокруг уже собралась толпа. Но любопытных быстро раскидали вправо и влево выскочившие из тюрьмы жандармы. Генри продолжал стоять у окна и с интересом, поистине удивительным для человека, которому осталось жить всего несколько часов, смотрел на разыгравшуюся перед ним сценку и прислушивался к долетавшим до него репликам.

Старик дал жандармам подержать лошадь и, даже не стряхнув грязь и пыль с одежды, поспешно заковылял к фургону и принялся осматривать груз, состоявший из нескольких ящиков — большого и маленьких. Особенно заботился он о большом, даже попробовал приподнять его и, приподнимая, словно прислушивался.

Тут один из жандармов окликнул его; старик выпрямился и стал отвечать охотно и многословно:

— Вы спрашиваете, кто я? Я старый человек, сеньоры, и живу далеко отсюда. Меня зовут Леопольде Нарваэс. Мать моя была немкой — да хранят все святые ее покой! — зато отца звали Балтазар де Хесус-и-Сервальос-и-Нарваэс, а его отец был доблестный генерал Нарваэс, сражавшийся под началом самого великого Боливара[8]. А я — я теперь совсем пропал и даже домой не сумею добраться.

Подстрекаемый вопросами, перемежавшимися с вежливыми выражениями сочувствия, в которых не бывает недостатка даже у самых жалких оборванцев, он несколько приободрился и с благодарностью продолжал свой рассказ:

— Я приехал из Бокас-дель-Торо. Дорога заняла у меня пять дней, и пока я ничего не продал. Живу я в Колоне, и лучше было мне не выезжать оттуда. Но ведь даже и благородный Нарваэс может стать странствующим торговцем, а торговец тоже должен жить. Разве не так, сеньоры? Теперь скажите, не знаете ли вы такого Томаса Ромеро, который живет в вашем прекрасном Сан-Антонио?

— В любом городе Панамы сколько угодно Томасов Ромеро, — расхохотался Педро Зурита, помощник начальника тюрьмы. — Придется вам описать его поподробнее.

— Он двоюродный брат моей второй жены, — с надеждой в голосе произнес старец и, казалось, очень удивился, услышав взрыв хохота.

— Да ведь не меньше десятка всяких Томасов Ромеро живет в Сан-Антонио и его окрестностях, — возразил ему помощник начальника тюрьмы, — и любой из них может быть двоюродным братом вашей второй жены, сеньор. У нас тут есть Томас Ромеро пьяница. Есть Томас Ромеро вор. Есть Томас Ромеро… впрочем, нет, этот был повешен с месяц назад за убийство с ограблением. Есть Томас Ромеро богач, у которого большие стада в горах. Есть…

При каждом новом имени Леопольде Нарваэс лишь сокрушенно мотал головой, но при упоминании скотовода лицо его засветилось надеждой, и он прервал говорившего:

— Извините меня, сеньор, это, по-видимому, он и есть! Во всяком случае, он должен быть кем-то в этом роде. Я разыщу его. Если бы можно было где-нибудь оставить на хранение мой драгоценный товар, я бы тут же отправился его искать. Хорошо еще, что эта беда приключилась со мной именно здесь. Я могу доверить свой груз вам — достаточно одного взгляда, чтобы понять, что вы честный и почтенный человек. — Говоря это, старик порылся в кармане, извлек оттуда два серебряных песо и протянул тюремщику. — Вот вам. Надеюсь, вы и ваши люди не пожалеете, что оказали мне помощь.

Генри усмехнулся, заметив, с каким повышенным интересом и уважением стали относиться к старику Педро Зурита и жандармы после появления монет. Оттеснив от сломанного фургона любопытных, они тотчас принялись перетаскивать ящики в помещение тюрьмы.

— Осторожнее, сеньоры, осторожнее, — умолял их старик, пришедший в неописуемое волнение, когда они взялись за большой ящик. — Несите его тихонько. Это очень ценный товар и уж больно хрупкий.

Пока содержимое фургона переносили в тюрьму, старик снял с лошади всю сбрую, кроме уздечки, и положил ее в фургон.

Но Педро Зурита, бросив красноречивый взгляд на столпившихся вокруг оборванцев, приказал внести и сбрую в тюрьму.

— Стоит нам отвернуться, как мигом все исчезнет — вплоть до последнего ремешка и пряжки, — пояснил он.

Взобравшись на обломки фургона, старик с помощью Педро Зуриты и стражи кое-как взгромоздился затем на лошадь.

— Вот и отлично, — сказал он и с благодарностью добавил: — Тысячу раз спасибо, сеньоры. Как мне повезло, что я встретил таких честных людей, у которых мой товар будет в целости и сохранности. Правда, товар-то никудышный, — сами знаете, какой у странствующего торговца может быть товар, но для меня каждая малость имеет значение. Очень было приятно с вами познакомиться. Завтра я вернусь со своим родственником, которого я, конечно, найду, и избавлю вас от труда хранить мое жалкое достояние — Тут он снял шляпу. — Adios, сеньоры, adios!

И он не спеша двинулся в путь, с некоторой недоверчивостью косясь на свою лошадь — виновницу всей катастрофы. Но Педро Зурита окликнул его. Старик натянул поводья и повернул голову.

— Поищите на кладбище, сеньор Нарваэс, — посоветовал помощник начальника тюрьмы. — Там найдете целую сотню Томасов Ромеро.

— А вы, сеньор, очень вас прошу, особенно берегите большой ящик, — крикнул в ответ торговец.

На глазах у Генри улица опустела; жандармы поспешили разойтись и собравшаяся толпа тоже — уж очень сильно пекло солнце. Ничего нет удивительного, подумал Генри, что в интонациях старого торговца ему послышалось что-то знакомое. Ведь он только наполовину испанец, следовательно, и язык у него наполовину испанский, а наполовину немецкий, поскольку мать

его была немка. Говорит он все-таки как местный житель. «Ну и обворуют его как местного жителя, если в этом тяжелом ящике, который он оставил на хранение в тюрьме, есть что-то ценное!» — заключил про себя Генри и перестал думать о происшедшем.

А в караульне, в каких-нибудь пятидесяти футах от камеры Генри, тем временем грабили Леопольде Нарваэса. Начало положил Педро Зурита, внимательно и всесторонне осмотревший большой ящик. Он приподнял ящик за один конец, чтобы составить себе представление о его весе, и, найдя щель, стал принюхиваться, точно собака, в надежде по запаху определить, что находится внутри.

— Оставь ты в покое ящик, Педро, — со смехом сказал ему один из жандармов. — Тебе же заплатили два песо за то, чтобы ты был честен.

Помощник начальника тюрьмы вздохнул, отошел на несколько шагов, присел, снова посмотрел на ящик и опять вздохнул. Разговор не клеился. Жандармы то и дело поглядывали на ящик. Даже засаленная колода карт не могла отвлечь их внимание. Игра не клеилась. Жандарм, который подшучивал над Педро, сам теперь подошел к ящику и понюхал:

— Ничего не чувствую, — объявил он. — От этого ящика ничем не пахнет. Что бы это такое могло быть? Кабальеро сказал, что в нем ценный товар!

— Кабальеро! — фыркнул другой жандарм. — Папаша этого старика скорее всего торговал жареной рыбой на улицах Колона, и дед его небось тоже. Все эти вруны-нищие утверждают, будто они прямые потомки конкистадоров.

— А почему бы и нет, Рафаэль? — парировал Педро Зурита. — Разве все мы не их потомки?

— Само собой, — поспешил согласиться Рафаэль. — Конкистадоры перебили немало народу.

— И стали предками тех, кто выжил, — докончил за него Педро. Все расхохотались. — А знаете, я, пожалуй, готов отдать одно из этих двух песо, только бы узнать, что в ящике.

— А вот и Игнасио! — воскликнул Рафаэль, приветствуя вошедшего тюремщика, опухшие глаза которого были явным доказательством того, что он только-только встал после сиесты[9]. — Ему ведь не платили за то, чтобы он был честным. Иди сюда, Игнасио, удовлетвори наше любопытство и скажи нам, что в этом ящике.

— А я почем знаю? — ответил Игнасио, хлопая глазами и глядя на предмет всеобщего внимания. — Я только сейчас проснулся.

— Значит, тебе не платили за то, чтобы ты был честным? — спросил Рафаэль.

— Всемилостивая Матерь Божья, да кто же мне станет платить за честность! — воскликнул тюремщик.

— В таком случае возьми вон там топор и вскрой ящик, — довел свою мысль до конца Рафаэль. — Мы этого сделать не можем: ведь Педро должен поделиться с нами своими двумя песо, значит, нам тоже заплатили за честность. Вскрывай ящик, Игнасио, а не то все мы помрем от любопытства.

— Мы только посмотрим, только посмотрим, — в волнении пробормотал Педро, когда Игнасио поддел одну из досок острием топора. — Потом мы снова закроем ящик и… Да просунь лее туда руку, Игнасио! Ну, что там такое, а?.. На что похоже?

Игнасио долго дергал и вытягивал что-то; наконец, показалась его рука, в которой был зажат картонный футляр.

— Ага! Доставай аккуратно: ведь придется обратно класть, — предупредил его Педро.

Когда футляр и бесчисленные обертки были сняты, жандармы увидели большую бутылку с рисовой водкой.

— Вот так упаковка! — в изумлении пробормотал Педро. — Должно быть, очень хорошее виски, раз его хранят с такими предосторожностями.

— Американское! — вздохнул другой жандарм. — Только один раз в Сантосе мне довелось попробовать американского виски. Замечательная штука! Такая у меня сразу появилась от него храбрость, что я выскочил прямо на арену во время боя быков и с голыми руками бросился на разъяренного быка. Правда, бык меня сшиб, но на арену-то я все-таки прыгнул!

Педро взял бутылку и хотел было отбить горлышко.

— Стой! — воскликнул Рафаэль. — Тебе же заплатили за то, чтоб ты был честным.

— Заплатить-то заплатили, да разве тот, кто дал мне деньги, сам честный? — возразил Педро. — Это же контрабанда. Старик наверняка не платил таможенной пошлины. У него контрабандный товар. Поэтому давайте возблагодарим судьбу и с чистой совестью вступим во владение им. Мы его конфискуем и уничтожим.

Не дожидаясь, пока бутылка обойдет круг, Игнасио и Рафаэль достали еще несколько бутылок и отбили горлышки.

— «Три звездочки», самое лучшее виски! — в наступившем молчании провозгласил Педро Зурита, показывая на торговую марку. — Понимаете, у гринго не бывает плохого виски… Одна звездочка означает, что это виски очень хорошее; две звездочки — отличное; а три звездочки — великолепное, замечательное, лучше быть не может. Уж я-то знаю. Гринго — мастаки по части крепких напитков. Наша пулька их не устроит.

— А четыре звездочки? — спросил Игнасио; голос его звучал хрипло от водки, глаза маслянисто блестели.

— Четыре звездочки? Друг Игнасио, четыре звездочки — это либо мгновенная смерть, либо вечное блаженство.

Не прошло и нескольких минут, как Рафаэль, обняв другого жандарма, уже называл его «братец» и утверждал, что человеку очень мало нужно здесь, на этой земле, для полного счастья.

— Старик — дурак, трижды дурак и еще трижды три раза дурак, — отважился вставить Аугустино, жандарм с мрачной физиономией, который впервые за все это время раскрыл рот.

— Да здравствует Аугустино! — воскликнул Рафаэль. — Смотрите, какое чудо сделали три звездочки! Сняли замок со рта Аугустино!

— И еще раз трижды три раза дурак ваш старик! — орал пьяным голосом Аугустино. — Этот божественный напиток был при нем, в полном его распоряжении, он целых пять дней ехал из Бокас-дель-Торо и ни разу не приложился! Да таких дураков надо голышом сажать на

муравейник, вот что я вам скажу!

— Старик — жулик, — прокудахтал Педро. — Когда он завтра утром явится сюда за своими «тремя звездочками», я арестую его как контрабандиста. Это всем нам будет зачтено в заслугу.

— Если мы уничтожим доказательства — вот так? — спросил Аугустино, отбивая горлышко еще у одной бутылки.

— Мы оставим доказательства — вот так! — возразил ему Педро, хватив пустой бутылкой о каменный пол. — Слушайте, друзья, давайте договоримся. Ящик был очень тяжелый. Его уронили. Бутылки разбились. Виски вытекло — и таким образом мы узнали о контрабанде. Ящик и разбитые бутылки будут достаточным доказательством.

По мере того как запас спиртного уменьшался, шум все возрастал. Один жандарм затеял ссору с Игнасио по поводу забытого долга в десять сентаво. Двое других, усевшись в обнимку на полу, горючими слезами оплакивали свою несчастную семейную жизнь. Аугустино витиевато и многословно излагал собственные философские воззрения, в основе которых лежала мысль, что молчание — золото. А Педро Зурита, расчувствовавшись, доказывал, что все люди — братья.

— Даже арестантов я люблю, как братьев, — еле ворочая языком, говорил он. — Жизнь — грустная штука. — Слезы брызнули у него из глаз; он умолк и глотнул еще виски. — Арестанты для меня — все равно что родные дети. У меня сердце кровью исходит за них. Смотрите! Я плачу. Давайте поделимся с ними. Пусть и они познают хоть минуту счастья. Игнасио, возлюбленный брат мой, сделай мне одолжение — видишь, я рыдаю на твоем плече. Отнеси бутылочку этого эликсира гринго Моргану. Скажи ему, что я очень горюю: мне так грустно, что он завтра будет повешен. Передай ему мой привет и попроси выпить: пусть он будет счастлив сегодня.

Игнасио отправился выполнять поручение, а жандарм, который однажды спрыгнул на арену во время боя быков в Сантосе, заревел:

— Быка мне сюда! Быка!

— Ему хочется, этому славному малому, обнять быка и сказать, как он его любит, — пояснил Педро Зурита, проливая потоки слез. — Я тоже люблю быков. Я люблю всех Божьих тварей. Я люблю даже москитов. Мир прекрасен. В нем царит любовь. Мне б хотелось иметь льва, чтоб я мог играть с ним…

Мотив старой пиратской песни, которую кто-то громко насвистывал на улице, привлек внимание Генри, он бросился было к окну, но, услышав скрежет ключа в дверном замке, поспешно лег на пол и притворился спящим. В камеру, пошатываясь, ввалился пьяный Игнасио и торжественно протянул Генри бутылку.

— С наилучшими пожеланиями от нашего добрейшего начальника Педро Зуриты, — пробормотал жандарм. — Он сказал, чтоб ты напился и забыл, что завтра ему придется вздернуть тебя.

— Мои наилучшие пожелания сеньору Педро Зурите, и скажи ему от моего имени, чтоб он убирался к черту вместе со своим виски, — ответил Генри.

Тюремщик выпрямился и даже перестал пошатываться, точно сразу протрезвел.

— Очень хорошо, сеньор, — сказал он, вышел из камеры и запер за собой дверь.

Генри стремглав кинулся к окну и очутился лицом к лицу с Френсисом, который тотчас просунул ему сквозь решетку револьвер.

— Привет, дружище, — сказал Френсис. — Мы тебя мигом отсюда вызволим. — В руках он держал две шашки динамита с взрывателями и капсюлями. — Смотри, что я принес, — это лучше всякого лома. Беги в самый дальний угол — pronto! — в этой стенке скоро будет такая дыра, что через нее даже наша «Анджелика» сможет пройти. Кстати, «Анджелика» стоит тут рядом, у берега, и ждет тебя. А ну отойди. Я сейчас заложу шашку. Шнур совсем короткий.

Не успел Генри отбежать в дальний угол камеры, как заскрежетал ключ, которым чья-то неверная рука тыкала в скважину, дверь распахнулась, и в камеру ворвался гул голосов. Генри услышал беспорядочные выкрики и отчетливо различил неизменный боевой клич латиноамериканцов: «Бей гринго!»

Генри слышал также, как Рафаэль и Педро, входя в камеру, что-то бормотали. «Он не признает всеобщего братства», — возмущался один, а другой: «Он сказал, чтоб я убирался к черту? Правда, он так сказал, Игнасио?»

В руках у жандармов были ружья; позади них толпились пьяные солдаты, вооруженные чем попало — кто тесаком, кто старинным пистолетом, кто топориком, а кто — просто бутылкой. При виде револьвера в руках Генри они остановились, и Педро, нетвердой рукой ощупывая свое ружье, провозгласил:

— Сеньор Морган, вы сейчас по всем правилам будете отправлены в ад.

Но Игнасио не стал додать. Прижав винтовку к бедру для устойчивости, он выстрелил наугад и промахнулся: пуля ударила в стенку как раз посреди камеры, тогда как сам он в ту же секунду упал от пули Генри. Остальные поспешно отступили в коридор и, укрывшись там, принялись обстреливать камеру.

«Слава Богу, что стены такие толстые, только бы пуля не ударила рикошетом», — думал Генри, продолжая стоять в углу за выступом стены в ожидании взрыва.

И дождался: в той стене, где было окно, теперь зияла огромная дыра. Но в эту минуту отлетевший обломок ударил Генри по голове, все поплыло у него перед глазами, и он тяжело рухнул на пол. Когда же пыль, поднятая взрывом, и пороховой дым рассеялись. Генри смутно различил Френсиса, который, казалось, прямо вплыл к нему в камеру. Френсис схватил его на руки и сквозь пробоину в стене вынес на улицу. Тут Генри сразу почувствовал себя лучше. Он увидел Энрико Солано и его младшего сына Рикардо, которые ружьями сдерживали толпу, запрудившую верхнюю часть улицы, тогда как два брата-близнеца, Альварадо и Мартинес, сдерживали толпу в нижней части улицы.

Но жители сбежались сюда просто из любопытства, никто из них и не собирался рисковать жизнью и преграждать путь таким могущественным людям, которые взрывают стены и штурмуют тюрьмы среди бела дня. А потому толпа почтительно расступилась перед небольшой группой, когда та направилась вниз по улице.

— Лошади ждут нас в соседнем переулке, — сказал Френсис, на ходу отвечая на рукопожатие Генри. — И Леонсия там же. За четверть часа мы доскачем до берега, где нас ожидает шхуна.

— Послушай-ка, а ведь недурной я выучил тебя песенке, — с улыбкой заметил Генри. — Когда

ты начал ее насвистывать, мне показалось, что ничего прекраснее быть не может. Эти собаки так торопились, что не могли дождаться завтрашнего утра. Они нализались виски и решили тут же меня прикончить. Занятная история получилась с этим виски. Какой-то бывший кабальеро, ставший торговцем, ехал мимо тюрьмы с фургоном, груженным этим зельем, и у самых ворот фургон рассыпался…

— Ведь даже благородный Нарваэс, сын Балтазара де Хесус-и-Сервальос-и-Нарваэса, сына генерала Нарваэса, оставившего по себе память своею бранной славой, может стать торговцем, а торговец тоже должен жить, не так ли, сеньоры? — проговорил Френсис, точь-в-точь как давешний старик.

Генри весело посмотрел на него и с признательностью сказал:

— Знаешь, Френсис, я очень рад одному обстоятельству, чертовски рад…

— Чему же это? — спросил Френсис, когда они заворачивали за угол, где их ждали лошади.

— Тому, что не отрезал тебе уши в тот день на Тельце, когда я положил тебя на обе лопатки и ты настаивал, чтобы я это сделал.

Глава шестая

Мариано Веркара-и-Ихос, начальник полиции Сан-Антонио, откинулся на спинку кресла в зале суда и, довольный собой, со спокойной улыбкой принялся скручивать сигарету. Все прошло так, как было задумано. Он весь день следил за тем, чтобы старикашка судья не выпил глотка мескаля, и теперь был вознагражден за это: судья провел процесс и вынес приговор, какого добивался шеф. Он не допустил ни одного промаха. Шесть беглых пеонов были оштрафованы на крупную сумму и отправлены назад на плантацию в Сантосе. Кабальный их контракт суд продлил на столько времени, сколько потребуется, чтобы отработать штраф. А начальник полиции благодаря этому стал богаче на двести золотых американских долларов. «Эти гринго из Сантоса, — улыбнулся он про себя, — люди, с которыми стоит иметь дело. Во-первых, они создают плантации и тем самым способствуют развитию страны. А во-вторых, — и это главное, — денег у них куры не клюют, и они хорошо платят за те мелкие услуги, которые я в состоянии им оказать».

Тут он увидел Альвареса Торреса и широко улыбнулся.

— Послушайте, — сказал испанец, пригибаясь к самому уху начальника полиции. — Мы можем прикончить обоих этих чертей Морганов. Свинью Генри завтра повесят. Почему бы в таком случае нам не отправить сегодня к праотцам и свинью Френсиса?

Начальник полиции вопросительно поднял брови.

— Я посоветовал этому гринго штурмовать тюрьму. Солано поверили его вракам и теперь заодно с ним. Они наверняка попытаются сегодня вечером совершить налет. Раньше им не успеть. Ваше дело приготовиться и проследить, чтобы Френсис Морган был непременно убит в стычке.

— Ради чего и почему? — неторопливо спросил начальник полиции. — Мне нужно Генри убрать с дороги. Что же до Френсиса, то пусть возвращается к себе в свой любимый Нью-Йорк.

— Он должен быть сегодня же отправлен к праотцам, а почему — вы сейчас поймете. Как вам

известно из телеграмм, которые я посылаю через правительственную радиостанцию и которые вы читаете...

— Позвольте, такова была наша договоренность, и на этих условиях я выхлопотал вам разрешение пользоваться правительственной радиостанцией, — напомнил начальник полиции.

— Я на это и не жалуюсь, — заверил его Торрес. — Итак, вам известно, что у меня есть строго конфиденциальные и чрезвычайно важные дела с нью-йоркским Риганом. — Он приложил руку к нагрудному карману. — Я только что получил от него новую телеграмму. Он требует задержать свинью Френсиса здесь еще на месяц, а если этот молодой человек и вовсе не вернется в Нью-Йорк, то, насколько я понял сеньора Ригана, плакать никто не станет. Так вот, если мне это удастся, то и вам неплохо будет.

— Но вы еще не сказали мне, сколько вы за это получили и сколько получите, — решил прощупать почву начальник полиции.

— На этот счет у нас была договоренность частного характера, и сумма не так велика, как вам может показаться. Он скупердяй, этот сеньор Риган, страшный скупердяй. Тем не менее я по-честному поделюсь с вами, если наша затея увенчается успехом.

Начальник полиции удовлетворенно кивнул и спросил:

— Ну, уж тысчонку-то золотом вы получите?

— Думаю, что да. Не может же этот ирландский боров заплатить мне меньше; а тогда пятьсот долларов — ваши, если, конечно, свинья Френсис сложит голову в Сан-Антонио.

— А может, и сто тысяч золотом получите? — продолжал допрашивать начальник полиции.

Торрес рассмеялся, словно услышал занятную шутку.

— Ну, уж, во всяком случае, не тысячу, — не унимался его собеседник.

— Может, расщедрится и даст больше, — подтвердил Торрес. — Вполне возможно, что прибавит еще сотен пять; в таком случае, разумеется, половина этих денег тоже будет ваша.

— Я немедленно направляюсь в тюрьму, — заявил начальник полиции. — Можете положиться на меня, сеньор Торрес, как я полагаюсь на вас. Пойдемте сейчас же, не откладывая, и пойдемте вместе, чтобы вы сами могли убедиться, как я подготовлюсь к приему Френсиса Моргана. Я еще не разучился владеть ружьем. А кроме того, я скажу трем жандармам, чтоб они стреляли только в него. Так, значит, этот собака-гринго собирается штурмовать нашу тюрьму? Пошли. Пошли скорей.

Он встал и решительным жестом отбросил в сторону сигарету. Но не успел он дойти и до середины комнаты, как к нему подлетел какой-то оборванный мальчишка, с которого градом струился пот, дернул его за рукав и, еле переводя дух, плаксивым голосом пропищал:

— У меня для вас важная новость. Вы мне заплатите за нее, высокочтимый сеньор? Я бежал всю дорогу.

— Я отправлю тебя в Сан-Хуан, чтобы тебя склевали сарычи, падаль ты этакая! — был ответ.

Мальчишка даже съежился от такой угрозы, но, подстегиваемый пустотою в желудке,

страшной бедностью и желанием иметь несколько монет, чтобы заплатить за вход на предстоящий бой быков, призвал на помощь всю свою храбрость и повторил:

— Не забудьте, сеньор, что я первый принес вам эту новость. Я бежал всю дорогу, чуть не задохся, — вы же сами видите, сеньор. Я все скалку вам, только вы, пожалуйста, не забудьте, что я бежал всю дорогу и что я первый сказал вам.

— Ах ты скотина! Ладно, не забуду. Но тебе же будет хуже, если я запомню, что ты первый мне сказал. Так что же у тебя за новость? Должно быть, она и сентаво не стоит! А если она действительно этого не стоит, вот тогда ты пожалеешь, что родился на свет Божий. Сан-Хуан покажется тебе раем по сравнению с тем, что я с тобой сделаю.

— Тюрьма… — в страхе пролепетал мальчишка. — Гринго — тот самый, которого должны были вчера повесить, — взорвал стену тюрьмы. Святые угодники! Дыра такая большая, как колокольня на нашем соборе! И другой гринго — тот, который так похож на него и которого должны были повесить завтра, — бежал вместе с ним через эту дыру. Тот гринго вытащил его. Это я сам видел, собственными глазами, и сейчас же побежал к вам сюда, всю дорогу бежал, и вы не забудете, сеньор…

Но начальник полиции уже повернулся к Торресу и уничтожающим взглядом посмотрел на него.

— Так, по-вашему, этот сеньор Риган проявит королевскую щедрость, если заплатит нам с вами ту великую сумму, которую обещал? Да он должен дать нам в пять раз больше, в десять раз больше — ведь этот тигр-гринго крушит наши законы и порядки, и даже крепкие стены нашей тюрьмы…

— Ну, это, разумеется, только ложная тревога, перышко, которое показывает, в какую сторону дует ветер и каковы намерения Френсиса Моргана, — пробормотал Торрес с кислой улыбкой. — Не забудьте, что совет штурмовать тюрьму исходил от меня.

— В таком случае, значит, это вы и сеньор Риган оплатите нам расходы по восстановлению тюрьмы? — спросил начальник полиции и, помолчав немного, добавил: — Но я все-таки не верю, что он это сделал. Это невозможно. Даже полоумный гринго не решился бы на такое.

Тут в дверях появился жандарм Рафаэль, из раны на лбу у него текла кровь; расталкивая ружьем любопытных, которые уже начали собираться вокруг Торреса и начальника полиции, он предстал перед своим шефом.

— Мы перебиты, — начал он. — Тюрьма почти вся разрушена. Динамит! Сто фунтов динамита! Тысяча! Мы храбро кинулись спасать тюрьму. Но она взлетела на воздух. Ведь не шутка — тысяча фунтов динамита! Я упал без сознания, но не выпустил винтовки из рук. После я пришел в себя и осмотрелся. Вокруг меня были одни мертвецы! Храбрый Педро, храбрый Игнасио, храбрый Аугустино — все, все лежали мертвые! — Рафаэлю следовало бы сказать: «мертвецки пьяные», но натура у него, как у всякого латиноамериканца, была сложная, и потому он в трагических чертах обрисовал эту катастрофу, так что он и все другие жандармы выглядели героями, как это искренне представилось его воображению. — Они лежали мертвые. Но, может, и не мертвые, а только оглушенные. Я пополз. Пробрался в камеру этого гринго Моргана. Пусто. В стене зияет огромная, страшная дыра. Я выполз через нее на улицу. Видку: стоит большая толпа. Но гринго Моргана уже и след простыл. Я поговорил с одним оборванцем, который видел, как это произошло. Их ждали лошади. Они поскакали к берегу. Там уже стояла под парусами шхуна. У Френсиса Моргана к седлу был привязан мешок с

золотом: оборванец видел его своими глазами. Большой такой мешок…

— А дыра большая? — спросил начальник полиции. — Дыра в стене?

— Да побольше мешка будет, куда больше, — отвечал Рафаэль. — Хотя мешок у гринго большой — так мне этот оборванец сказал. И мешок был привязан у Моргана к седлу.

— Моя тюрьма! — воскликнул начальник полиции; он выхватил кинжал и поднял вверх, держа за лезвие так, что рукоятка его, на которой с большим искусством был вырезан распятый Христос, казалась настоящим крестом. — Клянусь всеми святыми, я буду мстить! О, наша тюрьма! Наше правосудие! Наш закон!.. Лошадей! Скорее лошадей! Жандарм, лошадей, живо! — Он быстро обернулся к Торресу и накинулся на него, хотя тот не произнес ни слова: — К черту сеньора Ригана! Мне хоть бы уж свое-то вернуть! Меня оскорбили! Разрушили мою тюрьму! Надругались над моим законом — нашим законом, дорогие друзья! Лошадей! Лошадей! Отобрать их у проезжих! Да скорее же! Скорей!

Капитан Трефэзен, владелец «Анджелики», сын индианки из племени майя и негра с Ямайки, шагал взад и вперед по узкой палубе своей шхуны, посматривая в сторону Сан-Антонио, откуда уже отчалила переполненная людьми шлюпка, и раздумывал: не удрать ли ему от этого сумасшедшего американца, зафрахтовавшего его судно? Или, может быть, разорвать контракт и составить новый — на сумму в три раза большую? Трефэзена терзали противоречивые веления его смешанной крови: как негр, он был склонен к осторожности и соблюдению панамских законов, а как индеец — стремился к беззаконию и конфликтам.

Верх одержала индейская кровь: капитан приказал поднять кливер и направил шхуну к берегу, чтобы поскорее подобрать приближавшуюся шлюпку. Разглядев, что все Солано и Морганы вооружены ружьями, он чуть было не пустился наутек и не бросил их на произвол судьбы. Но когда он увидел на корме женщину, склонность к романтике и алчность побудили его дождаться и взять шлюпку на борт, ибо он знал, что если женщина замешана в делах мужчин, то вместе с ней появляются опасность и деньги.

Итак, на борту появилась женщина, а следовательно — опасность и деньги: Леонсия, ружья и мешок с золотом. Все, что было в шлюпке, не без труда попало на шхуну: поскольку ветер был слабым, капитан не потрудился даже приостановить судно.

— Рад приветствовать вас на борту «Анджелики», сэр, — широко улыбнулся капитан Трефэзен, здороваясь с Френсисом. — А это кто? — спросил он, кивая на Генри.

— Мой друг, капитан, мой гость и даже родственник.

— Осмелюсь вас спросить, сэр, а что это за джентльмены с такой поспешностью скачут там по берегу?

Френсис взглянул на группу всадников, галопом несшихся по песчаному пляжу, бесцеремонно выхватил из рук капитана бинокль и направил его на берег.

— Во главе едет сам шеф, — сообщил он, обращаясь к Леонсии и ее родичам, — а следом за ним жандармы. — Внезапно он издал какое-то восклицание, потом долго смотрел в бинокль и, наконец, покачал головой: — Мне показалось, что я увидел с ними нашего друга Торреса.

— С кем, с нашими врагами?! — не веря собственным ушам, вскричала Леонсия. Она вспомнила, как Торрес, только сегодня утром, на веранде асьенды, предлагал ей руку и сердце и говорил, что она может распоряжаться его жизнью и честью.

— Я, должно быть, ошибся, — признался Френсис. — Они как-то все сбились в кучу. Но шефа я хорошо различил: он скачет головы на две впереди.

— А что за субъект этот Торрес? — резко спросил Генри. — Он с самого начала мне не понравился, а у вас в доме, Леонсия, его всегда радушно принимают.

— Прошу прощения, сэр, извините меня, пожалуйста, — вкрадчиво прервал их капитан Трефэзен, — и разрешите со всем смиреннейшим почтением повторить мой вопрос, сэр: кто эти всадники, которые так стремительно скачут там вдоль берега? Кто они такие, сэр?

— Они чуть не повесили меня вчера, — расхохотался Френсис. — А завтра собирались повесить вот этого моего родственника. Только мы их надули. И, как видите, вот мы здесь. А теперь, мистер шкипер, прошу обратить внимание на то, что паруса наши только хлопают по ветру. Мы не двигаемся. Сколько еще вы намерены торчать тут?

— Мистер Морган, сэр, — последовал ответ, — я с глубочайшей почтительностью служу вам как клиенту, зафрахтовавшему мое судно. Но должен поставить вас в известность, что я британский подданный. Король Георг — мой король, сэр, и ему я прежде всего обязан повиноваться, а также установленным им законам о плавании в иностранных водах, сэр. Мне ясно, сэр, что вы нарушили законы этой страны, к берегам которой я доставил вас, — иначе вон те блюстители порядка не преследовали бы вашу милость с такой настойчивостью. А кроме того, мне ясно, что вы хотите, чтобы я нарушил законы мореплавания и помог вам бежать. Однако честь обязывает меня, сэр, оставаться здесь до тех пор, пока это маленькое недоразумение, которое, по всей вероятности, произошло на берегу, не будет улажено к удовлетворению всех заинтересованных сторон, сэр, а также к удовлетворению моего законного монарха.

— Поднимай паруса и выходи в море, шкипер! — гневно прервал его Генри.

— Надеюсь, вы всемилостивейше извините меня, сэр, но, к сожалению, я должен вам сказать две вещи. Во-первых, не вы являетесь лицом, зафрахтовавшим у меня судно; а во-вторых, не вы мой доблестный король Георг, которому я присягал служить верой и правдой.

— Но я-то зафрахтовал твое судно, шкипер, — добродушно вмешался Френсис, научившийся уже ладить с метисом. — Так будь любезен взяться за штурвал и вывести нас из лагуны Чирикви — да ради Бога поскорее, а то ветер стихает.

— Но в контракте не указано, сэр, что «Анджелика» должна нарушать законы Панамы и короля Георга.

— Я хорошо заплачу тебе, — пообещал Френсис, начиная терять терпение. — Берись за дело.

— В таком случае, сэр, вы согласны заключить со мной новый контракт на сумму в три раза большую?

Френсис утвердительно кивнул.

— Тогда одну минуточку, сэр, я сейчас. Я только сбегаю в каюту за пером и бумагой, чтоб мы могли составить документ.

— О Господи! — простонал Френсис. — Да развернись же и сдвинься хоть немного с места. Ведь мы можем составить эту бумагу и на ходу, не обязательно во время стоянки. Смотри! Они стреляют!

Капитан-метис, услышав залп, окинул взглядом развернутые паруса и обнаружил дырку от пули у самого верха грот-мачты.

— Хорошо, сэр, — согласился он. — Вы джентльмен и человек чести. Я верю вам на слово и надеюсь, что вы подпишете документ при первой же возможности… Эй ты, черномазый! Берись за штурвал! Держи руль! Живо, черные дьяволы, ослабить главный парус! А ты, Персиваль, помоги вон там!

Команда мигом повиновалась. Персиваль, вечно ухмыляющийся негр из Кингстона, а также другой, которого звали Хуаном, — светло-желтый цвет кожи и нежные и тонкие, как у девушки, пальцы, свидетельствовали о том, что он метис — полуиспанец, полуиндеец, — кинулись ослаблять паруса.

— Дай этому черномазому по башке, если он и дальше будет дерзить, — буркнул Генри, обращаясь к Френсису. — Или поручи это мне, я в два счета с ним расправлюсь.

Но Френсис покачал головой:

— Он славный малый, только он из ямайских негров, а ты знаешь, какие они. К тому же в нем есть и индейская кровь. Лучше давай уде ладить с ним, раз такой это гусь. Ничего плохого у него в мыслях нет — просто хочет содрать подороже: ведь он рискует своей шхуной, ее могут конфисковать. А кроме того, он страдает манией vocabularitis: он просто лопнет, если не будет изрекать всякую мудреную чепуху.

В эту минуту к ним подошел Энрико Солано — ноздри его раздувались, а пальцы нетерпеливо барабанили по ружью, в то время как глаза то и дело обращались к берегу, откуда велась беспорядочная стрельба.

— Я серьезно виноват перед вами, сеньор Морган, — сказал он, протягивая руку Генри. — Я был так удручен смертью моего любимого брата Альфаро, что, признаюсь, в первую минуту счел вас повинным в его убийстве. — Тут глаза старого Энрико сверкнули гневом — неистребимым, но истребляющим. — Это было самое настоящее убийство, коварно совершенное каким-то трусом, удар в спину под покровом темноты. И как это я сразу не сообразил! Но я был так сражен горем, а все улики были против вас. Я даже забыл, что моя горячо любимая и единственная дочь помолвлена с вами; не подумал, что человек таких нравственных качеств — прямой, мужественный, храбрый — не способен нанести удар в спину под покровом темноты. Я сожалею о своей ошибке. Прошу извинить меня. И я снова с гордостью рад принять вас в нашу семью как будущего мужа моей Леонсии.

Пока Генри Моргана столь чистосердечно принимали обратно в лоно семьи Солано, Леонсия с раздражением думала: зачем ее отцу нужно следовать этому глупому латиноамериканскому обычаю и говорить так много пышных слов, когда достаточно было бы одной-единственной фразы, крепкого рукопожатия и откровенного взгляда друг другу в глаза? Окажись на месте ее отца Генри или Френсис, они, несомненно, так и вели бы себя. Ну почему, почему все ее испанские родичи любят выражаться так цветисто и многословно, совсем как этот ямайский негр!

Френсис же тем временем изо всех сил старался делать вид, что происходящее нимало не интересует его; тем не менее он все-таки заметил, что желтолицый матрос по имени Хуан шепчется о чем-то с остальной командой, многозначительно пожимает плечами и ожесточенно жестикулирует.

Глава седьмая

— Ну вот, теперь мы упустили обоих этих свиней-гринго! — горестно воскликнул Альварес Торрес, увидев с берега, как «Анджелика», распустив паруса, надувшиеся от посвежевшего ветра, стала быстро удаляться и пули с суши не могли уже теперь ее достать.

— Я бы, кажется, пожертвовал собору на три колокола, — провозгласил Мариано Веркара-и-Ихос, — только чтобы увидеть их в ста ярдах от моего ружья. Эх, будь на то моя власть, я бы так быстро отправил всех гринго на тот свет, что дьяволу в аду пришлось бы изучать английский язык!

Альварес Торрес, задыхаясь от досады и бессильного гнева, несколько раз ударил кулаком по луке седла.

— Владычица моих грез! — чуть не рыдая, воскликнул он. — Она уехала, исчезла вместе с обоими Морганами. Я сам видел, как она взбиралась на шхуну. Что же я теперь скажу Ригану в Нью-Йорке? Ведь если шхуна выберется из лагуны Чирикви, она может прямым ходом пойти в Нью-Йорк. И тогда окажется, что эта свинья Френсис не пробыл в отсутствии и месяца, и сеньор Риган не захочет ничего нам платить.

— Они не выйдут из лагуны Чирикви, — мрачно заявил начальник полиции. — Что я — безмозглое животное, что ли? Нет, я человек! И я знаю, что они не выйдут отсюда. Разве я не поклялся мстить им до гроба? Закат такой, что к ночи ветер явно спадет. По небу это сразу понять можно. Видите эти перистые облачка? Если ветер и подымется, то небольшой, и наверняка с северо-востока. Значит, он их погонит прямо в пролив Чоррера. А они никогда не осмелятся войти в него. Этот черномазый капитан знает лагуну как свои пять пальцев. Он попытается сделать крюк и пройти мимо Бокас-дель-Торо или через пролив Картахо. Но и в таком случае мы перехитрим его. Я тоже кое-что соображаю. Да еще как соображаю-то! Слушайте. Нам предстоит долгий путь верхом. Мы проедем по берегу до самого Лас-Пальмас. А там сейчас капитан Розаро со своей «Долорес».

— Это такой паршивенький старый буксир, который даже развернуться как следует не может? — спросил Торрес.

— Но ведь ночью ветра не будет, да и утром тоже. И мы на этом буксире захватим «Анджелику», — успокоил его начальник полиции. — Вперед, друзья! Поскакали! Капитан Розаро — мой приятель. Он окажет нам любую услугу.

На рассвете вконец измученные люди на загнанных лошадях протащились через заброшенную деревушку Лас-Пальмас к заброшенному причалу, у которого стоял совсем заброшенный на вид, облезлый буксир, показавшийся им, однако, лучшим в мире. Из трубы валил дым — признак того, что буксир стоит под парами; увидев это, начальник полиции, несмотря на усталость, возликовал.

— Доброе утро, сеньор капитан Розаро! Рад вас видеть! — приветствовал он испанца-шкипера, старого морского волка, который, полулежа на круге каната, потягивал черный кофе из кружки, и зубы его, всякий раз как он подносил ее ко рту, выбивали на ней дробь.

— Нечего сказать, доброе утро, когда эта проклятая лихорадка всю душу из меня вытрясла, — угрюмо проворчал капитан Розаро; руки его и все тело так дрожали, что горячая жидкость выплескивалась и текла по подбородку и за ворот расстегнутой рубашки, на волосатую седую грудь. — Да возьми ты это, чертова скотина! — крикнул он, запуская кружкой вместе с ее

содержимым в мальчика-метиса, по-видимому, его слугу, который, как ни силился, не мог сдержать смеха.

— Солнце взойдет, лихорадка уймется и оставит вас в покое, — учтиво сказал начальник полиции, делая вид, что не замечает дурного настроения капитана. — Ваши дела здесь закончены, вы направляетесь в Бокас-дель-Торо, и мы поедем с вами, всей компанией, — нам предстоит интереснейшее приключение. Мы захватим шхуну «Анджелика», которая из-за штиля не могла ночью выбраться из лагуны, я арестую уйму людей, и вся Панама заговорит, капитан, о вашей храбрости и находчивости, так что вы и думать забудете о том, что вас когда-либо донимала лихорадка.

— Сколько? — напрямик спросил капитан Розаро.

— Сколько? — с удивленным видом повторил начальник полиции. — Это же государственное дело, дорогой друг! И вы все равно идете в Бокас-дель-Торо. Ведь вам это не будет стоить ни одной лишней лопаты угля!

— Muchacho![10] Еще кофе! — рявкнул шкипер, обращаясь к мальчику.

Наступила пауза, во время которой Торрес, начальник полиции и все их утомленные спутники с жадностью смотрели на горячий напиток, принесенный мальчиком. Зубы капитана Розаро стучали о кружку точно кастаньеты, но он все-таки сумел глотнуть кофе, не расплескав его, хотя и обжегся при этом.

Какой-то швед с отсутствующим взглядом, в грязном комбинезоне и засаленной фуражке, на которой значилось: «механик», вылез из люка, закурил трубку и, присев на борт, казалось, весь ушел в свои мысли.

— Так сколько же? — снова спросил капитан Розаро.

— Давайте отчаливать, дорогой друг, — сказал начальник полиции. — А потом, когда лихорадка оставит вас в покое, мы с вами разумно обсудим все — ведь мы же разумные существа, а не какие-нибудь скоты.

— Сколько? — повторил капитан Розаро. — Извините, я не скот. Я всегда в полном разуме — и когда есть солнце, и когда его нет, и даже когда меня треплет эта растреклятая лихорадка. Так сколько?

— Ну ладно, отчаливайте. А сколько вы хотите? — сдаваясь, устало произнес начальник полиции.

— Пятьдесят долларов золотом, — тотчас последовал ответ.

— Но ведь вы все равно туда идете, не так ли, капитан? — мягко спросил Торрес.

— Я же сказал: пятьдесят долларов золотом.

Начальник полиции безнадежно всплеснул руками и повернулся на каблуках, делая вид, что собирается уйти.

— Однако вы же поклялись мстить до гроба за разрушение вашей тюрьмы, — напомнил ему Торрес.

— Но не в том случае, если мне придется платить за это пятьдесят долларов, — огрызнулся начальник полиции, краешком глаза наблюдая за дрожавшим от лихорадки капитаном: не начинает ли тот сдаваться.

— Пятьдесят долларов золотом, — сказал капитан, допив кофе и трясущимися пальцами пытаясь скрутить себе сигарету. Потом он кивнул в сторону шведа и добавил: — И еще пятерку золотом моему механику. Таков уж: у нас обычай.

Торрес подошел поближе к начальнику полиции и шепнул:

— Я заплачу за буксир, а с гринго Ригана взыщу лишнюю сотню, разницу же мы с вами поделим пополам. Так что мы ничего не потеряем. Напротив — еще останемся в барыше. Риган наказывал мне, чтоб я не скупился на расходы.

Когда солнце поднялось над линией горизонта и ослепительно засверкало в небе, один из жандармов направился обратно в Лас-Пальмас с измученными лошадьми, а остальные поднялись на палубу буксира; механик швед спустился в недра машинного отделения, и капитан Розаро, избавленный от лихорадки благостными лучами солнца, приказал матросам сняться с причала, а одному из них стать в рубке у компаса.

На рассвете «Анджелика» все еще дрейфовала недалеко от берега: ветра не было всю ночь, и ей не удалось выйти в море, хотя она и продвинулась к северу и находилась сейчас на полпути между Сан-Антонио и проливами Бокас-дель-Торо и Картахо. Эти два пролива, которые ведут в открытое море, все еще были милях в двадцати пяти от «Анджелики», а шхуна точно спала на зеркальной глади лагуны. Душная тропическая ночь заставила всех перебраться на палубу, и она была положительно устлана спящими. На крыше каюты капитана лежала Леонсия. В узких проходах, по обеим сторонам каюты, расположились ее братья и отец. А на носу, между каютой капитана и рубкой рулевого, лежали рядом оба Моргана; рука Френсиса покоилась на плече Генри, словно оберегая его. У штурвала, по одну его сторону, обхватив колени руками и положив голову на руки, сидя спал метис-капитан, а по другую сторону, точно в такой же позе, спал рулевой — не кто иной, как Персиваль, чернокожий негр из Кингстона. На шкафуте вповалку лежали матросы, тогда как на носу, на крошечном полубаке, уткнувшись лицом в скрещенные на груди руки, спал вахтенный.

Первой проснулась Леонсия. Приподнявшись на локте и подоткнув под него край плаща, на котором она спала, девушка посмотрела вниз на палубу и увидела Генри и Френсиса, мирно спавших рядом. Ее влекло к ним обоим — ведь они были так походки друг на друга; она любила Генри, вспомнила, как он целовал ее, и, вспомнив об этом, вся затрепетала; она любила и Френсиса, вспомнила и его поцелуй — и вся залилась краской. Она сама дивилась тому, что в сердце ее уживается любовь к двум людям сразу. Она уже достаточно разобралась в своих чувствах и знала, что готова последовать за Генри на край света, а за Френсисом еще дальше. И ее терзала собственная безнравственность.

Стремясь бежать от пугавших ее мыслей, Леонсия протянула руку и кончиком шелкового шарфа начала щекотать нос Френсиса; молодой человек зашевелился, взмахнул рукой, как бы отгоняя москита или муху, и спросонья ударил Генри по груди. Таким образом. Генри проснулся первым. Резким движением он поднялся и сел, разбудив при этом Френсиса.

— Доброе утро, веселый родственничек, — приветствовал его Френсис. — Что это ты так резвишься?

— Доброе утро, дружище, — проворчал Генри, — да только кто же из нас резвится? Ведь это ты

стукнул меня и разбудил. Мне со сна даже показалось, будто это палач пришел за мной: ведь как раз сегодня утром меня собирались вздернуть. — Он зевнул, потянулся, посмотрел через поручни на спящее море и, толкнув Френсиса, указал ему на спящих капитана и рулевого.

«Какие красавцы эти Морганы», — подумала Леонсия и тут же удивилась, поймав себя на том, что мысленно произнесла эту фразу не по-испански, а по-английски. Неужели потому, что они оба завладели ее сердцем, она и думать стала на их языке, а не на своем родном?

Все было так запутано, что она решила бежать столь запутанных мыслей, она снова принялась щекотать кончиком шарфа нос Френсиса и была застигнута врасплох: пришлось ей со смехом признаться, что это она была причиной их внезапного пробуждения.

Через три часа подкрепившись фруктами и кофе, Леонсия стала у руля, и Френсис принялся обучать ее, как вести судно и определять путь по компасу. «Анджелика», повинуясь свежему ветерку, гнавшему ее на север, шла со скоростью шести узлов. Генри, стоя на наветренной стороне палубы, изучал с помощью бинокля горизонт, изо всех сил стараясь не замечать, с каким увлечением занимаются учитель и ученица, хотя втайне ругательски ругал себя за то, что не ему первому пришла в голову мысль научить Леонсию обращаться с компасом и рулем. Все же он взял себя в руки и не только не смотрел на них, но даже и краешком глаза не поглядывал в их сторону.

Зато капитан Трефэзен со свойственным индейцам жестоким любопытством и с беззастенчивостью негра — подданного короля Георга — был менее деликатен. Он во все глаза смотрел на молодых людей, и от него не укрылось неодолимое влечение, которое испытывали друг к другу американец, зафрахтовавший его судно, и хорошенькая испанка. Они стояли совсем рядом, и когда оба наклонились над штурвалом, заглядывая в нактоуз, прядь волос Леонсии коснулась щеки Френсиса; и тотчас они почувствовали, как их словно пронизало током. И метис-капитан заметил это. Но они почувствовали еще и то, чего не мог заметить метис-капитан: сильнейшее смущение. Они изумленно взглянули друг на друга и виновато опустили глаза. Френсис очень быстро и так громко, что было слышно на другом конце палубы, стал объяснять, как действует картушка компаса. Но капитан Трефэзен только усмехался, слушая его.

Налетевший порыв ветра заставил Френсиса схватиться за штурвал. На нем уже лежала рука Леонсии, и Френсису ничего не оставалось, как положить свою руку поверх. И снова оба вздрогнули, и снова капитан усмехнулся.

Леонсия подняла глаза на Френсиса и тут же в смущении опустила их. Она высвободила руку и, давая понять, что урок окончен, медленно отошла от штурвала, всем своим видом показывая, что руль и компас перестали интересовать ее. Френсис остался в полном смятении: он понимал, что это бесчестно, что это предательство, и, невольно взглянув на Генри, стоявшего к нему в профиль, мысленно пожелал, чтобы тот не видел, что произошло. Леонсия между тем смотрела невидящими глазами на поросший густым лесом берег, задумчиво вертя кольцо Генри вокруг пальца.

Однако Генри случайно видел все: он как раз в ту минуту повернулся к ним, чтобы сообщить, что на горизонте появился какой-то дымок. И метис-капитан заметил это. Он подошел к Генри и с жестокостью индейца и беззастенчивостью негра сказал вполголоса:

— Не падайте духом, сэр. У сеньориты доброе сердце, в нем найдется место для вас обоих — ведь вы такие благородные джентльмены.

В тот же миг ему была преподана одна извечная истина: белые не любят, когда вмешиваются в их дела; придя в себя, капитан увидел, что лежит на спине, от сильного удара о палубу у него ныл затылок, а лоб — от не менее сильного удара, который нанес ему Генри.

И тут в капитане заговорила индейская кровь: вне себя от ярости он вскочил на ноги, в руке его блеснул нож. Хуан, желтолицый метис, мигом оказался рядом, в руке его тоже был нож. Подбежало еще несколько бывших поблизости матросов — образовав полукруг, они стали наступать на Генри; но тот, с молниеносной быстротой отскочив к борту, ударом руки снизу выбил из гнезда железный поручень и, поймав его на лету, приготовился к самообороне. Френсис тотчас бросил штурвал и, выхватив пистолет-автомат, прорвался к Генри и стал с ним рядом.

— Что он такое сказал? — спросил Френсис своего родственника.

— Я повторю, что я сказал, — угрожающе произнес капитан: сейчас в нем взяла верх негритянская кровь, и он уже искал путь к компромиссу при помощи шантажа. — Я сказал…

— Остановись, капитан! — закричал Генри. — Мне очень жаль, что я ударил тебя. Замнем это дело. Попридержи язык. Забудь. Мне очень жаль, что я тебя ударил. Я… — Генри невольно сделал паузу и судорожно глотнул: слова не шли у него с языка. И только потому, что Леонсия стояла тут рядом, смотрела на него и слушала, он сказал: — Я… я приношу свои извинения, капитан.

— Вы оскорбили меня, — возмущенным тоном заявил капитан Трефэзен. — Вы нанесли мне увечья! А никто не имеет права наносить увечья подданному короля Георга — да благословит его Господь! — без денежного возмещения.

Услышав это откровенное требование шантажиста, Генри чуть было не набросился на него. Но Френсис примирительно положил руку ему на плечо и удержал. Совладав с собой. Генри издал нечто вроде добродушного смешка, достал из кармана два золотых по десять долларов и, словно эти деньги жгли его, сунул их в руку капитану Трефэзену.

— Дешево отделался, — не сдержавшись, вполголоса пробормотал он.

— Ничего, цена вполне приличная, — заверил его капитан. — Двадцать долларов за расшибленную голову вполне приличная цена. Распоряжайтесь мною, сэр, я к вашим услугам. Вы, безусловно, джентльмен. За такую сумму можете в любое время дать мне по уху.

— И мне, сэр, мне тоже! — широко и подобострастно осклабившись, вставил Персиваль, негр из Кингстона. — За такие деньги, сэр, можете отлупить меня в любое время. И вообще можете лупить всякий раз, когда у вас будут лишние деньги…

На этом происшествию и суждено было закончиться, ибо тут послышался крик впередсмотрящего:

— Дым! Пароход прямо за кормой! Через час все уже знали, что это за дым и что он означает, так как буксиру «Долорес» не составило особого труда нагнать «Анджелику», снова попавшую в полосу штиля, и теперь со шхуны, которую отделяло от буксира всего каких-нибудь полмили, уже можно было рассмотреть в бинокль его крошечную переднюю палубу, положительно забитую вооруженными людьми. И Генри и Френсис сразу узнали среди них начальника полиции и нескольких жандармов.

Ноздри старого Энрико Солано раздувались, — он выстроил своих четырех сыновей на корме,

встал с ними рядом и приготовился к бою. Леонсия, терзаемая любовью к Генри и любовью к Френсису, была больше увлечена собственными переживаниями, хоть и не показывала виду: она смеялась вместе со всеми над жалким суденышком и вместе со всеми радовалась порыву ветра, накренившему «Анджелику» на левый борт так, что поручни ее чуть не коснулись воды, и погнавшему вперед со скоростью девяти узлов.

Но погода и ветер были в это утро неустойчивы. Лик лагуны то морщился от налетавшего ветра, то снова становился гладким, как стекло.

— К сожалению, должен сообщить вам, сэр, что нам не уйти от них, — заявил капитан Трефэзен Френсису. — Если бы ветер продержался, сэр, мы бы ушли. Но он все время меняется и то и дело спадает. Нас несет прямо на берег. Мы загнаны в тупик, сэр, теперь нам не уйти.

Генри опустил бинокль, через который он изучал берег, и посмотрел на Френсиса.

— А ну, выкладывай! — воскликнул Френсис. — Сразу видно: ты что-то придумал. Какой же у тебя план? Рассказывай.

— Вон там лежат два островка, именуемые Тигровыми, — принялся излагать свой план Генри. — Они охраняют узкий вход в бухту Хучитан, который называют Эль Тигре. И поверьте, зубы у этого тигра не худее, чем у настоящего. Проходы по обе стороны островков, между ними и сушей, так мелки, что даже шлюпка садится там на мель. Пройти может лишь тот, кто знает все изгибы фарватера, а я их знаю. Правда, пролив Эль Тигре между островами достаточно глубок, но он такой узкий, что в нем и не развернешься. Шхуна может войти в него только в том случае, если ветер будет с кормы или с траверза. Сейчас ветер благоприятствует нам, и мы пройдем через пролив. Но это только половина моего плана…

— А если ветер переменится или спадет, сэр, — ведь прилив и отлив в бухте бывает такой, что волны горами ходят, это уж мне хорошо известно, — моя красавица шхуна разобьется о скалы! — запротестовал капитан Трефэзен.

— Если это случится, я уплачу тебе полную ее стоимость, — кратко заверил его Френсис и, не обращая больше на него внимания, повернулся к Генри, — Так в чем же заключается вторая половина твоего плана?

— Даже стыдно сказать тебе, — рассмеялся Генри. — Но это вызовет столько проклятий на испанском языке, сколько не слыхала лагуна Чирикви с тех пор, как старик сэр Генри разграбил Сан-Антонио и Бокасдель-Торо. Вот сейчас увидишь.

Леонсия, сверкая глазами, захлопала в ладоши и воскликнула:

— Это должно быть что-то замечательное. Генри! По вашему лицу это видно. Ну, скажите же хотя бы мне!

Отведя Леонсию в сторону и поддерживая ее за талию, так как палуба ходила ходуном. Генри стал шептать ей что-то на ухо. Френсис лее, чтобы скрыть овладевшее им при этом чувство, навел бинокль на своих преследователей. Капитан Трефэзен лукаво усмехнулся и обменялся многозначительным взглядом с желтолицым матросом.

— Вот что, шкипер, — сказал Генри, подходя к нему. — Мы сейчас как раз у входа в Эль Тигре. Возьмись за штурвал и направь судно прямо в пролив. Кроме того — и pronto! — чтоб мне принесли сюда бухту полудюймового старого мягкого троса, побольше бечевки и парусных ниток, ящик с пивом, что стоит в кладовой, кофейник и пятигаллоновый бидон, из которого мы

вылили вчера вечером последние остатки керосина.

— Но я с прискорбием должен обратить ваше внимание, сэр, на то, что этот канат стоит немалых денег, — заметил капитан Трефэзен, когда Генри принялся мастерить что-то из доставленных ему разнородных предметов.

— Тебе за это заплатят, — успокоил его Френсис.

— И кофейник тоже почти новый.

— И за него тебе заплатят.

Капитан вздохнул и сдался, но при виде последующих действий Генри, который принялся откупоривать бутылки с пивом и выливать их содержимое в шпигаты[11], опять завздыхал.

— Пожалуйста, сэр, — взмолился Персиваль, — если уж вам так нужно вылить это пиво, вылейте его лучше мне в глотку.

Матросы мигом набросились на драгоценный напиток и вскоре сложили к ногам Генри пустые бутылки. Он снова заткнул их пробками и стал привязывать к канату на расстоянии шести футов одну от другой. Потом он отрезал от каната несколько кусков — каждый в две сажени длиной — и привязал их между бутылками, чтобы они служили своеобразными буйками. Сюда лее он прикрепил кофейник и две жестянки из-под кофе. К одному концу каната Генри привязал бидон из-под керосина, а к другому — ящик из-под пива и, покончив со всем этим, взглянул на Френсиса.

— О, я понял, что ты затеял, еще пять минут назад, — рассмеялся Френсис. — Эль Тигре, по-видимому, и в самом деле очень узок — иначе ведь буксир мог бы обойти твою ловушку.

— Эль Тигре как раз такой ширины, — был ответ. — Есть место, где проход между мелями не достигает и сорока футов. Если капитан направит свой буксир мимо нашего капкана, он наткнется на мель. Но его люди в таком случае вброд доберутся до берега. А теперь надо отнести это сооружение на корму и приготовиться к спуску его в воду. Ты встань на правом борту, а я встану на левом, и когда я тебе крикну — бросай ящик за борт как можно дальше.

Хотя ветер немного утих, «Анджелика», шедшая прямо по ветру, все же делала пять узлов, но «Долорес», которая делала шесть узлов, стала постепенно нагонять ее. Когда с «Долорес» заговорили ружья, капитан под руководством Генри и Френсиса соорудил на корме невысокую баррикаду из мешков с картофелем и луком, старых парусов и бухт каната. Низко нагнувшись под этим укрытием, рулевой продолжал вести шхуну. Леонсия отказалась спуститься вниз, но когда стрельба участилась, она, уступая настояниям родных, прикорнула за каютой. Матросы попрятались в уголках и закоулках, тогда как старик Солано и его сыновья, залегшие на корме, вели обстрел буксира.

Генри и Френсис заняли намеченные позиции и в ожидании, пока «Анджелика» подойдет к самому узкому месту Эль Тигре, тоже приняли участие в перестрелке.

— Примите мои поздравления, сэр, — сказал капитан Трефэзен Френсису. Индейская кровь побуждала его время от времени приподнимать голову и выглядывать из-за поручней, тогда как негритянская кровь принуждала лежать ничком, точно он прилип к палубе. — Ведь это сам капитан Розаро ведет судно. А сейчас он так подпрыгнул и схватился за руку, что можно не сомневаться: вы аккуратно прошили ее пулей. Этот капитан Розаро чрезвычайно горячий hombre[12], сэр. Мне кажется, я отсюда слышу, как он сыплет проклятьями.

— Приготовься, Френсис, сейчас подам сигнал, — сказал Генри, кладя ружье и пристально вглядываясь в низкие берега, обрамлявшие Эль Тигре по обе стороны судна. — Мы почти добрались до нужного места. Не торопись, жди сигнала, и когда я скажу: «три» — бросай.

Буксир был всего ярдах в двухстах от них и быстро нагонял шхуну, когда Генри подал сигнал. Он и Френсис выпрямились и по команде «три!» бросили свои концы. Ящик из-под пива и бидон из-под керосина упали в море, потащив за собой канат с привязанными к нему банками, жестянками и бутылками.

Генри и Френсис были так увлечены своей затеей, что продолжали стоять, наблюдая, как растягивается по вспененной воде их капкан. Залп с буксира «Долорес» заставил их ничком броситься на палубу, а когда они выглянули из-за поручней, нос буксира уже подмял под себя канат с буйками. Через минуту они увидели, как судно замедлило ход и остановилось.

— Недурно мы опутали его винт! — захлопал в ладоши Френсис. — Браво, Генри!

— Теперь только бы ветер продержался… — скромно заметил Генри.

«Анджелика» поплыла дальше, оставив позади застывший на месте буксир; он становился все меньше и меньше, и все же с борта шхуны увидели, что буксир сел на мель, а люди, попрыгав за борт, стали пробираться вброд к берегу.

— Давайте-ка споем нашу песенку! — весело воскликнул Генри и затянул:

Мы — спина к спине — у мачты…

— Все это очень хорошо, сэр, — прервал их капитан Трефэзен, когда Морганы закончили первый куплет; он поводил плечами в такт напеву, глаза у него блестели. — Но ветер упал, сэр. Мы опять заштилили. Как же мы теперь выберемся из бухты Хучитан? «Долорес» — то ведь не получила никаких повреждений. Мы только задержали ее, и все. Какой-нибудь негр нырнет под судно, очистит винт, и тогда они мигом нагонят нас.

— Но здесь недалеко до берега, — заметил Генри, смерив взглядом расстояние, и, обернувшись к Энрико, спросил: — Что тут на берегу, сеньор Солано? Кто здесь живет: индейцы племени майя или плантаторы?

— Есть и плантаторы, есть и индейцы, — ответил Энрико. — Но я хорошо знаю эти места. Если на шхуне оставаться опасно, то на берегу, мне думается, мы будем в безопасности. Там мы достанем и лошадей, и седла, и мясо, и хлеб. Кордильеры недалеко. Чего нам еще надо?

— А как же Леонсия? — заботливо осведомился Френсис.

— Она прирожденная амазонка, и мало найдется американцев, которых она не перещеголяла бы в верховой езде, — отвечал Энрико. — Поэтому я посоветовал бы вам — если вы, конечно, согласны — спустить на воду большую шлюпку, как только «Долорес» станет нас нагонять.

Глава восьмая

— Все в порядке, шкипер, все в порядке, — заверил Генри капитана-метиса, который стоял рядом с ними на берегу и, казалось, не решался проститься и вернуться на «Анджелику», дрейфовавшую неподалеку на застывшей в мертвом штиле поверхности бухты Хучитан.

— Это, так сказать, отклонение от курса, — пояснил Френсис. — Приятное словцо —

«отклонение». А еще приятнее, если удается отклониться по задуманному плану.

— А если не удается, — возразил капитан Трефэзен, — тогда это называется совсем другим словом и весьма неприятным: «катастрофа».

— Вот это как раз и случилось с «Долорес», когда мы опутали ее винт, — рассмеялся Генри. — Но мы не знаем, что такое катастрофа. Мы называем это иначе: отклонение от курса. И в доказательство нашей веры в успех оставляем с вами двух сыновей сеньора Солано. Альварадо и Мартинес знают фарватер как свои пять пальцев. Они выведут вас отсюда, когда подует благоприятный ветер. Начальник полиции ведь не за вами гонится. Он нас преследует. И как только мы двинемся в горы, он бросится за нами со всем своим отрядом.

— Да неужели ты не понимаешь? — вмешался Френсис. — «Анджелика»в западне. Если мы останемся на борту, шеф захватит и нас и «Анджелику». Вот мы и решили отклониться от курса и уйти в горы. Он бросится за нами. И это даст «Анджелике» возможность скрыться. Ну, а уж нас-то он, конечно, не поймает.

— А вдруг я потеряю свою шхуну? — не отставал темнокожий шкипер. — Если она наскочит на скалы, я наверняка потеряю ее: ведь проходы здесь такие опасные!

— Тогда тебе заплатят за нее, я тебе все время об этом твержу! — сказал Френсис с возрастающим раздражением.

— А сколько у меня еще было всяких других расходов…

Френсис вытащил блокнот и карандаш, наскоро написал несколько слов и передал записку капитану.

— Вручишь это сеньору Мельхиору Гонзалесу в Бокас-дель-Торо, — сказал он. — И получишь у него тысячу золотых. Это банкир, мой агент, — он и расплатится с тобой.

Капитан Трефэзен недоверчиво посмотрел на записку.

— Не бойся, он вполне платежеспособен, — заверил его Генри.

— Да, сэр, я знаю, сэр, что мистер Френсис Морган известный и богатый джентльмен. Но вот насколько богатый? Может, все его богатство меньше моего скромного достояния. У меня вот есть «Анджелика», я за нее никому ни одного песо не должен. У меня есть два незастроенных городских участка в Колоне и еще четыре в порту Белене, — я могу на них здорово разбогатеть, когда «Юнайтед фрут компани» начнет строить там свои склады…

— А ну-ка, Френсис, сколько твой папаша тебе оставил? — спросил Генри, чтобы поддразнить метиса. — Исчисляя в кругленьких?

Френсис пожал плечами и неопределенно ответил:

— Больше, чем у меня пальцев на руках и на ногах.

— Это долларов, сэр? — спросил капитан.

Генри резко мотнул головой.

— Тысяч, сэр? Генри снова мотнул головой.

— Миллионов, сэр?

— Вот теперь ты попал в точку, — ответил Генри. — Мистер Френсис Морган достаточно богат, чтобы купить почти всю республику Панаму — без канала, конечно.

Метис-капитан недоверчиво посмотрел на Энрико Солано.

— Мистер Морган вполне уважаемый джентльмен, — подтвердил тот. — Мне это хорошо известно. Я получил деньги — тысячу песо — по его записке, адресованной сеньору Мельхиору Гонзалесу в Бокас-дель-Торо. Эти деньги вон там, в мешке.

И он кивком указал в ту сторону, где Леонсия, сидя на тюках с багажом, развлечения ради заряжала винчестер. Мешок, который капитан уже давно приметил, лежал у ее ног.

— Терпеть не могу путешествовать без денег, — смущенно пояснил Френсис своим спутникам. — Никогда не знаешь, в какую минуту тебе может понадобиться доллар. Однажды вечером у меня сломалась машина в Смит-Ривер-Корнерс, неподалеку от Нью-Йорка; при мне была только чековая книжка, и, представьте, я остался в этом городишке без сигарет.

— Как-то раз в Барбадосе я поверил было одному белому джентльмену, который зафрахтовал мое судно, чтобы ловить летающих рыб… — начал капитан.

— Ну ладно, капитан, до свидания, — оборвал его Генри. — Отправляйся-ка лучше к себе на борт, а мы сейчас тронемся в путь.

И небольшой отряд во главе с Энрико зашагал в горы, так что капитану Трефэзену не оставалось ничего иного, как подчиниться. Он помог матросам столкнуть шлюпку в воду, влез в нее, сел за руль и приказал грести к «Анджелике». Поглядывая время от времени назад, он видел, как его пассажиры взвалили на себя поклажу и скоро исчезли в густой зеленой растительности.

Вскоре путники вышли на просеку, где несколько партий пеонов вырубали девственный тропический лес и выкорчевывали пни, чтобы на этом месте насадить каучуковые деревья: для автомобильных шин сейчас требовалось много каучука. Леонсия шагала рядом с отцом во главе отряда. Ее братья, Рикардо и Алесандро, шли следом, нагруженные тюками, а Френсис и Генри, тоже с ношей, замыкали шествие.

Высокий худощавый старик с внешностью идальго, сидевший, несмотря на преклонный возраст, очень прямо в седле, при виде этой странной процессии пустил свою лошадь вскачь, прямо через поваленные деревья и ямы от выкорчеванных пней, навстречу путникам.

Узнав Энрико, он спрыгнул с лошади, снял перед Леонсией сомбреро, а с Энрико обменялся крепким рукопожатием, как старый закадычный друг. В его приветствиях и взглядах сквозило явное восхищение Леонсией.

Разговор велся по-испански, с быстротой пулемета: тотчас была изложена просьба помочь лошадьми и получено в ответ любезное согласие; затем состоялось представление обоих Морганов. По латиноамериканскому обычаю, плантатор моментально уступил свою лошадь Леонсии; он сам укоротил стремена и подсадил девушку в седло. Чума, пояснил он, истребила на его плантации почти всех верховых лошадей, но у его главного надсмотрщика еще осталась вполне приличная лошадь, которая будет предоставлена в распоряжение Энрико, как только ее приведут.

Он сердечно и в то же время с большим достоинством пожал руку Генри и Френсису, а потом добрых две минуты витиевато заверял их в том, что всякий друг его дорогого друга Энрико — друг и ему. Энрико принялся расспрашивать плантатора о дороге в Кордильеры и упомянул о нефти. Френсис сразу навострил уши.

— Вы хотите сказать, сеньор, — вмешался он в разговор, — что в Панаме найдена нефть?

— Конечно, — важно кивнув головой, подтвердил плантатор. — Еще наши предки знали, что у нас есть нефтяные фонтаны. Но по-настоящему взялась за дело только компания «Эрмосильо», которая втихомолку прислала сюда своих инженеров-гринго и, произведя разведку, стала скупать земли. Говорят, это целое нефтяное поле. Я лично ничего в нефти не понимаю. Знаю только, что уже пробурили немало скважин и продолжают бурить дальше, а нефти так много, что она заливает все вокруг. Говорят, что никак не могут удержать ее под землей — столько ее и под таким давлением она выходит. Им сейчас нужен нефтепровод, чтобы подавать нефть к океану, и они начали его строить. А пока нефть течет прямо по каньонам, и убытки от этого колоссальные.

— А нефтехранилища у них уже выстроены? — спросил Френсис, с волнением вспомнив о «Тэмпико петролеум» — предприятии, поглотившем львиную долю его состояния, о котором со времени своего отъезда из Нью-Йорка, когда акции «Тэмпико» на бирже резко подскочили вверх, он ничего не слыхал.

Плантатор покачал головой.

— Все дело в транспорте, — пояснил он. — Перевозить материалы на мулах с морского побережья до месторождения просто невозможно. Но многое в этом отношении у них уже сделано. Они устроили в горных низинах своеобразные нефтяные резервуары — большие нефтяные озера, запрудив их земляными дамбами; и все-таки им не удается остановить поток, и драгоценная жидкость стекает вниз по каньонам.

— А эти резервуары крытые? — поинтересовался Френсис, вспомнив, какое бедствие причинил пожар в первые дни существования «Тэмпико петролеум».

— Нет, сеньор.

Френсис неодобрительно покачал головой.

— Их необходимо делать крытыми. Достаточно какому-нибудь пьяному или мстительному пеону бросить спичку — и все может сгореть. Плохо поставлено дело, очень плохо!

— Но я же не владелец «Эрмосильо»! — возразил плантатор.

— Я, конечно, имел в виду не вас, а компанию «Эрмосильо», — пояснил Френсис. — У меня самого вложен капитал в нефть. И я уже поплатился сотнями тысяч за подобные случайности или преступления. Никогда ведь толком не знаешь, как это случается. Но факт тот, что всетаки случается…

Что еще собирался сказать Френсис о целесообразности защиты нефтехранилищ от глупых и злонамеренных пеонов, так и осталось неизвестным, ибо в эту минуту к ним подъехал главный надсмотрщик плантации с хлыстом в руке, — он с интересом разглядывал вновь прибывших и столь же зорко наблюдал за работавшим поблизости отрядом пеонов.

— Сеньор Рамирес, сделайте одолжение, сойдите с лошади, — вежливо обратился к нему его

хозяин-плантатор и, как только тот спешился, познакомил его с гостями.

— Лошадь ваша, друг Энрико, — сказал плантатор. — Если она падет, пришлите мне, пожалуйста, при случае седло и уздечку. А если вам это будет трудно, то, пожалуйста, забудьте о том, что вам нужно что-либо мне присылать, кроме, конечно, привета. Мне жаль, что вы и ваши спутники не можете принять моего приглашения и посетить мои дом. Но шеф — кровожадный зверь, я это знаю. И уж мы постараемся направить его по ложному следу.

Когда Леонсия и Энрико уселись на лошадей и багаж был привязан к седлам кожаными ремнями, кавалькада тронулась в путь; Алесандро и Рикардо побежали рядом, держась за стремена отцовского седла, — так было легче бежать. Френсис с Генри последовали их примеру, ухватившись за стремена притороченные к седлу Леонсии, и предварительно привязав к луке мешок с серебряными долларами.

— Тут какая-то ошибка, — сказал плантатор своему надсмотрщику. — Энрико Солано — благородный человек. И все, что он делает, благородно. И если он за кого-нибудь ручается — значит, это люди благородные. Однако Мариано Веркара-и-Ихос преследует их. Если он явится сюда, мы направим его по ложному пути.

— Да вот и он! — воскликнул надсмотрщик, — Только пока ему, видно, не удалось достать лошадей.

И он, как ни в чем не бывало, со страшными ругательствами набросился на пеонов: ну хоть бы они за день сделали половину того, что следует.

Плантатор краешком глаза следил за быстро приближавшейся группой во главе с Альваресом Торресом, делая вид, будто вовсе и не замечает их, и продолжал обсуждать с надсмотрщиком, как лучше выкорчевать пень, над которым трудились пеоны.

Плантатор любезно ответил на приветствие Торреса и вежливо, но не без иронии спросил, куда это он ведет свой отряд — не на поиски ли нефти?

— Нет, сеньор, — ответил Торрес. — Мы ищем сеньора Энрико Солано, его дочь, его сыновей и двух высоких гринго, что путешествуют вместе с ними. Нужны-то нам, собственно говоря, эти гринго. Они проходили тут, сеньор?

— Да, проходили. Я подумал, что их тоже захватила нефтяная лихорадка: они так спешили, что даже из вежливости не задержались у нас и не сказали, куда путь держат. Неужели они провинились в чем-нибудь? Да что я спрашиваю! Сеньор Энрико Солано слишком достойный человек…

— В каком направлении они пошли? — спросил запыхавшийся начальник полиции, протискиваясь сквозь группу жандармов, которых он только что нагнал.

Плантатор и его надсмотрщик, стараясь выиграть время, отвечали неопределенно, а потом указали прямо противоположное направление. Однако Торрес заметил, что какой-то пеон, опершись на лопату, внимательно прислушивается к разговору. И пока одураченный начальник полиции отдавал приказание направиться по ложному следу, Торрес украдкой показал пеону серебряный доллар. Тот кивком дал понять, в каком направлении на самом деле уехали всадники, незаметно поймал монету и снова принялся подкапывать огромную корягу.

Торрес тотчас отменил приказ шефа.

— Мы пойдем не туда, — сказал он, подмигивая начальнику полиции. — Одна маленькая птичка сообщила мне, что наш уважаемый друг ошибается: они пошли совсем в другом направлении.

И отряд жандармов устремился по горячему следу, а плантатор и его надсмотрщик, совершенно подавленные, в изумлении уставились друг на друга. Надсмотрщик одним движением губ показал своему хозяину, чтобы тот молчал, и быстро оглядел лесорубов. Предатель-пеон трудился рьяно, не разгибая спины, но сосед его едва заметным кивком указал на него надсмотрщику.

— Вот она, эта маленькая птичка, — воскликнул надсмотрщик и, подскочив к предателю, принялся трясти его за плечи.

Из лохмотьев пеона выкатился серебряный доллар.

— Ага, — произнес плантатор, поняв все. — Он, оказывается, разбогател. Какой ужас, мой пеон стал богачом. Значит, он кого-нибудь убил и ограбил. Сечь его, пока не сознается.

Несчастный пеон, стоя на коленях под градом ударов, которыми осыпал его надсмотрщик, признался, наконец, каким образом он заработал этот доллар.

— Бейте его, бейте нещадно! Хоть до смерти забейте этого мерзавца, который предал моих лучших друзей, — равнодушно приговаривал плантатор. — Впрочем, нет, погодите! Бейте, но не до смерти! У нас сейчас мало рабочих рук, и мы не можем дать волю нашему справедливому гневу. Бейте его так, чтоб он на всю жизнь запомнил, но чтоб через два дня уже мог снова вернуться на работу.

О том, через какие муки и злоключения пришлось вслед за этим пройти пеону, можно было бы написать целый том — эпопею его жизни. Но не так уж приятно смотреть, как избивают человека до полусмерти, и описывать это. Скажем только, что пеон, получив лишь какую-то часть предназначенных ему ударов, вдруг вскочил, рванулся, оставив в руках надсмотрщика добрую половину своих лохмотьев, и, как безумный, кинулся в джунгли, — где уж было догнать его надсмотрщику, привыкшему передвигаться быстро только верхом!

И так стремительно мчался этот несчастный, подгоняемый болью от побоев и страхом перед надсмотрщиком, что мигом пролетел через полосу зарослей и нагнал Солано и его спутников в ту самую минуту, когда они переходили вброд небольшой ручеек. При виде их пеон упал на колени, моля о пощаде, — молил он о пощаде потому, что предал их. Но они этого не знали. Френсис, заметив жалкое состояние пеона, остановился, отвинтил металлический колпачок с карманной фляжки и, чтобы подкрепить беднягу, влил ему в горло половину ее содержимого; затем поспешил за своими спутниками. А несчастный пеон, что-то благодарно бормоча, нырнул в спасительные джунгли, но только в другую сторону. Однако он так ослабел от недоедания и непомерного труда, что ноги у него подкосились, и он тут же упал без чувств под зеленым лиственным шатром.

Вскоре у ручья появилась и погоня: впереди, точно ищейка, шел Альварес Торрес, за ним жандармы, а позади всех, задыхаясь, ковылял начальник полиции. Влажные следы босых ног пеона на сухих камнях возле ручья привлекли внимание Торреса. Не прошло и секунды, как пеона обнаружили, вцепились в последние лохмотья, какие еще оставались на нем, и выволокли его из укрытия. Упав на колени, которым пришлось немало потрудиться за этот день, он стал просить пощады и был подвергнут суровому допросу. Он сказал, что и знать не знает об отряде Солано. Пеон предал этих людей и за это получил побои; те же, кого он

предал, оказали ему помощь, — и теперь в нем шевельнулось что-то похожее на благодарность и желание сделать добро: он сказал, что не видел Солано с тех пор, как они ушли с той просеки, где он продал их за серебряный доллар. Палка Торреса обрушилась на голову пеона — пять ударов, десять, — казалось, им не будет конца, если он не скажет правду. А ведь пеон был всего-навсего несчастным, жалким существом, чья воля была сломлена побоями, которые он получал чуть ли не с колыбели, — и такова оказалась сила ударов Торреса, грозившего забить его до смерти (чего не мог позволить себе его хозяин-плантатор), что пеон сдался и указал преследователям, куда идти.

Но это было только началом тех бед, которые суждено было вынести пеону в тот день. Не успел он, все еще стоя на коленях, вторично предать Солано, как из-за деревьев на взмыленных конях выскочили его хозяин и с ним несколько соседей и надсмотрщиков.

— Это мой пеон, сеньоры, — провозгласил плантатор, которому не терпелось поскорее изловить беглеца. — А вы истязаете его.

— А почему бы и нет? — спросил начальник полиции.

— Потому что он мой, и я один имею право его бить.

Пеон подполз, извиваясь, к ногам начальника полиции и принялся молить, чтобы тот не выдавал его. Но он просил жалости у того, кому неведомо было это чувство.

— Конечно, сеньор, — сказал плантатору начальник полиции. — Берите его, пожалуйста, обратно. Мы должны поддерживать закон, а этот человек — ваша собственность. К тому же он больше нам не нужен. Но он замечательный пеон, сеньор. Он сделал то, чего не сделал ни один пеон за все время существования Панамы: он дважды в течение одного дня сказал правду.

Пеону связали руки впереди и, прикрутив их веревкой к седлу надсмотрщика, поволокли обратно, — теперь уж он был совершенно уверен, что самые жестокие побои, предуготованные ему на этот день судьбой, еще ждут его. И он не ошибся. По возвращении на плантацию, его, как скотину, привязали к столбу в изгороди из колючей проволоки, а хозяин со своими друзьями, помогавшими ему в поимке беглеца, отправился в асьенду завтракать. Пеон хорошо знал, что его ждет. Но при виде колючей проволоки, ограждавшей выгон, и хромой кобылы, бродившей поблизости, отчаянная мысль зародилась в мозгу пеона. Не обращая внимания на страшную боль от колючек, вонзавшихся в кисти его рук, он быстро перетер свои путы об острую проволоку и, подумав, что теперь ему никто не страшен, кроме властей, прополз под изгородью, вывел хромую кобылу из ворот, вскочил на нее и, колотя голыми пятками по ее бокам, понесся галопом к спасительным Кордильерам.

Глава девятая

Тем временем преследователи нагоняли Солано, и Генри начал поддразнивать Френсиса:

— Вот уж где доллары ничего не стоят, так это здесь, в джунглях. Лошадей на них не купишь, даже этих нельзя подлечить, а они, наверно, тоже заражены чумой — ведь все остальные лошади у плантатора издохли.

— Мне еще ни разу не приходилось бывать в таком месте, где деньги были бы бессильны, — возразил Френсис.

— По-твоему, за деньги и в аду можно напиться, — заметил Генри.

Леонсия захлопала в ладоши.

— Право, не знаю, — в тон ему ответил Френсис. — Я там не бывал.

Леонсия снова захлопала в ладоши.

— И все-таки я думаю, что доллары сослужат мне службу и здесь, в джунглях. Я даже намерен сейчас же попытать счастья, — продолжал Френсис, отвязывая мешок с деньгами от седла Леонсии. — А вы поезжайте дальше.

— Но мне-то вы должны сказать, что вы затеяли! — потребовала Леонсия. Она перегнулась к Френсису с седла, и он стал шептать ей что-то на ухо; девушка засмеялась, а Генри, беседовавший с Энрико и его сыновьями, услышав ее смех, втайне обозвал себя ревнивым дураком.

Прежде чем деревья скрыли от них Френсиса, они увидели, что он достал блокнот и карандаш и стал что-то писать. То, что он написал, было кратко, но выразительно — просто цифра «50». Вырвав листок, Френсис положил его посредине тропинки на самом виду и придавил серебряным долларом. Отсчитав еще сорок девять долларов из мешка, он разбросал их неподалеку от записки и бегом кинулся догонять своих спутников.

Аугустино, жандарм, который больше помалкивал, когда был трезв, а выпив, начинал многословно доказывать, что молчание — золото, шел впереди всех, нагнув голову, словно вынюхивая следы зверя и зорко поглядывая по сторонам. Вдруг он заметил листок бумаги и на нем — серебряный доллар. Доллар он взял себе, а записку вручил начальнику полиции. Торрес заглянул через плечо шефа, и они оба увидели таинственную цифру «50». Начальник полиции бросил бумажку на землю, не обнаружив в ней ничего интересного, и хотел продолжать погоню, но Аугустино поднял листок и стал раздумывать, что бы могла означать цифра «50». Он все еще пребывал в раздумье, когда послышался громкий возглас Рафаэля. Тут уж Аугустино смекнул, в чем дело: значит, Рафаэль нашел еще доллар; и если поискать как следует, то где-то здесь можно найти пятьдесят таких монет. И, швырнув бумажку, он мигом опустился на четвереньки и стал искать. Остальные жандармы тотчас последовали его примеру. В общей свалке никто и внимания не обращал на Торреса и начальника полиции, которые тщетно сыпали проклятиями, требуя, чтобы отряд двинулся дальше.

Когда выяснилось, что уже никто ничего больше не находит, жандармы решили подсчитать, сколько они подобрали монет. Оказалось — сорок семь.

— Тут где-то должно быть еще три доллара! — воскликнул Рафаэль; и все жандармы снова распластались на земле и принялись за поиски. Прошло еще пять минут, пока были найдены недостающие три монеты. Каждый сунул в карман то, что ему удалось подобрать, и все послушно двинулись вслед за Торресом и начальником полиции.

Они прошли примерно с милю, когда Торрес увидел на земле блестящий доллар и попытался втоптать его в грязь, но острые, как у хорька, глаза Аугустино успели заметить это, и его проворные пальцы быстро извлекли монету из мягкой сырой земли. Теперь его товарищи уже по опыту знали, что где один доллар, там есть и еще. Отряд остановился, и, как ни грозили и ни упрашивали начальники, жандармы тотчас рассыпались по лесу и принялись обшаривать землю вправо и влево от тропинки.

Висенте, с круглым, как луна, лицом, похожий больше на мексиканского индейца, чем на майя или панамского метиса, первый напал на след. Все жандармы мигом окружили его, точно свора собак — дерево, на которое они загнали опоссума. Сходство усиливалось тем, что и

Висенте стоял около дерева. Оно было без макушки, гнилое и дуплистое, футов двенадцати в высоту и примерно четырех в обхвате. На середине его было дупло — над ним висел приколотый колючкой такой же листок бумаги, как и тот, что они нашли раньше. На листке было написано «100».

Началась драка, продолжавшаяся несколько минут, с полдюжины рук отталкивали одна другую: каждому хотелось первым залезть в дупло и добраться до сокровища. Но дупло было глубокое, и руки не доставали до его дна.

— Давайте срубим дерево, — закричал Рафаэль, постукивая тыльной стороной своего мачете по коре, чтобы определить, где кончается дупло. — Свалим его все вместе, потом сосчитаем деньги, которые там найдем, и поделим поровну.

Услышав это, начальство совсем рассвирепело, а шеф пригрозил, что, как только они вернутся в Сан-Антонио, он сошлет их всех в Сан-Хуан на съедение сарычам.

— Но мы пока еще, благодарение Богу, не вернулись в Сан-Антонио, — промолвил Аугустино, срывая печать молчания, сковывавшую его уста в минуты трезвости, и изрекая очередную мудрость.

— Мы люди бедные и поделимся по-честному, — заявил Рафаэль. — Аугустино прав: благодарение Богу, мы еще не в Сан-Антонио. Этот богач-гринго за один день рассыпал на своем пути куда больше монет, чем мы заработали бы на службе за целый год. Я, например, стою за революцию, чтобы у всех было много денег.

— И чтоб вожаком был богатый гринго, — добавил Аугустино. — Если он и дальше будет вести нас по дороге, усыпанной серебром, я готов идти за ним хоть всю жизнь.

— И я тоже, — подтвердил Рафаэль. — А если эти, — и он мотнул головой в сторону Торреса и начальника полиции, — не дадут нам собрать то, что боги нам послали, то пусть отправляются в преисподнюю, ко всем чертям. Мы люди, а не рабы. Мир велик. Кордильеры перед нами. Мы поселимся в Кордильерах, и все будем богаты и свободны. А какие там красивые и аппетитные индианки!..

— И кстати избавимся от своих ясен, пусть остаются в Сан-Антонио! — сказал Висенте. — Давайте рубить драгоценное дерево.

Под тяжелыми, ухающими ударами мачете дерево — гнилое и пористое — так и крошилось. Когда оно упало, жандармы сосчитали и разделили поровну не сто, а сто сорок семь серебряных долларов.

— Щедрый парень этот гринго, — прокудахтал Висенте. — Оставляет даже больше, чем обещал. Может, там и еще есть?

Из-под груды щепок и древесной трухи они извлекли еще пять монет, потеряв на этом ровно десять минут, так что Торрес и начальник полиции дошли уже до полного исступления.

— Ишь какой богач, даже сосчитать не потрудился, — сказал Рафаэль. — Должно быть, просто развязывает мешок и высыпает оттуда деньги. Это, наверно, тот самый мешок, с которым он удирал из Сан-Антонио, после того как взорвал стену в нашей тюрьме.

Погоня возобновилась, и с полчаса они шагали, не задерживаясь, пока не подошли к заброшенной плантации, на поля которой уже наступали джунгли. Полуразрушенный, крытый

соломой домишко, обвалившиеся бараки для рабочих, рассыпавшийся хлев, самые столбы которого, казалось, пустили ростки и теперь превратились в настоящие деревья, и, наконец, колодец, из которого, по-видимому, еще недавно брали воду, так как бадья была привязана к валу совсем новым куском риаты[13], — все говорило о том, что здесь человек отступил, так и не сумев покорить дикую природу. А к валу колодца на самом видном месте был прикреплен уже знакомый по виду листок бумаги, на котором было написано «300».

— Пресвятая Матерь Божья! Ведь это же целое состояние! — воскликнул Рафаэль.

— А, чтоб ему веки вечные жариться в аду на медленном огне! — добавил Торрес.

— Он получше платит, чем ваш сеньор Риган, — ехидно заметил начальник полиции, доведенный уже до полного отчаяния.

— Его мешок с серебром не такой и большой, — заметил Торрес. — Как видно, мы должны подобрать все содержимое этой сокровищницы, прежде чем поймаем ее владельца. Вот когда мы все подберем и мешок опустеет, тут мы его и накроем.

— Пойдемте-ка дальше, друзья, — вкрадчивым тоном обратился к своему отряду начальник полиции. — Потом мы сюда вернемся и на досуге соберем все серебро.

Тут Аугустино снова сорвал со своих уст печать молчания.

— Никто не знает, каким путем будет возвращаться и вернется ли вообще, — пессимистически провозгласил он; и, вдохновленный перлом мудрости, который он из себя выдавил, решил одарить мир еще одним изречением: — Три сотни в руке лучше, чем три миллиона на дне колодца, который мы, может, никогда больше и не увидим.

— Кто-то должен спуститься в колодец, — сказал Рафаэль, ухватился за плетеную веревку и повис на ней. — Видите, риата крепкая. Мы спустим на ней кого-нибудь. Так кто же тот храбрец, который полезет вниз?

— Я, — вызвался Висенте. — Я этот храбрец, я полезу.

— Да, и украдешь половину того, что там лежит, — высказал вслух Рафаэль мгновенно возникшее у него подозрение. — Если ты полезешь вниз, то сначала сдай-ка нам все свои деньги. А когда ты вылезешь, мы обыщем тебя и тогда узнаем, сколько ты нашел. Потом мы все поделим поровну и вернем тебе то, что у тебя раньше было.

— В таком случае я не полезу вниз ради людей, которые мне не доверяют, — упрямо заявил Висенте. — Здесь, у колодца, я такой же богатый, как любой из вас. Тогда почему же именно я должен лезть вниз? Я не раз слышал, что люди погибали на дне колодцев.

— Да лезь ты, ради Бога! — рявкнул начальник полиции. — Живей! Живей!

— Я слишком толстый, эта веревка меня не выдержит, я не полезу в колодец! — заявил Висенте.

Все взгляды обратились к Аугустино, молчаливому жандарму, который за один этот день наговорил больше, чем за целую неделю.

— Гиллермо — самый худой и самый тонкий, — сказал Аугустино.

— Вот Гиллермо туда и полезет! — хором заявили остальные.

Но Гиллермо боязливо заглянул в глубь колодца и попятился, мотая головой и крестясь.

— Не полезу я туда, даже если бы там было священное сокровище таинственного города племени майя, — пробормотал он.

Начальник полиции выхватил револьвер и вопросительно посмотрел на своих жандармов, как бы испрашивая у них одобрения. Они ответили ему взглядами и кивками головы.

— Во имя всего святого, лезь в колодец! — угрожающе сказал он маленькому жандарму. — И поторапливайся, не то я тебя так награжу, что ты у меня больше никогда уже не спустишься и не поднимешься, а на веки вечные останешься здесь и сгниешь возле этого проклятого колодца… Правильно я поступлю, ребята, если убью его, раз он отказывается лезть?

— Правильно! — поддержали жандармы.

Итак, Гиллермо дрожащими пальцами пересчитал найденные раньше монеты, потом с перекошенным от страха лицом, не переставая креститься, подошел, подталкиваемый товарищами, к бадье, сел на нее, обхватил ногами, и жандармы начали поспешно спускать его вниз, в кромешную тьму колодца.

— Стойте — раздался из глубины колодца его крик. — Стойте! Стойте! Вода! Я уже в воде!

Жандармы навалились на вал и придержали его.

— Я требую десять песо сверх того, что мне причитается, — снова донесся голос Гиллермо.

— Обожди, мы тебе устроим крещение! — крикнул ему кто-то.

И все загалдели:

— Уж ты у нас сегодня вдосталь водички нахлебаешься!

— Мы вот сейчас отпустим веревку!

— Перережем ее — и все тут!

— Одним будет меньше при дележе!

— Вода уж больно противная, — снова донесся из темной глубины колодца голос Гиллермо, точно голос призрака. — Тут какие-то сонные ящерицы и дохлая птица, от которой здорово воняет. Может, здесь даже и змеи есть. Право же, десять лишних песо не слишком большая цена за такую работу.

— Вот мы утопим тебя сейчас! — крикнул Рафаэль.

— Я пристрелю тебя! — рявкнул начальник полиции.

— Пристрелите или утопите, — долетел до них голос Гиллермо, — толку вам от этого никакого не будет: деньги-то все равно останутся в колодце!

Наступило молчание: те, кто находился наверху, взглядами спрашивали друг друга, что же теперь делать.

— А гринго скачут все дальше и дальше, — взорвался Торрес. — Хорошенькая дисциплина у вас, сеньор Мариано Веркара-и-Ихос! Нечего сказать, умеете держать в руках своих жандармов!

— Это вам не Сан-Антонио, — огрызнулся начальник полиции. — Здесь дебри Хучитана. Мои псы верно служат мне, пока они в Сан-Антонио, а в этих дебрях с ними надо быть поосторожнее, не то взбесятся — и тогда что будет с нами?

— А все это проклятое золото, — сдаваясь, грустно произнес Торрес. — Тут, право, можно стать социалистом: подумать только, какой-то гринго связывает руки правосудия золотыми путами.

— Серебряными, — поправил его начальник полиции.

— Пошли вы к черту! — сказал Торрес. — Вы совершенно правильно изволили заметить, что это не Сан-Антонио, а дебри Хучитана, и здесь я смело могу послать вас к черту. Ну кто виноват, что у вас вспыльчивый характер? Зачем нам из-за этого ссориться, когда все наше благополучие зависит от того, чтобы держаться вместе?

— Эй вы, слышите? — долетел до них голос Гиллермо. — Вода-то здесь всего два фута глубиной. Так что вам не удастся утопить меня. Я только что добрался до дна и уже держу в руке четыре кругленьких серебряных песо. Они покрывают все дно, точно ковер. Так как же, отпустите веревку? Или я получу десять лишних песо за эту грязную работу? Вода здесь смердит, как разрытая могила.

— Да! Да! — закричали жандармы, перегибаясь через край колодца.

— Что да? Отпустите веревку? Или дадите еще десять монет?

— Дадим! — хором ответили ему.

— Ох, ради всего святого, да поторапливайся ты! Поторапливайся! — завопил начальник полиции.

Из глубины колодца послышались всплеск и проклятья, и по тому, как ослабла риата, жандармы поняли, что Гиллермо вылез из бадьи и собирает монеты.

— Клади их в бадью, милый Гиллермо, — крикнул ему Рафаэль.

— Я кладу их к себе в карманы, — был ответ. — Если я положу их в бадью, вы еще вытянете ее, а про меня и забудете.

— Но риата может лопнуть от такой тяжести, — предупредил его Рафаэль.

— Риата-то, может, и не выдержит, зато воля моя выдержит, потому что тут уж я не сдамся, — заявил Гиллермо.

— А если риата лопнет?.. — снова начал было Рафаэль.

— Ну что же, есть выход, — сказал Гиллермо. — Спускайся ты вниз. Тогда первым поднимут меня. Потом в бадье поднимут деньги, а уж: в третью и последнюю очередь — тебя. Вот это будет справедливо!

Рафаэль оторопел, у него даже челюсть отвисла, и он не мог произнести ни звука.

— Ну, так как же, Рафаэль, ты спустишься?

— Нет, — ответил он. — Клади все серебро в карманы и вылезай вместе с ним.

— А, чтоб черт побрал это отродье и меня заодно! — теряя терпение, воскликнул начальник полиции.

— Я уже давно это говорю, — сказал Торрес.

— Эй, подымайте! — закричал Гиллермо. — Я забрал все, что тут было, кроме вони. И я задыхаюсь. Поднимайте, и побыстрее, не то я тут пропаду, а вместе со мной и все триста песо. Да что я: тут гораздо больше трехсот. Должно быть, этот гринго вывалил весь свой мешок сюда.

А в это время беглецы — они ушли уже довольно далеко вперед, — чтобы дать роздых некормленым, тяжело дышавшим лошадям, остановились там, где тропинка начинала подниматься в гору; тут-то их и нагнал Френсис.

— Теперь уж никогда не стану путешествовать без звонкой монеты, — заявил он и принялся описывать, что он видел, спрятавшись на заброшенной плантации. — Знаешь, Генри, когда я умру и отправлюсь на небо, я и туда прихвачу с собой мешок монет, да поувесистей. Даже и там он пригодится: ведь одному Богу известно, какие могут ждать там неприятности. Слушайте! Жандармы устроили такую драку у колодца, точно кошки с собаками. Друг другу не доверяли, своего же парня не пускали в колодец, пока он не оставил им все, что подобрал раньше. Жандармы совсем вышли из повиновения. Шефу пришлось пригрозить пистолетом, чтобы заставить самого маленького и щуплого спуститься в колодец. А тот, как только добрался до дна, начал их шантажировать. Все, конечно, надавали ему обещаний, но когда он вылез из колодца, стали его бить. Они все еще лупили его, когда я уходил.

— Но теперь мешок твой пуст, — заметил Генри.

— Да, и это сейчас самая большая для нас беда, — согласился Френсис. — Будь у меня достаточно денег, они бы никогда не добрались до нас. Кажется, я чересчур расщедрился. Я не знал, что этот сброд можно так дешево купить. Но сейчас я сообщу вам такое, что вы ахнете: Торрес, сеньор Торрес, сеньор Альварес Торрес, элегантный джентльмен и старинный друг семейства Солано, возглавляет погоню вместе с шефом! Он вне себя, потому что они задерживаются. Он чуть всерьез не поссорился с шефом из-за того, что тот не может сладить со своими жандармами. Да, милые мои, он послал шефа ко всем чертям. Я отчетливо слышал, как он послал его ко всем чертям!

Проскакав еще миль пять, утомленные лошади пали. Тропинка в этом месте спускалась в глубокое, мрачное ущелье и снова вилась вверх по противоположному склону; Френсис настоял на том, чтобы все продолжали путь, а сам остался. Он выждал несколько минут и, дав своим спутникам уйти вперед, последовал за ними, так сказать, в арьергарде. Немного спустя он вышел на открытое место, где землю покрывала лишь густая поросль травы и, к своему ужасу, увидел следы лошадиных копыт — они точно глубокие тарелки лежали перед ним на дерне. В образовавшихся углублениях скопилась темная маслянистая жидкость, в которой Френсис сразу распознал сырую нефть. Это были только первые следы нефти — она просачивалась сюда из ручейка, который протекал чуть выше и, видно, был ответвлением главного потока. А шагов через сто Френсис наткнулся и на самый поток — целую реку нефти, стекавшую с такого крутого склона, что, будь это вода, она образовала бы здесь водопад. Но поскольку это была сырая нефть, густая, как патока, она и текла с горы медленно — как текла бы патока. Здесь

Френсис решил устроить засаду, чтобы не перебираться через нефтяную реку; он присел на камень, положил подле себя с одной стороны ружье, а с другой пистолет-автомат, скрутил цыгарку, закурил и стал прислушиваться, с минуты на минуту ожидая услышать звук приближающейся погони.

В это время избитый до полусмерти пеон, которому угрожало еще более жестокое избиение, нахлестывая свою и без того уже загнанную клячу, проезжал по верху ущелья, как раз над Френсисом. У самой нефтескважины измученное животное упало; пинками он заставил кобылу подняться на ноги и стал так лупить палкой, что она, прихрамывая, бросилась прочь от него в джунгли. Однако первый день его приключений еще не кончился, хоть он и не знал этого. Он тоже присел на камень, поджав под себя ноги, чтобы не касаться нефти, скрутил цыгарку, закурил и принялся смотреть на вытекавшую из скважины нефть. Вдруг он услышал чьи-то голоса и стремглав бросился в заросли, подступавшие к самому этому месту; выглянув оттуда украдкой, он увидел двух незнакомых мужчин. Они подошли прямо к скважине и, повернув при помощи железного колеса распределительный клапан, уменьшили ток нефти.

— Хватит! — скомандовал тот, кто, по-видимому, был старшим. — Если туже завернуть, трубы могут лопнуть от напора — об этом меня особо предупреждал этот инженер-гринго.

Теперь только маленький ручеек нефти, представлявший, однако, известную опасность, стекал вниз по склону горы. Не успели эти двое закончить работу, как из лесу выехал отряд всадников, в которых притаившийся пеон узнал своего хозяина и его соседей-плантаторов, а также их надсмотрщиков. Для этой компании охота на беглого рабочего была таким же удовольствием, как для англичан — охота на лисиц.

Нет, нефтяники никого не видели. Но плантатор, ехавший во главе отряда, заметил отпечатки копыт и, пришпорив коня, помчался по следу, — остальные за ним.

Пеон выжидал, пока они уедут, курил цыгарку и размышлял. Когда все скрылись из виду, он осторожно вышел из своего укрытия и раскрутил до отказа колесо, регулирующее подачу нефти. Под напором подземных газов нефть забила фонтаном и потекла вниз по горе уже настоящей рекой. Пеон прислушался: до него доносилось шипение, клокотание, бурление вырывавшегося из скважины газа. Что тут происходит, он не понимал и сохранил свою жизнь для дальнейших приключений только потому, что извел последнюю спичку, когда закуривал цыгарку, — это и спасло его. Тщетно обыскал он свои лохмотья, уши, за ушами и волосы — спичек не было.

Тогда он посмотрел на нефтяную реку, торжествуя, что пропадает столько добра, и, вспомнив про тропу на дне каньона, ринулся вниз, где его и встретил Френсис с пистолетом-автоматом в руке. Пеон в ужасе рухнул на свои израненные, ободранные колени и стал молить о пощаде человека, которого он дважды предал в этот день. Френсис смотрел на него и не узнавал: лицо пеона было все исцарапано, кровь от ссадин запеклась и превратила его в подобие маски.

— Amigo, amigo[14], — лепетал он.

Внизу, где пролегала тропа, послышался грохот камня, по-видимому потревоженного чьей-то ногой. И в ту же минуту Френсис узнал в этом жалком человеке пеона, которому он отдал добрую половину виски из своей фляги.

— Ну, amigo, — сказал ему Френсис на местном наречии, — похоже, что они гонятся за тобой?

— Они убьют меня, они засекут меня до смерти, они очень разгневаны, — лепетал

несчастный. — Вы мой единственный друг, мой отец и моя мать! Спасите меня!

— Ты умеешь стрелять? — спросил его Френсис.

— Я был охотником в Кордильерах, сеньор, пока не продался в рабство.

Френсис дал ему пистолет-автомат, жестом показал, где укрыться, и велел стрелять, только когда он будет уверен, что не промахнется. А про себя Френсис подумал: «В Территауне сейчас на кортах уже играют в гольф. А миссис Беллингхем сидит, наверно, на веранде клуба и ломает голову над тем, чем расплачиваться за три тысячи фишек, которые она проиграла, и молит Бога, чтобы счастье улыбнулось ей. А я — я стою вот тут — Господи Боже мой! — и путь мне преграждает нефть...»

Размышления его были внезапно прерваны появлением начальника полиции, Торреса и жандармов. Френсис мгновенно выстрелил, и столь же мгновенно они исчезли из виду. Он даже не мог сказать, задела ли кого-нибудь его пуля, или преследователи просто отступили. Они, как видно, не собирались атаковать в лоб, а решили продвигаться вперед, прячась за деревьями. Френсис и пеон последовали их примеру и спрятались за скалами в кустарнике, часто перебегая с места на место.

По истечении часа в ружье у Френсиса остался всего один патрон. В пистолете у пеона благодаря наставлениям и угрозам Френсиса было еще два патрона. Но час они все-таки выиграли для Леонсии и для тех, кто был с ней; к тому же Френсиса поддерживало сознание, что он в любую минуту может перейти вброд через нефтяную реку и скрыться. Дело обстояло не так уж скверно, и все бы обошлось благополучно, если бы наверху не показался еще один отряд всадников, которые немедля стали спускаться по склону, стреляя на ходу из-за деревьев. Это были плантатор и его друзья, искавшие беглого пеона, но Френсис подумал, что еще какой-то полицейский отряд послан в погоню за ним; к тому же огонь, который открыли всадники, казалось, подтверждал его предположение.

Пеон подполз к Френсису и отдал ему пистолет, показав, что в нем осталось всего два патрона, а взамен попросил коробку спичек. Затем он жестом велел Френсису перейти через ущелье и взобраться на противоположный склон. Смутно догадываясь о намерении пеона, Френсис повиновался и со своей новой, более выгодной позиции выпустил последнюю пулю из ружья в приближавшийся отряд и заставил его отступить назад в ущелье.

В следующую минуту нефтяная река, в которую пеон бросил заложенную спичку, превратилась в огненную реку. Еще через минуту из нефтяной скважины на горе в воздух взвился столб вспыхнувшего газа высотою в сто футов. А еще через минуту огненный поток понесся вниз по ущелью, прямо на Торреса и жандармов.

Изнемогая от жара пылающей нефти, Френсис и пеон взобрались на самый верх склона, сделали круг, обошли горящую нефть и, снова выйдя на тропу, побежали вперед.

Глава десятая

Пока Френсис и пеон благополучно бежали дальше, ущелье, по дну которого текла нефть, уже превратилось в ложе огненной реки, так что начальнику полиции, Торресу и жандармам не оставалось ничего другого, как карабкаться вверх по отвесному склону. Плантатор и его друзья тоже вынуждены были повернуть назад и подняться вверх, чтобы избежать бушевавшего в ущелье пламени.

Пеон то и дело оглядывался через плечо и, наконец, с радостным криком указал на второй столб черного дыма, взвившийся в воздух позади того места, где горела первая скважина.

— Еще! — радовался он. — Там есть еще скважины! И все они будут гореть. Так и надо всей их породе! Они у меня заплатят за побои, которые я от них терпел. Знаете, там подальше есть целое озеро нефти, даже море, величиной с Хучитан.

Френсис вспомнил, что плантатор говорил ему о нефтяном озере, содержавшем по меньшей мере пять миллионов баррелей нефти, которую до сих пор не было возможности перегнать к морю для погрузки на суда; нефть эта хранилась прямо под открытым небом в естественной котловине, огражденной земляной дамбой.

— Сколько ты стоишь? — задал он пеону вопрос, казалось бы, не имевший никакого отношения к делу.

Тот не понял.

— Сколько стоит твоя одежда — все, что на тебе есть?

— Половина песо… нет, даже половина половины песо, — уныло признался пеон, оглядывая то, что осталось от его лохмотьев.

— А что у тебя еще есть? Бедняга развел руками в знак своей полной нищеты и горестно ответил:

— У меня нет ничего, кроме долга. А должен я две сотни и пятьдесят песо. Я до самой смерти с этим долгом не разделаюсь: как больному не избавиться от рака, так и мне от него. Вот почему я в рабстве у плантатора.

— Хм! — Френсис не мог удержаться от улыбки. — Ты стоишь, значит, двести пятьдесят песо — все равно что ничего; это даже не цифра, а абстрактная отрицательная величина, существующая лишь в представлении математика. И вот этот-то нуль сжигает сейчас на миллионы песо нефти. Ведь если почва здесь рыхлая, легко размываемая и нефтепровод подтекает, то может загореться все нефтяное поле, а это уже миллиард долларов убытку. Знаешь ли, ты не абстрактная величина в двести пятьдесят долларов — ты настоящий hombre!

Из всей этой речи пеон не понял ничего, кроме слова «hombre».

— Я человек, — горделиво сказал он, выпячивая грудь и поднимая свою окровавленную голову. — Да, я hombre, я — майя.

— Разве ты индеец из племени майя? — усомнился Френсис.

— Наполовину, — нехотя признался пеон. — Мой отец — тот настоящий майя. Он жил в Кордильерах, но женщины майя не нравились ему. И вот он влюбился в метиску из tierra canente[15]. От нее родился я; но потом она ушла от отца к негру из Барбадоса, а мой отец вернулся в Кордильеры. Мне тоже, как и отцу, суждено было влюбиться в метиску из tierra caliente. Она требовала денег, а я так любил ее, что совсем потерял голову и продал себя за двести песо. С тех пор я больше не видел ни ее, ни денег. Вот уже пять лет, как я пеон. Пять лет я был рабом и получал побои, — и что же? — теперь я должен не двести, а двести пятьдесят песо.

Пока Френсис Морган и многострадальный потомок племени майя пробирались в глубь

Кордильер, стремясь нагнать своих, а нефтяные поля Хучитана продолжали пылать, выбрасывая в воздух черные клубы дыма, далеко впереди, в самом сердце Кордильер, назревали события, которым суждено было свести вместе и преследуемых и преследователей: Френсиса, Генри, Леонсию, ее родных и пеона — с одной стороны, а с другой стороны — плантаторов, отряд жандармов во главе с начальником полиции и Альвареса Торреса, которому не терпелось поскорее добиться не только обещанных Риганом денег, но и руки Леонсии Солано.

В пещере сидели мужчина и женщина. Женщина-метиска была молода и очень хороша собой. Она читала вслух при свете дешевенькой керосиновой лампы, в руках у нее был переплетенный в телячью кожу том сочинений Блэкстона[16] на испанском языке. И мужчина и женщина были босые, в холщовых рясах с капюшоном, но без рукавов. У молодой женщины капюшон был отброшен назад, и ее черные густые волосы рассыпались по плечам. А у старика капюшон был надвинут на лоб, как у монаха. Его лицо аскета, с острыми чертами, выразительное и одухотворенное, дышало силой, — такое лицо могло быть только у испанца. Такое же лицо, наверное, было у Дон Кихота. Только глаза старика были закрыты, его окружала вечная тьма слепоты. Никогда не мог бы он увидеть мельницу и пожелать сразиться с нею.

Он сидел в позе роденовского «Мыслителя» и рассеянно слушал чтение красавицы метиски. Но он вовсе не был мечтателем и не в его натуре было сражаться с мельницами, как это делал Дон Кихот. Несмотря на слепоту, закрывавшую от него мир непроницаемой пеленой, это был человек действия, и душа у него не была слепа: он безошибочно проникал в глубь вещей и явлений, равно как и в человеческие сердца, умел видеть и тайные пороки и чистые, благородные цели.

Движением руки он остановил чтицу и стал размышлять вслух о прочитанном.

— Законы, созданные людьми, — медленно, но убежденно произнес он, — сводятся в наши дни к состязанию умов. Они зиждутся не на справедливости, а на софистике. Законы создавались для блага людей, но в толковании их и применении люди пошли по ложному пути. Они приняли путь к цели за самую цель, метод действий — за конечный результат. И все же законы есть законы, они необходимы, они полезны. Но в наши дни их применяют вкривь и вкось. Судьи и адвокаты мудрствуют, состязаясь друг с другом в изворотливости ума, похваляются своей ученостью и совсем забывают об истцах и ответчиках, которые платят им и ждут от них не изворотливости и учености, а беспристрастия и справедливости.

И все-таки старик Блэкетон прав. В основе законов, как краеугольный камень, на котором стоит цитадель правосудия, лежит горячее и искреннее стремление честных людей к беспристрастию и справедливости. Но что же говорит на этот счет Учитель? «Судьи и адвокаты оказались весьма изобретательными». И законы, созданные для блага людей, были столь изобретательно извращены, что теперь они уже не служат защитой ни обиженному, ни обидчику, а лишь разжиревшим судьям да тощим, ненасытным адвокатам, которые покрывают себя славой и наживают толстое брюхо, если им удается доказать, что они умнее своих противников и даже самих судей, выносящих приговор.

Он замолчал и задумался все в той же позе роденовского «Мыслителя», — казалось, он взвешивал судьбы мира; метиска сидела и ждала привычного знака, чтобы возобновить чтение. Наконец, выйдя из глубокого раздумья, старик заговорил:

— Но у нас здесь, в панамских Кордильерах, закон сохранился во всей своей неприкосновенности — справедливый, беспристрастный и равный для всех. Он служит не на

благо какому-то одному человеку и не на благо богачам. Справедливому и беспристрастному судье более пристала холщовая одежда, нежели тонкое сукно. Читай дальше. Мерседес. Блэкетон всегда прав, если его правильно читать. По-твоему, это парадокс? Да! Но, кстати, все современные законы тоже парадокс. Читай же дальше! Блэкетон — это сама основа человеческого правосудия, но — более! — сколько хитроумия пускают в ход умные люди, чтобы прикрыть именем Блэкстона то зло, которое они творят.

Минут через десять слепой философ приподнял голову, понюхал воздух и жестом остановил девушку. Следуя его примеру, она тоже втянула в себя воздух.

— Может, это гарь от лампы, о Справедливый! — предположила она.

— Нет, это горит нефть, — возразил слепой. — Лампа тут ни при чем. И горит где-то далеко. Мне еще послышались выстрелы в ущелье.

— А я ничего не слышала… — начала было метиска.

— Дочь моя, ты же зрячая, ты не нуждаешься в таком остром слухе, как я. В ущелье стреляли. Прикажи моим детям выяснить, в чем дело, и доложить.

Почтительно поклонившись старику, который хоть и не видел ее, но привык ухом различать каждое ее движение и потому знал, что она поклонилась, молодая женщина приподняла полог из одеял и вышла на дневной свет. У входа в пещеру сидели два пеона. У каждого было ружье и мачете, а из-за пояса торчало лезвие ножа. Девушка передала им приказание; оба вскочили и поклонились, но не ей, а тому невидимому, от кого исходило приказание. Один из них постучал мачете по камню, на котором только что сидел, потом приложил к нему ухо и прислушался. Камень этот прикрывал рудную жилу, тянувшуюся через всю гору и выходившую в этом месте на поверхность. А за горой, на противоположном склоне, в орлином гнезде, из которого открывалась великолепная панорама отрогов Кордильер, сидел другой пеон. Он приложился ухом к такой же глыбе кварца и отстучал ответ своим мачете. Затем он подошел к высокому полузасохшему дереву, стоявшему шагах в шести от него, сунул руку в дупло и дернул за висевшую внутри веревку, как звонарь на колокольне.

Но никакого звука не последовало. Вместо этого могучий сук, ответвлявшийся наподобие семафорной стрелки от главного ствола на высоте пятидесяти футов, дернулся вверх и вниз, как и подобает семафору. В двух милях от него, на гребне горы, ему ответили с помощью такого же дерева-семафора. А еще дальше, вниз по склонам, засверкали ручные зеркала, отражая солнечные лучи и посредством их передавая приказание слепого из пещеры. И скоро вся эта часть Кордильер заговорила условным языком звенящих рудных жил, солнечных бликов и качающихся веток.

Энрико Солано, прямой и подтянутый, точно юноша индеец, скакал вперед, стараясь возможно выгоднее воспользоваться преимуществом во времени, которое давал ему арьергардный бой Френсиса; Алесандро и Рикардо бежали рядом, держась за его стремена, тогда как Леонсия и Генри Морган не слишком торопились то она, то он непрестанно оглядывались, чтобы проверить, не догоняет ли их Френсис. Придумав какой-то предлог, Генри повернул обратно. А минут через пять и Леонсия, не менее его тревожившаяся о Френсисе, тоже решила вернуться. Но ее лошадь, не желая отставать от коня Солано, заупрямилась, встала на дыбы, принялась бить ногами и, наконец, остановилась. Леонсия спрыгнула с седла и, бросив поводья на землю, как это делают панамцы, вместо того чтобы стреножить или привязать оседланную лошадь, пешком пошла назад. Она шла так быстро, что почти нагнала Генри, когда он повстречал Френсиса и пеона. А через минуту оба — Генри и Френсис — уже бранили ее за безрассудство,

но в голосе у каждого непроизвольно звучали любовь и неясность, вызывавшие ревность соперника.

Любовь настолько полонила их, что они уже ни о чем не думали и потому были буквально ошеломлены, когда из джунглей вдруг выскочил отряд плантаторов с ружьями. Несмотря на то, что беглый пеон, на которого тотчас посыпался град ударов, был обнаружен в их обществе, никто не тронул бы Леонсию и обоих Морганов, если бы хозяин пеона, давний друг семейства Солано, оказался здесь. Но приступ малярии, трепавший его через два дня на третий, свалил плантатора, и он лежал теперь, дрожа от озноба, неподалеку от пылающего нефтяного поля.

Тем не менее плантаторы, избив пеона до того, что он упал на колени и с рыданиями стал просить о пощаде, отнеслись рыцарски вежливо к Леонсии и не слишком грубо к Френсису и Генри, хотя и связали им руки назад, перед тем как подняться по крутому склону к тому месту, где у них были оставлены лошади. Зато на пеоне они продолжали срывать свой гнев с присущей латиноамериканцам жестокостью.

Однако им не суждено было добраться до места и привести туда своих пленников. Радостно вопя, на склоне вдруг появились жандармы во главе со своим начальником и Альваресом Торресом. Мгновенно у всех заработали языки: в нарастающем гуле голосов тонули вопросы тех, кто требовал объяснения, и ответы тех, кто пытался что-то объяснить. А пока длилась эта сумятица и все кричали, не слушая друг друга, Торрес, кивнув Френсису и с победоносной усмешкой взглянув на Генри, подошел к Леонсии и, как настоящий идальго, почтительно склонился перед нею.

— Послушайте! — тихо сказал он, заметив ее жест, исполненный отвращения. — Не ошибитесь относительно моих намерений. Поймите меня правильно. Я здесь, чтобы спасти вас и защитить от любой беды. Вы — владычица моих грез. Я готов умереть ради вас — и умер бы с радостью, хотя с еще большей радостью готов жить для вас.

— Я вас не понимаю, — резко отвечала она. — Разве речь идет о нашей жизни или смерти? Мы никому не причинили зла. Ни я, ни мой отец, ни Френсис Морган, ни Генри Морган. Поэтому, сэр, нашей жизни не может ничто угрожать.

Генри и Френсис подошли к Леонсии и стали рядом с нею, стараясь, несмотря на общий крик и гам, не пропустить ни слова из ее разговора с Торресом.

— Генри Моргану, несомненно, грозит смерть через повешение, — настаивал Торрес. — Достоверно доказано, что он убил Альфаро Солано, родного брата вашего отца и вашего родного дядюшку. Спасти его невозможно. Но Френсиса Моргана я мог бы наверняка спасти, если…

— Если — что? — спросила Леонсия, крепко стиснув зубы, точно тигрица, схватившая добычу.

— Если… вы будете благосклонны ко мне и выйдете за меня замуж, — с невозмутимым спокойствием закончил Торрес, хотя в глазах обоих гринго, беспомощно стоявших рядом со связанными руками, одновременно вспыхнуло желание убить его на месте.

В порыве искренней страсти Торрес схватил руки Леонсии в свои, но прежде метнул быстрый взгляд в сторону Морганов и еще раз убедился, что они не могут причинить ему никакого вреда.

— Леонсия, — умоляющим тоном сказал он, — если я стану вашим мужем, я, возможно, кое-что смогу сделать для Генри. Мне даже, может быть, удастся спасти ему жизнь, если он согласится

немедленно покинуть Панаму.

— Ах ты испанская собака! — прохрипел Генри, тщетно пытаясь высвободить связанные назад руки.

— Сам ты американский пес! — крикнул Торрес и наотмашь ударил Генри по зубам.

В тот же миг Генри поднял ногу и так двинул Торреса в бок, что тот не устоял и отлетел к Френсису; Френсис, в свою очередь, не замедлил как следует пнуть его с другого бока. Так они кидали Торреса друг другу, точно футболисты, пасующие мяч, пока жандармы, наконец, не схватили их и не принялись, пользуясь их беспомощностью, избивать. Торрес не только поощрял жандармов возгласами, но и сам вытащил нож; дело, безусловно, кончилось бы кровавой трагедией, как это нередко случается, когда вскипит оскорбленная латиноамериканская кровь, если бы вдруг не появилось десятка два вооруженных всадников, которые бесшумно выехали из-за деревьев и так же бесшумно стали хозяевами положения. Иные из этих таинственных незнакомцев были одеты в парусиновые рубашки и штаны, другие — в длинные холщовые рясы с капюшонами.

Жандармы и плантаторы в ужасе попятились, крестясь и бормоча молитвы.

— Слепой разбойник! — Суровый судья! — Это его люди! — Мы погибли! — неслось со всех сторон.

Только один многострадальный пеон метнулся вперед и упал на окровавленные колени перед человеком со строгим лицом, который, как видно, предводительствовал людьми Слепого разбойника. Из уст пеона полились громкие жалобы и мольбы о справедливости.

— А знаешь ли ты, о какой справедливости просишь? — гортанным голосом спросил его предводитель отряда.

— Да, о Суровой Справедливости, — ответил пеон. — Я знаю, что значит обращаться к Суровой Справедливости, и все же обращаюсь, потому что жажду справедливости, и дело мое — правое.

— Я тоже требую Суровой Справедливости! — воскликнула Леонсия, сверкая глазами. И тихо добавила, обращаясь к Френсису и Генри: — Какова бы ни была эта Суровая Справедливость.

— Едва ли это будет хуже того, что мы можем ожидать от Торреса и начальника полиции, — в тон ей шепнул Генри и, смело шагнув вперед, обратился к предводителю отряда: — Я тоже требую Суровой Справедливости.

Вожак кивнул.

— И я тоже, — сначала шепотом, а затем громко заявил Френсис.

Жандармам, как видно, было все равно, а плантаторы дали понять, что готовы подчиниться любому приговору, какой соблаговолит им вынести Слепой разбойник. Запротестовал только начальник полиции.

— Быть может, вы не знаете, кто я? — чванливо спросил он. — Я — Мариано Веркара-и-Ихос, представитель старинного именитого рода, всю жизнь занимающий высокие должностные посты. Я — начальник полиции Сан-Антонио, ближайший друг губернатора, доверенное лицо правительства Панамской республики. Я носитель закона. Вообще в стране нашей существует только один закон и одна справедливость — для всей Панамы и для Кордильер тоже. Я

протестую против того, что вы тут установили у себя в горах закон, который называете Суровой Справедливостью. Я пошлю солдат арестовать вашего Слепого разбойника и упрячу его в Сан-Хуан, чтобы сарычи склевали там его.

— Я бы советовал вам все-таки не забывать, — насмешливо предупредил Торрес разбушевавшегося начальника полиции, — что вы не в Сан-Антонио, а в дебрях Хучитана. И у вас здесь нет никакой армии.

— Вот эти двое — нанесли они обиду кому-нибудь из тех, кто взывает сейчас к Суровой Справедливости? — резко спросил вожак.

— Да, — заявил пеон. — Они били меня. Все меня били. И вот эти тоже били — без всякой причины. У меня рука вся в крови, а тело в ссадинах и кровоподтеках. Я снова прошу защиты и обвиняю этих двух в несправедливости.

Вожак кивнул и жестом приказал своим людям разоружить пленных и приготовиться в путь.

— Справедливости!.. Я тоже требую справедливости, одинаковой для всех! — крикнул Генри. — А у меня руки связаны за спиной. Пусть тогда всех свяжут или же развяжут и нас. Ведь связанному идти трудно.

Тень улыбки мелькнула на губах вожака, и он велел своим людям разрезать ремни — убедительное доказательство того, что жалоба Генри была справедлива.

— Ух! — Френсис лукаво посмотрел на Леонсию и Генри. — Если мне не изменяет память, то этак миллион лет тому назад я жил в одном тихом, захолустном городишке под названием Нью-Йорк, где мы наивно мнили себя отчаянными головорезами, потому что резались в гольф, воевали с Таммани-холлом[17], как-то раз помогли отправить на электрический стул инспектора полиции и лихо брали прикуп, имея четыре взятки на руках.

— Ух ты! — воскликнул через полчаса Генри, когда они вышли на перевал, с которого открывался вид на панораму вершин. — Ух ты черт рогатый! Эти длиннорясые парни с ружьями совсем уж не такие дикари. Смотри-ка, Френсис! Да у них тут целая система сигнализации! Видишь вот это дерево, а потом вон то, большое, на другой стороне ущелья. Посмотри, как у них качаются ветки.

Последние несколько миль пленников вели с завязанными глазами, затем, не снимая с них повязок, впустили в пещеру, где царил тот, кто олицетворял Суровую Справедливость. Когда повязки были сняты с их глаз, они обнаружили, что находятся в просторной и высокой пещере, освещенной множеством факелов, а перед ними на троне, высеченном в скале, восседает слепой старец в холщовой рясе; у ног его, касаясь плечом его колена, примостилась красавица метиска.

Слепец заговорил; голос у него был чистый и звонкий, как серебряный колокольчик, а речь — человека, умудренного годами и тяжким жизненным опытом.

— Вы взывали к Суровой Справедливости. Я слушаю. Кто требует беспристрастного и справедливого решения?

Все невольно подались назад, и даже у начальника полиции не хватило храбрости протестовать против законов Кордильер.

— Тут среди вас есть женщина, — продолжал Слепой разбойник. — Пусть она говорит первая.

Все смертные — и мужчины и женщины — виновны в чем-нибудь или по крайней мере окружающие считают их виновными.

Генри и Френсис хотели было удержать Леонсию, но она, одарив каждого из них улыбкой, посмотрела на Справедливого судью и звонким голосом отчетливо произнесла:

— Я виновна лишь в том, что помогла своему жениху избежать казни за убийство, которого он не совершал.

— Я выслушал тебя, — сказал Слепой разбойник. — Подойди ко мне.

Люди в рясах подвели Леонсию к слепцу и заставили опуститься перед ним на колени; оба влюбленных в нее Моргана с волнением следили за каждым ее движением. Метиска положила руку старика на голову Леонсии. С минуту в пещере царило торжественное молчание, — пальцы слепца лежали на лбу Леонсии, прощупывая биение пульса на ее висках. Потом он снял руку и, откинувшись назад, стал обдумывать решение.

— Встань, сеньорита, — произнес он. — В твоем сердце нет зла. Ты свободна… Кто еще взывает к Суровой Справедливости?

Френсис тотчас шагнул вперед:

— Я тоже помог этому человеку спастись от смертной казни, к которой он был несправедливо приговорен. Мы с ним родственники, хотя и дальние, и носим одну и ту же фамилию.

Он тоже опустился на колени и почувствовал, как мягкие пальцы осторожно скользнули по его бровям и вискам, а потом нащупали руку и задержались на пульсе у запястья.

— Здесь мне не все ясно, — сказал слепец. — В душе твоей нет мира и покоя. Что-то грызет тебя.

В эту минуту пеон вдруг выскочил вперед и, не спрашивая позволения, заговорил; при звуке его голоса люди в рясах даже вздрогнули, словно он совершил богохульство.

— О Справедливый, отпусти этого человека! — взмолился пеон. — Я дважды за сегодняшний день поддался слабости и предал его врагам, а он дважды за сегодняшний день защитил меня и спас от моих врагов.

И пеон уже в который раз снова рухнул на колени, но только впервые — перед справедливым вершителем закона, и, дрожа и замирая от суеверного ужаса, почувствовал легкое и вместе с тем уверенное прикосновение пальцев этого самого необычного из всех судей, перед которым когда-либо преклонял колени человек. Эти пальцы быстро обследовали все рубцы и ссадины на коже пеона, даже на плечах и на спине.

— Тот человек тоже может быть свободен! — провозгласил Справедливый судья. — И все-таки что-то гнетет и волнует его. Нет ли здесь кого-нибудь, кто знает, в чем дело, и мог бы нам рассказать?

И Френсис сразу понял, какое волнение угадал в нем слепец: любовь к Леонсии, которая снедала его и грозила нарушить его преданность Генри. Столь же быстро догадалась об этом и Леонсия, и если бы слепец мог перехватить тот полный понимания взгляд, каким невольно обменялись молодые люди, и заметить, с каким смущением оба тотчас отвели глаза, он безошибочно угадал бы причину волнения Френсиса. Метиска же заметила это, и сердце

подсказало ей, что здесь замешана любовь. Не ускользнуло это и от Генри, и он бессознательно нахмурился.

Тут Справедливый снова заговорил.

— Должно быть, это любовная история, — сказал он. — Боль, которую женщина вечно причиняет сердцу мужчины. И все-таки я освобождаю этого человека. Дважды за один день он пришел на помощь тому, кто дважды предал его. Его гнетет тоска — и все-таки он помог тому, кто был несправедливо приговорен к смерти. Остается испытать еще и другого человека, а кроме того надо решить, как поступить с этим жестоко избитым пеоном, который стоит передо мной и который ради собственного спасения дважды за сегодняшний день обнаружил слабость духа, а сейчас, отринув всякие помыслы о себе, проявил силу и мужество.

Он нагнулся и стал ощупывать брови и лицо пеона.

— Ты боишься смерти? — внезапно спросил он.

— О великий и святой человек, страх как боюсь! — отвечал пеон.

— Тогда скажи, что ты солгал про этого человека, скажи, что твои уверения, будто он дважды пришел тебе на помощь, — ложь, и ты останешься жить.

Пеон весь съежился и поник под пальцами слепца.

— Подумай как следует, — строго предупредил его старец. — Смерть страшна. Навеки застыть в неподвижности, стать таким, как земля или камень, — это ли не страшно! Скажи, что ты солгал, и ты будешь жить. Ну, говори!

И хотя голос пеона выдавал его ужас, но он нашел в себе силы поступить, как человек большой и мужественной души.

— Дважды за сегодняшний день я предал его, о святой человек. Но я не Петр. И в третий раз я не предам этого человека. Я страх как боюсь, но предать его в третий раз не могу.

Слепой судья откинулся назад, лицо его преобразилось, словно освещенное внутренним светом.

— Ты хорошо сказал! — промолвил он. — У тебя душа настоящего человека. А теперь выслушай мой приговор: отныне и впредь до конца дней твоих ты всегда будешь думать как человек и поступать как человек. Лучше в любой момент умереть человеком, чем вечно жить скотом. Экклезиаст был неправ. Мертвый лев лучше живой собаки. Иди, возрожденный сын мой, ты свободен!

Но когда пеон по знаку метиски стал подниматься с колен. Слепой судья вдруг остановил его:

— Скалки мне, о человек, который только сегодня сделался человеком, что было первопричиной всех твоих бед?

— О Справедливый, мое слабое сердце жаждало любви женщины смешанной крови из tierra caliente. Сам я уроженец этих гор. Ради нее я задолжал плантатору две сотни песо. А она взяла деньги и сбежала с другим. Я же остался рабом у плантатора. Он неплохой человек, но ведь он все-таки плантатор. Я трудился, терпел побои и страдал целых пять лет, а долг мой теперь возрос до двухсот пятидесяти песо; у меня же ничего нет, только кожа да кости, прикрытые

жалкими лохмотьями.

— А она очень была хороша, эта женщина? — мягко спросил Слепой судья.

— Я с ума сходил по ней, о святой человек. Теперь мне уже не кажется, что она была так хороша собой. Но тогда она казалась мне прекрасной. Любовь к ней, точно лихорадка, сжигала мне сердце и мозг и превратила меня в раба. А она сбежала от меня в первую же ночь, и с тех пор я никогда ее не видел.

Пеон ждал, стоя на коленях, склонив голову, а Слепой разбойник, к общему удивлению, глубоко вздохнул и, казалось, забыл обо всем на свете. Его рука непроизвольно легла на голову метиски и погладила ее черные блестящие волосы.

— Женщина… — заговорил он так тихо, что голос его, чистый и звонкий, как колокольчик, сейчас был не громче шепота. — Вечно женщина, прекрасная женщина! Все женщины прекрасны… для мужчины. Они любили наших отцов; они произвели нас на свет; мы любим их; они производят на свет наших сыновей, чтобы те любили их дочерей и называли девушек прекрасными, — так всегда было и всегда будет, пока на земле существует человек и человеческая любовь.

Глубокое молчание воцарилось в пещере, а Суровый судья погрузился в свои думы. Наконец, красавица метиска ласково дотронулась до него и заставила вспомнить о пеоне, все еще стоявшем перед ним на коленях.

— Вот мой приговор, — сказал слепец. — Ты получил немало ударов. Каждый удар по твоему телу уже был достаточной расплатой за долг плантатору. Ты свободен. Иди. Но оставайся в горах и в следующий раз полюби женщину с гор, раз уж ты должен любить женщину и раз без женщины вообще невозможна жизнь мужчины. Иди, ты свободен. Ты ведь наполовину майя?

— Да, я наполовину майя, — пробормотал пеон. — Мой отец — майя.

— Вставай и иди. И оставайся в горах с твоим отцом-майя. Tierra caliente — не место для человека, рожденного в Кордильерах. Плантатора же твоего здесь нет, а потому мы и не можем судить его. Плантатор есть плантатор. Его друзья могут считать себя свободными.

Суровый судья чего-то ждал, ждал и Генри, а затем без приглашения шагнул вперед.

— Я тот самый человек, — храбро заявил он, — который был приговорен к смерти за убийство, но я не совершал его. Убитый — родной дядя любимой мною девушки, и я женюсь на ней, если здесь в Кордильерах, в этой пещере, действительно царит справедливость.

Но начальник полиции перебил его:

— Двадцать человек были свидетелями того, как он грозил дядюшке этой сеньоры, что убьет его. А через час мы застали этого гринго возле еще теплого трупа.

— Он правду говорит, — подтвердил Генри. — Я действительно угрожал тому человеку — нам обоим бросилось в голову вино и горячая кровь. И жандармы действительно наткнулись на меня, когда я стоял возле еще теплого тела. Но я не убивал его. И я не знаю, представить себе не могу, чья трусливая рука под покровом темноты всадила ему нож: в спину.

— Встаньте оба на колени, чтобы я мог допросить вас, — приказал Слепой разбойник.

Долго вел он допрос своими чуткими, пытливыми пальцами. Долго скользили они по лицам обоих мужчин; слепец щупал и пульс — и все-таки не мог прийти ни к какому выводу.

— В этом деле замешана женщина? — напрямик спросил он Генри Моргана.

— Да, прекрасная женщина. Я люблю ее.

— Это хорошо, что любовь так сильно задела твое сердце, ибо мужчина, которого не ранит любовь к женщине, — только наполовину мужчина, — снисходительно заметил Слепой судья. И, обращаясь к начальнику полиции, добавил: — Вот твоего сердца не ранила женщина, однако тебя тоже что-то гнетет. Что же до этого человека, — он указал на Генри, — то я не думаю, чтобы одно только чувство к женщине ранило его сердце. Быть может, отчасти ты повинен в этом, а отчасти та злоба, которая побуждает его злоумышлять против тебя. Встаньте оба. Я не могу рассудить вас. Но есть такое испытание, которое дает непогрешимый ответ: это испытание Змеи и Птицы. Оно столь же непогрешимо, как непогрешим сам Бог, ибо так Он восстанавливает истину. Вот и Блэкстон говорит, что испытание Божьим судом помогает восстановить истину.

Глава одиннадцатая

В самом центре владений Слепого разбойника была котловина футов десяти глубиной и тридцати в диаметре, которая вполне могла бы служить крошечной ареной для боя быков. Эта впадина с ровным дном и отвесными стенами образовалась естественным путем и была столь совершенным творением природы, что человеку почти и рук не пришлось прикладывать, чтобы довести это совершенство до конца. Разбойники в длинных холщовых рясах, плантаторы и жандармы — все были тут, кроме Сурового судьи и метиски; все стояли на краю котловины, точно зрители, собравшиеся на бой быков или сражение гладиаторов.

По знаку строгого предводителя отряда, взявшего их в плен. Генри и начальник полиции спустились по маленькой лесенке в котловину. За ними последовали предводитель отряда и несколько разбойников.

— Одному небу известно, что сейчас произойдет, — со смехом сказал по-английски Генри, обращаясь к Леонсии и Френсису, остававшимся наверху. — Но если это будет борьба не на жизнь, а на смерть, если разрешат давать подножки, кусаться и боксировать по правилам маркиза Куинсбери или лондонских призовых боев, мистер толстопузый шеф непременно будет моей добычей. Впрочем, старик умен, уж он, конечно, позаботится о том, чтобы шансы в этой схватке у нас были равные. Так вот: если шеф одолеет меня, вы, как мои сторонники, поднимите вверх большие пальцы и орите во всю глотку. Можете не сомневаться: если я одолею его, вся его банда поднимет пальцы вверх.

Начальник полиции, на которого котловина произвела самое удручающее впечатление, обратился по-испански к предводителю отряда.

— Я не стану драться с этим человеком, — заявил Мариано Верхара-и-Ихос. — Он молодое меня, и у него лучше дыхание. К тому же все это несправедливо. По закону Панамской республики так не судят. А я не признаю экстерриториальности Кордильер и таких незаконных действий.

— Это испытание Змеи и Птицы, — оборвал его вожак. — Ты будешь Змеей. В руки тебе дадут вот это ружье. Тот человек будет Птицей. Ему мы дадим колокольчик. Смотри! Сейчас ты поймешь, в чем состоит испытание.

По его команде одному из разбойников дали ружье и завязали глаза. Другому разбойнику, которому глаз не завязывали, дали серебряный колокольчик.

— Человек с ружьем — это Змея, — сказал вожак. — Он имеет право один раз выстрелить в Птицу — человека с колокольчиком.

По сигналу второй разбойник вытянул руку с колокольчиком, позвонил и быстро отскочил в сторону. Первый прислушался к звону и, наугад прицелившись, сделал вид, что стреляет.

— Понятно? — спросил предводитель отряда у Генри и его противника.

Генри только кивнул в ответ, а начальник полиции, захлебываясь от удовольствия, воскликнул:

— Так это я буду Змеей?

— Да, — подтвердил предводитель.

Начальник полиции живо схватил ружье, не протестуя больше против экстерриториальности Кордильер и незаконности такого суда.

— Что ж, значит, попытаетесь уложить меня? — с угрозой в голосе спросил его Генри.

— Нет, сеньор Морган. Не попытаюсь, а просто уложу. В Панаме всего два хороших стрелка, и я один из них. У меня больше сорока медалей за стрельбу. Я могу стрелять с закрытыми глазами. Могу стрелять в темноте. Я частенько стрелял в темноте — и стрелял без промаха. Так что можете считать себя покойником.

В магазин был вложен один патрон, после чего начальнику полиции завязали глаза, вручили ружье и велели повернуться пока лицом к стене. Генри снабдили предательским колокольчиком и поставили у противоположной стены. Затем разбойники вылезли из ямы, втащили за собой лестницу, и предводитель их уже сверху сказал:

— Слушайте меня внимательно, сеньор Змея, и стойте, пока не дослушаете. У Змеи один выстрел. Она не имеет права сдвигать повязку. Если она ее сдвинет, мы обязаны немедленно умертвить ее. Зато Змея не ограничена во времени. Она может ждать весь остаток дня и всю ночь и вообще столько, сколько ей будет угодно, прежде чем сделает свой единственный выстрел. Что же до Птицы, то она должна твердо помнить одно правило — ни на минуту не выпускать из рук колокольчика и ни в коем случае не дотрагиваться до язычка, чтобы помешать ему звенеть. В случае если Птица не выполнит этого правила, она будет немедленно умерщвлена. Мы ведь стоим наверху, над вами обоими, сеньоры, и у нас ружья в руках, так что тот из вас, кто нарушит правило, в ту же секунду умрет. А теперь за дело, и да будет Бог на стороне правого!

Начальник полиции медленно повернулся и прислушался. Генри неуверенно шагнул в сторону, и колокольчик зазвенел. Ружье тотчас поднялось и нацелилось. Генри заметался по яме — дуло ружья следовало за ним. Генри быстро перебросил колокольчик из одной вытянутой руки в другую, а сам метнулся в сторону — и дуло неумолимо метнулось за ним. Однако начальник полиции был слишком хитер, чтобы рисковать всем ради случайного выстрела, и начал медленно, осторожно пересекать яму. Генри замер, и колокольчик его умолк.

Чуткое ухо начальника полиции столь безошибочно засекло то место, откуда в последний раз слышался серебряный звон, что, несмотря на завязанные глаза, он направился прямо к Генри и очутился совсем рядом с ним, как раз под вытянутой рукой, державшей колокольчик. С

величайшей осторожностью, стараясь не издать ни малейшего звука. Генри приподнял руку, и его противник прошел под ней в каком-нибудь дюйме от колокольчика.

Держа ружье на прицеле, начальник полиции остановился в нерешительности на расстоянии фута от стены, с минуту тщетно прислушивался, потом сделал еще шаг и дулом уткнулся в стену. Мгновенно повернувшись, он, как слепой, стал шарить ружьем по воздуху в поисках противника. И дуло непременно коснулось бы Генри, если бы тот поспешно не отпрыгнул в сторону и не принялся петлять, непрерывно звеня колокольчиком.

Посредине ямы Генри остановился и замер. Его враг прошел в каком-нибудь ярде от него и наткнулся на противоположную стену. Тогда он пошел вдоль стены, ступая осторожно, как кошка, и все время шаря ружьем. Потом он решил пересечь яму. Он пересек ее несколько раз, но так и не обнаружил Генри: колокольчик его молчал. И тут начальник полиции прибег к весьма хитроумному способу. Бросив на землю свою шляпу, чтобы она служила ему исходной точкой, он пересек яму по кратчайшей хорде, сделал три шага вдоль стены и пошел назад по другой, более длинной хорде; сделал еще три шага вдоль стены, выверяя параллельность двух хорд по расстоянию, оставшемуся до шляпы, затем отмерил от шляпы еще три шага вдоль стены и стал пересекать котловину по третьей хорде.

Глядя, как он прочесывает поле боя. Генри понял, что дело его худо и ему не избежать встречи с противником. Он не стал ждать, пока враг обнаружит его. Звеня колокольчиком и перебрасывая его из одной руки в другую, он запетлял по котловине, а потом вдруг застыл, но уже на новом месте.

Начальник полиции возобновил свои многотрудные поиски противника, но Генри не склонен был затягивать эту столь мучительную по своей напряженности игру. Он дождался, когда последняя хорда свела его и начальника полиции лицом к лицу. Дождался, когда дуло ружья поднялось на уровень его груди в нескольких дюймах от сердца, и тогда, быстро присев, чтобы ружье оказалось выше его, громовым голосом крикнул:

— Огонь! Это было так внезапно, что начальник полиции невольно спустил курок, и пуля просвистела над головой Генри. Сверху раздался взрыв аплодисментов — это бурно аплодировали люди в холщовых рясах. Начальник полиции сорвал с глаз повязку и увидел перед собой улыбающееся лицо противника.

— Отлично, Бог сказал свое слово, — объявил предводитель разбойников, спускаясь в яму. — Тот, кого не тронула пуля, — не виновен. Остается испытать другого.

— Меня? — не своим голосом взвизгнул начальник полиции, потрясенный страхом и неожиданностью.

— Поздравляю, шеф, — с усмешкой сказал Генри. — Вы действительно пытались уложить меня. Теперь мой черед. Давайте-ка сюда ружье.

Но начальник полиции, ослепленный своей неудачей и гневом, забыв, что ружье было заряжено всего одной пулей, с проклятием ткнул дулом прямо в грудь Генри и нажал гашетку. Курок щелкнул с резким металлическим звуком.

— Отлично, — сказал предводитель, отбирая у него ружье и перезаряжая его. — О твоем поведении будет доложено. Испытание продолжается; только теперь сразу видно, что ты не избранник Божий.

Точно раненый бык на арене, ищущий, куда бы укрыться, и в отчаянии озирающий амфитеатр,

полный безжалостных лиц, начальник полиции посмотрел вверх и увидел лишь ружья разбойников, торжествующие лица Леонсии и Френсиса, любопытные физиономии своих жандармов и налитые кровью глаза плантаторов, какие бывают у зрителей, наблюдающих бой быков.

Легкая улыбка промелькнула на сурово сжатых губах предводителя, когда, вручив ружье Генри, он стал завязывать его глаза.

— Почему вы не велите ему стать лицом к стене, пока я приготовлюсь? — спросил начальник полиции, и серебряный колокольчик зазвенел в его дрожавшей от ярости руке.

— Потому что он человек, угодный Богу, — был ответ. — Он выдержал испытание. Значит, он не способен на вероломный поступок. Теперь ты подвергнешься Божьему суду. Если ты человек правдивый и честный. Змея не причинит тебе никакого вреда. Таков Промысл Божий.

Начальник полиции был куда более ловким в роли охотника, чем в роли дичи. Стоя напротив Генри, он пытался не шевелиться, но когда дуло ружья начало приближаться к нему, нервы его не выдержали, рука дрогнула, и колокольчик зазвенел. Ружье почти перестало двигаться — лишь дуло его зловеще колебалось, улавливая направление звука. Тщетно старался начальник полиции унять дрожь в руке, чтобы колокольчик не звенел, — он продолжал звенеть. Тогда шеф в отчаянии отшвырнул его в сторону, а сам ничком упал на землю. Но Генри, услышав звук падающего тела, опустил ружье и нажал курок. Начальник полиции взревел от боли — пуля пробила ему плечо: он поднялся было на ноги, но тут же с проклятиями снова растянулся на земле и так и остался лежать, продолжая изрыгать проклятия.

Все снова очутились в пещере, где Слепой разбойник, у ног которого сидела метиска, вершил суд.

— Этот человек, который ранен и который слишком много болтал о законе tierra caliente, узнает теперь, что такое закон Кордильер. Испытание Змеи и Птицы доказало, что он виновен. За его жизнь назначается выкуп в десять тысяч долларов золотом; если деньги внесены не будут, он останется здесь рубить лес и носить воду до конца дней, которые Господь дарует ему на земле. Я сказал все. Я знаю, что Господь не даст ему долго дышать на земле, если не будет внесен выкуп.

Последовало долгое молчание, во время которого даже Генри, который мог, не задумываясь, уложить противника в пылу боя, всем своим видом показал, что ему омерзительно столь хладнокровное решение уничтожить человека.

— Закон беспощаден, — заявил Суровый судья, и снова воцарилось молчание.

— Пусть подыхает без выкупа, — сказал один из плантаторов. — Он доказал, что он собака и предатель. Собаке — собачья смерть.

— А ты что скажешь? — строго спросил Слепой разбойник у пеона. — Что скажешь ты, пеон, вытерпевший столько побоев, человек, заново родившийся сегодня на свет, полукровка, любитель прекрасных женщин? Должен ли он умереть собачьей смертью, потому что за него не хотят вносить выкуп?

— Он жестокий человек, — проговорил пеон. — Но почему-то сердце мое сегодня очень мягко. Если бы у меня было десять тысяч долларов, я сам бы заплатил за него выкуп. А если бы, святой и справедливый человек, у меня было двести пятьдесят песо, я даже заплатил бы свой долг плантатору, от которого меня освободили теперь.

Лицо слепца преобразилось, словно озаренное светом изнутри.

— Твоими устами сегодня говорит Бог, о возрожденный к жизни! — одобрительно сказал он.

Но в эту минуту Френсис, поспешно нацарапав что-то в своей чековой книжке, протянул метиске чек, на котором даже еще не успели высохнуть чернила.

— Позвольте мне тоже сказать слово, — проговорил он. — Хоть человек этот подлец и заслуживает собачьей смерти, — не надо, чтобы он умирал, пусть живет.

Метиска громко прочитала то, что было написано на чеке.

— Не трудись объяснять, — остановил Слепой разбойник Френсиса, догадываясь, что он хочет что-то сказать. — Я не такой уж глупый и не всегда я жил в Кордильерах. Я получил коммерческое образование в Барселоне. Я знаю банк «Кемикл нейшнл» в Нью-Йорке: в былое время я вел с ним дела через своих представителей. Это чек на десять тысяч долларов. Человек, который выписал его, уже сказал сегодня правду. Чек в полном порядке. Больше того: я уверен, что он не сообщит в банк, чтобы мне не выдали по нему денег. Тот, кто платит выкуп за своего врага, должен быть или очень добрым, или очень глупым, или уж очень богатым, — одно из трех. Скажи мне, о человек, не виновна ли в этом прекрасная женщина?

И Френсис, не смея взглянуть ни направо, ни налево — ни на Леонсию, ни на Генри, — а глядя прямо в лицо Слепого разбойника, ответил, ибо иначе ответить он не мог:

— Да, о Суровый судья, в этом виновна прекрасная женщина.

Глава двенадцатая

В том же месте, где по дороге в горы люди в холщовых рясах завязали пленникам глаза, кавалькада остановилась. Она состояла из нескольких разбойников, конвоировавших Леонсию, Генри и Френсиса верхом на мулах, с повязками на глазах, и пеона — тоже с повязкой на глазах, но пешком. Получасом раньше, под таким же конвоем, здесь проехала другая кавалькада, состоявшая из плантаторов, Торреса и начальника полиции с его жандармами.

С разрешения строгого предводителя разбойников пленники, которых сейчас должны были освободить, сняли с глаз повязки.

— Похоже, что я уже был здесь, — заметил, рассмеявшись, Генри, который сразу узнал виденные ранее места.

— Похоже, что нефть все еще горит, — сказал Френсис, указывая на горизонт, наполовину скрытый черной завесой дыма. — Посмотри, пеон, на дело рук твоих! Для бедняка, у которого нет ни гроша за душой, ты величайший растратчик, каких я когда-либо встречал. Говорят, что нефтяные короли, напившись, раскуривают сигары тысячедолларовыми банкнотами, а вот ты каждую минуту сжигаешь по миллиону долларов.

— Я не бедняк, — с таинственным видом гордо заявил пеон.

— Переодетый миллионер! — пошутил Генри.

— Где же ты держишь свои капиталы? — ввернула Леонсия. — В банке «Кемикл нейшнл»?

Пеон не понял острот, но, сообразив, что над ним смеются, обиженно выпрямился и замолчал.

Тут заговорил строгий предводитель разбойников:

— Отсюда вы можете идти каждый своим путем. Так велел Справедливый. Вас, сеньоры, прошу спешиться и вернуть мне мулов. Что же до сеньориты, то она может оставить себе мула в качестве подарка от Справедливого, который никогда не позволил бы себе заставить даму идти пешком. А вам двоим, сеньоры, пройтись не вредно. Справедливый особенно рекомендовал богатому сеньору ходить побольше пешком. Богатство, сказал он, приводит к тому, что человек почти совсем пешком не ходит. А когда человек почти совсем не ходит, он обрастает жиром, ожирение же не способствует успеху у прекрасных женщин. Таковы мудрые слова Справедливого.

А еще он настоятельно советует пеону оставаться в горах. Здесь он найдет прекрасную женщину, и раз уж он должен любить женщину, то самое благоразумное — любить женщину своего племени. Женщины из tierra caliente предназначены для мужчин из tierra caliente. А женщины Кордильер предназначены для мужчин Кордильер. Бог не любит смешения кровей. Недаром мул — самое отвратительное животное под солнцем. Мир был сотворен не для смешения племен — это все выдумки человека. Какие бы чистые ни были расы, если их перемешать, они перестанут быть чистыми. Не могут вода и нефть дать однородную смесь. У природы есть свои законы. Так сказал Справедливый, и я лишь повторил его слова. Он велел мне добавить, что знает, о чем говорит, ибо сам в свое время был грешен.

От этих слов волнение и замешательство охватили англосаксов Генри и Френсиса, и не меньше их — Леонсию, дитя Латинской Америки. Леонсия, конечно, взглядом сказала бы каждому из любимых ею молодых людей, что она не желает с этим считаться, если бы другого не было поблизости; да и оба они громко запротестовали бы, останься любой из них наедине с нею. И все же глубоко в душе каждый невольно сознавал, что Слепой разбойник прав. И на сердце у них от этого стало тяжело.

Хруст и треск в зарослях отвлекли их от этих мыслей: по отлогой стене каньона, на скользивших и спотыкавшихся лошадях, прямо на них, спускался оправившийся после болезни плантатор в сопровождении нескольких всадников. Как истый идальго, он склонился в глубоком поклоне перед дочерью Солано, а потом не менее учтиво, хотя и несколько суше, поздоровался с Генри и Френсисом, помня, что им все-таки покровительствует Энрико Солано.

— Где же ваш благородный отец? — спросил он Леонсию. — У меня для него добрые вести. С тех пор как мы виделись с вами последний раз, — а это было неделю назад, — я несколько дней пролежал, прикованный к постели приступом лихорадки. Но я послал гонцов в Бокас-дель-Торо; благодаря попутному ветру они быстро переплыли лагуну Чирикви и, очутившись на месте, по правительственному радио — начальник полиции в Бокас-дель-Торо мой большой друг! — связались с президентом Панамы. Президент тоже мой старинный приятель — сколько раз я тыкал его носом в грязь, а он меня, когда мы учились в колонской школе и жили с ним в одной комнате. И вот от него пришел ответ, что все в порядке: правосудие было введено в заблуждение чрезмерными, но тем не менее достойными похвалы усилиями начальника полиции Сан-Антонио. Теперь все забыто и прощено, и благородное семейство Солано вместе с их благородными друзьями-американцами может на законном основании, не боясь политических преследований, вернуться домой…

В подтверждение своей речи плантатор низко поклонился Генри и Френсису. Но в эту минуту взгляд его случайно упал на пеона, притаившегося за спиной Леонсии, и глаза его вспыхнули торжествующим огнем.

— О Матерь Божия, Ты не забыла меня! — с жаром воскликнул плантатор и, повернувшись к

сопровождавшим его друзьям, добавил: — Вот он, этот бесстыжий, безмозглый скот, который сбежал от меня, не выплатив долга. Хватайте его! Я его так отлуплю, что он у меня месяц будет лежать пластом!

Плантатор дернул поводья и одним скачком очутился позади мула Леонсии, но пеон так же поспешно нырнул под морду животного и безусловно успел бы убежать в джунгли, если бы другой плантатор, пришпорив коня, не бросился ему наперерез и не сбил его с ног. В один миг плантаторы, привычные к такого рода делам, рывком подняли беднягу с земли, скрутили ему руки за спиной и той же веревкой обмотали шею.

Френсис и Генри запротестовали в один голос.

— Сеньоры, — ответил плантатор, — мое уважение к вам, желание служить вам и быть полезным столь же глубоки, как и мои чувства к благородному семейству Солано, под чьим покровительством вы находитесь. Ваше благополучие и спокойствие — священны для меня. Я готов грудью защищать вас от любой беды. Приказывайте — я к вашим услугам. Моя асьенда в вашем распоряжении, как и все, чем я владею. Но что касается пеона — то это совсем другое дело. Он не ваш. Он мой пеон, мой должник, сбежавший с моей плантации. Я убежден, что вы поймете и извините меня. Это вопрос собственности. А он — моя собственность.

Генри и Френсис растерянно и недоуменно посмотрели друг на дуга. Таков закон страны — они это отлично знали.

— Справедливый судья простил мне мой долг — все здесь тому свидетели, — еле слышно пролепетал пеон.

— Это правда. Справедливый судья простил ему его долг, — подтвердила Леонсия.

Плантатор с усмешкой склонился в низком поклоне.

— Но пеон подписал контракт со мной, — все с той же усмешкой заметил он. — Да и кто такой этот Слепой разбойник, чтобы устанавливать свои дурацкие законы на моей плантации и лишать меня двухсот пятидесяти песо, которые по праву принадлежат мне?

— Это верно, Леонсия, — подтвердил Генри.

— Тогда я вернусь в Кордильеры, — заявил пеон. — О воины Справедливого судьи, возьмите меня с собой в Кордильеры!

Но строгий предводитель покачал головой.

— Здесь мы отпустили тебя. Наши полномочия на этом кончились. Мы не имеем над тобой больше никаких прав. Нам осталось только проститься со всеми и уехать.

— Стойте! — воскликнул Френсис, вытаскивая свою чековую книжку и начиная что-то писать. — Обождите минуту. Я сейчас рассчитаюсь за этого пеона. Но прежде чем вы уедете, я хочу попросить вас об одном одолжении. — И он вручил чек плантатору со словами: — Я добавил десять песо на обмен валюты.

Плантатор взглянул на чек, спрятал его в карман и подал Френсису конец веревки, обвивавшей шею несчастного.

— Теперь пеон ваш, — сказал он.

Френсис посмотрел на веревку и расхохотался.

— Смотрите-ка! Я стал рабовладельцем. Раб, ты мой, ты моя собственность, понятно?

— Да, сеньор, — униженно пробормотал пеон. — Видно, когда я потерял голову из-за любви к той женщине и пожертвовал ради нее своей свободой, Бог судил, чтобы я с тех пор всю жизнь был чьей-то собственностью. Справедливый судья прав. Бог покарал меня за то, что я польстился на женщину из другого племени.

— Ты стал рабом из-за того, что всегда считалось самым прекрасным в мире, из-за женщины, — заметил Френсис, перерезая веревки на руках пеона. — А теперь я дарю тебя — тебе. — С этими словами он вложил в руку пеона конец веревки, опутывавшей его шею. — Отныне ты сам себе хозяин. И помни: никогда и никому не отдавай этой веревки.

Пока все это происходило, откуда-то вдруг бесшумно вынырнул высокий тощий старик, под его сухой, как пергамент, кожей резко обозначались ребра. Это был чистокровный индеец племени майя. Он был совсем нагой, если не считать набедренной повязки. Нечесаные волосы грязно-серыми прядями свисали вдоль скуластого лица, высохшего, как у мумии. Мышцы жалкими мешочками висели на его руках и ногах. Из его впалого рта торчало несколько сломанных зубов, щеки ввалились, а глаза, точно черные бусины, глубоко запавшие в орбитах, горели диким огнем, как у человека, снедаемого лихорадкой.

Он, словно угорь, проскользнул между столпившимися людьми и своими костлявыми руками обнял пеона.

— Это мой отец, — гордо объявил пеон. — Посмотрите на него. Он чистокровный майя, и он знает все тайны этого племени.

Пока обретшие друг друга отец и сын оживленно обменивались новостями, Френсис обратился к предводителю разбойников с просьбой разыскать Энрико Солано и его двух сыновей, блуждающих где-то в горах, и сообщить им, что закон больше не преследует их и они могут вернуться домой.

— Они не совершали ничего дурного? — спросил предводитель.

— Нет, ничего, — заверил его Френсис.

— Хорошо. Я обещаю вам немедленно разыскать их, ибо нам известно, в каком направлении они поехали, и послать вслед за вами на побережье.

— А пока прошу ко мне, — радушно предложил плантатор. — Около моей плантации в бухте Хучитан стоит на якоре грузовая шхуна, она скоро должна пойти в Сан-Антонио. Я могу задержать ее до тех пор, пока благородный Энрико и его сыновья не спустятся с Кордильер.

— Ну, а Френсис, конечно, заплатит за простой, — съязвил Генри, что не укрылось от Леонсии, но не было замечено самим Френсисом.

— Конечно, заплачу, — весело воскликнул он. — Еще одно доказательство в пользу того, что чековая книжка везде может пригодиться!

Когда все простились с разбойниками, пеон и его отец, к великому изумлению окружающих, последовали за Морганами и спустились вместе со всеми через горящие нефтяные поля на плантацию — место, где столько лет томился в рабстве пеон. И отец и сын всячески

выказывали свою преданность Френсису, а также Леонсии и Генри. За это время они не раз долго и оживленно о чем-то разговаривали между собой. Когда Энрико и его сыновья прибыли на плантацию и все направились к берегу, где поджидала их шхуна, пеон со своим отцом пошли вслед за ними. Френсис стал было прощаться с индейцами, но пеон заявил, что они тоже поедут на шхуне.

— Я уже говорил вам, что я не бедняк, — пояснил пеон, отводя Морганов и семью Солано в сторону, чтобы его не услышали матросы. — И это правда. Мне известно, где спрятано сокровище племени майя, которое ни конкистадоры, ни монахи инквизиции не могли найти. Я его хранитель. Вернее, не я, а мой отец. Он прямой потомок древнего верховного жреца майя. Он последний жрец этого племени. Мы с отцом много говорили и решили, что богатство — не самое главное в жизни. Вы купили меня за двести пятьдесят песо, однако подарили мне свободу, отдали меня мне самому. Вы подарили человеку жизнь, теперь я сам себе господин. Я так думаю, и мой отец тоже. И вот, раз гринго и испанцы так уж созданы, что богатство для них — самое главное, мы проведем вас к сокровищам племени майя — мой отец и я: ведь мой отец знает дорогу. Идти в горы надо из Сан-Антонио, а не из Хучитана.

— Твой отец действительно знает, где находится сокровище? Точно знает? — спросил Генри и тихонько шепнул Френсису, что это самое сокровище и заставило его бросить поиски клада Моргана на Тельце и перекочевать на материк.

Пеон покачал головой.

— Мой отец никогда там не был, зачем ему это — ему не нужны богатства. Отец, покажи-ка, что написано на нашем древнем языке, на котором один только ты из всех живых майя умеешь читать.

Старик извлек из своей набедренной повязки грязный, потрепанный парусиновый мешочек. Из него он вытащил нечто похожее на спутанный клубок бечевок, сплошь в узлах. Но это были не настоящие бечевки, а какие-то косички из древесной коры, столь ветхие, что казалось, они вот-вот рассыплются от одного прикосновения; и в самом деле, когда старик дотронулся до них, из-под пальцев его посыпалась труха. Бормоча себе под нос молитвы на древнем языке майя, индеец поднял вверх клубок и благоговейно поклонился ему, прежде чем начать его распутывать.

— Письмо узелками — так писали майя в древности, но теперь никто их языка не знает, — тихо произнес Генри. — Этому можно верить, если только старик не разучился читать.

Клубок был вручен Френсису, и все с любопытством склонились над ним. Он был походе на кисть, неумело связанную из множества бечевок, сплошь покрытых большими и маленькими узелками. Бечевки тоже были неодинаковые — одни потолще, другие потоньше, одни — длинные, другие — короткие. Старик пробежал по ним пальцами, бормоча себе под нос что-то непонятное.

— Он читает, — торжествующе воскликнул пеон. — Узлы — это наш древний язык, и он читает по ним, как по книге!

Френсис и Леонсия, склонившись пониже, чтобы лучше видеть, случайно коснулись друг друга волосами — оба вздрогнули и поспешно отодвинулись, но взгляды их при этом встретились, и снова искра пробежала между ними. Генри, всецело увлеченный тем, что рассказал индеец, ничего не заметил, — он смотрел лишь на таинственный клубок.

— Что ты скажешь, Френсис? — шепотом спросил он. — Это же колоссально! Колоссально!

— Меня уже ждут в Нью-Йорке. — Френсис явно колебался. — Нет, не какие-то люди или развлечения, а дела, — поспешно добавил он, почувствовав молчаливый упрек и огорчение Леонсии. — Не забудьте, что я связан с «Тэмпико петролеум» и биржевым рынком; мне даже страшно подумать, сколько миллионов у меня в это вложено.

— Фу ты черт рогатый! — воскликнул Генри. — Да ведь если сокровище майя даже в десять раз меньше того, что о нем рассказывают, все равно доля каждого из нас — твоя, моя и Энрико — будет побольше, чем все твое теперешнее богатство.

Френсис все еще колебался. Энрико стал пространно уверять его, что сокровище майя действительно существует, а Леонсия, улучив минуту, шепнула ему на ухо:

— Неужели вам так скоро надоело… искать сокровище?

Френсис испытующе посмотрел на нее, потом перевел взгляд на красовавшийся у нее на пальце подарок жениха и так же тихо ответил:

— Разве я могу оставаться здесь, если я люблю вас, а вы любите Генри?

Он впервые открыто признался ей в любви, и Леонсия почувствовала, что в душе ее вспыхнула радость, тотчас сменившаяся, однако, стыдом: как же может она считать себя добродетельной, если, оказывается, способна любить одновременно двоих? Она взглянула на Генри, словно желая это проверить, и сердце ответило ей: «да». Она любила Генри так же искренне, как Френсиса, и ей одинаково нравились те черты, которые были у них одинаковыми, и по-разному волновали те, которые были разными.

— Боюсь, что мне придется сесть на «Анджелику» — скорее всего в Бокас-дель-Торо — и уехать, — говорил между тем Френсис ее жениху. — А вы с Энрико отправляйтесь за сокровищем и, если найдете его, поделите пополам.

Пеон, услышав это, быстро заговорил с отцом на своем языке, а затем обратился к Генри.

— Слышишь, что он говорит, Френсис? — сказал Генри, указывая на священную кисть. — Тебе придется пойти с нами. Ведь именно тебя хочет отблагодарить старик за спасение своего сына. И он отдает сокровище не нам, а тебе. Если ты не поедешь, он не прочтет нам ни одного узелка.

Но побудила Френсиса переменить решение все-таки Леонсия — она молча, печально смотрела на него и словно просила взглядом: «Ну, пожалуйста, ради меня!»

Глава тринадцатая

Неделю спустя из Сан-Антонио в один и тот же день выехали в Кордильеры три разные экспедиции. Первая — на мулах — состояла из Генри, Френсиса, пеона и его престарелого отца, а также нескольких пеонов с плантации Солано. Каждый пеон вел на поводу мула, нагруженного продовольствием и снаряжением. Старый Энрико Солано в последний момент был вынужден отказаться от поездки из-за внезапно открывшейся раны, которую он получил давно, в дни своей молодости, участвуя в одной из многочисленных революций.

Кавалькада проследовала по главной улице Сан-Антонио, мимо тюрьмы, стену которой взорвал Френсис и которую лишь недавно стали заделывать сами заключенные. Навстречу экспедиции попался Торрес, который неторопливо шел по улице; он только что получил очередную

телеграмму от Ригана и, увидев двух Морганов во главе целой партии, изумленно воззрился на них.

— Куда это вы направляетесь, сеньоры? — крикнул Торрес.

Мгновенно, как будто заранее столковавшись и прорепетировав, Френсис указал на небо. Генри — прямо в землю, пеон — направо, а его отец — налево. Такая неучтивость взбесила Торреса, и он разразился грубой бранью, но это только вызвало общий смех, — смеялись даже пеоны, погонявшие мулов.

Торреса ждал еще один сюрприз. Несколько позже, когда весь город спал во время сиесты, он увидел Леонсию и ее младшего брата Рикардо верхом на мулах; за ними на поводу шел третий мул, явно нагруженный снаряжением для лагеря.

Третьей экспедицией была экспедиция самого Торреса, и народу в ней было не больше и не меньше, чем в экспедиции Леонсии, ибо состояла она всего-навсего из самого Торреса и некоего Хосе Манчено — известного в тех местах убийцы, которого Торрес по каким-то соображениям избавил от страшной смерти в Сан-Хуане. Однако, когда Торрес затеял эту экспедицию, у него были куда более обширные планы, чем это могло показаться. Почти у самого подножия Кордильер обитало странное племя кару. Оно вело свое начало от рабов-негров, бежавших из Африки, и рабов-караибов с Москитового Берега, осевших здесь и женившихся на женщинах, которых они похищали из долины, и на беглых, как они сами, рабынях. Эта единственная в своем роде колония, обосновавшаяся между верхними Кордильерами, населенными индейцами, и собственно Панамским государством в долине, сумела сохранить почти полную независимость. Позже, когда в эту колонию влились беглые каторжники-испанцы, произошло уже окончательное смешение рас и племен, и обо всем народе кару пошла такая дурная слава, что, не будь тогдашнее правительство по горло занято всякими политическими махинациями, оно непременно послало бы войска, чтобы уничтожить этот рассадник порока. Вот в этом-то рассаднике порока и родился Хосе Манчено от испанца-отца, убийцы по профессии, и метиски-матери, занимавшейся тем же. И сюда-то и вез Хосе Манчено Альвареса Торреса для того, чтобы тот мог выполнить приказ, исходивший из уолл-стритовской конторы Томаса Ригана.

— Ну, и повезло же нам, что мы с ним встретились, — заметил Френсис, указывая Генри на последнего жреца племени майя, ехавшего впереди них.

— Да, но уж очень он дряхлый, — сказал Генри. — Ты только посмотри на него!

Старик, ехавший впереди, все время перебирал священную кисть и что-то бормотал про себя.

— Будем надеяться, что старикан не искрошит ее, — от всей души пожелал Генри. — Можно было бы, кажется, прочесть один раз указания и запомнить их, а не теребить без конца кисть.

Они выехали из зарослей на поляну — по всей вероятности, кто-то вырубил здесь джунгли и заставил их отступить. Отсюда открывался вид на далекую гору Бланке Ровало, вырисовывавшуюся на фоне залитого солнцем неба. Старый индеец остановил своего мула, провел пальцем по нескольким волокнам священной кисти и, указывая на гору, объяснил на ломаном испанском языке:

— Тут сказано: «Там, где след от Стопы бога, жди, пока не вспыхнут глаза Чиа».

И он показал на узелки одного из волокон, по которым он это прочел.

— Но где же этот след, старик? — спросил Генри, оглядывая непримятую траву.

Не сказав ни слова, старик тронул своего мула и, подгоняя его ударами голых пяток по бокам, рысцой пересек вырубку и въехал в расстилавшиеся за нею джунгли.

— Он точно гончая идет по следу, и похоже, что по горячему, — заметил Френсис.

Так они проехали с полмили; джунгли кончились, и перед всадниками раскинулись крутые склоны гор, поросшие густой травой. Тут старик пустил своего мула галопом и не сбавлял ходу до тех пор, пока они не добрались до естественной впадины в почве фута три глубиной, удивительно напоминавшей по форме отпечаток гигантской ступни. Здесь вполне могло бы разместиться двенадцать человек.

— След Стопы бога, — торжественно провозгласил старый жрец, слез с мула и в молитве распростерся на земле. — «Там, где след от Стопы бога, жди, пока не вспыхнут глаза Чиа», — так говорят священные узлы.

— Отличное место для завтрака! — заявил Генри. — В ожидании всяких чудес недурно было бы подкрепиться.

— Если Чиа не возражает, — засмеялся Френсис.

И Чиа не возражала, — во всяком случае старый жрец не мог обнаружить никаких возражений в своих узелках.

На опушке леса стреножили мулов, из ближайшего ручейка принесли воды и посредине Стопы развели костер. Старик майя, казалось, ничего не видел и не слышал — он все бормотал нескончаемые молитвы, снова и снова перебирая свои узелки.

— Только бы он не спятил! — сказал Френсис.

— Мне еще там, в Хучитане, показалось, что у него какой-то дикий взгляд, — признался Генри. — А посмотри сейчас, какие у него глаза.

Но тут в разговор вмешался пеон, который, хоть и ни слова не понимал по-английски, однако почувствовал, о чем идет речь.

— Проникнуть в тайну древних святынь майя очень грешно и опасно. Это путь к смерти. Уж кто-кто, а мой отец это знает. Много людей здесь умерло. И умерло неожиданно и страшно. Среди них были и жрецы майя. Так умер отец моего отца. Он тоже полюбил женщину из tierra caliente. И из любви к ней за золото продал секрет майя: он прочитал по узелкам, где спрятано сокровище, и повел к нему людей из tierra caliente. Он умер. Все они умерли. Теперь, когда мой отец состарился, он уже не любит женщин из tierra caliente. А в молодости он очень любил их и даже сам согрешил. Он знает, как опасно вести вас к сокровищу. С тех пор как майя спрятали его, прошло несколько веков, и многие люди за это время пытались его найти. Из тех, кто дошел до тайника, ни один не вернулся. Говорят, что конкистадоры и пираты англичанина Моргана все-таки добрались до него, но оставили там свои кости.

— А после того, как твой отец умрет, — спросил Френсис, — ты унаследуешь ему и тоже будешь верховным жрецом майя?

— Нет, сеньор. — И пеон отрицательно покачал головой. — Я ведь только наполовину майя. Я не умею читать по узлам. Мой отец не научил меня этому, потому что я не чистокровный майя.

— А если бы он сейчас умер, есть среди майя еще кто-нибудь, кто умеет читать по узлам?

— Нет, сеньор. Мой отец — последний из живых, кто знает этот древний язык.

Разговор был прерван появлением Леонсии и Рикардо, которые, стреножив своих мулов, пустили их пастись вместе с остальными, а сами подошли и робко заглянули вниз. При виде Леонсии Генри и Френсис просияли от радости, но встретили они ее упреками и как следует разбранили: они требовали, чтобы она вместе с Рикардо вернулась домой.

— Но не можете же вы отослать меня назад, не дав даже поесть! — воскликнула она и, не дожидаясь ответа, соскользнула к ним в яму, с чисто женской хитростью намереваясь продолжить беседу в условиях, располагающих к большей задушевности.

Их громкий разговор вывел старого жреца из молитвенного транса, и он негодующе посмотрел на Леонсию и с не меньшим негодованием обрушился на нее, перемежая свою гневную речь на языке майя испанскими словами и фразами.

— Он говорит, что женщины — это зло, — перевел его сын, как только жрец на минуту умолк. — Он говорит, что из-за женщин мужчины ссорятся, пускают в ход ножей и убивают друг друга. Где женщины — там беды и Божий гнев. Они сводят с Божьего пути и направляют человека к гибели. Он говорит, что женщина — извечный враг Бога и мужчины. Она всегда стоит между мужчиной и Богом. Он говорит, что женщина всегда заглушает поступь Бога и мешает мужчине приблизиться к Нему. Он говорит, что эта женщина должна уйти отсюда.

Френсис, внутренне давясь от смеха, только присвистнул в знак одобрения этой гневной диатрибы, а Генри сказал:

— Будьте умницей, Леонсия! Вы слышите, что говорят индейцы про прекрасный пол. Значит, вам здесь не место. Ваше место в Калифорнии. Там женщины имеют право голоса.

— Вся беда в том, что старик еще не забыл ту женщину, которая принесла ему столько горя в дни его молодости, — сказал Френсис и, повернувшись к пеону, добавил: — Попроси отца прочесть по узлам, сказано ли там, что женщине нельзя ступить на след Стопы бога?

Тщетно дряхлый жрец перебирал священные узелки. Он не нашел в них ни малейшего возражения против участия женщины в экспедиции.

— У него все перемешалось в голове — предания и события собственной жизни, — победоносно улыбнулся Френсис. — Так что, мне кажется, все почти в полном порядке, Леонсия, и вы можете остаться и перекусить с нами. Кофе уже готов. А потом…

Но то, что должно было произойти потом, произошло сейчас. Не успели они усесться на землю и приняться за еду, как у Френсиса, приподнявшегося было, чтобы передать Леонсии тортильи[18], пулей сбило с головы шляпу.

— Эге! — сказал он, быстро садясь. — Вот это сюрприз!

А ну-ка. Генри, погляди, кто там хотел подстрелить меня.

В следующую минуту все, кроме старого индейца, подкрались к краю впадины и выглянули наружу. И вот что они увидели: со всех сторон к ним ползли какие-то люди в неописуемых одеяниях; судя по лицам и цвету кожи, они принадлежали не к одной определенной расе, а были помесью всех рас. Вся человеческая семья, по-видимому, участвовала в лепке их черт и

окраске их кожи.

— Ну и твари! Отроду не видывал таких, — воскликнул Френсис.

— Это кару, — еле выдавил из себя пеон, всем видом своим изобличая страх.

— А кто они такие, черт… — начал было Френсис, но тотчас спохватился: — Прошу прощения, скажи мне, во имя неба, кто они такие, эти кару?

— Это дети дьявола, — отвечал пеон. — Они свирепее испанцев и страшнее майя. Мужчины у них не женятся, а девушки не выходят замуж. У них даже и жрецов-то нет. Они чертовы выродки, дети дьявола и даже еще хуже.

Тут поднялся старый майя и ткнул пальцем в сторону Леонсии, как бы говоря этим обвиняющим жестом: «Вот, она — причина нашего несчастья!» В ту же минуту пуля задела его плечо, и он покачнулся.

— Пригни его книзу! — крикнул Генри Френсису. — Ведь только он знает язык узлов, а глаза Чиа — или что бы там ни было — еще не вспыхнули.

Френсис повиновался: он схватил старика за ноги и дернул вниз, — тот упал, точно мешок с костями.

Генри же сорвал с плеча ружье и начал отстреливаться. В ответ посыпался град выстрелов. Через минуту к Генри присоединились Рикардо, Френсис и пеон. А старик, перебирая свои узелки, смотрел немигающим взглядом поверх впадины — туда, где торчал скалистый склон горы.

— Остановитесь! — воскликнул Френсис, но возглас его потонул в грохоте стрельбы.

Ему пришлось ползком пробираться от одного к другому, чтобы заставить своих спутников прекратить огонь. И каждому в отдельности он объяснял, что все их боеприпасы находятся на мулах и надо беречь патроны, еще оставшиеся в магазинах и в обоймах.

— Да смотрите, чтобы они не попали в вас, — предупреждал всех Генри. — У них старинные мушкеты и аркебузы, которые могут проделать в вас дыру величиной с обеденную тарелку.

Через час была выпущена последняя пуля, если не считать несколько зарядов, остававшихся в пистолете-автомате Френсиса, после чего те, кто сидел в углублении, прекратили огонь, несмотря на беспорядочную стрельбу кару. Хосе Манчено первым догадался, в чем дело. Он осторожно подполз к краю ямы, чтобы удостовериться в правильности своих предположений, и знаком дал понять своим, что у осажденных вышли все патроны и, следовательно, их можно взять голыми руками.

— Недурно мы вас поймали, сеньоры, — злорадно заявил он оборонявшимся; слова его сопровождались хохотом кару, окруживших яму.

Но то, что произошло в следующую минуту, было столь же внезапно и неожиданно, как это бывает в театре, когда меняются картины. Кару вдруг повернулись и с криками ужаса бросились бежать. Бежали они в такой панике и смятении, что многие даже побросали свои мушкеты и мачете.

— А все-таки я уложу тебя, сеньор Сарыч, — любезно крикнул Френсис вслед Манчено, наводя

на него пистолет.

Он прицелился было в бандита, но передумал и не спустил курка.

— У меня осталось всего три патрона, — как бы извиняясь, пояснил он Генри. — А в этой стране нельзя знать заранее, когда больше всего могут пригодиться три патрона, «как я заметил явно, явно», — пропел он.

— Смотрите! — крикнул пеон, указывая на своего отца, а затем на видневшуюся вдали гору. — Вот почему они удрали. Они поняли, что святыни майя грозят им гибелью.

Старый жрец в экстазе, вернее в трансе, перебирал узлы священной кисти и не отрываясь смотрел на далекую гору, на склоне которой, один подле другого, то и дело вспыхивали два ярких огонька.

— Такую штуку кто угодно может устроить с помощью двух зеркал, — иронически заметил Генри.

— Это глаза Чиа, это глаза Чиа, — повторял пеон. — Вы же слышали, что сказал мой отец. Он прочитал по узлам: «Там, где след от Стопы бога, жди, пока не вспыхнут глаза Чиа».

Старик поднялся и не своим голосом возопил:

— «Чтобы найти сокровище, нужно найти глаза!»

— Хорошо, старик, — успокоительно сказал Генри и с помощью своего маленького карманного компаса засек местонахождение двух огней.

— Да у него, видно, компас в голове, — заметил часом позлее Генри, указывая на старого жреца, ехавшего на муле впереди всех. — Я проверяю его по компасу, и даже если какое-то естественное препятствие заставляет его сворачивать в сторону, он потом все равно выходит на верный путь, точно он — магнитная стрелка.

Как только путешественники отъехали от Стопы бога, огоньки исчезли из виду. Поскольку местность была неровная, их можно было заметить, по-видимому, только оттуда. А местность, надо сказать, и в самом деле была неровная: высохшие русла речонок сменялись утесами, лес — песчаными дюнами и каменистым грунтом со следами вулканического пепла.

Наконец, они добрались до такого места, где ехать верхом уже было нельзя: погонщиков вместе с мулами оставили на попечении Рикардо и велели ему разбить лагерь. Остальные двинулись дальше по крутому склону, поросшему кустарником, подтягивая друг друга и цепляясь за торчащие из земли корни. Старый индеец по-прежнему шел впереди и, казалось, забыл о присутствии Леонсии.

Они прошли еще с полмили, как вдруг старик резко остановился и отпрянул назад, точно его укусила змея. А случилось вот что: Френсис расхохотался, и по скалам, передразнивая его, прокатилось гулкое нестройное эхо. Последний жрец племени майя поспешно пробежал пальцами по узлам, выбрал один из шнуров, дважды перебрал его узлы и объявил:

— «Когда боги смеются, берегись!» — так говорят узлы.

Добрых четверть часа Френсис и Генри смеялись и кричали на разные голоса, пытаясь убедить старого жреца, что это всего лишь эхо.

Через полчаса путники дошли до отлогих песчаных дюн. И снова старик отпрянул назад. Каждый шаг по песку вызывал целую какофонию звуков. Люди замирали на месте — и все замирало вокруг. Но стоило сделать хотя бы шаг, и песок снова начинал петь.

— «Когда боги смеются, берегись!» — предостерегающе воскликнул старик.

Он начертил пальцем круг на песке, и, пока он чертил, песок выл и визжал; затем старик опустился на колени, — песок взревел и затрубил. Пеон, по примеру отца, тоже вступил в грохочущий круг, внутри которого старик указательным пальцем выводил какие-то каббалистические фигуры и знаки, — и при этом песок выл и визжал.

Леонсия, до смерти напуганная всем этим, прильнула к Генри и Френсису. Даже Френсис был ошеломлен.

— Эхо, конечно, гулкое, — сказал он. — Но ведь тут не только эхо. Ничего не понимаю! Говоря по совести, это начинает действовать мне на нервы.

— Вздор! — возразил Генри и пошевелил песок ногой: послышался рев. — Это поющий песок. Мне доводилось видеть такой на Кауайе, одном из Гавайских островов, — дивное место для туристов, уверяю вас. Только здесь песок лучше и куда голосистее. Ученые придумали десяток мудреных теорий, объясняющих это явление. Я слышал, что оно наблюдается и в других местах земного шара. В таких случаях нужно брать в руку компас и, следуя ему, пересекать пески. Эти пески хоть и лают, но, к счастью, не кусаются.

Однако жреца невозможно было уговорить выйти из начертанного им круга; единственное, чего достигли Морганы, — это что старик перестал молиться и в ярости накинулся на них, бормоча непонятные слова на языке майя.

— Он говорит, — перевел его сын, — что мы просто совершаем святотатство, даже песок вопит от возмущения. Он не пойдет дальше: он боится подойти к страшному обиталищу Чиа. И я тоже не пойду: мой дед погиб там, это знают все майя. Отец говорит, что не хочет там умереть. Он говорит: «Мне еще не так много лет, чтоб умирать».

— Ну да, всего-навсего восемьдесят! — расхохотался Френсис и тотчас испуганно вздрогнул от колдовских раскатов пересмешника-эхо, подхваченных песчаными дюнами.

— Слишком молод, чтобы умирать! А как насчет вас, Леонсия? Вам тоже еще рановато желать смерти?

— Ну-ка, ответь за меня, — шуткой откликнулась она и слегка пошевелила ногой песок, заставив его издать звук, похожий на вздох укоризны. — Как раз наоборот, я слишком стара, чтобы умирать от страха только потому, что скалы смеются, а дюны лают на нас. Пойдемте-ка лучше вперед. Мы ведь теперь совсем уже близко от этих огоньков. А старик пускай сидит себе в своем кругу и ждет нашего возвращения.

Она выпустила их руки и пошла вперед, а Френсис и Генри последовали за ней. Как только они двинулись, дюны зароптали, а та, что была ближе к ним и осыпалась по склонам, — взревела и загрохотала. К счастью для них, как они вскоре убедились, Френсис запасся мотком тонкой, но крепкой веревки.

Перейдя через пески, они попали в такое место, где эхо было еще сильнее. Их крики отчетливо повторялись по шесть и даже восемь раз.

— Фу ты черт рогатый! — воскликнул Генри. — Не удивительно, что туземцы побаиваются таких мест!

— А помните, у Марка Твена описан человек, который собирал коллекцию эхо? — спросил Френсис.

— Первый раз слышу. Но майя безусловно могли бы собрать здесь недурную коллекцию. Умно придумали, где спрятать сокровище! Место это, несомненно, искони считалось священным — даже еще когда и испанцев здесь не было. Древние жрецы знали причину этих явлений, но пастве своей говорили о них как о величайших тайнах, о чем-то сверхъестественном.

Через несколько минут они вышли на открытое ровное место, над которым низко нависала растрескавшаяся скала; дальше они пошли уже не гуськом, а все трое рядом. Земля вокруг была покрыта корой — такой сухой и каменистой, что невозможно было представить себе, будто где-то растут деревья и зеленеет трава. Леонсия, оживленная и веселая, не желая обижать ни одного из мужчин, схватила их обоих за руки и пустилась вместе с ними бегом. Не успели они пробежать и пяти шагов, как случилась беда. Кора дала трещину, и оба — Генри и Френсис — разом провалились выше колен, а вслед за ними провалилась и Леонсия, почти так же глубоко.

— Фу ты черт рогатый! — пробормотал Генри. — Да тут и в самом деле вотчина дьявола!

Слова эти, произнесенные шепотом, были тотчас подхвачены окружающими скалами, которые на все лады — тоже шепотом — принялись повторять их без конца.

Леонсия и ее спутники не сразу уразумели всю опасность своего положения. Лишь когда после тщетных попыток выбраться они погрузились по пояс и стали погружаться еще глубже, мужчины поняли, чем это им грозит. Леонсия же продолжала смеяться, точно с ними приключилось забавное происшествие.

— Зыбучие пески! — с ужасом прошептал Френсис.

— Зыбучие пески! — с ужасом ответили дюны, без конца повторяя это замирающим жутким шепотом, как будто злорадно разбалтывая какую-то новость.

— Тут впадина, засыпанная зыбучими песками, — догадался Генри.

— А, видно, старикан был все-таки прав, оставшись там, на поющих песках, — сказал Френсис.

Жуткий шепот возобновился, и отголоски его еще долго звучали, замирая вдали.

К этому времени все трое уже погрузились в песок по самую грудь и медленно продолжали погружаться.

— Но должен же кто-то выйти из этой передряги живым! — воскликнул Генри.

Даже не сговариваясь, молодые люди стали приподымать Леонсию, хотя усилия, которых им это стоило, и тяжесть ее тела заставляли их самих быстрее погружаться в песок. Когда Леонсия, вскарабкавшись к ним на плечи, наконец выбралась на поверхность, Френсис сказал, а эхо насмешливо повторило за ним:

— Теперь, Леонсия, мы вас выбросим отсюда. По команде «вперед!» прыгайте и падайте плашмя на кору, — только постарайтесь сделать это полегче. Вы сразу начнете скользить по

ней. И очень хорошо — только не останавливайтесь. Ползите вперед. Передвигайтесь на четвереньках, пока не доберетесь до твердой почвы. Что бы там ни было, не вставайте, пока не почувствуете твердой почвы под ногами. Генри, приготовились?

И они стали раскачивать ее — вперед, назад, — хотя при каждом движении и погружались все глубже в песок; раскачав Леонсию в третий раз, Френсис крикнул: «Вперед», и они с Генри подбросили ее с таким расчетом, чтобы она упала на твердую почву.

Леонсия в точности выполнила их указания и ползком, на четвереньках, добралась до скал.

— Теперь давайте веревку! — крикнула она им.

Но Френсис увяз уже настолько глубоко, что не был в состоянии снять веревочный круг, который он повесил себе на шею, пропустив под руку. Генри сделал это за него и, изловчившись, бросил конец веревки Леонсии, хотя при этом и погрузился в песок на такую же глубину, как и Френсис.

Леонсия поймала веревку и потащила к себе, потом обвязала ее вокруг камня величиной с автомашину и крикнула Генри, чтобы он подтягивался. Но из этой затеи ничего не вышло: Генри только еще глубже погрузился в песок; его засосало уже до подбородка, как вдруг Леонсия крикнула, вызвав в воздухе настоящий бедлам:

— Подождите! Перестаньте тянуть! Я что-то придумала! Кидайте мне всю веревку! Оставьте себе ровно столько, чтобы обвязаться под мышками.

И, таща за собой веревку, она принялась карабкаться вверх по скале. На высоте сорока футов, в расщелине, росло сучковатое карликовое дерево, — тут Леонсия остановилась. Перекинув веревку через ствол, как если бы это был блок, она высвободила ее конец и обмотала его вокруг огромного тяжелого камня, нависшего над обрывом.

— Молодец девушка! Правда, Генри? — воскликнул Френсис.

Оба сразу поняли, что она задумала: все зависело только от того, удастся ли ей сдвинуть с места висевшую над обрывом глыбу и сбросить ее вниз. Прошло пять драгоценных минут, прежде чем Леонсия нашла толстый сук, достаточно крепкий, чтобы он мог служить ей домкратом. Спокойно, напрягая все силы, она стала толкать камень, а тем временем оба любимых ею человека все глубже погружались в песок. Наконец, ей удалось сбросить глыбу.

Падая, глыба с такой силой дернула веревку, что из груди Генри, внезапно сжатой тугой петлей, вырвался невольный стон. Его медленно вытягивало из зыбкой пучины нехотя выпускавших его песков, которые с громким причмокиванием смыкались за ним. Достигнув поверхности, он стремительно взлетел на воздух, перемахнул через полосу хрупкой коры и упал на твердую землю, прямо под деревом, а глыба прокатилась и замерла рядом с ним.

Когда конец веревки был брошен Френсису, зыбучие пески засосали его уже по самую шею. Очутившись рядом с Генри и Леонсией на tierra firma[19], он показал кулак зыбучим пескам, из которых едва вырвался, и со смехом принялся глумиться над ними. Генри с Леонсией вторили ему. А в ответ мириады духов глумились над ними, и весь воздух наполнился шуршаньем и шепотом, звучавшим злой издевкой.

Глава четырнадцатая

— Не за миллион же миль Стопа бога от этих двух огней, — заметил Генри, когда они втроем остановились перевести дух у подножия высокой отвесной скалы. — Ведь если б огни были где-то дальше, мы бы их не увидели: их заслоняла бы от нас эта громадная скала. Но лезть на нее невозможно, а чтобы обойти — понадобится уйма времени. Поэтому давайте прежде обследуем все здесь. По-моему, огоньки вспыхивали где-то поблизости.

— А не мог ли это делать кто-нибудь с помощью зеркала? — предположила Леонсия.

— Нет, скорей всего это какое-то явление природы, — ответил Френсис. — Я теперь уверовал в ее чудеса, после этих лающих песков.

Леонсия, случайно взглянув вверх на скалу, так и замерла.

— Смотрите! — воскликнула она.

Генри и Френсис тоже подняли головы. То, что они увидели, была уже не вспышка, а ровный, немигающий свет, который слепил глаза, как солнце. Мужчины тотчас стали пробираться к подножию скалы. Судя по густоте зелени, здесь много лет не ступала нога человека. Тяжело дыша, они выбрались, наконец, на открытое место, где сравнительно недавний обвал уничтожил всякую растительность.

Леонсия захлопала в ладоши. Теперь источник света был уже виден всем. На высоте тридцати футов в скале сверкали два огромных глаза, каждый в целую сажень, покрытых каким-то блестящим белым веществом.

— Глаза Чиа! — воскликнула Леонсия.

Генри почесал затылок, припоминая что-то.

— Мне кажется, я догадываюсь, из чего они сделаны, — молвил он. — Я никогда не видал их до сих пор, но слышал рассказы стариков. Это древний трюк индейцев племени майя. Ставлю свою долю клада против дырявой монеты в десять центов, Френсис, что могу сказать тебе, что собой представляет это вещество.

— Принимаю! — отозвался Френсис. — Надо быть круглым дураком, чтобы не согласиться на такое пари, даже если спор идет о таблице умножения. Ведь можно выиграть миллионы, а риску всего десять центов! Да на таких условиях я готов поспорить, что дважды два — пять, авось каким-нибудь чудом я сумею доказать это. Так говори же, что это такое? Пари заключено.

— Устрицы, — улыбнулся Генри. — Раковины устриц.

Я имею в виду перламутровые раковины, конечно. Это перламутр, искусно уложенный в виде мозаики, вот и получилась сплошная отражающая поверхность. Если хочешь доказать, что я не прав, — полезай и посмотри сам.

Посредине, немного ниже глаз, торчал треугольный выступ, похожий на гигантский нос. Он казался своеобразным наростом на лике скалы. Камень был неровный, и благодаря своей кошачьей ловкости Френсису удалось довольно быстро преодолеть те десять футов, которые отделяли его от основания выступа. Дальнейший путь вверх по его ребру был уже гораздо легче. Однако свалиться с высоты двадцати пяти футов и сломать себе руку или ногу —

перспектива малоприятная в таком безлюдном месте, и Леонсия, невольно вызвав ревнивый блеск в глазах Генри, крикнула:

— Ради Бога, Френсис, будьте осторожней! Остановившись на вершине треугольника, Френсис осмотрел сначала один, потом другой глаз. Затем он вытащил свой охотничий нож и начал ковырять правый глаз.

— Если б старый джентльмен был здесь, его б кондрашка хватила при виде такого святотатства, — заметил Генри.

— Ты выиграл десять центов! — крикнул Френсис, бросая в протянутую руку Генри выковырянный им уголок глаза.

Это был перламутр — плоский кусочек, часть мозаики, которой был выложен глаз.

— Дыма без огня не бывает, — сказал Генри. — Неспроста выбрали майя это дикое место и вделали в скалу глаза Чиа.

— Пожалуй, мы совершили ошибку, что оставили там старого джентльмена с его священными узелками, — сказал Френсис. — Узелки бы все объяснили нам и подсказали, что делать дальше.

— Где есть глаза, там должен быть и нос, — вставила Леонсия.

— Вот же он! — воскликнул Френсис. — Бог мой, да ведь я сейчас по нему лазил. Мы слишком близко стоим, на него надо смотреть издали. С расстояния в сто ярдов это, наверно, выглядит как гигантское лицо.

Леонсия подошла к скале и ткнула ногой в кучу гнилых листьев и веток, занесенных сюда, по-видимому, тропическими мистралями.

— В таком случае и рот должен быть, где ему положено, под носом, — сказала она с самым серьезным видом.

В один миг Генри и Френсис ногами разбросали кучу и обнаружили отверстие в скале — правда, слишком маленькое, чтобы в него мог пролезть человек. Недавний обвал, должно быть, частично засыпал его. Откатив в сторону несколько камней и просунув в отверстие голову и плечи, Френсис посветил зажженной спичкой.

— Берегитесь змей, — предупредила его Леонсия.

Френсис буркнул что-то в знак признательности и сообщил:

— Это искусственная пещера. Она высечена в скале, и притом весьма умело, насколько я могу судить. А черт! — Последнее относилось к спичке, которая обожгла ему пальцы. — Да тут не нужно никаких спичек! — с удивлением воскликнул он. — Это пещера с естественным освещением… свет проникает откуда-то сверху… настоящий дневной свет. Ну и молодцы же были эти древние майя. Не удивлюсь, если мы обнаружим тут лифт, горячую и холодную воду, паровое отопление и швейцара. Итак, прощайте!

Френсис пролез в отверстие и исчез в глубине. Вскоре из пещеры послышался его голос:

— Идите сюда! Здесь замечательно!

— А вы еще не хотели брать меня с собой! — укоризненно сказала Леонсия, спустившись, в

свою очередь, на ровный пол высеченной в скале пещеры; в таинственном сумеречном свете, проникавшем сюда, все было на редкость хорошо видно. — Сперва я помогла вам найти глаза, потом — рот. Если бы не я, вы сейчас скорей всего огибали бы скалу и ушли уже на полмили отсюда и с каждым шагом все больше удалялись бы от цели.

— Но здесь пусто, хоть шаром покати! — через минуту добавила она.

— Вполне понятно, — сказал Генри. — Ведь это только вестибюль! Не такие уж: глупцы были эти майя, чтобы прятать тут сокровище, за которым так упорно охотились конкистадоры. Я даже готов побиться об заклад, что мы так же далеки сейчас от места, где оно спрятано, как если б мы были в Сан-Антонио.

Тут они увидели проход шириной футов в двенадцать-пятнадцать; о высоте его судить было трудно. Все трое прошли, как показалось Генри, шагов сорок. Коридор резко сузился, повернул под прямым углом направо, затем под прямым углом — налево, и они вошли в другую просторную пещеру.

Таинственный дневной свет, просачивавшийся откуда-то сверху, по-прежнему освещал им дорогу. Внезапно Френсис, шедший впереди, резко остановился, так что Леонсия с Генри даже наскочили на него. Все трое встали в ряд — Леонсия посередине — и увидели прямо перед собой длинную шеренгу людей, давно умерших, но не превратившихся в прах.

— Индейцы майя, должно быть, как и египтяне, знали секрет бальзамирования и сохранения мумий, — сказал Генри, бессознательно понижая голос до шепота перед шеренгой непогребенных мертвецов, которые стояли навытяжку, глядя на него, точно живые люди.

Все были одеты как европейцы, и лица у всех отличались свойственной европейцам бесстрастностью. На них были одежды конкистадоров и английских пиратов, теперь уже почти истлевшие. Двое стояли в ржавых рыцарских доспехах с поднятыми забралами. У некоторых были пристегнуты к поясам шпаги и тесаки, а другие держали их в высохших руках; и у всех из-за поясов торчали рукоятки огромных кремневых пистолетов старинного образца.

— Старик майя был прав, — прошептал Френсис. — Все, кто пытался проникнуть в тайник, украсили его преддверие своими останками и стоят теперь здесь как предостережение тем, кому вздумается сюда прийти. Посмотрите-ка! Ведь правда — настоящий испанец?! Наверняка бренчал на гитаре, так же как его отец и дед.

— А вот этот — типичный девонширец, — тоже шепотом сказал Генри. — Ставлю дырявый десятицентовик против старинного медяка, что он был браконьером, подстрелившим оленя в заповедном лесу и бежавшим от королевского гнева на первом же корабле в испанскую колонию!

— Бр-р-р-р!.. — Леонсия вздрогнула и прижалась к Френсису и Генри. — От этих святынь веет смертью и разной чертовщиной. Классическая месть! Те, кто собирался ограбить сокровищницу, обречены теперь вечно стоять на страже и охранять ее своим нетленным прахом.

Дальше идти никому не хотелось. Эти фигуры покойников в старинных костюмах точно загипнотизировали их. Генри впал в мелодраматический тон.

— Смотрите, в какое дикое, страшное место завела людей погоня за богатством с первых же дней завоевания Америки! — сказал он. — И хоть они не смогли унести сокровище, чутье безошибочно привело их к самому порогу. Снимаю перед вами шляпу, пираты и конкистадоры!

Приветствую вас, смелые бродяги и разбойники! У вас был тонкий нюх: вы сумели учуять золото и были достаточно храбры, чтобы драться за него!

— Ух! — произнес Френсис, увлекая за собой Генри и Леонсию сквозь строй древних искателей приключений. — Старик сэр Генри тоже должен быть где-то здесь во главе шеренги.

Они прошли шагов тридцать, тут коридор делал еще один поворот. У самого конца двойного ряда мумий Генри вдруг остановил своих спутников и, указывая на одну из них, воскликнул:

— Не знаю, как насчет сэра Генри, но Альварес Торрес перед вами!

Действительно, мумия с узким темным лицом под испанским шлемом, в полуистлевшем средневековом испанском костюме и с большой испанской шпагой в коричневой высохшей руке была поразительно похожа на Альвареса Торреса, у которого было точно такое же узкое и темное лицо. Леонсия даже ахнула и, отпрянув назад, перекрестилась.

Френсис передал ее на попечение Генри, сам же подошел к мертвецу, потрогал его щеки, лоб и губы и успокоительно рассмеялся:

— Хотел бы я, чтобы Альварес Торрес оказался на месте этого рыцаря. Но, знаете, у меня нет ни малейшего сомнения в том, что он был предком Торреса, прежде чем занял место здесь, в почетном карауле возле сокровищ майя.

Леонсия, вся дрожа, прошла мимо страшной мумии. В узком проходе стало совсем темно, и Генри, который шел впереди, все время зажигал спички.

— Ого! — вдруг воскликнул он, после того как они прошли шагов двести. — Взгляните-ка на эту работу! Здорово обтесан камень!

Здесь откуда-то сверху в проход струился сумеречный свет, позволявший видеть все и без спичек. Перед путешественниками была ниша, из которой наполовину торчал камень, по размеру точно соответствовавший ширине прохода. Очевидно, его поместили здесь с целью закрыть проход. Камень был тщательнейшим образом обтесан, грани его и углы точно совпадали с отверстием в стене.

— Бьюсь об заклад, что именно здесь погиб отец старика майя! — воскликнул Френсис. — Он знал секрет механизма, поворачивающего камень, и, как видите, камень наполовину сдвинут…

— Фу ты черт рогатый! — ругнулся Генри, перебивая его и указывая на пол, где валялись человеческие кости. — Вот что от него осталось! Он умер много позднее тех — иначе его бы тоже превратили в мумию. По всей вероятности, он был последним, кто приходил сюда до нас.

— Старый жрец рассказывал, что его отец повел сюда людей из tierra caliente, — напомнила Леонсия.

— И еще он сказал, — добавил Френсис, — что ни один из них не вернулся.

Генри заметил череп и поднял его; вдруг он издал какое-то восклицание и зажег спичку, теперь и его спутники увидели находку. Череп был не только раскроен надвое ударом меча или мачете, — на затылке виднелась дырочка, свидетельствовавшая о том, что он был пробит пулей. Генри потряс череп — что-то задребезжало внутри; потряс его снова — и из черепа вывалилась сплющенная пуля. Френсис внимательно осмотрел ее.

— Из седельного пистолета, — заключил он. — Порох был, видно, плохой или подмоченный: стреляли ведь наверняка в упор — здесь и нельзя иначе, — и все-таки пуля не прошла насквозь. А череп этот бесспорно принадлежал индейцу.

Еще один поворот направо — и они вошли в небольшую, хорошо освещенную пещеру. Из окна, расположенного очень высоко и забранного продольными каменными брусьями в фут толщиной и почти такими же поперечными, в пещеру проникал тусклый дневной свет. Весь пол был усеян белыми человеческими костями. Судя по черепам, это были европейцы. Тут же валялись ружья, пистолеты, ножи, а кое-где и мачете.

— Они дошли до самого порога тайника, — заметил Френсис, — а здесь, как видно, передрались из-за шкуры еще не убитого медведя. Очень жаль, что с нами нет старого индейца и он не может увидеть, что приключилось с его отцом.

— А вдруг кто-нибудь остался в живых и удрал с добычей? — высказал предположение Генри. Но, оторвавшись от печального зрелища, какое являли собой разбросанные по полу кости, и оглядев пещеру, сам же и ответил: — Впрочем, нет, не может быть. Вы только посмотрите на эти драгоценные камни в глазах идола. Ведь это рубины, если я хоть что-нибудь смыслю.

Френсис и Леонсия проследили за его взглядом и увидели огромную каменную статую женщины с раскрытым ртом, которая сидела, поджав ноги, и смотрела на них красными глазами. Рот ее был так велик, что все лицо казалось уродливым. Рядом с нею высился еще более безобразный и отвратительный идол-мужчина, изваянный, правда, в более героическом стиле. Одно ухо истукана было обычного размера, а другое столь же уродливо большое, как рот у богини.

— Эта красотка, должно быть, и есть сама Чиа, — усмехнулся Генри. — А вот кто же этот ее лопоухий кавалер с зелеными глазами?

— Ей-богу не знаю! — расхохотался Френсис, — Но зато знаю, что вместо глаз у этого лопоухого джентльмена самые большие изумруды, какие я когда-либо видел наяву или во сне. Каждый из них так велик, что тут не каратами пахнет. Такие камни можно встретить разве что в коронах царей, или это стекляшки.

— Но два изумруда и два рубина, пусть даже самые огромные, — это, конечно, не все сокровище майя, — заметил Генри. — Мы переступили порог сокровищницы, только у нас нет ключа к ее ларцам…

— А вот старик майя, который остался на поющих песках, наверно, нашел бы его по узелкам своей священной кисти, — сказала Леонсия. — Здесь, кроме этих двух идолов и костей на полу, ничего больше нет.

С этими словами она подошла к статуе мужчины и принялась рассматривать его огромное ухо.

— Не знаю, как насчет ключа, — заметила она, — но замочная скважина тут есть… — И она показала на отверстие в ухе.

И в самом деле, в том месте, где обычно бывает ушная раковина, ухо состояло из сплошного камня; в нем было лишь маленькое отверстие, весьма напоминавшее замочную скважину. Тщетно Леонсия, Френсис и Генри ходили по пещере, выстукивая ее стены и пол, в поисках искусно скрытых проходов или замаскированных путей к хранилищу.

— Кости обитателей tierra caliente, два идола, два громадных изумруда, два таких же рубина и

мы сами — это все, что здесь есть, — подытожил Френсис. — Нам остается только вот что: во-первых, пойти назад, привести сюда Рикардо вместе с мулами и у входа в пещеру разбить лагерь; а во-вторых — доставить сюда старого джентльмена с его священными узелками, даже если нам придется тащить его на руках.

— Ты подожди здесь с Леонсией, а я вернусь и приведу их, — вызвался Генри, после того как они, пройдя по длинным коридорам и миновав ряды мертвецов, вышли, наконец, из пещеры на яркий солнечный свет.

А в это время на поющих песках пеон и его отец продолжали стоять на коленях в круге, начертанном стариком. Шел сильный тропический дождь, и пеон весь дрожал от холода, а старик как ни в чем не бывало продолжал молиться, не задумываясь над тем, выдержит ли его бренное тело такой дождь и такой ветер. Именно потому, что пеону было тревожно и не по себе, он и заметил то, что ускользнуло от внимания его отца. Сначала он увидел Альвареса Торреса и Хосе Манчено, вышедших из джунглей и крадучись пробиравшихся через пески. А затем увидел чудо. Чудо это состояло в том, что Торрес и Манчено преспокойно шагали по песку — и песок молчал. Когда они скрылись из виду, пеон боязливо дотронулся пальцем до песка, но никаких жутких звуков не последовало. Он ткнул пальцем глубже — все по-прежнему было тихо; и так же было тихо, даже когда он стал колотить по песку всей ладонью: ливень лишил песок голоса.

Пеон тряхнул отца и, заставив его оторваться от своих молитв, объявил:

— Песок больше не кричит. Он немой, как могила. Я своими глазами видел, как враг богатого гринго прошел по песку. А ведь он очень грешный человек, этот Альварес Торрес, и все-таки песок молчал. Песок умер. У него нет больше голоса. А там, где могут идти грешники, мы с тобой, старик, тоже можем пройти.

Старый индеец дрожащим указательным пальцем принялся чертить в круге кабалистические знаки — песок не издал ни звука; он молчал, даже когда старик попытался чертить и за пределами круга. Песок отсырел, а пески могут петь, лишь когда их насквозь прокалит солнце. Пальцы старика забегали по узелкам священной кисти.

— Тут сказано, — сообщил он, — что, когда песок перестает говорить, можно спокойно идти дальше. До сих пор я свято следовал всем велениям Бога. Будем следовать им и впредь; а потому пойдем, сын мой.

И они зашагали так быстро, что вскоре вышли из полосы песков и почти нагнали Торреса и Манчено, а сия достойная пара, завидя их, поспешила спрятаться в кусты. Пропустив старика с сыном вперед и держась на почтительном расстоянии, они двинулись за ними следом. Тем временем Генри, выбравший более короткий путь, разминулся как с первой, так и со второй парой.

Глава пятнадцатая

— И все-таки напрасно я остался в Панаме, это было ошибкой и проявлением слабости с моей стороны, — заметил Френсис Леонсии. Они сидели рядом на камнях у входа в пещеру, поджидая возвращения Генри.

— Неужели нью-йоркская биржа так много для вас значит? — кокетливо поддразнивая его, спросила Леонсия. Но слова эти были лишь частично продиктованы кокетством: главное — Леонсии хотелось выиграть время. Она боялась оставаться наедине с этим человеком, которого

любила такой удивительной и пугавшей ее любовью.

Но Френсис не хотел ждать.

— Я человек прямой, Леонсия. Я говорю то, что думаю, — прямо, коротко и открыто…

— Ив этом вы отличаетесь от нас, испанцев, — прервала она его. — У нас самые простые мысли принято облекать в цветистые слова.

Френсис настойчиво продолжал, как если бы она и не прерывала его:

— Вот вы, Леонсия, как раз и принадлежите к числу таких хитрюг. Я говорю прямо и откровенно, как говорят мужчины. А вы хитрите и увиливаете, точно бабочка, избегающая сачка, — что, должен признать, свойственно женщинам, и мне следовало ожидать этого. И все-таки это несправедливо… по отношению ко мне. Я ведь прямо выкладываю вам, что у меня на сердце, и вы все отлично понимаете. А сами ничего не говорите мне о своих чувствах. Вы хитрите и изворачиваетесь. И я уже просто ничего не понимаю. Следовательно, вы ставите меня в невыгодное положение. Вы же знаете, что я люблю вас. Я вам откровенно в этом признался. А вы ответили что-нибудь?

Леонсия сидела красная, опустив глаза, и не знала, что сказать.

— Вот опять! — не унимался Френсис. — Вы мне не отвечаете! Вы держитесь со мной теплее и оттого кажетесь мне прелестнее и желаннее, чем когда-либо, и все-таки вы лукавите и ничего не говорите о своих чувствах и намерениях. Почему? Потому что вы женщина или потому что испанка?

Его слова взволновали Леонсию до глубины души. С трудом владея собой, но внешне сохраняя, однако, полную невозмутимость, она спокойно посмотрела на него и так же спокойно произнесла:

— Я могу быть англичанкой, американкой или кем угодно, но я умею прямо смотреть на вещи и называть их своими именами. — Она помолчала, хладнокровно обдумывая, что сказать дальше, и столь же хладнокровно продолжала: — Вы сетуете на то, что вы вот сказали мне о своей любви, а я молчу. Сейчас я все вам объясню, — и вполне откровенно. Я люблю вас…

Он протянул к ней руки, но она оттолкнула его.

— Подождите! — повелительно сказала она, — Кто же из нас ведет себя как женщина… или как испанка? Я ведь еще не кончила. Я люблю вас. И я горжусь тем, что люблю вас. Но это не все. Вы спросили меня о моих чувствах и намерениях. На вопрос о чувствах я ответила. А что касается намерений, то вот вам мой ответ: я собираюсь выйти замуж: за Генри.

Такая англосаксонская прямолинейность положительно ошеломила Френсиса, и он с трудом выдавил:

— Но, ради Бога, объясните почему?

— Потому что я люблю Генри, — ответила она, смело глядя ему в глаза.

— Но вы же… вы же говорите, что любите меня, — дрожащим голосом произнес он.

— Вас я тоже люблю. Я люблю вас обоих. И я вовсе не такая уж дурная женщина — по крайней

мере так мне всегда казалось. И до сих пор так кажется, хоть разум и подсказывает мне, что добродетельная женщина не может любить одновременно двух мужчин. Ну и ладно. Значит, я дурная, — такая уж я родилась, ничего не поделаешь.

Она помолчала, но Френсис все еще не мог произнести ни слова.

— Ну, так кто же из нас ведет себя как англосакс? — спросила она с легкой улыбкой, не то бросая ему вызов, не то забавляясь его замешательством. — Я сказала вам, не хитря и не увиливая, о своих чувствах и намерениях.

— Но это нелепо! — горячо запротестовал он. — Не можете же вы, любя меня, выйти замуж за Генри!

— По-видимому, вы меня не поняли, — с упреком сказала Леонсия. — Я собираюсь выйти замуж за Генри. Я люблю вас. И Генри тоже люблю. Но не могу же я выйти замуж за вас обоих! Это не разрешается законом. А потому я выйду замуж только за одного из вас. И я остановила свой выбор на Генри.

— Тогда почему… почему же вы уговаривали меня остаться? — спросил он.

— Потому что я люблю вас. Я ведь уже сказала вам!

— Если вы будете повторять это, я с ума сойду! — воскликнул Френсис.

— Мне самой подчас кажется, что я схожу с ума, — сказала она. — Если вы считаете, что мне легко сохранять англосаксонскую выдержку, то ошибаетесь. Зато ни один англосакс, даже вы, которого я так люблю, не может презирать меня за то, что я таю в душе какие-то постыдные чувства. Мне представляется куда менее постыдным сказать об этом вам напрямик. Если, по-вашему, это качество англосаксов — что ж, считайте так. Или, быть может, это качество испанцев или что-то чисто женское, присущее лично мне, как представительнице семьи Солано, — мне все равно, считайте как хотите, ибо — да! — я испанка, я женщина… И я представительница испанской семьи Солано, хоть и не жестикулирую, когда говорю, — шутливо закончила она после небольшой паузы.

Френсис только собрался было что-то сказать, но Леонсия шикнула на него, и оба прислушались: в кустарнике раздался шорох — кто-то, видимо, приближался к ним.

— Послушайте! — быстро прошептала она и умоляющим жестом дотронулась до его локтя. — Я буду в последний раз англосаксонкой и скажу вам все. А потом всегда буду хитрить и вилять, как это свойственно, по вашему мнению, испанкам, и мне в том числе. Итак, слушайте: я люблю Генри, это правда, сущая правда. Но вас я люблю больше, гораздо больше. Я выйду замуж за Генри… потому что люблю его и связана с ним клятвой. И все-таки вас я всегда буду любить больше.

Прежде чем Френсис успел что-либо возразить, из кустарника, прямо на них, вышли старый жрец майя и его сын. Едва ли даже заметив Френсиса и Леонсию, жрец упал на колени и воскликнул по-испански:

— Впервые глаза мои видят глаза Чиа! Он пробежал пальцами по узелкам священной кисти и стал молиться на языке майя. И если бы окружающие могли понять его, то они услышали бы следующее:

— О бессмертная Чиа, великая супруга божественного Хцатцла, создавшего все сущее из

небытия! О бессмертная супруга Хцатцла! Ты, которая есть мать злаков, божественная сердцевина прорастающего зерна, богиня дождя и оплодотворяющих солнечных лучей! Ты, которая питаешь семена, корни и плоды, необходимые для поддержания жизни человека! О славная Чиа, чей рот повелевает уху Хцатцла! Тебе смиренно возносит молитву твой жрец! Будь снисходительна ко мне и всемилостива. Выдай из твоего рта золотой ключ, открывающий ухо Хцатцла. Дозволь твоему верному жрецу добраться до сокровища Хцатцла… Не для себя прошу, о богиня, а для сына моего, которого спас гринго. Твои дети — племя майя — исчезают с земли. Им теперь уже не нужны сокровища. Я твой последний жрец. Вместе со мной умрет и то, что людям известно о тебе и о твоем великом супруге, чье имя я произношу лишь шепотом, пав ниц. Услышь меня, о Чиа, услышь меня! Я пал перед тобою ниц!

Целых пять минут старый жрец лежал, распростершись на камне, содрогаясь и корчась, точно эпилептик, а Леонсия и Френсис с любопытством смотрели на него, невольно захваченные торжественностью молитвы, хоть она и была им непонятна.

Не дожидаясь Генри, Френсис снова вошел в пещеру.

Он и Леонсия шли впереди, показывая старому жрецу дорогу. А старик, не переставая перебирать свои узелки и что-то шептать про себя, следовал за ними, тогда, как пеон, остался на страже у входа. Когда они подошли к мумиям, жрец благоговейно остановился — не столько из-за мумий, сколько из-за священных узелков.

— Тут вот что сказано, — важно молвил он, выбирая одно из усеянных узелками волокон. — Это были злые люди, разбойники. Их удел — вечно додать у порога пещеры, где скрыта тайна племени майя.

Френсис поскорее провел старика мимо груды костей его отца и ввел во вторую пещеру, где старый майя сразу же распростерся перед двумя идолами и долго и горячо молился. Потом он внимательно осмотрел узелки священной кисти и сообщил Френсису с Леонсией то, что прочел, на языке майя. Френсис знаком показал, что они ничего не поняли. Тогда старик повторил на ломаном испанском языке:

— «Изо рта Чиа в ухо Хцатцла» — так говорят узлы.

Френсис выслушал эту загадочную фразу, заглянул в темную глубину рта богини, сунул острие своего охотничьего ножа в замочную скважину, видневшуюся в огромном ухе бога, постучал по камню рукояткой ножа и заявил, что статуя полая. Потом он вернулся к статуе Чиа и, постучав по ней ножом, убедился, что она тоже полая. Но тут старый майя пробормотал:

— «Ноги Чиа покоятся на пустоте».

Френсис, заинтересовавшись этим, заставил старика проверить свои слова по узелкам.

— Ноги у нее действительно большие, — рассмеялась Леонсия, — но под ними крепкий каменный пол, а вовсе не пустота.

Френсис толкнул богиню рукой, — оказалось, что она легко сдвигается с места. Обхватив ее, он рывками стал ее передвигать.

— «Для тех, кто силен и бесстрашен, ноги Чиа сдвинутся с места», — прочел жрец. — Но дальше три узла говорят: «Берегись! Берегись! Берегись!»

— Ну, будем надеяться, что эта пустота, какая там она ни есть, не укусит меня, — рассмеялся

Френсис, выпуская из своих объятий богиню, которую ему удалось сдвинуть на добрый ярд. — Итак, старушенция, постой здесь немножко или посиди, отдохни. Ведь ноги у тебя, наверно, порядком устали: попробуй-ка опираться столько столетий на пустоту!

Возглас Леонсии заставил Френсиса взглянуть на то место, где только что стояла Чиа. Шагнув назад, он едва не упал в яму, которую до сих пор прикрывали ноги богини. Оказалось, что в скале выдолблено круглое отверстие диаметром в целый ярд. Тщетно пытался Френсис определить глубину ямы, бросая вниз зажженные спички: они падали и, не достигнув дна, гасли на лету.

— В самом деле похоже, что тут бездонная пропасть, — заметил Френсис, бросая вниз камешек.

Прошло несколько секунд, прежде чем они услышали, как он стукнулся обо что-то.

— Но ведь и это, возможно, еще не дно, — заметила Леонсия. — Камень мог удариться о какой-нибудь боковой выступ скалы и даже мог там остаться.

— Ну, уж вот это штука даст нам точный ответ, — сказал Френсис и, схватив старинный мушкет, валявшийся среди костей на полу, хотел было бросить его вниз.

Но старик остановил его:

— Священные узлы говорят: «Кто посягнет на священную пустоту под ногами Чиа, умрет скорой и страшной смертью».

— А я вовсе и не намерен посягать на священную пустоту, — усмехнулся Френсис, отбрасывая мушкет. — Но что же нам теперь делать, старик? Легко сказать: «Изо рта Чиа в ухо Хцатцла», — а как это выполнить? Проведи-ка, старина, пальцами по своим священным узелкам и узнай, как и что.

А для сына жреца — пеона с израненными коленями — пробил последний час. Сам того не подозревая, он в тот день последний раз видел восход солнца. Что бы ни случилось в этот день, какие бы усилия он ни делал для того, чтобы избежать своей Судьбы, этому дню предстояло быть последним в его жизни. Останься он на страже у входа в пещеру, его, несомненно, убили бы Торрес и Манчено, шедшие за ним чуть ли не по пятам.

Но, вместо того чтобы стоять на страже, боязливый и осторожный пеон решил сделать вылазку и посмотреть, нет ли поблизости каких-нибудь врагов. Так он избег смерти при свете дня под открытым небом. Но стрелки часов его жизни передвигались, и предуготованный ему конец был не дальше от него и не ближе, чем судила Судьба.

Пока он обследовал окрестности, Альварес Торрес и Хосе Манчено достигли входа в пещеру. Огромные глаза Чиа, выложенные перламутром на каменном лике скалы, оказались слишком большим испытанием для суеверного кару.

— Ты иди туда, — сказал он Торресу, — а я останусь здесь сторожить, чтобы никто не вошел.

И Торрес, в ком текла кровь его предка, честно выстоявшего столетия в ряду мумий, вошел в пещеру майя столь же храбро, как некогда его предок.

Едва он скрылся из виду, как Хосе Манчено, не побоявшийся бы предательски убить любого человека, но чрезвычайно боявшийся невидимого мира, сокрытого за непонятными для него

явлениями, забыл свой долг часового и телохранителя и поспешно скользнул в кусты. Тем временем пеон, убедившись, что вокруг нет злоумышленников, и горя желанием узнать от отца тайны майя, вернулся на свое прежнее место. Здесь он тоже никого не обнаружил и вошел в пещеру, не зная, что следует по пятам за Торресом.

А тот продвигался тихо и осторожно, из боязни открыть свое присутствие тем, кого он выслеживал. Да еще он задержался в пещере, пораженный парадом мертвецов. Он с любопытством принялся рассматривать этих людей, которые вошли в историю и для которых история остановилась здесь, в преддверии святилища майя. Особенно заинтересовала Торреса мумия, замыкавшая ряд. Ее сходство с ним самим было слишком заметно, чтобы не броситься ему в глаза, и он сразу догадался, что это его дальний предок.

Он все еще в раздумье смотрел на мертвеца, как вдруг услышал звук шагов и оглянулся, ища, куда бы спрятаться. Тут дьявольская мысль пришла ему на ум. Сняв шлем с головы своего предка, он надел его себе на голову, потом закутался в его прогнивший плащ, вооружился огромной шпагой и натянул ботфорты с отворотами, которые едва не развалились при этом. Затем он бережно, чуть ли не с нежностью, положил голую мумию на спину, позади других мумий — туда, где сумрак сгущался до сплошной черноты. Проделав все это, он занял место покойника, замыкавшего ряд, положил руку на эфес шпаги и замер в той же позе, в какой стоял его предок.

Подвижными оставались только его глаза, следившие за пеоном, который медленно и боязливо продвигался между двойным рядом мертвецов. Поравнявшись с Торресом, пеон вдруг остановился и, широко раскрыв от ужаса глаза, забормотал одну за другой молитвы майя. Торресу, перед которым он стоял, не оставалось ничего другого, как слушать с закрытыми глазами и догадываться о том, что происходит. Услышав, что пеон пошел дальше, Торрес покосился в его сторону: пеон как раз остановился, не решаясь завернуть в узкий проход. Обрадовавшись удобному моменту, Торрес занес шпагу, готовясь нанести удар, который раскроил бы череп пеона.

Но, хотя это был и день и час, предопределенный Судьбою для смерти пеона, последняя секунда его жизни еще не истекла. Не тут, среди двойного ряда мертвецов, и не от руки Торреса суждено ему было умереть, ибо Торрес придержал руку и медленно опустил оружие, а пеон пошел дальше и скрылся за поворотом. Вскоре он нагнал своего отца, Леонсию и Френсиса, — последний как раз просил жреца вторично справиться по узелкам, как и чем можно открыть ухо Хцатцла.

— Просунь руку в рот Чиа и вытащи ключ, — приказал старик, своему боязливому сыну, и тот с явной неохотой повиновался ему.

— Да не укусит же она тебя, она ведь каменная! — со смехом сказал ему Френсис по-испански.

— Боги майя никогда не бывают каменными, — с упреком заметил ему старик. — Они кажутся каменными, но на самом деле они живые, всегда были живыми и под камнем и сквозь камень вечно осуществляют свою неизменную волю.

Леонсия, вздрогнув, отшатнулась от жреца и, взяв Френсиса под руку, прижалась к нему, словно ища у него защиты.

— Что-то ужасное должно случиться — у меня такое предчувствие, — вырвалось у нее. — Не нравится мне это место в недрах горы, среди мертвецов. Я люблю синее небо, ласковое солнце, безбрежное море. Что-то ужасное должно случиться здесь с нами. У меня такое предчувствие

— что-то должно случиться.

Френсис принялся успокаивать ее, а часы жизни пеона отстукивали уже последние секунды. И когда, призвав на помощь всю свою храбрость, он сунул руку в рот богини, последняя секунда его жизни истекла и смертный час его пробил. С криком ужаса он выдернул руку и уставился на свое запястье, где, как раз над артерией, алела капелька крови. Пятнистая головка змеи высунулась изо рта богини, точно насмешливый язычок, и снова спряталась в темной впадине.

— Ехидна! — закричала Леонсия, распознав змею.

Пеон, который тоже распознал змею и понял, что его ждет неминуемая смерть, в ужасе попятился, оступился и полетел прямо в пропасть, которую столько веков прикрывали ноги Чиа.

Целую минуту все молчали, потом старый жрец прошептал:

— Я разгневал Чиа, и она убила моего сына.

— Не верьте вы этому, — заметил Френсис, стремясь успокоить Леонсию. — Все это вполне естественно и объяснимо. Ну что тут удивительного, если змея поселилась в расщелине? Это часто бывает. И что тут удивительного, если человек, укушенный ехидной, отпрянул назад? И, наконец, что же удивительного, если он оступился и упал в яму, находившуюся позади него…

— Тогда и в этом нет ничего удивительного? — воскликнула Леонсия, указывая на струю прозрачной воды, забулькавшую над отверстием и вскоре забившую из него фонтаном. — Старик прав. Даже сам камень служит богам орудием для выполнения их неизменной воли. Жрец предупреждал нас. Он ведь прочел об этом по своим священным узелкам.

— Вздор! — фыркнул Френсис. — Никакая это не воля богов, а всего лишь воля древних жрецов майя, которые изобрели и своих богов и эту штуковину. Где-то глубоко внизу тело пеона ударило по рычагу, открывшему каменные шлюзы. И забил подземный источник. Вот откуда эта вода. Богинь с таким чудовищным ртом не бывает, их могли измыслить лишь люди с поистине чудовищным воображением. Настоящая же богиня должна быть прекрасна, ибо красота и божество неотделимы друг от друга. Только человек способен выдумать демонов во всем их безобразии.

Вода хлестала из ямы с такой силой, что уже доходила им почти до щиколоток.

— Ничего страшного, — сказал Френсис. — Я заметил, что на протяжении всего пути пол в пещерах и проходах — покатый. Эти древние индейцы были хорошими инженерами и все предусмотрели для стока. Видите, как вода бежит по галерее в направлении выхода. А ну, старина, прочти-ка по своим узелкам, где сокровище?

— Где мой сын? — спросил вместо ответа старик глухим, полным отчаяния голосом. — Чиа убила моего единственного сына. Ради его матери я нарушил закон майя и запятнал чистую кровь майя нечистой кровью женщины из tierre caliente. Ведь я согрешил ради того, чтобы он появился на свет, и потому он мне трижды дорог. Какое мне теперь дело до сокровища? Нет у меня больше сына. Гнев богов майя обрушился на меня.

С ревом, клокотанием и бульканием, указывающими на большое давление снизу, вода по-прежнему била фонтаном вверх. Леонсия первая заметила, что уровень воды в пещере повысился.

— Вода уже почти дошла мне до колен, — сказала она Френсису.

— Пора выбираться отсюда, — согласился он, поняв всю серьезность положения. — Сток, возможно, и был хорошо рассчитан, но обвал, очевидно, преградил выход воде. В других галереях, идущих под уклон, воды, конечно, еще больше, чем здесь. Однако и здесь уровень ее достаточно высок. А другой дороги наружу нет. Пошли!

Подтолкнув Леонсию, чтобы она шла вперед, он схватил за руку подавленного горем жреца и потащил за собой. Там, где галерея поворачивала под прямым углом, вода доходила им до колен. А в пещере, где стояли мумии, они оказались уже по пояс в воде.

И тут из воды перед остолбеневшей Леонсией поднялась голова в шлеме и задрапированное в старинный плащ тело. Но это еще не удивило бы Леонсию, ибо и все другие мумии тоже упали, сбитые бурлящими водами. Эта же мумия двигалась, прерывисто дыша, она живыми глазами смотрела в глаза Леонсии.

Это было уже слишком необычное зрелище для обычного человека: перед Леонсией был воин, который умер четыреста лет назад и теперь умирал вторично смертью утопленника! Леонсия вскрикнула, рванулась было вперед и почти тут же стремглав помчалась обратно в пещеру; Френсис, пораженный не менее Леонсии, отступил и вытащил пистолет-автомат. Но в эту минуту покойник, нащупав, наконец, пол под ногами, вынырнул из быстрого потока, встал на ноги и закричал:

— Не стреляйте! Это я, Торрес! Я был сейчас у входа в пещеру. Что-то случилось. Там не пройти. Вода стоит выше головы — даже входа не видно. Слышно, как падают камни.

— Ну, так сюда ты тоже не пройдешь, — сказал Френсис, наводя на него пистолет.

— Сейчас не время ссориться, — возразил Торрес. — Надо прежде всего спасать жизнь, а поссориться мы всегда успеем, если в этом будет необходимость.

Френсис заколебался.

— А что с Леонсией? — спросил хитрый Торрес, — Я видел, как она побежала назад. С ней ничего не может случиться?

Помиловав Торреса, Френсис направился обратно в пещеру идолов, таща за собой старика. Следом за ним шел Торрес. Леонсия снова закричала от ужаса.

— Не бойтесь, это Торрес, — успокоил ее Френсис. — Я сам до чертиков перепугался, когда увидел его. Но он такой же живой человек, как и все мы. Если его пырнуть ножом, из него потечет кровь. А ну, старина! Мы вовсе не хотим потонуть здесь, как крысы. Еще не все тайны майя раскрыты. Читай по узелкам и выводи нас отсюда!

— Путь лежит не наружу, а внутрь, — дрожащим голосом пробормотал жрец.

— Нам все равно, лишь бы как-нибудь выбраться отсюда. Но как же попасть внутрь?

— Изо рта Чиа в ухо Хцатцла, — был ответ.

Френсиса вдруг осенила страшная, чудовищная мысль.

— Торрес, — сказал он, — во рту этой каменной леди есть ключ или что-то в этом роде. Вы

ближе всех к ней стоите. Суньте туда руку и достаньте его.

Леонсия подавила возглас ужаса, догадавшись о том, какого рода месть задумал Френсис. Но Торрес не заметил этого и весело направился к богине со словами:

— Только рад быть вам полезен.

Однако чувство порядочности не позволило Френсису довести дело до конца.

— Стой! — резко приказал он и сам кинулся к идолу.

И Торрес, сначала в недоумении посмотревший на него, вскоре понял, чего он избежал. Френсис несколько раз выстрелил из пистолета в каменный рот богини, в то время как старый жрец стонал: «Святотатство!» Затем, обернув курткой руку до плеча, он залез богине в рот и за хвост вытащил оттуда раненую змею. Несколько быстрых взмахов — и он размозжил ей голову о бок идола.

Обернув снова руку и плечо курткой, на случай если там окажется вторая змея, Френсис опять полез в рот богини и вытащил оттуда тщательно отполированный брусочек золота, по форме и размеру соответствовавший отверстию в ухе Хцатцла. Старик указал на ухо, и Френсис вложил так называемый ключ в скважину.

— Совсем как в автомате, — заметил он, когда брусочек провалился в отверстие, — Ну, что-то теперь будет? Следите за водой — она, наверно, сразу схлынет.

Но вода продолжала хлестать вовсю. Вдруг Торрес издал какое-то восклицание и указал на стену, от которой отделилась огромная глыба и медленно поползла вверх.

— Вот он — выход! — крикнул Торрес.

— Вход, как сказал старик, — поправил его Френсис. — Ну, что бы там ни было, пойдемте.

Они прошли сквозь стену и довольно далеко углубились по узкому проходу, как вдруг старик майя с криком: «Мой сын!» — повернулся и бросился назад.

Поднявшаяся часть стены уже опускалась на свое место, и жрец лишь с трудом прополз под нею на животе.

Еще миг — и стена заняла прежнее положение. И так точно были пригнаны составлявшие ее камни, что она тотчас перекрыла поток, хлынувший из пещеры идолов.

Снаружи, если не считать небольшого ручейка, вытекавшего из-под скалы, не было никаких признаков того, что творится внутри. Генри и Рикардо, подойдя ко входу в пещеру, заметили ручей, и Генри сказал:

— Это что-то новое. Воды тут не было, когда я уходил.

Минуту спустя он увидел свежий обвал.

— Здесь был вход в пещеру, — сказал он. — Теперь его нет. Интересно, куда же все девались?

И точно в ответ на его слова, пенящийся поток вынес из недр горы тело человека. Генри и Рикардо кинулись к нему и вытащили его из воды. Узнав в нем старого жреца, Генри положил его лицом вниз, опустился рядом с ним на колени и принялся откачивать, как откачивают

утопленников.

Прошло добрых десять минут, прежде чем старик стал проявлять признаки жизни, и еще столько же, прежде чем он открыл глаза и дико осмотрелся вокруг.

— Где они? — спросил Генри.

Старый жрец забормотал что-то на языке майя, но Генри встряхнул его и заставил прийти в себя.

— Нет, никого нет… — пояснил он по-испански.

— Кого нет? — спросил Генри, тряхнул его еще раз, чтобы вернуть ему память, и снова повторил свой вопрос.

— Моего сына. Чиа убила его. Чиа убила моего сына, она убила их всех.

— Кого это всех? Пришлось снова трясти старика и снова повторять вопрос.

— Богатого молодого гринго, который был другом моему сыну, врага богатого молодого гринго, которого звали Торресом, и молодую женщину из семьи Солано, из-за которой все случилось. Я предупреждал вас. Она не должна была идти с нами. Женщины всегда навлекают проклятия на дела мужчин. Она прогневала богиню — ведь Чиа тоже женщина. Язык Чиа — ядовитая змея. И своим языком Чиа убила моего сына. И гора обрушила на нас целый океан. И все погибли. Всех убила Чиа. Горе мне! Я прогневил богов. Горе мне! Горе мне! И горе всем, кто будет искать священное сокровище, чтобы похитить его у богов майя!

Глава шестнадцатая

Генри и Рикардо, стоя между вытекавшим из скалы потоком и грудой обвалившихся камней, наскоро пытались разобраться в случившемся. А рядом, распростершись на земле, вздыхал и молился последний жрец майя. Генри принялся тормошить и трясти старика, чтобы хоть немного прояснить его сознание, но добился лишь сбивчивого лепета о том, что произошло в пещере.

— Змея укусила только его сына, и только он один упал в эту дыру, — с надеждой в голосе сказал Генри.

— Совершенно верно, — подтвердил Рикардо. — Остальные лишь вымокли как следует. Ничего более страшного, судя по его словам, с ними не произошло.

— И вполне возможно, что они сейчас сидят в какой-нибудь пещере, куда не достигает вода, — продолжал свою мысль Генри. — Вот если бы нам удалось расчистить вход в пещеру и дать сток воде! Если они живы, они могут продержаться еще немало дней — ведь быстрая смерть наступает прежде всего от недостатка воды, а у них ее, конечно, больше чем нужно. Без пищи же можно обойтись довольно долго. Но вот что меня удивляет: каким образом очутился там Торрес?

— Интересно, не по его ли милости напали на нас кару? — заметил Рикардо.

Но Генри не стал в это вдаваться.

— Может быть, но нам сейчас не до этого. Надо прежде всего придумать, как проникнуть

внутрь горы, чтобы спасти их, если они еще живы. Мы с тобой и за месяц не разберем такой груды камней. Если бы нас было человек пятьдесят, то, работая в две смены, днем и ночью, мы могли бы откопать пещеру суток за двое. Таким образом, главное для нас сейчас — достать людей. Этим мы и должны прежде всего заняться. Я сейчас сяду на мула и отправлюсь к этим кару: пообещаю им всю чековую книжку Френсиса, если они придут сюда помочь нам. Если же ничего не выйдет, я поеду в Сан-Антонио и наберу там людей. Итак, этим займусь я. Тем временем ты расчисти тропу и приведи сюда всех пеонов с мулами, продовольствием и лагерным оборудованием. Да, смотри, прислушивайся, не раздастся ли стука в горе: они ведь могут перестукиванием дать нам о себе знать.

Итак, Генри направил своего мула в деревню кару — к великому неудовольствию мула и не менее великому изумлению кару, внезапно увидевших в своей твердыне врагов — точнее, одного врага, — да еще из числа тех, кого совсем недавно они пытались уничтожить. Они сидели на корточках возле своих хижин и лениво грелись на солнце, скрывая под сонной апатией удивление, которое точно иголками покалывало их и побуждало вскочить на ноги. Как всегда, отвага белого человека смутила дикарей-метисов и лишила их способности действовать. Неторопливо ворочая мозгами, они пришли к выводу, что только у человека на голову выше всех остальных, доблестного и наделенного таким могуществом, какое им и не снилось, могло хватить смелости въехать в многолюдное вражеское селение на усталом и строптивом муле.

Они говорили на ломаном испанском языке, так что Генри понимал их, и они, в свою очередь, понимали его испанскую речь: однако его рассказ о несчастье, приключившемся в священной горе, не произвел на них никакого впечатления. Они выслушали с бесстрастными лицами его просьбу отправиться на помощь потерпевшим и обещание хорошо за это заплатить и только равнодушно пожали плечами.

— Если гора проглотила ваших гринго, значит, на то воля Бога. А кто мы такие, чтобы препятствовать Его воле? — отвечали они. — Мы люди бедные, но мы работать ни на кого не будем и тем более идти против Бога не хотим. Ведь во всем, что случилось, виноваты сами гринго. Это не их страна. И нечего им лазить по нашим горам. Пусть сами теперь и выпутываются из беды, коли Бог разгневался на них, а у нас и без того забот хватает — одни непокорные жены чего стоят.

Час сиесты давно миновал, когда Генри, успев сменить уже двух мулов, на третьем, самом строптивом, въехал в еще сонный Сан-Антонио. На главной улице, на полпути между судом и тюрьмой, он увидел начальника полиции и маленького толстого судью, следом за которыми шагали человек десять жандармов-конвоиров и двое несчастных пеонов, бежавших с плантации в Сантосе. Генри остановил мула и стал излагать судье и начальнику полиции свою просьбу о помощи. Пока он говорил, начальник полиции незаметно подмигнул судье — своему судье, своему ставленнику, который был предан ему телом и душой.

— Да, конечно, мы вам поможем, — сказал начальник полиции, потягиваясь и зевая.

— Когда же вы можете дать мне людей? — нетерпеливо спросил Генри.

— Что до этого, то мы сейчас очень заняты, — с ленивой наглостью заявил начальник полиции. — Разве не так, достопочтенный судья?

— Да, мы очень заняты, — подтвердил тот, зевая прямо в лицо Генри.

— И будем заняты еще некоторое время, — продолжал начальник полиции. — Мы очень

сожалеем, но ни завтра, ни послезавтра не сможем даже и подумать о том, чтобы оказать вам помощь. А вот немного позже…

— Скажем, к рождеству, — вставил судья.

— Да, да, к рождеству, — подтвердил начальник полиции, отвешивая галантный поклон. — Зайдите к нам около рождества, и если к тому времени дел у нас будет поменьше, быть может, мы и подумаем о том, чтобы снарядить такую экспедицию. А пока всего хорошего, сеньор Морган.

— Вы это серьезно? — спросил Генри с перекошенным от гнева лицом.

— Вот такое же, небось, было у него лицо, когда он нанес предательский удар в спину сеньору Альфаро Солано, — со зловещим видом изрек начальник полиции.

Генри пропустил это оскорбление мимо ушей, — он думал о другом.

— Я скажу вам, кто вы есть! — вскипел он, охваченный справедливым негодованием.

— Берегитесь! — предупредил его судья.

— Плевать мне на вас! — бросил Генри. — Вы ничего не можете со мной сделать. Меня помиловал сам президент Панамы. А вы — вы жалкие ублюдки, не люди, а свиньи, даже не поймешь кто!

— Прошу вас продолжайте, сеньор, — сказал начальник полиции, скрывая под изысканной вежливостью свое бешенство.

— Вы не обладаете ни одной из доблестей испанцев или караибов, зато пороки обеих рас у вас в изобилии. Свиньи вы — вот вы кто!

— Вы все сказали, сеньор? Все до конца? — вкрадчиво осведомился начальник полиции и подал знак жандармам; те набросились сзади на Генри и обезоружили его.

— Даже сам президент Панамы не может помиловать преступника, еще не совершившего преступления. Правильно, судья? — спросил начальник полиции.

— А это новое преступление! — с готовностью подхватил судья, с полуслова поняв намек начальника полиции. — Этот пес-гринго оскорбил закон.

— Тогда мы будем судить его, и судить немедленно, не сходя с места. Не будем возвращаться в суд и снова открывать заседание — к чему себя утруждать. Будем судить его здесь, вынесем приговор и пойдем дальше. У меня есть дома бутылочка доброго вина…

— Я не любитель вина, — поспешил судья отклонить предложение. — Мне бы лучше мескаля. А пока что, поскольку я и свидетель и жертва оскорбления и поскольку надобности в дальнейших показаниях, помимо тех, какими я располагаю, нет, я признаю обвиняемого виновным. Какое наказание предложили бы вы, сеньор Мариано Веркара-и-Ихос?

— Сутки в колодках, чтобы охладить чересчур горячую голову этого гринго, — ответствовал начальник полиции.

— Такой приговор мы ему и вынесем, — объявил судья. — И он вступает в силу немедленно. Уведите заключенного, жандармы, и посадите его в колодки.

Рассвет застал Генри в колодках, в которых он провел уже целых двенадцать часов. Он лежал на спине и спал. Но сон его был тревожен: его мучили кошмары, он видел своих друзей, заточенных в недрах горы, ум его терзали заботы, а тело — укусы бесчисленных москитов. Итак, ворочаясь, извиваясь и отмахиваясь от крылатых мучителей, он, наконец, проснулся. А проснувшись, сразу вспомнил, какая с ним приключилась беда, и начал ругать себя на чем свет стоит. Раздраженный превыше меры тысячами ядовитых москитных укусов, он изрыгал такие проклятия, что привлек внимание прохожего, который шел мимо, неся ящик с инструментами. Это был стройный молодой человек с орлиным носом, одетый в военную форму летчика Соединенных Штатов. Он подошел к Генри, остановился возле него, послушал и с любопытством и восхищением принялся его разглядывать.

— Дружище, — сказал он, когда Генри на минуту умолк, чтобы перевести дух. — Прошлой ночью, когда я сам застрял здесь, оставив на борту добрую половину оборудования для палатки, я тоже устроил хорошую руготню. Но это был детский лепет по сравнению с вашей. Я восхищен вами, сэр. Вы обставите любого армейца. А теперь, если не возражаете, не могли бы вы повторить все сначала, чтобы я мог взять это на вооружение и пустить в ход, когда мне потребуются крепкие словечки?

— А кто вы, черт побери, такой? — спросил его Генри. — И какого черта вы тут околачиваетесь?

— Не смею обижаться на вас сэр, — с улыбкой сказал летчик. — Когда у человека такая распухшая физиономия, он имеет полное право быть невежливым. Кто это вас так разукрасил? Ну, а что до меня, то у черта я еще не утвердился в правах, а вот здесь, на земле, известен как Парсонс, лейтенант Парсонс. В аду я пока тоже еще ничего не делаю, а в Панаме я затем, чтобы за сегодняшний день совершить перелет от Атлантического океана до Тихого. Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен, прежде чем отправлюсь в путь?

— Конечно, можете — воскликнул Генри. — Достаньте-ка из вашего ящика какой-нибудь инструмент и сбейте замок с моих колодок. Я получу ревматизм, если мне придется еще просидеть здесь. Фамилия моя Морган, и никто меня не избивал, — это все укусы москитов.

Несколькими ударами гаечного ключа лейтенант Парсонс сбил с колодок старый замок и помог Генри подняться. Растирая затекшие ноги, Генри наскоро рассказал летчику о том, в какую беду попали Леонсия и Френсис и сколь трагично все это может для них кончиться.

— Я люблю этого Френсиса, — сказал он в заключение. — Он точная моя копия. Мы похожи друг на друга, как двое близнецов, — должно быть, мы все-таки дальние родственники. Что же до сеньориты, то я не только люблю ее, но и собираюсь на ней жениться. Итак, готовы вы нам помочь? Где ваш аэроплан? Пешком или на муле добираться до горы майя очень долго, но если вы подбросите меня на своей машине, то это займет совсем немного времени. А если вы мне еще достанете сотню шашек динамита, то я смогу взорвать скалу в том месте, где был обвал, и выпущу воду из пещеры.

Лейтенант Парсонс медлил.

— Скажите «да»! Скажите же! — молил его Генри.

А тем временем, как только камень, закрывавший вход в пещеру идолов, стал на свое место, трое пленников, застрявших в сердце священной горы, сразу очутились в полной тьме. Френсис и Леонсия ощупью нашли друг друга и взялись за руки. Еще миг — и он обнял ее, и сладость этого объятия наполовину смягчила обуявший их ужас. Они слышали, как Торрес тяжело

дышит рядом. Наконец, он пробормотал:

— О Матерь Божья, вот это называется быть на волосок от смерти! Еле ноги унесли. Что-то с нами дальше будет?

— Дальше будет еще много всяких страстей, прежде чем мы выберемся из этой дыры, — заверил его Френсис. — А выбраться все-таки надо — и чем скорее, тем лучше.

Порядок продвижения был быстро установлен. Френсис пошел вперед, нащупывая левой рукой стену; за ним следовала Леонсия, которой он велел покрепче ухватиться за его куртку. А Торрес шел с ним рядом, держась рукой за другую стену. Они все время переговаривались, чтобы не отставать и не опережать друг друга и главное — не разминуться, свернув в боковую галерею. К счастью, пол в туннеле (ибо это был самый настоящий туннель) оказался ровный, так что они хоть и шли ощупью, но не спотыкались. Френсис решил не зажигать спичек, пока в этом не будет крайней необходимости, и, чтобы не свалиться в какой-нибудь колодец или яму, осторожно выставлял вперед сначала одну ногу и, только удостоверившись, что ступил на твердый грунт, переносил на нее всю тяжесть тела. В результате продвигались они медленно, делая не более полумили в час.

Только раз на всем пути им встретилось такое место, где туннель разветвлялся на две галереи. Тут Френсис зажег драгоценную спичку, вынув ее из водонепроницаемого коробка, и увидел, что обе галереи совершенно одинаковы. Какую же из них выбрать, по какой пойти?

— Придется сделать так, — сказал Френсис. — Пойдем по этой галерее. И если она нас никуда не приведет, вернемся к отправной точке и пойдем по другой. В одном можно быть твердо уверенным: эти галереи, безусловно, куда-нибудь ведут, иначе майя не трудились бы их прокладывать.

Через десять минут Френсис вдруг остановился: под ногой, которую он занес вперед, была пустота. Он предостерегающе крикнул: «Стоп!» — и зажег вторую спичку. Оказалось, что он и его спутники стоят у входа в естественную пещеру таких размеров, что при слабом свете спички ни вправо, ни влево, ни наверху, ни в глубине не видно было стен. Все же они успели разглядеть грубое подобие лестницы естественного происхождения, лишь слегка подправленной человеческими руками, которая вела куда-то вниз, в кромешную тьму.

А часом позже, спустившись по ступенькам и пройдя довольно большое расстояние по пещере, смелые путешественники вдруг увидели впереди проблеск дневного света, который становился все ярче по мере их продвижения. Источник света оказался куда ближе, чем они думали, и очень скоро Френсис, раздвинув ветки дикого винограда и густой кустарник, вылез прямо на открытое место, залитое ослепительным послеполуденным солнцем. В одну секунду Леонсия и Торрес оказались с ним рядом; внизу под ними расстилалась долина, которая хорошо была видна из этого орлиного гнезда. Долина была почти круглая, не меньше лиги в диаметре, — высокие горы и крутые скалы, точно стены, окружали ее.

— Это Долина Затерянных Душ, — торжественно провозгласил Торрес. — Я не раз слышал о ней, но никогда не верил в ее существование.

— Я тоже слышала и тоже никогда не верила, — вырвалось у Леонсии.

— Ну, так что же? — отозвался Френсис. — Мы ведь не затерянные души, а люди во плоти и крови. Чего же нам бояться?

— Видите ли, Френсис, — сказала Леонсия, — судя по тем рассказам, которые я слышала еще

девочкой, ни один человек, раз попав сюда, не выходил обратно.

— Предположим, что это так, — со снисходительной улыбкой заметил Френсис, — как же тогда выбрались отсюда те, кто об этом рассказывал? Если никто никогда не возвращался, откуда же стало известно об этом месте?

— Право, не знаю, — призналась Леонсия. — Я передаю то, что слышала. К тому же я никогда в это не верила. Но только уж очень все здесь соответствует описанию таинственной долины.

— Никто никогда не возвращался отсюда, — все так же торжественно подтвердил Торрес.

— В таком случае, откуда вы знаете, что кто-то сюда заходил? — настаивал Френсис.

— Здесь живут Затерянные Души, — ответил Торрес. — Мы потому никогда и не видели их, что никто отсюда не выходил. Я вам вот что скажу, мистер Френсис Морган: не такой уж я глупый человек. Я получил образование. Я учился в Европе и вел дела в вашем родном Нью-Йорке. Я изучал разные науки, философию. И тем не менее верю, что, кто однажды попал в эту долину, никогда уже отсюда не выйдет.

— Но ведь мы же еще не там! — Френсис явно начинал терять терпение. — И нам вовсе не обязательно спускаться в долину, правда? — Он подполз к самому краю выступа, усеянного камнями и комьями земли, чтобы получше рассмотреть какой-то предмет, привлекший его внимание. — Держу пари, что это хижина с соломенной крышей…

В тот же миг край выступа, за который он держался, осыпался, и вся площадка, где они стояли, рухнула. Френсис, Торрес и Леонсия покатилась по крутому склону, увлекая за собой лавину земли, гравия и дерна.

Мужчины первыми встали на ноги возле густых зарослей кустарника, которые и задержали их; они кинулись было к Леонсии, но она уже тоже была на ногах и громко смеялась.

— А вы-то говорили, что нам вовсе не обязательно спускаться в долину! — с хохотом сказала она Френсису. — Ну, что же вы сейчас скажете?

Но Френсису было не до нее. Он потянулся и схватил на лету предмет, показавшийся ему знакомым, который, подскакивая, катился вслед за ними по крутому склону. Это был шлем Торреса, похищенный в пещере, где стояли мумии; и Френсис передал его испанцу.

— Бросьте вы его, — сказала Леонсия.

— Это моя единственная защита от солнца, — возразил Торрес, вертя шлем в руках. Вдруг он заметил какую-то надпись на внутренней стороне и показал ее своим спутникам, прочитав вслух: «Да Васко».

— Я слышала о нем, — заметила Леонсия.

— Правильно, должны были слышать, — подтвердил Торрес. — Да Васко был моим предком по прямой линии. Моя мать — урожденная да Васко. Он прибыл в испанские колонии с Кортесом.

— А когда прибыл, взбунтовался и поднял восстание, — продолжала начатый им рассказ Леонсия. — Я хорошо это помню: мне говорили об этом отец и дядя Альфаро. Вместе с двенадцатью товарищами он отправился на поиски сокровища майя. За ними следовало целое племя прибрежных караибов — человек сто мужчин и, наверно, столько же женщин. Кортес

послал за ними погоню — отряд под предводительством некоего Мендозы; в докладе его, который лежит в архивах, — так рассказывал мне дядя Альфаро, — говорится, что их загнали в Долину Затерянных Душ, где и оставили погибать жалкой смертью.

— И да Васко, по-видимому, пытался выбраться отсюда тем путем, каким шли мы, — закончил Торрес, — а майя поймали его, убили и превратили в мумию.

Он надвинул на лоб старинный шлем и сказал:

— Хоть солнце и низко стоит на небе, но оно жжет мне голову, как кислота.

— А мне желудок точно кислотой жакет от голода, — признался Френсис. — В этой долине кто-нибудь живет?

— Право, не знаю, сеньор, — ответил Торрес. — Из донесения Мендозы известно только, что они оставили да Васко и его отряд погибать здесь жалкой смертью и никто на свете не видел больше ни его, ни его спутников. Вот все, что я знаю.

— Похоже, что здесь можно найти чем подкормиться... — начал было Френсис, но тотчас перебил сам себя, увидев, что Леонсия срывает с куста какие-то ягоды. — Послушайте, Леонсия! Прекратите это сейчас же! И так у нас полно забот, а тут еще возись с отравившейся красавицей.

— Они совершенно безвредны, — сказала она, спокойно продолжая есть ягоды. — Вы же видите — их клевали птицы.

— В таком случае прошу прощения и присоединяюсь к вам, — воскликнул Френсис, напихивая рот сочными ягодами. — А если бы мне удалось поймать птиц, которые ими лакомились, я бы их тоже съел.

К тому времени, когда они несколько утолили муки голода, солнце было уже совсем низко, и Торрес снял с головы шлем да Васко.

— Придется здесь заночевать, — сказал он. — Я оставил свои ботинки в пещере с мумиями, а старые ботфорты да Васко потерял, пока плавал. Мои ноги все изранены, но тут много сухой травы, из которой я могу сплести сандалии.

Пока Торрес мастерил себе обувь, Френсис развел костер и собрал большую кучу хвороста, чтобы поддерживать огонь, ибо, несмотря на близость к экватору, в горах на такой высоте ночью бывает холодно. Френсис еще не кончил собирать хворост, а Леонсия, свернувшись в клубочек и положив голову на согнутую руку, уже спала крепким сном. Тогда он сгреб в кучу мох и сухие листья и заботливо подложил их под бок Леонсии, куда не достигало тепло от костра.

Глава семнадцатая

Долина Затерянных Душ. Рассвет. Большой дом посреди деревни, где обитает племя Затерянных Душ. Дом этот внушительных размеров: восемьдесят футов в длину, сорок в ширину и тридцать в высоту, глинобитный, с двускатной соломенной крышей. Из дома с трудом выходит жрец Солнца — древний старик, еле держащийся на ногах; на нем длинный хитон из грубого домотканого холста, на ногах сандалии; старое, сморщенное лицо индейца несколько напоминает лица древних конкистадоров. На голове у него забавная золотая

шапочка, увенчанная полукругом из полированных золотых лучей. Это, несомненно, должно изображать восходящее солнце.

Старец проковылял через поляну к большому полому бревну, висевшему между двумя столбами, покрытыми изображениями животных и разными знаками. Взглянув на восток, уже алевший от зари, и убедившись, что не опоздал, жрец поднял палку с мягким шариком на конце и ударил по бревну. Как ни слаб был старик и как ни легок его удар, полое бревно загудело и загрохотало, точно далекий гром.

Жрец продолжал размеренно ударять по бревну — и из всех хижин, окружавших Большой дом, уже спешили к нему Затерянные Души. Мужчины и женщины, старые и молодые, с детьми и грудными младенцами на руках, — все явились на зов и обступили жреца Солнца. Трудно было представить себе более архаическое зрелище в двадцатом веке. Это были, несомненно, индейцы, но лица многих носили на себе следы испанского происхождения. Иные казались самыми настоящими испанцами, другие — типичными индейцами. Большинство же представляло собой помесь этих двух рас. Однако еще более странной, чем лица, была их одежда — мало чем примечательная у женщин, одетых в скромные длинные хитоны из домотканого холста, и весьма примечательная у мужчин, чей наряд из той же ткани был комичным подражанием костюмам, какие носили в Испании во времена первого путешествия Колумба. Некрасивые и угрюмые были эти мужчины и женщины, что часто наблюдается у племен, где приняты браки между родственниками, — словно отсутствие притока свежей крови лишает их жизнерадостности. Отпечаток вырождения лежал на всех — на юношах и на девушках, на детях и даже на грудных младенцах — на всех, за исключением двоих: девочки лет десяти, с живым, сообразительным личиком, выделявшимся, точно яркий цветок, среди тупых физиономий Затерянных Душ; и старого жреца Солнца, со столь же незаурядным лицом — хитрым, коварным, умным.

Пока жрец бил по гулкому бревну, все племя выстроилось полукругом, повернувшись лицом на восток. Едва только диск солнца показался над горизонтом, жрец приветствовал его на своеобразном староиспанском языке и трижды поклонился ему до земли, а все остальные пали ниц. Когда же солнце полностью вышло из-за горизонта и засияло на небе, все племя, по знаку жреца, поднялось и запело радостный гимн. Церемония была окончена, и народ уже собирался расходиться, как вдруг жрец заметил струйку дыма на другой стороне долины. Он указал на нее нескольким юношам.

— Этот дым поднимается из Запретного Места Ужаса, куда не разрешено ступать никому из нашего племени. Это, верно, какой-нибудь дьявол, посланный врагами, которые вот уже сколько веков тщетно разыскивают наше убежище. Его нельзя выпускать живым — он выдаст нас. А враги эти могущественны, и они непременно нас уничтожат. Ступайте убейте его, чтобы нас потом не убили!

Около костра, в который всю ночь подбрасывали хворост, спали Леонсия, Френсис и Торрес, — последний в своих новых, сплетенных из травы сандалиях и в шлеме да Васко, низко надвинутом на лоб, чтобы не простудиться от росы. Леонсия проснулась первой; и столь необычайно было представшее ей зрелище, что она решила сначала разглядеть все как следует из-под полуопущенных ресниц. Три человека из странного племени Затерянных Душ стояли, натянув тетивы: они явно собирались выпустить свои стрелы в нее и ее спутников, но вид спящего Торреса так поразил их, что они замерли, в нерешительности переглянулись, опустили луки и покачали головой, как бы говоря, что отказываются его убивать. Потом подползли к Торресу, присели на корточки и стали разглядывать его лицо, а в особенности шлем, который чем-то их заинтересовал.

Не меняя позы, Леонсия незаметно толкнула Френсиса ногой в плечо. Он проснулся и тихонько сел, однако это движение привлекло внимание незнакомцев, и они в доказательство своих мирных намерений сложили луки к его ногам и протянули ладони, показывая, что они разоружились.

— Доброе утро, веселые незнакомцы! — крикнул им Френсис по-английски; но они лишь покачали головой.

Слова Френсиса разбудили Торреса.

— Это, должно быть, и есть Затерянные Души, — шепнула Леонсия Френсису.

— Или местные агенты по продаже земельных участков, — с улыбкой шепнул он в ответ. — Как бы то ни было, долина населена. Торрес, кто такие эти ваши друзья? По тому, как они на вас смотрят, можно подумать, что это ваши родственники.

Тем временем Затерянные Души отошли в сторонку и тихими, шипящими голосами стали о чем-то переговариваться.

— Язык у них походе на испанский, только странный какой-то, — заметил Френсис.

— Это просто средневековый испанский язык, вот и все, — подтвердила Леонсия.

— На нем говорили конкистадоры, но теперь никто этот язык уже не помнит, — вставил Торрес. — Вот видите, я был прав. Затерянные Души с тех пор никогда не покидали долину.

— Но замуж выходили и женились, как все, — иначе откуда появились бы эти три чучела? — сострил Френсис.

К этому времени три чучела успели столковаться между собой и стали жестами приглашать незнакомцев следовать за ними в глубь долины.

— Это, видно, добродушные и, в общем, неплохие ребята, хоть у них и унылые рожи, — сказал Френсис, намереваясь идти за ними. — Ох и мрачная же компания, нечего сказать! Они, верно, родились во время затмения луны, или у них перемерли все юные подружки, или приключилось что-нибудь еще более печальное.

— А по-моему, именно такими и должны быть Затерянные Души, — заметила Леонсия.

— Мда, если нам не суждено отсюда выбраться, то наши физиономии будут, пожалуй, куда мрачнее, — сказал Френсис. — Как бы то ни было, пока я очень надеюсь, что они ведут нас завтракать. Конечно, на худой конец можно есть и ягоды, но ведь ими не насытишься.

Покорно следуя за своими проводниками, они через час пришли на поляну, где были жилища племени и Большой дом.

— Это потомки участников экспедиции да Васко, перемешавшиеся с караибами, — авторитетно заявил Торрес, обведя взглядом лица собравшихся. — Достаточно посмотреть на них, чтобы убедиться в этом.

— И они вернулись от христианской религии да Васко к древним языческим обрядам, — добавил Френсис. — Взгляните на алтарь: он каменный, и хотя в воздухе пахнет жареным барашком, это вовсе не завтрак для нас, а жертвоприношение.

— Еще слава Богу, что это барашек! — облегченно вздохнула Леонсия. — Ведь в старину поклонение Солнцу требовало человеческих жертв. А здесь у них самый настоящий культ Солнца. Посмотрите вон на того старика в длинном хитоне и золотой шапочке, увенчанной золотыми лучами. Это жрец Солнца. Дядя Альфаро много рассказывал мне об этом культе.

Над алтарем, немного позади, возвышалось огромное металлическое изображение Солнца.

— Золото, чистое золото! — прошептал Френсис. — Без всякой примеси. Взгляните на лучи: они очень большие и из чистого золота. Могу поклясться, что даже ребенок мог бы согнуть их как угодно и завязать узлом.

— Боже милостивый! Да вы только посмотрите туда! — воскликнула Леонсия, указывая глазами на грубо высеченный каменный бюст, стоявший чуть пониже алтаря, по другую его сторону. — Это же лицо Торреса! Лицо той мумии, которую мы видели в пещере майя.

— И там надпись… — Френсис подошел было поближе, чтобы прочесть ее, но тут же вынужден был отступить, повинуясь властному мановению жреца. — Написано: «Да Васко». Заметьте: на статуе такой же шлем, как и на Торресе… Слушайте! Да вы только взгляните на этого жреца! Ведь он похож на Торреса, как родной брат! Я никогда в жизни не представлял себе, что возможно такое сходство!

Жрец, обозлившись, повелительным жестом заставил Френсиса умолкнуть и низко склонился над жарившейся жертвой. Словно знамение свыше, порыв ветра задул в эту минуту пламя под барашком.

— Бог Солнца гневается, — мрачно провозгласил жрец; его своеобразный испанский язык, несмотря на всю свою архаичность, был, однако, понятен пришельцам. — Среди нас появились чужеземцы, и они до сих пор живы. Вот почему так разгневан бог Солнца. Говорите, юноши, приведшие чужеземцев к нашему алтарю: разве не повелел я вам убить их? А моими устами всегда говорит бог Солнца.

Один из трех юношей, дрожа всем телом, выступил вперед и, все так же дрожа, пальцем показал сперва на лицо Торреса, а потом на лицо статуи.

— Мы узнали его, — робко заговорил он, — и не посмели убить, ибо мы помним предсказание о том, что наш великий предок должен вернуться к нам. Может быть, этот чужеземец — он? Мы не знаем. И не смеем ни знать, ни судить. Тебе, о жрец, надлежит знать и судить. Это он?

Жрец пристально вгляделся в Торреса и издал какое-то невнятное восклицание. Потом резко повернулся и разжег священный жертвенный огонь от горячих углей, лежавших в котелке у подножия алтаря. Пламя вспыхнуло, заколебалось и снова потухло.

— Бог Солнца гневается, — повторил жрец; а Затерянные Души, услышав это, стали бить себя в грудь, вопить и рыдать. — Богу не угодна наша жертва, и потому священный огонь не желает гореть. Всего теперь можно ждать. Это великие тайны, которые будут открыты только мне одному. Мы не станем приносить в жертву чужеземцев сейчас. Мне нужно время, чтобы узнать волю бога Солнца. — И он жестом распустил племя, прервав на половине церемонию, и велел отвести всех трех пленников в Большой дом.

— Никак не пойму, что он такое замышляет? — шепнул Френсис на ухо Леонсии. — Но, надеюсь, хоть там нас накормят.

— Взгляните, какая прелесть! — сказала Леонсия, указывая глазами на девочку,

выразительное личико которой так и светилось умом.

— Торрес уже приметил ее, — также шепотом сказал Френсис. — Я видел, как он подмигнул ей. Он тоже не знает, что замыслил жрец и куда подует ветер, но не упускает случая завести друзей. Надо смотреть за ним в оба: он подлая, вероломная тварь и способен предать нас в любое время, если это поможет ему спасти свою шкуру.

В Большом доме, как только они уселись на грубо сплетенные из травы циновки, им тотчас подали еду — вареное мясо с овощами в каких-то странных глиняных горшочках и чистую питьевую воду, — то и другое в изобилии. Кроме того, перед ними поставили кукурузные лепешки, напоминающие тортильи.

Когда они поели, женщины, подававшие еду, удалились, осталась только девочка, которая привела их и распоряжалась всем в доме. Торрес снова принялся заигрывать с ней, но она вежливо избегала его и, как зачарованная, смотрела только на Леонсию.

— Она, видимо, здесь вроде хозяйки, — пояснил Френсис. — Вот так же в деревнях на Самоа: девушки должны встречать и развлекать всех путешественников и приезжих, какого бы высокого ранга они ни были, и чуть ли не возглавлять все официальные торжества и церемонии. Их выбирает вождь племени за красоту, добродетель и ум. Эта девочка напоминает мне их, только она еще совсем ребенок.

Девочка подошла поближе к Леонсии, и, хотя была явно очарована красотой незнакомки, в ее поведении не было и намека на подобострастие или приниженность.

— Скажи, — заговорила она на своеобразном местном староиспанском диалекте, — этот человек в самом деле капитан да Васко, который вернулся к нам из своего дома на Солнце?

Торрес, самодовольно ухмыльнувшись, поклонился и гордо объявил:

— Да, я из рода да Васко.

— Не из рода да Васко, а сам да Васко! — по-английски подсказала ему Леонсия.

— Это верный козырь, ходите с него! — посоветовал ему Френсис тоже по-английски. — Благодаря ему, может, всем нам удастся выбраться из этой дыры. Я что-то не слишком влюблен в жреца, а он, видно, бог и царь у этих Затерянных Душ.

— Да, я вернулся на землю с Солнца, — сказал Торрес девочке, послушно вступая в роль.

Девочка подарила его долгим пристальным взглядом; чувствовалось, что она обдумывает, взвешивает и оценивает его слова. Потом она почтительно, с полным равнодушием, поклонилась ему, мельком взглянула на Френсиса и так и просияла улыбкой, повернувшись к Леонсии.

— Я не знала, что Бог создает таких красивых женщин, как ты, — сказала девочка своим нежным голоском и пошла к выходу. Уже у двери она остановилась и добавила: — Та, Что Грезит, — тоже красивая, но она на тебя совсем не похожа.

Не успела девочка выйти, как появился жрец Солнца, его сопровождали несколько юношей, — по-видимому, для того, чтобы убрать посуду и остатки пищи. Двое или трое из них нагнулись за посудой, а остальные по сигналу жреца набросились на чужеземцев, крепко связали им руки за спиной и повели к алтарю бога Солнца, где собралось все племя. Здесь взорам пленников

предстал тигель на треножнике, под которым был разведен яркий огонь, а рядом — три только что врытых в землю столба, к которым их и поспешили привязать, в то время как множество усердных рук набросало вокруг столько хворосту, что кучи его доходили им до самых колен.

— Да встряхнитесь вы, наконец, и держитесь высокомерно, как настоящий испанец! — поучал и одновременно оскорблял Торреса Френсис, — Ведь вы же да Васко! Сотни лет назад вы были на земле, в этой самой долине, вместе с предками вот этих выродков.

— Вы должны умереть, — сказал жрец Солнца, обращаясь к ним, и Затерянные Души дружно закивали. — Вот уже четыреста лет, как мы живем в этой долине, и мы всегда убивали всех, кто заходил к нам. Вас мы не убили, и вспомните, как разгневался бог Солнца: огонь на нашем алтаре потух. — Тут Затерянные Души завыли, застонали и опять начали бить себя кулаками в грудь. — Поэтому, чтобы умилостивить бога Солнца, вы умрете сейчас.

— Поостерегитесь! — крикнул Торрес, которому Френсис и Леонсия подсказывали шепотом, что говорить дальше. — Я да Васко. Я спустился к вам с Солнца. — Руки у него были связаны, и он головой кивнул на каменный бюст. — Я вот этот самый да Васко. Я привел сюда ваших предков четыреста лет назад и повелел вам оставаться здесь до моего возвращения.

Жрец Солнца заколебался.

— Ну, жрец, говори! Отвечай же божественному да Васко! — резко выкрикнул Френсис.

— Откуда я знаю, что он божественный? — быстро возразил жрец. — Ведь я сам похож: на него, но разве я — божественный? Разве я да Васко? Или он — да Васко? А быть может, да Васко все еще на Солнце? Про себя я точно знаю, что меня родила женщина, — это было три раза по двадцать и еще восемнадцать лет тому назад, — и что я не да Васко.

— Разве так отвечают великому да Васко! — с угрозой в голосе сказал Френсис и униженно поклонился Торресу, а сам тем временем сквозь зубы зашипел по-английски: — Да будьте же высокомернее, чтоб вас черти съели! Высокомернее!

Жрец помедлил и обратился к Торресу:

— Я верный жрец Солнца. И я не могу легко и просто изменить свои верования. Если ты божественный да Васко, то ответь мне на один вопрос.

Торрес кивнул с неподражаемым высокомерием.

— Ты любишь золото?

— Люблю ли я золото? — усмехнулся Торрес. — Я великий капитан солнца, а Солнце ведь само золото. Золото? Да оно для меня — все равно что грязь под ногами или вот этот камень, из которого состоят ваши могучие горы.

— Браво! — одобрительно шепнула Леонсия.

— Тогда, о божественный да Васко, — смиренно сказал жрец Солнца, не сумев, однако, скрыть торжества в голосе, — ты достоин подвергнуться древнему, издавна принятому у нас испытанию. Если, отведав золотого напитка, ты по-прежнему сможешь сказать, что ты да Васко, — я и все мы падем ниц перед тобой и будем поклоняться тебе. К нам в долину не раз проникали чужеземцы. И всегда их томила жажда золота. Мы удовлетворяли их жажду, но после этого они избавлялись от нее навсегда — ибо были мертвы.

Он говорил, а Затерянные Души внимательно смотрели на него; и не менее внимательно, но только уже с опаской, смотрели на него чужеземцы. Жрец сунул руку в большой кожаный мешок и стал вытаскивать оттуда пригоршнями золотые самородки, которые он бросал затем в раскаленный тигель на треножнике. Френсис, Леонсия и Торрес стояли так близко, что им хорошо было видно, как плавится золото, превращаясь в жидкость, вернее — в то самое питье, которым жрец грозился напоить Торреса.

В это время, пользуясь своим особым положением в племени, к старику смело подошла девочка и сказала так, чтобы всем было слышно:

— Это же да Васко! Капитан да Васко, божественный капитан да Васко, который давно-давно привел сюда наших предков!

Жрец сердито взглянул на нее, как бы повелевая ей молчать, но девочка повторила свои слова, убедительными жестами показывая то на каменный бюст, то на Торреса, то снова на бюст. И жрец, почувствовав, что победа ускользает от него, мысленно проклял пагубную любовь, которая связала его с матерью этой девочки и сделала его ее отцом.

— Да замолчи ты! — сурово приказал он. — В этом ты ничего не понимаешь. Если он капитан да Васко, то, как существо божественное, выпьет золотой напиток и останется невредим.

Он вылил расплавленное золото в грубый глиняный ковш, нагретый в котелке с углями у подножия алтаря. По его знаку несколько юношей сложили на землю свои копья и направились к Леонсии с явным намерением насильно разжать ей зубы.

— Стой, жрец! — громовым голосом закричал Френсис. — Она же не божественна, как да Васко! Сначала испробуй твое золотое питье на да Васко.

Услышав эти слова, Торрес метнул на Френсиса взгляд, исполненный нескрываемой ярости.

— Держитесь со всем высокомерием и надменностью, — поучал его Френсис. — Отказывайтесь пить. Покажите им надпись внутри вашего шлема.

— Я не буду пить! — в панике крикнул Торрес, когда жрец повернулся к нему.

— Нет, будешь! И докажешь этим, что ты действительно да Васко, божественный капитан, спустившийся с Солнца. Тогда мы падем ниц и будем поклоняться тебе.

Торрес умоляюще взглянул на Френсиса, что не преминули заметить узенькие глазки жреца.

— Похоже, что вам придется выпить это, — сухо сказал Френсис. — Что делать! Осушите ковш ради дамы и умрите — как герой.

Неожиданно резким движением Торрес высвободил руку из оплетавших ее пут, сорвал с головы шлем и протянул жрецу так, чтобы тот мог прочесть надпись внутри.

— Смотри, что тут написано! — крикнул он.

Жрец был так поражен, увидев надпись «да Васко», что ковш выпал из его рук. Жидкое золото, разлившись по земле, воспламенило валявшийся вокруг хворост, а один из копьеносцев, которому несколько капель металла попало на ногу, взвыл от боли и поскакал прочь на здоровой ноге. Однако к жрецу Солнца быстро вернулось самообладание: схватив котелок с углями, он хотел было поджечь хворост, наваленный вокруг трех жертв. Но тут снова

вмешалась девочка:

— Бог Солнца не хотел, чтобы великий капитан выпил из твоего ковша, — сказала она. — Бог Солнца заставил твою руку дрогнуть и расплескать питье.

По толпе Затерянных Душ пронесся ропот: тут, мол, все далеко не так просто! И жрец вынужден был отказаться от своего намерения. Однако он твердо решил уничтожить трех пришельцев, а потому, призвав на помощь всю свою изворотливость, сказал собравшимся:

— Будем ждать знамения свыше. Принесите масла. Пусть сам бог Солнца подаст нам знак. Принесите свечу.

Вылив банку масла на хворост, чтобы он быстрее воспламенился, старик укрепил среди него огарок свечи и сказал:

— Будем ждать знамения свыше столько времени, сколько будет гореть эта свеча. Правильно ли это, о народ мой?

И все Затерянные Души шепотом ответили:

— Правильно! Торрес умоляюще посмотрел на Френсиса, но тот сказал:

— Старый негодяй здорово постарался укоротить свечу. Она в лучшем случае прогорит пять минут, а может, мы уже через три минуты запылаем.

— Что же нам делать? — вне себя от ужаса спросил Торрес, тогда как Леонсия храбро посмотрела в глаза Френсису с печальной, полной любви улыбкой.

— Молитесь, чтобы пошел дождь, — ответил Френсис. — Хотя небо ясно, как стеклышко. А когда придет время, умирайте, как мужчина. Да не визжите слишком уж громко.

И взгляд его обратился к Леонсии и выразил обуревавшие его чувства: безграничную любовь к ней. Хотя их и отделяло друг от друга расстояние между столбами, к которым они были привязаны, они чувствовали, как между ними установилась особая, дотоле неведомая им близость, и их взоры были тем звеном, которое объединяло и связывало их.

Первой увидела знамение девочка, во все глаза глядевшая на небо. Торрес, следивший только за огарком, который уже почти догорел, услышав возглас девочки, посмотрел вверх. И в ту же минуту он услышал — как услышали все — ровное гудение, словно в небе летело гигантское насекомое.

— Аэроплан, — пробормотал Френсис. — Торрес, скажите им, что это и есть знамение Божье.

Но этого и не потребовалось. Над головой у них, на высоте не более ста футов, кружил, спускаясь, первый аэроплан, который когда-либо видели Затерянные Души, а с него, точно благословение свыше, доносились знакомые слова:

Мы — спина к спине — у мачты,

Против тысячи вдвоем!

Описав полный круг, аэроплан поднялся футов на тысячу ввысь, от него отделился какой-то предмет, футов триста камнем пролетел вниз, а потом развернулся прямо над головами собравшихся огромным парашютом, под которым, точно паук на паутине, раскачивалась какая-

то фигура. И когда парашют был уже совсем близко от земли, снова послышалась песня:

Мы — спина к спине — у мачты,

Против тысячи вдвоем!

Тут события стали нагромождаться друг на друга с поразительной быстротой. Огарок свечи распался на кусочки, и горящий фитиль упал в лужицу жидкого сала; лужица вспыхнула, а вместе с нею вспыхнул и пропитанный маслом хворост. Но Генри, приземлившийся в самой гуще Затерянных Душ, накрыв парашютом, точно одеялом, добрую половину собравшихся, в два прыжка очутился подле своих друзей и принялся ногой расшвыривать горящий хворост. Только на миг отвлекся он от этого занятия, когда жрец Солнца сделал попытку помешать ему. Хорошо рассчитанный удар в скулу уложил престарелого служителя бога на спину, а пока он приходил в чувство и с трудом поднимался на ноги. Генри уже успел разрезать веревки, связывавшие Леонсию, Френсиса и Торреса. Он протянул было руки, чтобы обнять Леонсию, но та оттолкнула его, воскликнув:

— Живо! Объяснять некогда! Падайте на колени перед Торресом и делайте вид, что вы его раб… и не говорите по-английски.

Генри ничего не понимал, но Леонсия подкрепила свои слова красноречивым взглядом, а тут еще он увидел, что и Френсис распростерся у ног их общего врага.

— Ну и ну! — пробормотал Генри, присоединяясь к Френсису. — Вот так штука. Это, пожалуй, будет похуже крысиного яда.

Леонсия последовала их примеру, а вслед за нею и все Затерянные Души распростерлись перед капитаном да Васко: ведь к нему на их глазах прилетел небесный вестник с Солнца! Все лежали на земле, кроме жреца: потрясенный случившимся, он еще раздумывал, следует ли ему тоже признать божественность чужеземца, но в эту минуту коварный черт из мелодрамы, обитавший в душе Торреса, попутал его переусердствовать в исполнении своей роли.

С высокомерием, о котором все время твердил ему Френсис, Торрес поднял правую ногу и поставил ее на шею Генри, больно придавив ему при этом ухо.

Генри буквально взвился в воздух.

— Да как вы смеете, Торрес! — завопил он, швыряя Торреса на землю, как незадолго перед этим швырнул на землю жреца.

— Ну, теперь все пропало, — безнадежно вздохнул Френсис, — Крышка всей нашей божественной комедии!

И действительно, жрец Солнца уже смекнул, в чем дело, и радостно махал руками, подзывая своих копьеносцев. Но Генри приставил пистолет-автомат к животу старого жреца, и тот вдруг вспомнил легенды о смертоносных снарядах, начиненных таинственным веществом, именуемым «порох», примирительно улыбнулся и жестом приказал копьеносцам отступить.

— Это свыше моего понимания и разумения, — заявил он, обращаясь к своему племени и то и дело поглядывая на дуло пистолета Генри. — Я вынужден прибегнуть к последнему средству: пошлем гонца, чтобы он разбудил Ту, Что Грезит. Пусть он ей скажет, что чужеземцы, прибывшие с неба, а может, даже и с Солнца, спустились к нам в долину и что только мудрость ее грез способна прояснить для нас то, чего даже я не могу понять.

Глава восемнадцатая

Копьеносцы окружили группу, состоящую из Леонсии, двух Морганов и Торреса, и повели их через весело зеленевшие, отлично, хотя и примитивно обработанные поля, через быстрые ручьи и небольшие рощицы, через пастбища, на которых росла трава, доходившая им до колен, и где паслись низкорослые коровы, не крупнее телят.

— Это, несомненно, настоящие дойные коровы, — сказал Генри. — А какие красивые! Но видели вы когда-нибудь таких карликов? Сильный мужчина мог бы без труда взвалить на плечи самую крупную и унести.

— Думаю, что ты ошибаешься, — возразил Френсис. — Посмотри-ка вон на ту черную. Бьюсь об заклад, что она весит никак не меньше трехсот фунтов.

— Сколько ставишь? — спросил Генри.

— Называй сам цифру, — был ответ.

— Сто долларов твоих против ста моих, — заявил Генри, — что я могу взвалить ее на плечи и унести.

— По рукам.

Но кто из них был прав, так и осталось неизвестным, ибо, как только Генри сделал шаг в сторону, копьеносцы гримасами и жестами заставили его вернуться и идти вперед вместе со всеми.

Проходя у подножия мрачной скалы, они увидели наверху стадо коз.

— Домашние козы, — заметил Френсис. — Видите: при них мальчишки-пастухи.

— Недаром вы говорили, что рагу, которое вам подавали, было из козлятины, — сказал Генри. — Я всегда любил коз. Если эта самая Та, Что Грезит, или как там ее зовут, отменит решение жреца и оставит нас в живых и если нам придется жить с Затерянными Душами до конца наших дней, я буду просить, чтобы меня сделали главным пастухом при козах этого королевства. Тогда я построю вам, Леонсия, премиленький коттедж, и вы станете придворной поставщицей сыров.

Но ему не пришлось развивать дальше свой фантастический план, ибо в эту минуту они вышли на берег озера такой неописуемой красоты, что Френсис даже присвистнул, Леонсия захлопала в ладоши, а Торрес пробормотал что-то одобрительное. Озеро это простиралось на целую милю в длину и больше чем на полмили в ширину и представляло собой безукоризненной формы овал. Только один-единственный дом вклинивался в обрамление из деревьев, бамбуковых зарослей и кустарников, кольцом окружавших озеро и не прерывавшихся даже у подножия утеса, где особенно пышно разросся бамбук. В гладкой поверхности озера так четко отражались окружающие горы, что глаз с трудом мог определить, где кончается действительность и где начинается отражение.

Леонсия недолго восхищалась зеркальной гладью; через несколько минут она вдруг разочарованно заметила, что вода в озере отнюдь не кристальной чистоты.

— Какая жалость, оно такое грязное!

— Это потому, что в долине плодородная почва, — пояснил ей Генри. — Слой чернозема здесь достигает нескольких сот футов.

— Вся эта долина когда-то, вероятно, была дном озера, — вмешался в разговор Френсис. — Взгляните на скалу — по ней видно, где была раньше вода. Интересно, отчего оно так обмелело?

— Скорей всего от землетрясения: для воды открылся какой-нибудь выход под почву, и озеро обмелело до своего нынешнего уровня; оно и сейчас продолжает мелеть. Этот шоколадный цвет указывает на то, что в него все время вливаются новые потоки воды и чернозем, которым она насыщена, не успевает осесть. Несомненно, это озеро — своеобразный резервуар, куда стекает влага со всех окрестных мест.

— Ну вот наконец-то и дом! — сказала Леонсия пятью минутами позже, когда, завернув за выступ скалы, они увидели низенькое, типа бунгало, строение, прилепившееся к утесу над самым озером.

Сваями дому служили массивные стволы деревьев, но стены его были из бамбука, а крыша из соломы. Дом этот стоял так уединенно, что попасть в него можно было, либо подплыв в лодке, либо пройдя по мостику футов двадцати длиной и такому узенькому, что два человека не могли бы на нем разойтись. На каждом конце мостика стояло по два юноши-часовых. Повинуясь жесту жреца Солнца, шедшего впереди, юноши-часовые отступили в сторону и пропустили всю группу; при этом оба Моргана не преминули заметить, что копьеносцы, сопровождавшие их от самого Большого дома, остались по ту сторону мостика.

Перейдя через мостик, они вошли в похожий на бунгало дом и очутились в большой комнате, обставленной лучше, чем можно было ожидать в Долине Затерянных Душ, хоть и очень примитивно. Травяные циновки на полу были красивого и тонкого плетения, а бамбуковые шторы, прикрывавшие прорези окон, были сделаны даже мастерски. В дальнем конце комнаты у стены возвышалась огромная золотая эмблема восходящего солнца — точно такая же, какая висела над алтарем возле Большого дома. Но в этом странном месте особенно поразили пленников два живых существа, которые даже не шевельнулись при их появлении. Под солнечным диском, на небольшом возвышении, стояло ложе со множеством подушек — полудиван, полутрон. А на этом ложе, среди подушек, спала женщина в хитоне из какой-то мягкой мерцающей ткани, какой никто из них никогда не видел. Грудь ее тихо вздымалась и тихо опускалась. Она, безусловно, не принадлежала к племени Затерянных Душ, этой вырождающейся помеси караибов с испанцами. На голове у нее была тиара из чеканного золота с драгоценными камнями такой величины, что она казалась короной.

Перед женщиной на полу стояли два золотых треножника; под одним тлел огонь, а на другом, значительно большем, стоял огромный золотой котел. Между треножниками, не мигая и не шевелясь, точно сфинкс, лежала, распластав лапы, огромная собака, белая, как снег, похожая на русского волкодава. Увидев вошедших, собака уставилась на них.

— Да эта женщина — настоящая леди, она похожа на королеву; и грезы у нее, конечно, тоже королевские, — шепнул Генри и тотчас был вознагражден за это гневным взглядом жреца.

Леонсия глядела, затаив дыхание, а Торрес вздрогнул, перекрестился и сказал:

— Вот уж никогда не слыхал, что в Долине Затерянных Душ есть такое чудо. Эта женщина — самая настоящая испанка. Больше того: в ней течет благородная кастильская кровь. И глаза у нее должны быть синие — это так же верно, как то, что я стою здесь. Но какая она бледная! —

Он снова вздрогнул. — У нее какой-то неестественный сон. Похоже, что ее опоили чем-то и опаивают уже давно.

— Совершенно верно! — взволнованным шепотом перебил его Френсис. — Та, Что Грезит погружена в наркотический сон. Они, должно быть, держат ее все время на наркотиках. Она у них, видно, что-то вроде верховной жрицы или верховного оракула... Да не волнуйся ты, старина, — обратился он по-испански к жрецу. — Ну что страшного, если мы ее разбудим? Ведь нас привели сюда, чтобы познакомить с ней, — и, я надеюсь, не со спящей!

Красавица пошевелилась, словно этот шепот потревожил ее сон; и впервые за все время шевельнулась и собака: она повернула к хозяйке голову, и рука спящей ласковым жестом опустилась на ее шею. Жрец еще повелительнее загримасничал и замахал руками, требуя тишины. Все застыли в молчании, наблюдая пробуждение прорицательницы.

Она медленно приподнялась на ложе и снова ласково погладила осчастливленного волкодава, который залился радостным лаем, обнажив свои страшные клыки. Зрелище это внушало благоговейный трепет; но еще больший трепет ощутили пленники, когда женщина посмотрела прямо на них. Никогда до сих пор не видели они таких глаз — в них словно отражалось сияние всех подзвездных и надзвездных миров. Леонсия невольно подняла руку, точно хотела перекреститься, а Торрес, потрясенный этим взглядом, не только перекрестился, но и стал дрожащими губами шептать свою излюбленную молитву деве Марии. Даже Френсис и Генри смотрели на нее как завороженные, не в силах оторвать взгляда от бездонной синевы этих глаз, казавшихся совсем темными под сенью длинных черных ресниц.

— Синеглазая брюнетка! — прошептал все-таки Френсис.

Какие глаза! Скорее круглые, чем продолговатые. Но и не совсем круглые. Квадратные? Нет, все-таки, вернее, круглые. Глаза такой формы, как если бы художник, не отрывая от бумаги перо, начертил несколько квадратов и все углы их заключил в один круг. Длинные ресницы затеняли глаза женщины, отчего они казались совсем бездонными. В глазах этих не появилось ни удивления, ни испуга при виде незнакомцев, а только мечтательное безразличие. Впрочем, несмотря на томный взгляд, до сознания красавицы явно доходило все, что она видела. Внезапно, к вящему изумлению пришельцев, в ее глазах отразилась целая гамма земных чувств. Где-то в глубине, все нарастая, задрожала затаенная боль. Сострадание вдруг заволокло их влажной пеленой, как заволакивает голубую морскую даль весенний дождь или утренний туман — горы. Боль, все та же боль таилась в их дремотной безмятежности. Огонь безграничного мужества, казалось, вот-вот вспыхнет в этих глазах электрической искрой воли, действия. Но сонное оцепенение тут же готово было опуститься, точно мягкий узорный полог, и отгородить спящую от всех переживаний и чувств. Однако все это отходило на задний план перед мудростью веков, которой веяло от всего облика незнакомки. Это впечатление особенно усиливалось при взгляде на ее впалые щеки, свидетельствовавшие об аскетическом образе жизни. На щеках этих горел яркий — не то чахоточный, не то косметический — румянец.

Когда женщина поднялась со своего ложа, она оказалась тонкой и хрупкой, как фея. Она была узка в кости и худощава, но не производила впечатления тощей. Если бы у Генри и Френсиса спросили мнение о ней, они, пожалуй, сказали бы, что она самая соблазнительная из всех худощавых женщин на свете.

Старый жрец Солнца распростер свое дряхлое тело на полу, уткнувши морщинистый лоб в травяную циновку. Остальные продолжали стоять, хотя у Торреса и подгибались колени, — и он, несомненно, последовал бы примеру жреца, если бы заметил со стороны своих спутников хоть малейшую к этому готовность. Вообще говоря, колени у него подогнулись, но, взглянув на

стоявших очень прямо Леонсию и Морганов, он заставил себя выпрямиться.

Сначала Та, Что Грезит глядела только на Леонсию; внимательно осмотрев девушку, она повелительным кивком приказала ей подойти. Слишком повелителен был этот кивок, по мнению Леонсии, для такого воздушного и прекрасного создания, и она сразу почувствовала неприязнь к красавице. Поэтому она не сдвинулась с места, пока жрец Солнца свистящим шепотом не приказал ей повиноваться. Тогда Леонсия направилась к красавице, не обращая внимания на огромного лохматого пса; она прошла между треножниками мимо собаки и остановилась лишь по вторичному знаку, столь же повелительному, как и первый. Целую минуту обе женщины в упор смотрели друг на друга, и тут, с невольным чувством торжества, Леонсия увидела, как та, другая, опустила глаза. Но радость ее была преждевременной: Та, Что Грезит просто с высокомерным любопытством разглядывала ее платье. Она даже протянула свою тонкую бледную руку и чисто по-женски пощупала ткань.

— Жрец! — резким тоном сказала она. — Сегодня у нас третий день Солнца в Доме Манго. Я давно уже предсказывала тебе, что произойдет в этот день. Напомни, что именно.

Угодливо извиваясь перед ней, жрец Солнца прогнусавил:

— Что в этот день произойдут необычайные события. Так и случилось, о королева!

Но королева уже забыла, о чем его спрашивала. Продолжая поглаживать ткань, из которой было сделано платье Леонсии, она внимательно разглядывала его.

— Ты очень счастливая, — сказала королева, жестом показывая Леонсии, что она может вернуться к своим. — Тебя любят мужчины. Мне еще не все ясно, но я чувствую, что тебя слишком любят мужчины.

Голос ее, мягкий и низкий, отличался какой-то удивительной чистотою звука и напевностью; он был как вечерний звон, призывающий верующих на молитву, а скорбящих духом — к вечному упокоению. Но Леонсии не дано было оценить этот чудесный голос. Она лишь чувствовала, как от гнева вспыхнули ее щеки и сильнее забилось сердце.

— Я видела тебя раньше — и не раз, — продолжала королева.

— Ничего подобного! — воскликнула Леонсия.

— Т-сс! — зашипел на нее жрец Солнца.

— Там, — сказала королева, указывая на большой золотой котел, — я тебя часто видела там.

— И тебя тоже, — произнесла она, обращаясь к Генри.

— И тебя, — сказала она Френсису, но тут ее большие синие глаза еще больше расширились, и она впилась в Френсиса таким долгим взглядом, что Леонсия почувствовала, как сердце ее, точно кинжалом, пронзила ревность, какую только женщина может внушить другой женщине.

Глаза королевы сверкнули, когда она перевела взгляд с Френсиса на Торреса.

— А ты кто, чужеземец? Ты так странно одет: на голове у тебя шлем рыцаря, а на ногах сандалии раба!

— Я да Васко, — храбро ответил тот.

— Это очень древнее имя, — улыбнулась она.

— Так я и есть древний да Васко, — сказал он и без зова подошел к ней; она усмехнулась при виде его дерзости, но не остановила его. — Этот шлем был на моей голове четыреста лет назад, когда я привел предков Затерянных Душ в эту долину.

Королева недоверчиво улыбнулась и тихо спросила:

— Значит, ты родился четыреста лет назад?

— И да — и нет. Я никогда не был рожден. Я да Васко. Я существовал вечно. Мой дом — Солнце.

Изящно очерченные брови королевы недоуменно приподнялись, но она промолчала. Своими тонкими, почти прозрачными пальцами она взяла из золотого резного ящичка, стоявшего подле нее на ложе, щепотку какого-то порошка и небрежно бросила в большой котел на треножнике, при этом ее тонкие красивые губы искривились в слегка насмешливой улыбке. Из котла поднялся столб дыма, который тотчас растворился и исчез.

— Гляди! — приказала она.

И Торрес подошел к котлу и заглянул в него. Что он там увидел, его спутники так никогда и не узнали. Но королева также склонилась над котлом и, заглядывая в него со своего возвышения, увидела то, что увидел и он, и на лице ее появилась презрительно-сострадательная усмешка. А увидел Торрес спальню на втором этаже домика в Бокас-дель-Торо, доставшегося ему по наследству, и в ней колыбель с новорожденным. Жалостливое это зрелище раскрывало тайну его рождения — и жалостливей была улыбка на лице королевы. Яркое видение, вызванное волшебством перед глазами Торреса, открыло ему то, о чем он догадывался и что давно уже подозревал.

— Ты увидишь еще кое-что, — с мягкой усмешкой произнесла королева. — Я показала тебе начало твоей жизни. А теперь посмотри на ее конец.

Но Торрес, уже и без того потрясенный виденным, вздрогнул и отшатнулся от котла.

— Прости меня, красавица! — взмолился он. — И разреши мне уйти. Забудь то, что ты видела, как и я надеюсь это забыть.

— Там уже ничего нет, — сказала она, махнув рукой над котлом. — Но забыть я не могу. То, что я видела, навсегда остается в моей памяти. И тебя, о Человек, такого молодого годами и такого старого, судя по шлему, я тоже видела прежде в моем Зеркале Мира. Ты не раз возмущал меня своим поведением. Но не тем, что носишь этот шлем. — Она улыбнулась спокойной, мудрой улыбкой. — Всю жизнь, мне кажется, я видела перед собой пещеру мертвецов, где давно умершие рыцари стоят навытяжку, охраняя в веках тайны, чуждые их религии, чуждые их расе. И среди этих мертвецов, помнится мне, я и видела того, на ком был твой старинный шлем… Говорить дальше?

— Нет, нет! — взмолился Торрес.

Та, Что Грезит наклонила голову, давая этим понять Торресу, чтобы он отошел. Затем взгляд ее остановился на Френсисе, и она кивком подозвала его к себе. И тут же, видимо, спохватившись, что со своего возвышения она смотрит на него сверху вниз, смущенно ступила на пол и теперь, глядя на него уже снизу вверх, протянула ему руку. Френсис нерешительно пожал ее, не зная,

что делать дальше. И, точно прочитав его мысли, она воскликнула:

— Сделай это! Мне никогда и никто до сих пор не целовал руки. Я никогда не видела, как это делают в жизни, а видела лишь в своих грезах да в картинах, которые мне показывало Зеркало Мира.

Френсис склонился и поцеловал ей руку. И так как она не проявляла ни малейшего желания отнять руку, он продолжал держать ее, ладонью чувствуя, как еле уловимо, но бесперебойно пульсирует кровь в розовых кончиках ее пальцев. Так они оба стояли, не говоря ни слова. Френсис был смущен, королева легонько вздыхала, а в сердце Леонсии бушевала чисто женская ревность. Вдруг Генри весело выпалил по-английски:

— Да поцелуй ты ей руку еще раз, Френсис! Ей же это понравилось!

Жрец Солнца зашикал на него. Но королева, с девическим смущением испуганно выдернувшая было руку из руки Френсиса, поспешно вложила ее обратно.

— Я тоже говорю на этом языке, на котором говоришь ты, — сказала она Генри. — И я, никогда не знавшая мужчины, не постыжусь признаться, что мне это понравилось. Это первый поцелуй в моей жизни. Френсис — ведь так назвал тебя твой друг? — повинуйся ему. Мне это понравилось. Мне это очень понравилось. Поцелуй мне руку еще раз.

И Френсис повиновался; рука ее по-прежнему оставалась в его руке, а сама королева, забыв обо всем на свете, словно завороженная, смотрела, не отрываясь, ему в глаза. Наконец, призвав на помощь всю свою волю, она овладела собой, быстро высвободила руку, жестом приказала Френсису отойти и обратилась к жрецу Солнца.

— Итак, жрец, — начала она, и в голосе ее опять зазвучали резкие нотки, — мне уже известно, зачем ты привел сюда этих пленников. Но все же мне хотелось бы, чтобы ты рассказал об этом сам.

— О королева! Разве не повелевает нам долг убить этих пришельцев, как требует обычай? Народ смущен, он не доверяет моему суждению и просит, чтобы решила ты.

— А ты полагаешь, что их следует убить?

— Да, таково мое суждение. Но я хочу знать твое, чтобы оно было у нас с тобой одинаковым.

Она еще раз оглядела четырех пленников: Торреса — с жалостью. Генри — с сомнением, Леонсию — хмуро; на Френсиса же смотрела целую минуту взором, полным безграничной нежности, — во всяком случае, так показалось взбешенной Леонсии.

— Есть ли среди вас не имеющие жен? — неожиданно спросила королева. — Впрочем, нет, — продолжала она, не дожидаясь ответа, — ведь мне дано знать, что вы все не имеете жен. — И она быстро повернулась к Леонсии: — А разве правильно, — спросила она, — чтобы у женщины было два мужа?

Как Генри, так и Френсис не могли сдержать улыбки, услышав столь странный и неуместный вопрос. Однако Леонсии он вовсе не показался ни неуместным, ни странным, и щеки ее снова вспыхнули от возмущения. Она поняла, что перед нею настоящая женщина, которая и будет поступать с ней как женщина.

— Нет, неправильно, — ответила Леонсия громко и без заминки.

— Это очень странно, — продолжала размышлять вслух королева. — Странно и несправедливо. Раз в мире равное число мужчин и женщин, не может быть справедливым, чтобы у одной женщины было два мужа, — ведь это значило бы, что у какой-то другой его вовсе не будет.

Она взяла щепотку порошка и бросила в свой золотой котел. Из него, как и прежде, взвился клуб дыма и тотчас растаял.

— Зеркало Мира скажет мне, жрец, как должно поступить с нашими пленниками.

Она склонилась было над котлом, но вдруг ее осенила новая мысль. Широким жестом, точно раскрывая им объятия, она подозвала всех к котлу.

— Давайте смотреть все вместе — сказала она. — Я не обещаю вам, что все мы увидим одно и то же. И я не буду знать, что увидит каждый из вас. А каждый увидит лишь то, что его касается. Ты тоже можешь подойти, жрец.

Котел, достигавший шести футов в диаметре, был до половины полон каким-то неизвестным жидким металлом.

— Вроде бы ртуть, но это не ртуть, — шепнул Генри Френсису. — Я никогда не видел такого металла. По-моему, он расплавленный.

— Напротив, он совсем холодный, — возразила ему королева по-английски. — И тем не менее это огонь… Ну-ка, Френсис, пощупай котел снаружи.

Френсис повиновался и без колебания приложил ладонь к стенке котла.

— Он холоднее, чем воздух в комнате, — объявил Френсис.

— А теперь смотрите! — воскликнула королева и подбросила в котел еще немного порошку. — Это огонь, хоть он и холодный.

— Просто это порошок, который самовоспламеняется и дымит, — изрек Торрес, шаря в кармане своего пиджака: он вытащил оттуда горсть искрошенного табака, несколько сломанных спичек и лоскутик материи. — А вот это гореть не будет! — И он с вызывающим видом приготовился кинуть все это в котел.

Королева кивнула ему в знак позволения, и на глазах у всех Торрес выбросил в котел все, что было у него в руке. В ту же секунду из котла вырвался столб дыма и сразу исчез в воздухе. На гладкой поверхности металла не осталось ничего — даже пепла.

— И все-таки он холодный, — настаивал Торрес и по примеру Френсиса пощупал стенку котла.

— Опусти туда палец, — предложила ему королева.

— Ну нет! — сказал он.

— И ты прав! — согласилась она. — Если бы ты это сделал, у тебя стало бы сейчас одним пальцем меньше, чем было, когда ты родился. — Она подбросила в котел еще порошку. — Теперь глядите, и каждый увидит то, что суждено видеть только ему одному.

Так оно и произошло.

Леонсии дано было увидеть океан, разделивший ее и Френсиса. Генри увидел королеву и

Френсиса, которых венчали таким странным образом, что он лишь под конец понял, какой это обряд. Сама же королева увидела себя в каком-то большом доме: она стоит на хорах и смотрит вниз на роскошную гостиную, в которой Френсис признал бы гостиную в доме своего отца. А подле себя королева увидела Френсиса, который обнимал ее за талию. Френсису же предстало видение, наполнившее тревогой его душу: лицо Леонсии, застывшее, как у мертвой, а во лбу, между глаз, торчит острый кинжал, воткнутый по самую рукоятку. Однако ни капли крови не вытекло из глубокой раны. У Торреса перед глазами мелькнуло то, что, как он понял, было началом его конца; он перекрестился и, единственный из всех, отпрянул на шаг, не желая смотреть дальше. А жрец Солнца увидел свой тайный грех: лицо и фигуру женщины, ради которой он нарушил обет богу Солнца, а затем лицо и фигуру девочки из Большого дома.

Когда видения потускнели и исчезли и все, точно сговорившись, отошли от котла, Леонсия, сверкая глазами, как тигрица, накинулась на королеву:

— Твое Зеркало Мира лжет! Лжет твое Зеркало Мира!

Френсис и Генри, все еще находившиеся под сильным впечатлением виденного, даже вздрогнули, пораженные вспышкой Леонсии. Но королева мягко возразила:

— Мое Зеркало Мира никогда не лжет. Я не знаю, что оно тебе показало. Но я знаю: то, что ты видела, — правда.

— Ты чудовище! — воскликнула Леонсия. — Мерзкая, лживая колдунья!

— Мы обе женщины, — с мягким укором возразила ей королева, — а поскольку мы женщины, то сами не знаем порой, что делаем и говорим. Пусть мужчины решат, кто я: лживая ведьма или женщина с женским любящим сердцем. А пока — уж раз мы обе женщины и, значит, существа слабые — будем великодушны друг к другу.

Теперь, жрец Солнца, поговорим о нашем решении. Как жрец бога Солнца, ты лучше, чем я, знаешь старинные наши обычаи и обряды. Ты лучше, чем я, знаешь все, что касается меня, и то, как я здесь очутилась. Ты знаешь, что всегда от матери к дочери и через мать и дочь наше племя передавало и сохраняло тайну этого дома, в котором обитала Та, Что Грезит. Настало время и нам подумать о будущих поколениях. К нам пришли чужеземцы, все они неженаты. Надо объявить день свадьбы, если мы хотим, чтобы у нашего племени в будущем тоже была Та, Что Грезит. Так должно быть — время пришло, потребность назрела и место предопределено. Я вопрошала видения, и они подсказали мне, как поступить. И вот каково мое решение: я выйду замуж за того из этих трех, кто был предназначен мне судьбой еще до основания мира. Да будет так: если ни один из них не женится на мне, то они все умрут и их еще теплую кровь ты принесешь в жертву на алтаре бога Солнца. Если же один из них женится на мне, то все останутся живы и время определит нашу дальнейшую судьбу.

Жрец Солнца, дрожа от гнева, попытался возразить, но она прервала его:

— Молчи, жрец! Ты только благодаря мне правишь этим народом. Стоит мне сказать слово и… ты сам знаешь, что тебя ждет. Это будет нелегкая смерть. — И она повернулась к трем мужчинам со словами: — Так кто же из вас женится на мне?

Они смущенно и растерянно посмотрели друг на друга, но ни один не произнес ни слова.

— Ведь я женщина! — подзадоривая их, сказала королева. — Так неужели ни один мужчина не пожелает меня? Разве я не молода? Разве я не красива? Неужели мужчины такие странные, что ни одному я не кажусь прекрасной и ни один не хочет заключить меня в объятия и

поцеловать в губы, как добрый Френсис поцеловал мне руку?

Она посмотрела на Леонсию.

— Будь ты судьей! Ты женщина, которую любит много мужчин. Разве я не такая, как ты, и разве я тоже не могу быть любимой?

— Ты всегда будешь добрее к мужчинам, чем к женщинам, — отвечала ей Леонсия, и смысл ее слов, загадочный для всех троих мужчин, был вполне ясен для женского ума королевы. — Как женщина, — продолжала Леонсия, — ты на редкость хороша и обольстительна; на свете, конечно, найдется немало мужчин, которые все отдадут за право заключить тебя в свои объятия. Но предупреждаю тебя, королева: среди мужчин встречаются всякие.

Выслушав Леонсию и поразмыслив над ее словами, королева резко повернулась к жрецу.

— Ты все слышал, жрец. Сегодня я должна выйти замуж. Если ни один из чужеземцев на мне не женится, все трое будут принесены в жертву на твоем алтаре. И эта женщина тоже! Ей, видно, очень хочется опозорить меня и унизить. — Королева говорила это жрецу, но слова ее явно предназначались для всех. — Их здесь трое, и одному из них, еще задолго до рождения, суждено было стать моим мужем. Итак, жрец, вот что я тебе скажу: уведи пленников куда-нибудь в другое место, и пусть они решат между собой, кто из них женится на мне.

— Раз это было так давно предопределено, — вырвалось у Леонсии, — зачем же предоставлять решение случаю? Ты знаешь своего избранника! Зачем же действовать наугад? Назови его, королева, назови сейчас!

— Я уже сказала, как он будет избран! — возразила королева, рассеянно бросая щепотку порошка в золотой котел и так же рассеянно глядя в него. — А теперь ступайте, и да свершится неизбежный выбор! Нет, стойте! — вдруг закричала она, когда пленники уже выходили из комнаты. — Поди сюда, Френсис. Я вижу кое-что, касающееся тебя. Поди сюда и посмотри вместе со мной в Зеркало Мира.

Все остановились в ожидании, а Френсис, подойдя к котлу, нагнулся над ним вместе с королевой и стал смотреть на поверхность неизвестного жидкого металла. Он увидел себя в библиотеке своего нью-йоркского дома, а рядом с собой — Ту, Что Грезит, и он обнимал ее за талию. Она с любопытством разглядывала биржевой телеграф. Френсис стал объяснять ей, как он действует, но, взглянув мельком на ленту, увидел столь неприятные известия, что кинулся к телефону звонить своему маклеру, — и тут видение исчезло.

— Что вы там узрели? — спросила его Леонсия, когда они вышли.

И Френсис солгал. Ни словом не обмолвившись, что видел Ту, Что Грезит в библиотеке своего нью-йоркского дома, он ответил:

— Биржевой телеграф, который сообщал об огромном падении акций, грозящем вызвать панику на Уолл-стрите. Но откуда ей известно, что я имею какое-то отношение к Уолл-стриту и биржевым телеграфам?

Глава девятнадцатая

— Кто-то должен жениться на этой сумасшедшей, — начала Леонсия, как только все четверо расположились на циновках в комнате, куда привел их жрец. — И этим геройским поступком

он спасет всем нам жизнь и себе тоже. Сеньор Торрес, вам представляется возможность спасти всем нам жизнь, а заодно и себе.

— Брр! — содрогнулся Торрес. — Да я не женюсь на ней и за десять миллионов долларов. Она слишком умна. Она внушает мне ужас. Она — как бы это сказать? — она, говоря по-вашему, действует мне на нервы. Я ведь храбрый. Но при ней вся моя храбрость куда-то исчезает. От страха меня даже холодный пот прошиб. Нет, меньше чем за десять миллионов я и пытаться не стану побороть свой страх. Генри и Френсис храбрее меня. Пусть кто-нибудь из них и женится на ней.

— Но я помолвлен с Леонсией! — быстро возразил Генри. — Как же я могу жениться на королеве?

Взоры всех обратились к Френсису, однако Леонсия помешала ему ответить.

— Это несправедливо, — сказала она. — Ведь никто из вас не хочет на ней жениться! Поэтому единственный справедливый выход — тянуть жребий. — С этими словами она выдернула три соломинки из циновки, на которой сидела, и одну обломила. — Тот, кто вытянет короткую соломинку, будет жертвой. Сеньор Торрес, тащите первым.

— И первый, кто вытянет коротенькую, — пожалуйте под венец, — усмехнулся Генри.

Весь дрожа, Торрес перекрестился и потянул. Соломинка оказалась явно длинной, он даже закружился по комнате и пропел:

Не пойду я под венец,

Вот какой я молодец…

Затем жребий тянул Френсис, — и на его долю тоже досталась длинная соломинка. Таким образом, для Генри уже не было выбора. Роковая соломинка, оставшаяся в руке Леонсии, решала его участь. Он посмотрел на Леонсию, и на лице его отразились все муки ада. Она заметила его взгляд и почувствовала безмерную жалость к нему, а это, в свою очередь, заметил Френсис и принял быстрое решение. Есть выход. И все сразу станет просто. Как ни велика его любовь к Леонсии, а преданность Генри — еще больше. Нечего колебаться. Френсис весело хлопнул Генри по плечу и воскликнул:

— Итак, перед вами ничем не связанный холостяк, который не боится брачных уз. Я женюсь на ней.

Генри вздохнул с таким облегчением, как если бы его спасли от неминуемой смерти. Он схватил руку Френсиса, и они обменялись крепким рукопожатием, глядя прямо друг другу в глаза, как могут смотреть только честные, порядочные люди. И ни один из них не заметил, какое смятение отразилось на лице Леонсии при столь неожиданной развязке. Та, Что Грезит говорила правду: Леонсия была несправедлива как женщина, — она любила двух мужчин и тем лишала Ту, Что Грезит ее законной доли счастья.

Дальнейшему обсуждению этой темы положило конец появление девочки из Большого дома, которая вместе с женщинами принесла пленникам обед. Зоркий взгляд Торреса сразу приметил на шее у девочки ожерелье из драгоценных камней: это были рубины, и притом великолепные.

— Та, Что Грезит подарила мне это, — сказала девочка, радуясь, что чужеземцам нравится ее

новое украшение.

— А у нее есть еще такие камни? — спросил Торрес.

— Конечно! — был ответ. — Она только что показывала мне целый сундук, полный таких камней. У нее там есть всякие, есть даже гораздо больше этих, только те не нанизаны. Они лежат там грудой, как кукурузные зерна.

Пока все ели и беседовали, Торрес нервно курил, потом встал и заявил, что есть он не хочет, — ему нездоровится.

— Вот что, — внушительным тоном начал он. — Я говорю по-испански лучше вас обоих, Морганы. Кроме того, я уверен, что куда лучше вас знаю характер испанских женщин. И, чтобы доказать вам свое дружеское расположение, я сейчас пойду к этой даме и попытаюсь убедить ее отказаться от брака.

Один из копьеносцев преградил Торресу путь и пошел доложить о нем, но вскоре вернулся и жестом пригласил его войти. Королева, полулежа на диване, милостиво кивнула Торресу и разрешила приблизиться к ней.

— Ты ничего не ел? — заботливо спросила она его; и когда Торрес заявил, что у него нет аппетита, предложила: — А не хочешь ли выпить?

Глаза Торреса загорелись. Он почувствовал, что ему необходимо подкрепиться: за последние дни он пережил столько треволнений, а тут еще предстоит новая авантюра, в которой он решил любой ценой добиться успеха. Королева хлопнула в ладоши и отдала распоряжение служанке, явившейся на ее зов. И тотчас же слуга внес и откупорил небольшой деревянный бочонок.

— Это очень старое вино, оно хранится уже не один век, — сказала королева. — Да, впрочем, тебе, да Васко, это должно быть известно: ведь ты сам привез его сюда четыре столетия назад.

Относительно того, что бочонок старинный, не могло быть никаких сомнений, и Торрес почувствовал, как от мучительной жажды у него сразу пересохло в горле: подумать только, целых двенадцать поколений родилось и умерло с тех пор, как этот бочонок пересек Атлантический океан. Прислужница налила большой кубок, и Торрес, осушив его, был поражен мягкостью напитка. Но очень скоро все его тело и мозг ощутили колдовскую силу четырехсотлетнего вина.

Королева предложила ему присесть на край лодка у ее ног — так ей было удобнее наблюдать за ним — и спросила:

— Ты пришел ко мне без зова. Ты что-то хочешь мне сказать или о чем-то спросить?

— Я тот, на кого пал выбор, — ответил он, подкручивая ус и стараясь принять возможно более бравый вид, какой и подобает настоящему мужчине, пустившемуся в любовную авантюру.

— Странно, — сказала она. — Я не тебя видела в Зеркале Мира. Тут… какая-то ошибка, наверное?

— Совершенно верно, ошибка, — охотно согласился он, поняв, что ее не обманешь. — Это все вино наделало. В нем какая-то колдовская сила, которая заставляет меня открыть тебе свое сердце, — ведь я так жажду тебя!

Улыбнувшись одними глазами, она снова позвала прислужницу и велела снова наполнить его глиняный кубок.

— Теперь, наверно, будет вторая ошибка, а? — поддразнивая его, заметила она, когда он осушил кубок.

— О нет, королева! — отвечал Торрес. — Теперь в голове у меня полная ясность. И я могу справиться со своим сердцем. Выбор пал на Френсиса Моргана — того, кто целовал тебе руку; он и будет твоим мужем.

— Это правда, — торжественно сказала она. — Именно его лицо я видела в Зеркале Мира и сразу поняла, что он предназначен мне.

Поощренный ее словами, Торрес продолжал:

— Я его друг, самый лучший друг. Ты, которая знаешь все, несомненно, знаешь и то, что за невестой обычно дают приданое. И вот он послал меня, своего лучшего друга, чтобы выяснить, какое приданое у его невесты, и осмотреть его. Тебе должно быть известно, что он один из богатейших людей у себя в стране, где много богатых.

Королева так стремительно вскочила с ложа, что Торрес весь съежился от страха, ожидая удара ножом между лопаток. Однако королева быстро прошла, или, вернее, скользнула к двери, ведущей во внутренние покои.

— Пройди сюда! — повелительно сказала она.

Перешагнув через порог, Торрес сразу понял, что это ее спальня. Но где уж: тут было рассматривать комнату, когда королева сразу подняла крышку тяжелого, окованного медью сундука и жестом подозвала Торреса. Он подошел и увидел нечто такое, от чего кто угодно мог остолбенеть. Да, девочка сказала правду! Сундук был доверху полон бессчетным множеством драгоценных камней — бриллиантов, рубинов, изумрудов, сапфиров, самых редких, самой чистой воды и самых крупных, которые лежали грудой, точно кукурузные зерна.

— Погрузи в них руки до самых плеч, — сказала королева, — и убедись, что это не стекляшки, не плод фантазии и не обманчивый сон, а настоящие драгоценные камни. И тогда ты сумеешь дать точный отчет своему богатому другу, который должен жениться на мне.

И Торрес, чей мозг был воспламенен старым вином, сделал, как ему было сказано.

— Неужели эти стекляшки такое для тебя диво? — подтрунивая над ним, спросила королева. — Ты так на них смотришь, будто перед тобой чудеса несказанные.

— Мне никогда и не снилось, что где-либо на свете может существовать такое сокровище, — пробормотал он, совсем одурев.

— Им нет цены?

— Да, им нет цены.

— Они дороже доблести, любви и чести?

— Они дороже всего. Они могут свести с ума.

— И на них можно купить настоящую любовь женщины или мужчины?

— На них можно купить весь мир!

— Ну, что ты! — сказала королева. — Вот ты мужчина, ты держал женщин в своих объятиях. Так неужели за эти камешки можно купить женщину?

— От сотворения мира женщин покупали и продавали за них. И ради них женщины сами продавали себя.

— А могут они купить мне сердце твоего доброго друга Френсиса?

Только сейчас Торрес впервые посмотрел на нее, кивнул и что-то пробормотал; от выпитого вина и созерцания такого множества драгоценностей глаза его блуждали и дико горели.

— Ты думаешь, твой славный друг Френсис будет так же, как и ты, высоко ценить их?

Торрес молча кивнул.

— И все люди так высоко их ценят? Торрес снова многозначительно кивнул.

Королева рассмеялась серебристым смехом, в котором звучало презрение. Она нагнулась и наудачу захватила пригоршню дивных камней, которым цены не было.

— Пойдем, — приказала она. — Я покажу тебе, как я ими дорожу.

Она провела его через комнату и вышла вместе с ним на галерею, сооруженную над самой водой. Галерея эта опоясывала дом с трех сторон, тогда как четвертая стена его примыкала к скале. У подножия скалы бурлил водоворот, — Торрес подумал, что здесь, видно, и находится то отверстие, через которое вода вытекает из озера, как это и подозревали Морганы.

А королева, поддразнивая его своим серебристым смехом, разжала руку и швырнула бесценные камни в самую воронку водоворота.

— Вот как я ими дорожу! — сказала она.

Торрес был потрясен, он разом протрезвел при виде такого расточительства.

— И они уже никогда не вернутся ко мне! — со смехом продолжала она. — Оттуда ничто не возвращается! Гляди!

И она бросила в воду букетик цветов, который стремительно завертелся, словно двигаясь по спирали, и исчез втянутый водоворотом.

— Если ничто оттуда не возвращается, то куда же все исчезает? — хриплым голосом спросил Торрес.

Королева пожала плечами, но Торрес понял, что ей известна тайна вод.

— Не один человек ушел этим путем, — задумчиво сказала она. — И ни один из них не вернулся. Моя мать тоже ушла этой дорогой — ее бросили в водоворот, когда она умерла. Я была тогда еще совсем ребенком. — Вдруг она словно очнулась. — А теперь, человек в шлеме, уходи! И доложи обо всем твоему господину, я хочу сказать, твоему другу. Расскажи ему, какое у меня приданое. И если он хоть наполовину одержим такой же безумной страстью к этим камешкам, как ты, то руки его очень скоро обовьются вокруг меня. А я останусь здесь и помечтаю, пока он придет. Я могу без конца любоваться игрою вод.

Получив приказание удалиться, Торрес прошел в спальню, но тут же на цыпочках вернулся к двери, чтобы посмотреть, что делает королева. Она опустилась на пол галереи и, подперев голову рукой, пристально глядела на водоворот. Тогда Торрес бросился к сундуку, поднял крышку, схватил полную пригоршню камней и высыпал их в карман. Но прежде чем он успел снова запустить руку в сундук, за спиной его раздался язвительный смех королевы.

Страх и ярость до такой степени овладели им, что он ринулся на нее; она выскочила на галерею — он за ней, но в ту минуту, когда, казалось, он готов был схватить ее, она вдруг вытащила кинжал и занесла над ним.

— Вор, — спокойно сказала она. — Бессовестный вор. А участь всех воров в нашей долине — смерть. Я сейчас позову моих копьеносцев и велю бросить тебя в пучину.

Такой неожиданный поворот событий заставил Торреса призвать на помощь всю свою изворотливость. Взглянув на пенящуюся воду, в которую грозила бросить его королева, он вскрикнул, точно увидел там что-то ужасное, упал на одно колено и закрыл руками искаженное притворным страхом лицо. Королева повернула голову и посмотрела в направлении его взгляда. Это как раз и нужно было Торресу. Он, точно тигр, прыгнул на нее, схватил за руки и вырвал кинжал.

Он отер с лица пот и прерывисто дышал, еще не сумев полностью овладеть собой. А королева с любопытством, но без всякого страха смотрела на него.

— Ты исчадие ада, — злобно прошипел он, все еще трясясь от ярости, — ведьма, промышляющая силами тьмы и всякой чертовщиной! Однако ты женщина, рожденная женщиной, и потому смертна. Ты такая же слабая, как все смертные и все женщины, а потому я предоставляю тебе право выбора: либо ты будешь брошена в водоворот и погибнешь, либо…

— Либо что? — переспросила она.

— Либо… — Он помолчал, облизал пересохшие губы и выпалил: — Нет! Клянусь Божьей Матерью, я не боюсь! Либо ты выйдешь за меня замуж сегодня же! Выбирай!

— Ты хочешь жениться на мне ради меня самой или ради сокровищ?

— Ради сокровищ, — нагло признался он.

— Но в Книге Жизни написано, что я выйду замуж за Френсиса, — возразила она.

— Ну так что же: мы перепишем эту страницу в Книге Жизни!

— Как будто это можно сделать! — рассмеялась она.

— Тогда я докажу, что ты смертная, и брошу тебя в этот водоворот, как ты бросила цветы.

В эту минуту Торрес был положительно неустрашим — неустрашим оттого, что старое крепкое вино горячило его кровь и мозг, а еще оттого, что он был хозяином положения. К тому же, как истый латиноамериканец, он не мог не наслаждаться такой сценой, где у него была возможность покрасоваться и дать волю своему красноречию.

Внезапно он вздрогнул, услышав легкий свист королевы, — так латиноамериканцы обычно зовут слуг. Он подозрительно покосился на королеву, потом посмотрел на дверь в спальню и снова перевел взгляд на нее.

На пороге, словно призрак, — Торрес смутно видел его краешком глаза — появился огромный белый пес. В страхе Торрес невольно попятился. Но нога его не нашла точки опоры, и, не удержавшись, он полетел вниз головой в пучину. Торрес отчаянно закричал и уже из воды увидел, что пес прыгнул вслед за ним.

Хотя Торрес и был хорошим пловцом, он почувствовал себя в водовороте беспомощнее соломинки и. Та, Что Грезит, перегнувшись через перила галереи и, точно зачарованная, глядя вниз, увидела, как Торреса, а затем и собаку втянуло в водоворот, из которого нет возврата.

Глава двадцатая

Долго еще Та, Что Грезит смотрела на бурлящую воду. Затем произнесла со вздохом: «Бедный мой пес!» — и выпрямилась. Гибель Торреса нимало не тронула ее. Она с детства привыкла распоряжаться жизнью и смертью своего полудикого вырождающегося народа, и человеческая жизнь не представлялась ей чем-то священным. Если жизнь у человека складывалась хорошо и красиво, то, конечно, надо дать ему возможность ее прожить. Но если он вел дурную, безнравственную жизнь и был опасен для других, — такого человека не жаль: пусть умирает, а то можно его и прикончить. Таким образом, смерть Торреса была для нее лишь эпизодом — неприятным, но быстро промелькнувшим. Жаль только было собаку.

Она вернулась к себе в спальню и громко хлопнула в ладоши, вызывая прислужницу, при этом она не преминула удостовериться, что крышка сундука с драгоценностями все еще открыта. Отдав прислужнице распоряжение, она вернулась на галерею, откуда могла незаметно наблюдать за тем, что происходит в комнате.

Через несколько минут прислужница ввела в комнату Френсиса и оставила его одного. Молодой человек был невесел. Как ни благородно было его отречение от Леонсии, оно не принесло ему особой радости. Не радовала его и мысль о предстоящем браке со странной женщиной, которая правила Затерянными Душами и жила в этом таинственном бунгало на берегу озера. Правда, в нем она не вызывала — как в Торресе — ни страха, ни враждебности, скорее наоборот: Френсис испытывал к ней жалость. Его невольно трогало трагическое положение этой красавицы в расцвете сил, которая так отчаянно, несмотря на свой властный, гордый характер, искала любви и спутника в жизни.

С первого же взгляда Френсис понял, где он находится, и невольно подумал: не считает ли его королева уже своим мужем — без лишних разговоров, без его согласия, без всяких церемоний? Поглощенный своими невеселыми думами, он не обратил никакого внимания на сундук. Наблюдавшая за ним королева видела, что он стоит посреди комнаты, явно поджидая ее; постояв так несколько минут, он подошел к сундуку, захватил пригоршню драгоценных камней и по камешку — один за другим — бросил их обратно, точно это были простые стекляшки; потом повернулся и, подойдя к ее ложу, принялся разглядывать устилавшие его леопардовые шкуры; затем присел, одинаково равнодушный и к ложу и к сокровищам. Все это вызвало такой восторг в королеве, что она уже дольше не могла оставаться сторонней наблюдательницей. Войдя в комнату, она сказала со смехом:

— Что, сеньор Торрес очень любил лгать?

— Любил? — переспросил Френсис, чтобы сказать что-нибудь, и поднялся ей навстречу.

— Да, теперь уже он ничего не любит. Тебе непонятны мои слова? Его нет, — пояснила она. — Нет нигде. — И добавила, заметив, что Френсиса заинтересовало это известие: — Он исчез — и это очень хорошо: теперь он уже никогда не вернется. Но он любил лгать, да?

— Несомненно, — ответил Френсис. — Он отчаянный лжец.

Он не мог не заметить, как изменилось ее лицо, когда он так охотно признал лживость Торреса.

— А что он тебе говорил? — спросил Френсис.

— Что его выбрали жениться на мне.

— Лжец, — сухо заметил Френсис.

— Потом он сказал, что тебя выбрали мне в мужья. И это тоже была ложь, — закончила она совсем упавшим голосом.

Френсис отрицательно покачал головой.

Крик радости, невольно вырвавшийся у королевы, тронул сердце Френсиса и породил в нем такую нежность и жалость, что у него даже мелькнуло желание обнять ее и утешить. Она ждала, чтобы он заговорил.

— Я тот, кто женится на тебе, — твердым голосом сказал он. — Ты прекрасна. Когда же наша свадьба?

По лицу ее разлилась такая неуемная радость, что он поклялся, если это будет от него зависеть, никогда не омрачать печалью ее лица. Хотя она и повелительница Затерянных Душ и обладает несказанными сокровищами и сверхъестественной способностью прозревать будущее, для него она просто одинокая, наивная женщина, с сердцем, исполненным любви, но совершенно в ней не искушенным.

— Я расскажу тебе, что еще говорил этот пес Торрес, — радостно начала она. — Он сказал мне, что ты богат и что, прежде чем жениться на мне, ты хочешь знать, какое у меня приданое. Он сказал, что ты послал его посмотреть на мои богатства. Я знаю, что это ложь. Ты ведь женишься на мне не ради этого! — И она презрительно указала на сундук с драгоценностями.

Френсис негодующе покачал головой.

— Тебе нужна я сама, а не это, — победоносно заключила она.

— Да, ты сама, — не мог не солгать Френсис.

И тут он увидел нечто, глубоко его удивившее. Королева — эта деспотичнейшая из правительниц, которая властвовала над судьбами своих подданных, которая распорядилась жизнью Торреса и сочла достаточным лишь вскользь упомянуть об этом, которая избрала себе супруга, даже не спросив его согласия, — эта самая королева вдруг покраснела. По шее, заливая алой волной щеки, лоб и уши, поднялась краска девичьей стыдливости. Смятение королевы передалось и Френсису. Он не знал, что делать: кровь бросилась ему в лицо, окрасив ярким румянцем загорелую кожу. Никогда еще, подумал он, за всю историю рода человеческого не возникало между мужчиной и женщиной более странных отношений. Они оба были до такой степени смущены, что даже ради спасения своей жизни Френсис не мог бы ничего придумать, чтобы разрядить напряжение. И королева вынуждена была заговорить первой.

— А теперь, — сказала она, краснея еще больше, — ты должен проявить свою любовь ко мне.

Френсис попытался заговорить, но губы у него так пересохли, что он лишь облизнул их и промычал что-то нечленораздельное.

— Меня никто никогда не любил, — храбро продолжала королева. — Мой народ не умеет любить. Это не люди, а животные, они не способны ни мыслить, ни рассуждать! Но мы с тобой — мы настоящие мужчина и женщина! А на свете есть и ласка и нежность — это я узнала из своего Зеркала Мира. Но я неопытна. Я не знаю, как это делается. Ты же — ты пришел из большого мира, и ты, конечно, знаешь, что такое любовь. Я жду. Люби же меня!

Она опустилась на ложе, посадила рядом Френсиса и, верная своему слову, стала ждать. А Френсиса, которому надо было любить по приказу, точно всего сковало: он чувствовал, что не в состоянии пошевельнуться.

— Разве я не красива? — спросила после паузы королева. — Неужели ты не жаждешь обнять меня так, как я жажду очутиться в твоих объятиях? Губы мужчины никогда еще не касались моих губ. Каким бывает этот поцелуй — поцелуй в губы? Когда ты коснулся губами моей руки, я ощутила блаженство. Ты поцеловал тогда не только мою руку, но и душу. Мне казалось, что мое сердце бьется в твоих руках. Разве ты этого не чувствовал?

— Ну вот, — сказала она через полчаса; они сидели на ложе, держась за руки, — я рассказала тебе то немногое, что я знаю о себе. А знаю я о своем прошлом только со слов других. Настоящее я вижу ясно в моем Зеркале Мира. Будущее я тоже могу видеть, но смутно, да и не все я понимаю из того, что вижу. Я родилась здесь, как и моя мать и моя бабка. В жизни каждой королевы рано или поздно появлялся возлюбленный. Порой они приходили сюда — так же, как ты. Мать рассказывала мне, что ее мать ушла из долины в поисках возлюбленного и пропадала долго — многие годы. Так же поступила и моя мать. Я знаю потайной ход, где давно умершие конкистадоры охраняют тайны майя и где стоит сам да Васко, шлем которого этот пес Торрес имел дерзость украсть и выдать за свой собственный. Если бы ты не явился, я тоже вынуждена была бы отправиться разыскивать тебя, ибо ты мой суженый и предназначен мне судьбой.

Вошла прислужница, за которой следовал копьеносец; Френсис с трудом уловил, о чем они говорили на своем занятном староиспанском языке. Сердясь и в то же время радуясь, королева вкратце передала ему содержание их разговора:

— Мы должны сейчас же идти в Большой дом. Там будет свадебная церемония. Жрец Солнца упрямится, не знаю почему, — быть может, оттого, что ему не дали пролить вашу кровь на алтаре. Он очень кровожаден. Хоть он и жрец Солнца, но разумом большим не обладает. Мне донесли, что он пытается восстановить народ против нашего брака. Жалкий пес! — Она сжала руки, лицо ее приняло решительное выражение, а глаза засверкали царственным гневом. — Я заставлю его поженить нас по старинному обычаю — перед Большим домом, у алтаря бога Солнца!

— Послушай, Френсис, еще не поздно переменить решение, обратился к нему Генри. — Право, это несправедливо! Ведь я же вытянул коротенькую соломинку! Верно, Леонсия?

Леонсия не могла произнести ни слова. Они стояли все вместе у алтаря, а за ними толпились Затерянные Души. В Большом доме заперлись королева и жрец Солнца.

— Но вам ведь не хотелось бы, чтобы Генри женился на ней, не так ли, Леонсия? — спросил Френсис.

— Как не хотелось бы, чтоб женились и вы, — возразила Леонсия. — Одного только Торреса я с

радостью отдала бы ей в мужья. Она мне не нравится. Я не желала бы никому из моих друзей стать ее мужем.

— Да вы, кажется, ревнуете, — заметил Генри. — А Френсис, по-моему, не так уже подавлен своей участью.

— Но она же не какое-то чудовище, — сказал Френсис. — И я готов с достоинством — и даже без особого огорчения — встретить свою судьбу. А кроме того, должен тебе сказать. Генри, раз уж ты завел об этом речь, что она не вышла бы за тебя замуж, как бы ты ни просил.

— Ну, не знаю… — начал было Генри.

— В таком случае спроси у нее сам. Вот она идет. Посмотри, какие у нее стали глаза. Сразу видно: быть беде. А жрец мрачен, как туча. Сделай ей предложение, и ты увидишь, как она его примет, пока я здесь.

Генри упрямо кивнул.

— Хорошо… я это сделаю, но не для того, чтобы показать тебе, какой я покоритель женских сердец, а ради справедливости. Я нечестно вел себя, приняв твою жертву, теперь я хочу быть честным.

И прежде чем они успели ему пометать, он растолкал толпу, подошел к королеве и, оттеснив в сторону жреца, принялся ей что-то с жаром говорить, а королева слушала и смеялась. Но смех ее предназначался не для Генри: она с победоносным видом смеялась над Леонсией.

Не так уж много времени потребовалось королеве на то, чтобы отказать Генри, после чего она подошла к Леонсии и Френсису; жрец следовал за нею по пятам, за ним — Генри, тщетно старавшийся скрыть радость, которую вызвал в нем этот отказ.

— Нет, ты только подумай! — воскликнула королева, обращаясь прямо к Леонсии. — Добрый Генри только что сделал мне предложение. Это уже четвертое за сегодняшний день. Значит, меня тоже любят! Ты когда-нибудь слышала, чтобы четверо мужчин признались женщине в любви в день ее свадьбы?

— Как четверо? — удивился Френсис.

Королева с неясностью посмотрела на него.

— Ты сам и Генри, которому я только что отказала.

А до вас — этот наглец Торрес. И только сейчас, в Большом доме, — вот этот жрец. — В глазах ее вспыхнул гнев, щеки зарделись румянцем. — Этот жрец Солнца, давно уже изменивший своим обетам, этот полумужчина, захотел, чтобы я вышла за него замуж! Собака! Тварь! И под конец этот дерзкий заявил, что я не выйду замуж за Френсиса! Пойдемте! Я сейчас проучу его.

Она кивнула своим телохранителям, приказывая им окружить ее и чужеземцев, а двум копьеносцам велела стать позади жреца. Увидев это, толпа зароптала.

— Приступай, жрец! — резко повелела королева. — Не то мои люди убьют тебя.

Жрец круто повернулся, видимо, собираясь воззвать к народу, но при виде приставленных к его груди копий прикусил язык и покорился. Он подвел к алтарю Френсиса и королеву,

поставил их к себе лицом, сам поднялся на возвышение у алтаря и, глядя на жениха с невестой и на толпившийся позади них народ, сказал:

— Я жрец Солнца. Мои обеты священны. И как жрец, давший обет, я должен обвенчать эту женщину Ту, Что Грезит — с этим пришельцем, с этим чужеземцем, вместо того чтобы пролить его кровь на нашем алтаре. Мои обеты священны. Я не могу изменить им. Я отказываюсь соединить эту женщину с этим мужчиной. От имени бога Солнца я отказываюсь совершить обряд…

— Тогда ты умрешь, жрец, и немедленно! — злобно прошипела королева и кивком головы велела ближайшим копьеносцам приставить к нему копья, а остальным — направить их против зароптавших, готовых выйти из повиновения Затерянных Душ.

Наступила томительная пауза. И длилась она почти целую минуту. Никто не произнес ни слова, никто не шелохнулся. Все стояли, точно окаменев, и смотрели на жреца, в чью грудь были нацелены копья.

Тот, чья кровь и чья жизнь были поставлены на карту, первым нарушил тишину: он сдался. Спокойно повернувшись спиной к угрожавшим ему копьям, он опустился на колени и на старинном испанском языке вознес богу Солнца молитву о плодородии. Затем он повернулся к королеве и Френсису и жестом заставил их склониться в земном поклоне и чуть что не опуститься на колени перед ним. Когда пальцы старика коснулись их соединенных рук, лицо его искривилось в непроизвольной гримасе.

По мановению жреца жених и невеста поднялись с колен, жрец разломил пополам кукурузную лепешку и протянул каждому по половинке.

— Причастие, — шепнул Генри Леонсии, в то время как Френсис и королева откусили каждый от своей половины.

— Римско-католический обряд, который, должно быть, завез сюда да Васко, и здесь он уже постепенно превратился в свадебный, — шепнула ему в ответ Леонсия. Сознание, что она навсегда теряет Френсиса, было ей бесконечно мучительно, и она едва владела собой: губы ее сжались и побелели, а ногтями она до боли впилась себе в ладони.

Жрец взял с алтаря миниатюрный кинжал и миниатюрную золотую чашу и вручил их королеве. Та сказала что-то Френсису, он закатал рукав и, оголив левую руку, подставил ей. Королева же приготовилась сделать надрез на его коже, как вдруг остановилась, подумала — и вместо того, чтобы сделать это, осторожно лизнула кинжал кончиком языка.

И тут ею овладела ярость. Попробовав лезвие на вкус, она отшвырнула от себя кинжал, готовая кинуться на жреца и приказать своим копьеносцам убить его, — она вся дрожала, тщетно пытаясь совладеть с собой. Проверив, куда упал кинжал, и убедившись, что его отравленное острие никого не задело и никому не причинило вреда, она вытащила из-под складок платья на груди другой миниатюрный кинжал. Его она тоже сначала лизнула языком и лишь после этого сделала надрез на руке Френсиса и собрала в золотую чашу несколько капелек его крови. Френсис проделал то же самое с ее рукой, а затем жрец под гневным взглядом королевы взял чашу с этой смешанной кровью и, пролив ее на алтарь, совершил обряд жертвоприношения.

Наступила пауза. Королева стояла сердитая и хмурая.

— Если чья-то кровь должна быть сегодня пролита на алтаре бога Солнца… — угрожающе начала она.

И жрец, словно вспомнив про свою неприятную обязанность, повернулся к народу и торжественно объявил, что отныне Френсис и королева — муж и жена. Королева повернулась к Френсису с сияющим лицом, всем видом своим призывая его заключить ее в объятия. Он обнял ее и поцеловал, а Леонсия, увидев это, охнула и оперлась на руку Генри, чтобы не упасть. Однако от Френсиса не укрылась ее минутная слабость, — он заметил это и понял причину, хотя через минуту, когда раскрасневшаяся королева бросила ликующий взгляд на свою соперницу, Леонсия уже являла собой олицетворение горделивого безразличия.

Глава двадцать первая

Две мысли промелькнули в уме Торреса, когда он почувствовал, что водоворот засасывает его. Первая была об огромной белой собаке, прыгнувшей вслед за ним. А вторая — о том, что Зеркало Мира солгало. Торрес не сомневался, что ему пришел конец, однако то немногое, что он краешком глаза увидел в Зеркале Мира, менее всего было похоже на смерть в водной пучине.

Он был прекрасный пловец, а потому, чувствуя, что вода стремительно засасывает его и увлекает в глубину, страшился лишь одного: как бы не размозжить себе голову о каменные стены или своды подземного туннеля, по которому его несло течение. Но судьбе было угодно, чтобы он ни разу даже не коснулся их. Порой только он чувствовал, как течением его выталкивает вверх: значит, рядом стена или выступ; тогда он нырял, весь съежившись, точно морская черепаха, которая втягивает голову при появлении акул.

Но проходила минута — Торрес определял это по тому, сколько времени он удерживал дыхание, — и он снова замечал, что течение слабеет. Тогда он высовывал голову и наполнял легкие прохладным воздухом. Он переставал плыть, а лишь старался держаться на поверхности и раздумывал о том, что же произошло с собакой и какие новые треволнения готовит ему это путешествие по подземной реке.

Вскоре Торрес увидел впереди свет — тусклый, но, несомненно, дневной свет. Мало-помалу становилось все светлее. Торрес обернулся и увидел то, что заставило его поплыть изо всех сил. А увидел он собаку, которая плыла, высоко задрав морду и оскалив свои страшные зубы. В том месте, где откуда-то сверху падал свет, Торрес заметил выступ скалы и вскарабкался на него. Прежде всего он сунул руку в карман, чтобы проверить, уцелели ли драгоценности, которые он украл у королевы. Но звонкий лай, точно раскаты грома прокатившийся по подземелью, напомнил Торресу о могучих клыках его преследователя, и вместо камней он поспешил вытащить кинжал королевы.

И снова Торреса одолели сомнения. Убить ли этого страшного пса, пока он еще в воде, или вскарабкаться наверх, туда, откуда падает свет, в надежде, что поток пронесет собаку мимо? Он остановился на втором решении и поспешно стал карабкаться вверх по узкому выступу. Но собака выскочила из воды и помчалась вслед за ним со всей скоростью, на какую только способно четвероногое, так что быстро нагнала его. Торрес повернулся на крошечной площадке, где с трудом умещались его ноги, изогнулся и занес кинжал, готовясь вонзить его в собаку, если она прыгнет на него.

Но собака не прыгнула. Широко раскрыв пасть, точно осклабившись, она присела на задние лапы и протянула ему переднюю, как бы здороваясь. Торрес взял эту лапу и потряс ее, — он едва не лишился чувств от облегчения. Рассмеявшись нервным истерическим смехом, он продолжал трясти эту лапу, а собака, высунув язык, глядела на него своими добрыми глазами и беззвучно смеялась.

Продвигаясь дальше вдоль уступа в сопровождении собаки, которая с довольным видом следовала за ним по пятам и время от времени обнюхивала его икры, Торрес вскоре обнаружил, что узкая дорожка над рекой, взобравшись немного вверх, снова спускается к воде. И тут Торрес сделал два открытия: первое заставило его вздрогнуть и остановиться, а от второго сердце его забилось надеждой. Первым — была подземная река. Она с наскоку налетала на каменную стену и в хаосе кипящих волн и пены устремлялась куда-то под нее, — яростные всплески воды, высоко взметавшейся вверх, указывали на стремительную быстроту течения. Вторым — было отверстие в стене, сквозь которое струился дневной свет. Отверстие, футов пятнадцати в диаметре, было сплошь затянуто паутиной, куда более чудовищной, чем мог измыслить мозг самого безумного из безумцев. Еще более зловещими казались кости, валявшиеся кругом. Паутина была точно соткана из серебряных нитей толщиной с карандаш. Торрес вздрогнул, коснувшись одной из них. Нить прилипла к его пальцам, словно клей, и лишь с большим усилием, сотрясая всю паутину, ему удалось высвободить руку. Он попытался вытереть приставшую к коже липкую массу о свою одежду и о шерсть собаки.

Две нижние нити огромной паутины достаточно далеко отстояли друг от друга, так что между ними можно было пролезть и выбраться на белый свет; но прежде чем сунуться туда самому, осторожный Торрес решил пропихнуть вперед собаку. Белый волкодав пополз и вскоре скрылся из виду, и Торрес уже собирался последовать за ним, как вдруг собака вернулась. Она мчалась с такой быстротой и была чем-то так напугана, что наскочила на него и оба упали. Но человеку удалось спастись, уцепившись руками за камни, а его четвероногий спутник кубарем покатился вниз, прямо в бурную стремнину. Торрес попробовал спасти пса, но его уже затянуло под скалу.

Долго колебался Торрес. Страшно было подумать о том, чтобы снова броситься в подземную реку. А наверху, казалось, был открытый путь к дневному свету — и все в Торресе устремилось к этому свету, как пчела или цветок стремятся к солнцу. Но что же такое увидела там собака, что заставило ее так поспешно броситься назад? Погруженный в размышления, Торрес сразу не заметил, что его рука покоится на чем-то круглом. Он поднял этот предмет и увидел безглазый, безносый человеческий череп. Тут испуганному взгляду Торреса предстало пространство, устланное, точно ковром, человеческими костями, — он явственно различил ребра, позвонки и бедерные кости, составлявшие когда-то скелеты погибших здесь людей. Это зрелище склонило его в пользу прыжка в реку. Но, взглянув, как она, ярясь и пенясь, устремляется в отверстие под скалой, он отшатнулся.

Вытащив кинжал королевы, Торрес с величайшей осторожностью прополз между двумя нижними нитями паутины, увидел то, что увидела собака, и в такой панике отскочил назад, что тоже упал в воду и, едва успев наполнить легкие воздухом, был втянут водоворотом в кромешную тьму под скалой.

Тем временем в доме королевы на берегу озера с не меньшей быстротой развивались не менее значительные события. Гости и новобрачные только что вернулись после брачной церемонии, состоявшейся у Большого дома, и рассаживались за столом, на котором, если можно так выразиться, был сервирован свадебный завтрак, как вдруг сквозь щель в бамбуковой стене влетела стрела и, просвистев между королевой и Френсисом, с такой силой вонзилась в противоположную стену, что оперенный конец ее нее еще продолжал дрожать. Генри и Френсис подбежали к окнам, выходившим на узенький мостик, и увидели, что положение создалось опасное. На глазах у них копьеносец королевы, охранявший подступ к мосту, бросился бежать к дому и на середине моста упал в воду, подбитый стрелой, которая продолжала дрожать у него в спине, — совсем как та, что ударилась в стену комнаты. За мостом, на берегу, толпилось все мужское население Долины Затерянных Душ во главе с жрецом, осыпая дом стрелами с перистыми концами. Позади стояли женщины и дети.

Один из копьеносцев королевы, шатаясь, вбежал в комнату; он остановился, широко расставив ноги, чтобы не упасть, глаза его вылезали из орбит, а губы беззвучно шевелились, — он тщетно силился что-то сказать, ноги его подкосились, и он упал ничком: в спине его, как иглы дикобраза, торчали стрелы. Генри подскочил к двери, выходившей на мост, и, стреляя из пистолета, расчистил выход от наступавших Затерянных Душ, которые могли продвигаться по узкому мостику только гуськом и теперь падали один за другим, подкошенные огнем его пистолета.

Осада легкого строения длилась недолго. Хотя Френсис под прикрытием пистолета-автомата Генри и сумел уничтожить мост, осажденные были бессильны потушить огонь на крыше, загоревшейся в двадцати местах от горящих стрел, которые выпустили нападающие по команде жреца.

— Есть только один путь к спасению, — задыхаясь, произнесла королева; она стояла на галерее, нависшей над озером, и, сжав руку Френсиса, казалось, готова была броситься в его объятия и искать у него защиты. — И он выведет нас в широкий мир. — Она указала на воронку водоворота. — Никто никогда не возвращался оттуда. В моем Зеркале Мира я видела, как мертвецы плыли этим путем и вода выносила их на поверхность в широкий мир. Если не считать Торреса, я ни разу не видела, чтоб туда попал живой человек. То были только мертвецы. И они никогда не возвращались. Впрочем, Торрес тоже не вернулся.

Все смотрели друг на друга в ужасе от того, что им предстоит.

— А другой дороги нет? — спросил Генри, привлекая к себе Леонсию.

Королева покачала головой. Вокруг них уже падали горящие куски крыши, а в ушах гудело от оглушительного рева жаждущих крови Затерянных Душ. Королева высвободила свою руку из руки Френсиса, видимо, решив зайти к себе в спальню, но тотчас же снова схватила его за руку и увлекла за собой. Ничего не понимая, он остановился вместе с ней возле сундука с драгоценностями; она поспешно захлопнула крышку сундука и заперла его на замок. Затем отбросила ногой циновку и открыла люк в полу, под которым оказалась вода. По ее указанию Френсис подтащил к люку сундук и бросил его в воду.

— Даже жрец Солнца не знает этого тайника, — шепнула королева, снова схватила его за руку и вместе с ним бегом вернулась на галерею, где остались Генри с Леонсией.

— Сейчас самое время бежать. Обними меня покрепче, Френсис, милый муж мой, обними и прыгай со мной в воду! — приказала она. — Мы покажем дорогу остальным.

И они прыгнули. В ту же минуту крыша с треском рухнула в туче огненных искр. Тогда Генри тоже схватил Леонсию в охапку и прыгнул вместе с ней в водоворот, в котором уже исчезли Френсис и королева.

Как и Торрес, четыре беглеца, ни разу не ударившись о скалы, были благополучно вынесены подземной рекой к отверстию, сквозь которое пробивался дневной свет и где выход стерег огромный паук. Генри было гораздо легче плыть, чем Френсису, так как Леонсия умела плавать. Правда, Френсис отлично держался на воде и потому без особого труда мог плыть вдвоем с королевой. Она беспрекословно слушалась его, не цеплялась за его руки и не тащила его вниз. Достигнув выступа в скале, все четверо вылезли из воды и решили передохнуть. Обе женщины принялись выжимать распустившиеся и намокшие волосы.

— А это ведь не первая гора, в недра которой я попала с вами, — со смехом заметила Леонсия, обращаясь к обоим Морганам; впрочем, слова ее были предназначены скорее для королевы,

чем для них.

— А я впервые попадаю в такое место с моим мужем, — отпарировала королева, и колючее острие ее насмешки глубоко вонзились в сердце Леонсии.

— Похоже, Френсис, что твоя жена не очень склонна ладить с моей будущей женой, — заметил Генри с той грубоватой прямолинейностью, какая появляется у мужчин, когда они хотят скрыть смущение, вызванное бестактностью женщин.

Однако таким чисто мужским подходом к делу Генри добился лишь молчания, еще более натянутого и стеснительного для всех. Впрочем, обеим женщинам это, казалось, доставляло даже удовольствие. Френсис тщетно ломал голову, придумывая, что бы такое сказать и как разрядить атмосферу, а Генри в полном отчаянии вдруг встал и, объявив, что пойдет на разведку, предложил королеве сопутствовать ему. Он протянул ей руку и помог подняться. Френсис и Леонсия продолжали сидеть, храня упорное молчание. Френсис первый нарушил его:

— Знаете что, Леонсия, я бы с удовольствием отшлепал вас.

— А что я собственно такого сделала? — вызывающе спросила она.

— Как будто вы не знаете! Вы вели себя ужасно.

— Это вы вели себя ужасно! — с подавленным рыданием вырвалось у нее, хоть она и твердо решила не выказывать женской слабости. — Кто просил вас жениться на ней? Не вы же вытащили короткую соломинку! Ну чего ради вы добровольно связали себя, когда даже ангел не отважился бы на такое? Разве я просила вас об этом? У меня едва сердце не остановилось, когда я услышала, как вы сказали Генри, что женитесь на ней. Я чуть в обморок не упала. Вы даже не посоветовались со мной. А ведь это по моему предложению, чтобы спасти вас от нее, решено было тянуть соломинки, — и мне нисколько не стыдно признаться, что я поступила так, чтобы вы остались со мной. Генри любит меня как-то совсем иначе, чем вы. Да и я никогда не любила Генри так, как люблю вас, — люблю даже сейчас, да простит мне Господь!

Френсис потерял самообладание. Он схватил ее в объятия и крепко прижал к себе.

— И это в день вашей свадьбы! — с упреком вырвалось у нее.

Руки его тотчас опустились.

— Ну что вы говорите, Леонсия, да еще в такую минуту! — с грустью пробормотал он.

— А почему бы и нет? — вспылила она. — Вы любили меня. Вы дали мне это понять настолько ясно, что у меня не могло остаться никаких сомнений в вашей любви. И вдруг вы с самым веселым и радостным видом женились на первой встречной женщине, пленившей вас белизною кожи.

— Вы ревнуете, — с упреком сказал он и почувствовал, как сердце у него подпрыгнуло от счастья, когда она утвердительно кивнула. — Я могу поручиться, что вы ревнуете, и в то же время, со свойственной всему женскому полу способностью лгать, — лжете. То, что я сделал, я сделал вовсе не с веселым и радостным видом. Я сделал это ради вас и ради себя. А вернее — ради Генри. Слава Богу, я еще не забыл, что такое мужская честь!

— Мужская честь далеко не всегда может привести женщину в восторг — возразила она.

— Вы предпочли бы видеть меня бесчестным? — быстро спросил он.

— Я всего лишь любящая женщина! — взмолилась она.

— Вы злая оса, а не женщина, — вскипел он. — И вы несправедливы ко мне.

— А разве женщина бывает справедливой, когда она любит? — спросила Леонсия, признавая тем самым эту величайшую на свете истину. — Для мужчин, возможно, главное — это правила чести, которые они сами же и изобретают, а для женщин главное — веления их любящего сердца; я сама, как женщина, вынуждена смиренно в этом признаться.

— Возможно, что вы и правы. Честь, как математика, имеет свои логические, объяснимые законы. Стало быть, для женщин не существует никаких нравственных правил, а только…

— Только настроение, — докончила за него Леонсия.

Тут Генри и королева позвали их и положили таким образом конец их беседе. Френсис с Леонсией поспешили присоединиться к ним, и все вместе стали рассматривать огромную паутину.

— Видали вы когда-нибудь такую чудовищную паутину? — воскликнула Леонсия.

— Интересно было бы посмотреть на чудовище, которое соткало ее, — заметил Генри.

— М-да, но все-таки лучше смотреть на него, чем быть таким, как он, — сказал Френсис.

— Наше счастье, что нам не надо идти этим путем, — сказала королева.

Все вопросительно посмотрели на нее.

— Вот наш путь, — указала она рукой на поток. — Мне это хорошо известно. Я часто видела его в моем Зеркале Мира. Когда моя мать умерла и была погребена в водовороте, я следила в Зеркале Мира за ее телом и видела, как оно доплыло до этого места и поток понес его дальше.

— Но это же было мертвое тело, — быстро возразила Леонсия.

Соперничество между ними тотчас вспыхнуло с новой силой.

— Один из моих копьеносцев, красавец юноша, — спокойно продолжала королева, — осмелился — увы! — посмотреть на меня глазами любви. Он был брошен живым в водоворот. Я тоже следила за ним в Зеркале Мира. Он доплыл до этого места и вылез из воды. Я видела, как он прополз сквозь паутину вон туда, к свету, и сразу же бросился назад, прямо в поток.

— Еще один мертвец, — мрачно процедил Генри.

— Нет, я продолжала следить за ним в Зеркале, и хотя некоторое время вокруг была сплошная тьма и мне ничего не было видно, под конец — и довольно скоро — он очутился на поверхности большой реки, освещенной ярким солнцем, подплыл к берегу, — я прекрасно помню, что это был левый берег, — вылез из воды и скрылся среди больших деревьев, какие не растут в Долине Затерянных Душ.

Но, как и Торреса, их всех ужасала мысль, что надо броситься в эту темную реку, исчезавшую под скалой. Однако королева стояла на своем.

— Вы видите эти кости животных и людей, которые убоялись реки и хотели выбраться на свет иным путем? Это все были живые существа — поймите! И вот что от них осталось! А скоро и этого не будет.

— И все же, — сказал Френсис, — мне вдруг так захотелось посмотреть на солнце! Побудьте все здесь, пока я пойду на разведку.

Вытащив свой пистолет-автомат, которому ничуть не повредила вода, ибо пули в нем были водонепроницаемые, он прополз в отверстие между нижними нитями паутины. Как только он исчез из виду, Леонсия, королева и Генри услышали выстрелы. И почти тут же снова появился Френсис: он пятился, отстреливаясь, а на него наступал творец паутины — гигантский паук, от одной его волосатой лапы до другой было не меньше двух ярдов. Одетое панцирем туловище, от которого в разные стороны расходились лапы, было величиной с корзину для бумаг. Весь изрешеченный пулями Френсиса, он все еще боролся со смертью. Падая, он гулко стукнулся о плечи и спину Френсиса и, отскочив, все еще продолжая беспомощно махать в воздухе волосатыми лапами, рухнул в бурлящую воду. Четыре пары глаз следили за тем, как поток домчал его до скалы, затянул под нее и унес прочь.

— Где один, там должен быть и другой, — с сомнением глядя на отверстие, откуда лился дневной свет, заметил Генри.

— Здесь, здесь единственный путь, — сказала королева, указывая на реку. — Пойдем, мой муж, в объятиях друг друга прорвемся сквозь тьму в солнечный мир. Помни, я никогда не видела его и скоро благодаря тебе увижу впервые.

Она раскрыла ему объятия, и Френсис не мог отринуть ее.

— Это всего лишь отверстие в отвесной скале, а под ним пропасть в тысячу футов глубиной, — поделился Френсис со своими спутниками тем, что видел, когда пролез сквозь паутину. И, обняв королеву, он прыгнул вместе с нею в поток.

Генри тоже обнял Леонсию и собирался прыгнуть следом за ними, но она остановила его.

— Почему вы приняли жертву Френсиса? — спросила она.

— Потому что… — Он умолк и с удивлением уставился на нее. — Потому что я хотел быть с вами, — закончил он. — И еще потому, что я с вами обручен, а Френсис был тогда свободен. К тому же, если я не ошибаюсь, Френсис вполне доволен, своей участью.

— Нет, — убежденно покачала она головой. — Просто он рыцарь по натуре и ведет себя соответственно, чтобы не оскорблять чувств королевы.

— Ну, не знаю. Помните, перед алтарем у Большого дома я сказал, что пойду и предложу королеве руку и сердце, а он засмеялся и сказал, что она не выйдет за меня замуж, даже если я буду умолять ее об этом. Из этого можно сделать только один вывод: что он сам хотел на ней жениться. Да собственно почему бы ему и не жениться? Он холостяк. А она такая красавица.

Но Леонсия едва ли слушала его. Внезапно она рывком откинулась назад и, глядя ему прямо в глаза, спросила:

— Как вы меня любите? Любите страстно? Безумно? Можете ли вы сказать, что я для вас — все на свете и даже больше, гораздо больше?

Он только с изумлением смотрел на нее.

— Так можете или нет? — допытывалась Леонсия.

— Конечно, могу, — с расстановкой ответил он. — Но мне никогда и в голову не пришло бы в таких выражениях объясняться вам в любви. Боже мой, да ведь вы для меня единственная женщина на свете! Если уж говорить о своем чувстве, то я бы скорее сказал, что люблю вас глубоко, горячо, нежно. Право же, я так свыкся с вами, что, кажется, знал вас всю жизнь. И такое чувство у меня было с первого дня нашего знакомства.

— Она отвратительная женщина! — совсем невпопад воскликнула Леонсия. — Я с первого взгляда возненавидела ее.

— Боже мой, какая вы злая! Страшно даже подумать, как вы возненавидели бы ее, если бы на ней женился я, а не Френсис.

— Последуем лучше за ними, — сказала она, прекращая на этом разговор.

И Генри, вконец озадаченный, крепко обнял ее и прыгнул вместе с ней в пенящийся поток.

На берегу реки Гуалака сидели две девушки индианки и удили рыбу. Напротив них, немного выше по течению, торчал из воды отвесный утес — один из отрогов высоких гор. Река катила мимо свои шоколадные воды, но у ног девушек раскинулась тихая заводь. А в тихой заводи и рыба удилась потихоньку. Лески девушек неподвижно висели над водой: их приманка не соблазняла никого. Одна из девушек, по имени Никойя, зевнула, съела банан, снова зевнула и, взяв кончиками пальцев кожуру от съеденного плода, замахнулась ею, чтобы забросить подальше.

— Мы с тобой все время сидели очень тихо, Конкордия, — заметила она своей подружке, — а смотри: ни одной рыбы не поймали. Обожди, я сейчас подниму шум и взбаламучу воду. Ведь говорится же: «Что бросишь вверх, то упадет на землю». А почему не может быть наоборот? Вот я брошу сейчас что-нибудь вниз — и посмотрим, не выплывет ли что-нибудь наверх. Ну-ка, попробую! Гляди!

И, бросив кожуру от банана в воду, девушка лениво уставилась на то место, где она упала.

— Если что-нибудь должно выплыть из воды, пусть это будет что-то большое, — так же лениво пробормотала Конкордия.

И вдруг перед их удивленным взором из бурых глубин появилась огромная белая собака. Девушки рывком вытащили удочки из воды, бросили их на берег и, обнявшись, стали наблюдать за собакой, а та подплыла к берегу — там, где было пониже, вылезла из воды, отряхнулась и исчезла среди деревьев.

Никойя и Конкордия взвизгнули от восторга.

— Попробуй еще! — попросила Конкордия.

— Нет, теперь ты! Посмотрим, что у тебя получится.

Не веря в успех своей попытки, Конкордия бросила в реку комок земли. И из воды тотчас же показалась голова в шлеме. Крепко прижавшись друг к другу, девушки увидели, как человек в шлеме подплыл к берегу в том же месте, где вылезла собака, и тоже исчез в лесу.

И снова девушки взвизгнули от восторга, но теперь уже, как они ни уговаривали друг друга, ни у одной не хватало смелости бросить что-нибудь в воду.

Некоторое время спустя, когда они все еще продолжали визжать и смеяться, их заметили два молодых индейца, ехавшие в каноэ вверх по течению, совсем близко от берега.

— Что это вас так рассмешило? — спросил один из них.

— Мы тут такое видели! — расхохоталась Никойя.

— Должно быть, напились пульки? — предположил юноша.

Обе девушки отрицательно покачали головой, и Конкордия сказала:

— Нам вовсе не нужно пить пульку, чтоб видеть всякие чудеса. Сначала Никойя бросила в воду кожуру от банана — и из воды выскочила собака; белая собака величиной с горного тигра…

— А когда Конкордия бросила ком земли, — подхватила ее подружка, — из воды вылез человек с железной головой. Что, не чудо? Значит, мы с Конкордией — волшебницы!

— Хосе, — сказал один индеец другому, — по этому поводу стоит выпить.

И они, каждый по очереди, пока другой удерживал веслом каноэ на месте, приложились к большой квадратной бутылке из-под голландского джина, до половины наполненной пулькой.

— Нет! — сказал Хосе, когда девушки попросили угостить их. — Один глоток пульки — и вы опять увидите белых собак величиной с тигров и людей с железной головой.

— Хорошо, — сказала Никойя. — Тогда возьми и брось в воду свою бутылку с пулькой — вот увидишь, что будет. У нас из воды выскочили собака и мужчина, а у тебя, может, выскочит черт.

— Мне бы очень хотелось увидеть черта, — сказал Хосе, снова прикладываясь к бутылке. — От этой пульки у меня столько храбрости, хоть отбавляй. До смерти охота увидеть черта.

Он передал бутылку приятелю, жестом показывая, чтобы тот допил ее.

— А теперь брось ее в воду! — приказал Хосе.

Пустая бутылка с всплеском шлепнулась в воду, и тотчас на поверхность реки всплыло чудовищное волосатое тело убитого паука. Это уже было слишком для обыкновенного индейца. Молодые люди так стремительно шарахнулись в сторону, что перевернули каноэ. Когда головы их показались над водой, быстрое течение отнесло их уже далеко от заводи, а за ними, более медленно, плыло перевернутое каноэ.

Тут девушкам стало не до смеха. Вцепившись друг в друга, они глядели на волшебные воды, в то же время краешком глаза наблюдая за перепуганными юношами, которые, наконец, поймали каноэ, подтащили его к берегу и, выбравшись на твердую землю, стремглав бросились в лес.

Послеполуденное солнце уже склонялось к закату, когда девушки снова отважились бросить вызов волшебной реке. После долгого обсуждения они решили, наконец, что обе одновременно бросят по кому земли. И из воды тотчас появились мужчина и женщина — Френсис и королева. Девушки мгновенно залезли в кусты и из своего укрытия стали наблюдать за Френсисом,

который, поддерживая королеву, плыл к берегу.

— Очень может быть, что это просто так совпало… могли же они случайно появиться из воды в то самое время, когда мы туда что-то бросили, — минут через пять прошептала Никойя на ухо Конкордии.

— Но ведь когда мы бросали одну вещь, из воды тоже появлялось что-то одно, — возразила Конкордия. — А когда бросили два комка — и появилось двое.

— Хорошо, — сказала Никойя. — Давай попробуем еще раз. И обе вместе. Если ничего не появится, значит у нас нет никакой волшебной силы.

Они снова бросили в реку по кому земли, и из воды опять появились мужчина и женщина. Но эта пара — Генри и Леонсия — умела плавать, они подплыли рядышком к тому месту, где легче всего было выбраться на берег, и, как все, кто появлялся здесь до них, скрылись за деревьями.

Долго еще просидели на берегу две индианки. Они решили выждать и ничего больше не бросать: если что-нибудь появится из воды — значит, все, что они видели, было простым совпадением, а если нет — значит, они в самом деле обладают волшебной силой. Они лежали, притаившись в кустах, и следили за водой, пока темнота не скрыла от них реку. Тогда медленно и важно они пошли к себе в деревню, потрясенные сознанием, что на них снизошло благословение богов.

Глава двадцать вторая

Лишь на следующий день, после того как ему удалось выбраться из подземной реки, Торрес прибыл в Сан-Антонио. Он пришел в город пешком, оборванный и грязный, а за ним следовал мальчуган индеец, который нес шлем да Васко. Торрес хотел показать этот шлем начальнику полиции и судье как вещественное доказательство правдивости необычайных приключений, про которые ему не терпелось поскорее рассказать им.

Первым, кого он встретил на главной улице, был начальник полиции, который даже вскрикнул при виде его.

— Неужели это в самом деле вы, сеньор Торрес? — И, прежде чем пожать ему руку, начальник полиции с самой серьезной миной перекрестился.

Мускулы, чувствовавшиеся под кожей этой руки, а еще больше грязь, ее покрывавшая, убедили сеньора Веркара-и-Ихос в том, что перед ним действительно Торрес во плоти и крови.

Тогда начальник полиции пришел в неописуемую ярость.

— А я-то считал вас мертвым! — воскликнул он. — Ну что за пес этот Хосе Манчено! Он пришел сюда и заявил, что вы умерли! Умерли и погребены до страшного суда в недрах горы майя.

— Он дурак, а я, по-видимому, теперь самый богатый человек в Панаме, — с важным видом изрек Торрес. — Во всяком случае, я проявил не меньшую храбрость, чем древние герои-конкистадоры, преодолел все опасности и добрался до сокровища. Я видел его. Вот…

Торрес сунул было руку в карман брюк, чтобы извлечь оттуда драгоценности, украденные у Той, Что Грезит, но вовремя спохватился: слишком много любопытных глаз смотрело на него, дивясь его жалкому виду.

— Мне многое нужно рассказать вам, — продолжал Торрес. — Но здесь не место для таких разговоров. Я стучался в двери мертвецов и носил одежду покойников; я видел людей, которые умерли четыреста лет назад, но не обратились в прах, — на моих глазах они приняли вторую смерть, утонув в пучине; я шел и по горам и сквозь недра гор; я делил хлеб и соль с Затерянными Душами и смотрел в Зеркало Мира. Все это я расскажу, мой лучший друг, вам и достопочтенному судье в должное время, ибо я намерен обогатить не только себя, но и вас.

— А не глотнули ли вы случайно прокисшей пульки? — с недоверием спросил начальник полиции.

— Я не пил ничего крепче воды, с тех пор как выехал из Сан-Антонио, — был ответ. — Зато теперь я пойду к себе и напьюсь как следует, а потом смою с себя грязь и переоденусь во что-нибудь приличное.

Но Торрес не сразу попал домой. На улице ему повстречался маленький оборвыш, который, увидев его, вскрикнул, подбежал к нему и протянул конверт, — такие Торрес не раз уже получал и сразу догадался, что это телеграмма с местной правительственной радиостанции, по-видимому, от Ригана.

«Доволен вашими успехами. Необходимо задержать возвращение в Нью-Йорк еще на три недели. Пятьдесят тысяч в случае удачи».

Взяв у мальчишки карандаш, Торрес написал ответ на обороте конверта:

«Высылайте деньги. Указанное лицо никогда не вернется. Погибло в горах».

Еще два происшествия помешали Торресу сразу напиться как следует и принять ванну. На пороге ювелирной лавки старого Родригеса Фернандеса, куда он собирался войти, его остановил древний жрец майя, которого Торрес последний раз видел в недрах священной горы. Испанец отпрянул назад, точно узрел привидение, — так он был уверен, что старик потонул в пещере богов, и испугался при виде его не меньше, чем начальник полиции при виде самого Торреса.

— Сгинь! — вскричал Торрес. — Исчезни, беспокойный старец! Ведь ты же дух. А тело твое лежит в недрах затопленной горы — распухшее и ужасное. Ты привидение, призрак! Сгинь, бесплотный дух! Исчезни немедленно! Если б ты был живым человеком, я ударил бы тебя. Но ты призрак, — а мне не очень-то хочется драться с призраками.

Но призрак схватил его за руку и так вцепился, что Торрес поневоле поверил в его материальность.

— Денег! — залепетал старик. — Дай мне денег! Одолжи мне денег! Я ведь отдам — я же знаю тайну сокровищ майя. Мой сын заблудился в пещере, где спрятаны эти сокровища. Оба гринго тоже там. Помоги мне спасти моего сына! Верни мне его — и я отдам тебе все сокровища. Но нам нужно много людей и много чудесного порошка, который есть у белых. Мы этим порошком проделаем дыру в скале и выпустим оттуда воду. Мой сын не утонул. Просто вода не дает ему выйти из пещеры, где стоят Чиа и Хцатцл, у которых глаза из драгоценных камней. За одни только эти зеленые и красные камни можно купить весь чудесный порошок, какой есть в мире. Дай же мне денег, чтобы я мог купить чудесного порошка.

Но Альварес Торрес был странный человек. В его натуре была одна своеобразная особенность или черта: если нужно расстаться даже с самой незначительной суммой, он никак не мог заставить себя это сделать. И чем богаче он становился, тем сильнее проявлялась у него эта

странность.

— Хм, денег! — грубо повторил он и, оттолкнув в сторону жреца, распахнул дверь в лавку Фернандеса. — Да откуда у меня могут быть деньги? Я весь в лохмотьях, сам как нищий. У меня и для себя-то денег нет, не то что для тебя, старик. К тому же ты ведь сам провел сына к горе майя, я тут ни при чем. И на твою голову — не на мою — ляжет смерть твоего сына, который провалился в яму под ногами Чиа, вырытую твоими, а не моими предками.

Но старик не унимался и продолжал просить денег, чтобы купить на них динамита. На этот раз Торрес отпихнул его с такою силой, что жрец не удержался на своих старческих ногах и упал на каменную мостовую.

Лавка Родригеса Фернандеса была маленькая и грязная, в ней была одна-единственная витрина, тоже маленькая и грязная, покоившаяся на таком же маленьком и грязном прилавке. Казалось, что место это не подметалось и не убиралось целый век. Ящерицы и тараканы ползали по стенам. Пауки свили паутину во всех углах, а по потолку пробиралось какое-то насекомое, при виде которого Торрес поспешно отскочил в сторону. Это была сколопендра в целых семь дюймов длиной, и он вовсе не хотел, чтобы она ненароком свалилась ему на голову или за воротник. Когда же из какой-то затхлой каморки в глубине выполз, подобно огромному пауку, сам Фернандес, он оказался точной копией Шейлока, как его представляли актеры времен королевы Елизаветы, — только Шейлока такого грязного, что его не потерпели бы даже на елизаветинской сцене.

Ювелир раболепно склонился перед Торресом и скрипучим фальцетом приветствовал его куда более униженно, чем того требовала даже его жалкая лавчонка. Торрес наугад вытащил из кармана с десяток драгоценных камней, украденных у королевы, выбрал самый маленький и молча протянул его ювелиру, а остальные сунул обратно в карман.

— Я бедный человек, — прокудахтал Фернандес, но Торрес не преминул заметить, с каким вниманием он изучает камень.

Наконец, ювелир бросил его на крышку витрины, точно грошовый пустяк, и вопросительно посмотрел на своего посетителя. Торрес молча ждал, зная, что это наилучший способ заставить болтливого старика разговориться.

— Правильно ли я понимаю, что достопочтенный сеньор Торрес хочет услышать мое мнение о качестве камня? — спросил старый ювелир.

Торрес лишь молча кивнул.

— Это настоящий камень. Небольшой. Как вы сами видите — не безукоризненный. И вполне понятно, что он еще уменьшится при шлифовке.

— А сколько он стоит? — не скрывая своего нетерпения, спросил Торрес.

— Я бедный человек, — повторил Фернандес.

— Я ведь не предлагаю тебе купить его, старый дурак. Но уж раз ты завел об этом речь, сколько же ты дашь за него?

— Как я уже сказал, полагаясь на ваше долготерпение, почтенный сеньор, как я уже имел честь сказать вам: я очень бедный человек. Бывают дни, когда я не могу потратить и десяти сентаво, чтобы купить себе кусок лежалой рыбы, бывают дни, когда я не могу себе позволить

даже глотка дешевого красного вина, а оно очень полезно для моего здоровья, — я это узнал еще в юности, когда служил подмастерьем в Италии, далеко от Барселоны. Я очень беден и не покупаю дорогих камней…

— Даже если можно потом перепродать их с выгодой для себя? — перебил его Торрес.

— Лишь в том случае, если я вполне уверен, что выгода будет, — прокудахтал старик. — Да, тогда я куплю, но только, по моей бедности, я не могу много заплатить. — Он взял камень и долго, внимательно рассматривал его. — Я дам за него, — нерешительно начал он, — я дам… но прошу вас, досточтимый сеньор, поймите, что я очень бедный человек. За весь сегодняшний день я съел только ложку лукового супа да корку хлеба с утренним кофе…

— О Господи, ну сколько же, наконец, ты мне дашь за него, старый дурак? — громовым голосом закричал Торрес.

— Пятьсот долларов, — и то я сомневаюсь, не останусь ли внакладе.

— Золотом?

— Нет, мексиканскими долларами, — отвечал ювелир; это означало ровно половину, и Торрес понял, что старик хитрит. — Конечно, мексиканскими, только мексиканскими! Мы все наши расчеты ведем в мексиканских долларах.

Услышав, что за такой маленький камешек дают такую большую сумму, Торрес обрадовался, но разыграл возмущение и потянулся, чтобы взять свою собственность обратно. Однако старик быстро отдернул руку, в которой держал камень, не желая упускать выгодной сделки.

— Мы с вами старые друзья! — В голосе старика появились визгливые нотки. — Я впервые увидел вас, когда вы совсем ребенком приехали в Сан-Антонио из Бокас-дель-Торо. Так и быть, ради старой дружбы я уплачу вам эту сумму золотом.

Только тут Торрес с полной уверенностью представил себе, как велика ценность сокровищ королевы, которые Затерянные Души похитили в давние времена из тайника в пещере майя, хотя и не знал еще, какова она в действительности.

— Отлично, — сказал Торрес и быстрым, изысканно вежливым движением отобрал у ювелира камень. — Этот камень принадлежит одному моему другу. Он хотел занять у меня денег под него. Теперь благодаря вам я знаю, что могу одолжить ему до пятисот долларов золотом.

И я буду счастлив в следующий раз, когда мы встретимся в пулькерии, поднести вам стаканчик — да что я, столько стаканчиков, сколько вам захочется, — легкого, красного, полезного для здоровья вина.

И Торрес вышел из лавки, далее не стараясь скрыть свое торжество и презрение к одураченному им ювелиру; в то же время он не без внутреннего ликования подумал, что эта хитрая испанская лиса Фернандес, несомненно, предложил ему только половину действительной стоимости камня.

Тем временем Леонсия, королева и двое Морганов спускались в каноэ по реке Гуалака и куда быстрее Торреса достигли побережья. Но перед самым их прибытием в асьенду Солано там произошло нечто такое, чему в тот момент не было придано должного значения. По извилистой тропинке, ведущей к асьенде, медленно поднимался самый странный посетитель, какой когда-либо бывал здесь; его сопровождала дряхлая старушонка в черной шали, из-под

которой выглядывало худое сморщенное лицо, в молодости, должно быть, живое и красивое.

Посетитель этот был китаец средних лет, толстый и круглолицый; его лунообразная физиономия так и светилась добродушием, которое обычно считают присущим толстым людям. Звали его И Пын; манеры у него были мягкие, вкрадчивые и такие же слащавые, как его имя. К древней старушонке, семенившей с ним рядом, тяжело опираясь на его руку, он был необычайно внимателен. Когда она спотыкалась от слабости и утомления, он останавливался и ждал, пока она отдохнет и наберется сил. Трижды за время подъема он давал ей по ложечке французского бренди из своей карманной фляги.

Усадив старуху в тенистом уголке двора, И Пын храбро постучал в парадную дверь. Обычно, являясь куда-нибудь по своим делам, он пользовался черным ходом, но опыт и ум подсказывали ему, когда нужно пользоваться парадной дверью.

Горничная индианка, открывшая на его стук, пошла доложить о нем в гостиную, где сидел в окружении своих сыновей безутешный Энрико Солано: он все никак не мог успокоиться после того, как Рикардо привез известие о гибели Леонсии в пещере майя. Горничная вернулась на крыльцо и передала посетителю, что сеньор Солано плохо себя чувствует и никого не принимает. Все это она сказала очень учтиво, хотя перед нею был простой китаец.

— Хм, — произнес И Пын и принялся бахвалиться, чтобы внушить к себе уважение и побудить горничную вторично пойти к хозяину и передать ему записку. — Я ведь не какой-нибудь кули. Я приличный китаец. Я много учился в школе. Я говорю по-испански. Я говорю по-английски. Я пишу по-испански. Я пишу по-английски. Видишь: сейчас я напишу кое-что по-испански сеньору Солано. Ты не умеешь писать и не прочтешь, что я написал. А я написал, что я — И Пын. И живу в Колоне. Пришел сюда, чтобы повидать сеньора Солано. У меня к нему большое дело. Очень важное. Очень секретное. Я написал все это здесь — на бумаге, но ты не можешь этого прочесть.

Однако он не сказал служанке, что его записка заканчивалась словами:

«Сеньорита Солано. Я знаю большой секрет».

Записку эту, по-видимому, получил Алесандро — старший из сыновей Солано, ибо он сразу помчался к двери, опережая горничную.

— Говори, в чем дело! — чуть не крича, накинулся он на толстого китайца. — Что там такое? Рассказывай! Живо!

— Очень хорошее дело. — И Пын не без удовлетворения отметил, как взволнован Алесандро. — Я зарабатываю большие деньги. Я покупаю… — как это называется? — секреты. Я продаю секреты. Очень симпатичное дело.

— Что тебе известно о сеньорите Солано? — крикнул Алесандро, хватая его за плечо.

— Все. Очень важные сведения…

Но Алесандро уже больше не в состоянии был сдерживаться. Он чуть не волоком втащил китайца в дом, прямо в гостиную, где сидел Энрико.

— У него есть вести о Леонсии! — крикнул Алесандро. Где она? — хором воскликнули Энрико и его сыновья.

«Ого!» — мелькнуло в голове И Пына. Такое всеобщее возбуждение хоть и благоприятствовало его затее, однако взволновало даже его самого.

Приняв его размышления за испуг, Энрико поднял руку, приказывая сыновьям умолкнуть, и спокойно обратился к своему гостю с вопросом:

— Где она?

«Ого!» — опять подумал И Пын. Сеньорита, значит, пропала. Это новый секрет. Он может кое-что принести И Пыну — пусть не сейчас, зато со временем. Красивая девушка из такой знатной и богатой семьи пропала неизвестно куда, — в латиноамериканской стране такими сведениями недурно обладать. В один прекрасный день она может выйти замуж: — ходили же такие слухи по Колону! — а впоследствии когда-нибудь может поссориться с мужем или муж с ней, и тогда она или ее муж — не важно кто из них — будет рад, пожалуй, заплатить немалую сумму за этот секрет.

— Эта сеньорита Леонсия, — сказал он, наконец, с хитрой вкрадчивостью, — она не ваша дочь. У нее другие папа и мама.

Горе, в котором пребывал сейчас Энрико, оплакивая гибель Леонсии, было настолько велико, что он даже не вздрогнул, когда китаец сообщил ему давнишнюю семейную тайну.

— Верно, — подтвердил Энрико. — Я удочерил ее ребенком, хотя это и не известно за пределами моей семьи. Странно, что вы это знаете. Но меня не интересует то, что мне и без вас известно. Меня интересует сейчас другое: где она?

И Пын серьезно и сочувственно покачал головой.

— Это совсем другой секрет, — сказал он. — Быть может, я узнаю его тоже. Тогда я продам его вам. А пока у меня есть старый секрет. Вы не знаете, кто были папа и мама сеньориты Леонсии. А я знаю.

Старый Энрико не сумел скрыть интерес, который пробудило в нем столь интригующее сообщение.

— Говори, — приказал он. — Назови имена, докажи, что это действительно так, и я вознагражу тебя.

— Нет, — И Пын отрицательно покачал головой, — так плохо вести дела. Я свои дела веду иначе. Вы мне заплатите — я вам скажу. Мои секреты — хорошие секреты. Я всегда доказываю свои секреты. Вы дадите мне пятьсот песо и оплатите большие расходы на дорогу из Колона в Сан-Антонио и обратно в Колон, а я назову вам имя папы и мамы.

Энрико Солано кивнул в знак согласия и только было собрался приказать Алесандро принести деньги, как вдруг горничная индианка ворвалась, точно ураган, в комнату. Подбежав к Энрико Солано с такой стремительностью, какой никто не мог от нее ожидать, она в слезах заломила руки, бормоча что-то нечленораздельное, но видно было, что не от горя, а от счастья.

— Сеньорита!.. — наконец, произнесла она сдавленным шепотом, кивком головы и взглядом указывая на двор. — Сеньорита!..

Тут все забыли про И Пына и про его секрет. Энрико вместе со своими сыновьями выскочил в боковой дворик и увидел там Леонсию, королеву и обоих Морганов, покрытых с ног до головы

пылью и слезавших в эту минуту с верховых мулов, которых, судя по виду, они наняли в верховьях реки Гуалака. А тем временем двое слуг индейцев, позванные на помощь горничной, выпроваживали из асьенды толстого китайца и его дряхлую спутницу.

— Приходите в другой раз, — говорили они, — Сейчас сеньор Солано занят очень важным делом.

— Конечно, я приду в другой раз, — любезно заверил их И Пын, ничем не выдавая своего огорчения и разочарования по поводу того, что сделка была прервана в ту самую минуту, когда деньги были почти в его руках.

Но уходил он с великой неохотой. Здесь было полное раздолье для его деятельности. Самый воздух, казалось, кишел секретами. Он чувствовал себя жнецом, которого изгоняют с земли Ханаанской, не дав снять богатый урожай. Если бы не усердие слуг индейцев, И Пын непременно спрятался бы где-нибудь за углом дома и хоть одним глазком глянул бы на вновь прибывших. Но волей-неволей приходилось повиноваться и уходить; на полпути, чувствуя, как тяжело повисла на нем старуха, он остановился и, чтобы подбодрить свою спутницу, влил ей в рот двойную порцию бренди.

Энрико снял Леонсию с мула прежде, чем она успела спрыгнуть сама, — так не терпелось ему поскорее прижать ее к сердцу. Несколько минут слышались лишь шумные приветствия: это братья Леонсии, обступив девушку со всех сторон, бурно выражали ей свою радость и любовь. Немного успокоившись, они увидели, что Френсис уже помог другой женщине сойти с мула и теперь стоит с ней рядом, держа ее руку в своей и ожидая, пока на них обратят внимание.

— Это моя жена, — представил Френсис незнакомку. — Я отправился в Кордильеры за сокровищем и вот что нашел. Видали вы когда-нибудь человека, которому бы так везло?

— Но и она пожертвовала огромным сокровищем, — храбро пробормотала Леонсия.

— Она была королевой в маленьком королевстве, — пояснил Френсис, бросив на Леонсию благодарный и восхищенный взгляд.

И та поспешила объяснить:

— Она спасла всем нам жизнь и пожертвовала своим маленьким королевством.

И Леонсия в порыве великодушия обняла королеву за талию и, оторвав ее от Френсиса, повела в асьенду.

Глава двадцать третья

В великолепном средневековом испанском костюме, сшитом с учетом вкусов Нового Света, — такие костюмы и по сей день можно видеть на знатных плантаторах Панамы, — Торрес ехал по дороге вдоль берега, направляясь к дому Солано. Рядом с ним упругими прыжками — видно было, что при необходимости он может обогнать лучшего из коней Торреса, — мчался тот самый огромный белый пес, что плыл с ним по подземной реке. Торрес как раз сворачивал на дорогу, вившуюся вверх к асьенде Солано, когда ему повстречался И Пын, — китаец остановился на перекрестке, чтобы дать немного передохнуть своей дряхлой спутнице. Однако Торрес обратил на эту странную пару не больше внимания, чем на дорожную грязь. Маска чванливой важности, которую он надел на себя вместе с роскошным костюмом, не позволяла ему проявлять к ним интерес, и он лишь скользнул по их лицам отсутствующим взглядом.

Зато И Пын как следует рассмотрел его своими раскосыми глазками, не упустив ни единой мелочи, и подумал: «Он, должно быть, очень богатый. Он друг этих Солано. И едет к ним в дом. Возможно, это даже возлюбленный сеньориты Леонсии или отвергнутый ею поклонник. В любом случае он безусловно не откажется купить тайну рождения сеньориты. Да, по виду он человек богатый, очень богатый».

В это время в гостиной асьенды собрались все, кто участвовал в поисках сокровища, и все члены семейства Солано. Королева, решив внести свою лепту в рассказ об их приключениях, сверкая глазами, описывала, как Торрес украл у нее драгоценные камни и как затем упал в водоворот, испугавшись ее собаки. Вдруг Леонсия, стоявшая вместе с Генри у окна, громко вскрикнула.

— Вот черт, легок на помине! — сказал Генри. — Смотрите-ка, сам сеньор Торрес изволил к нам пожаловать.

— Я первый! — крикнул Френсис, сжимая кулаки и многозначительно напрягая бицепсы.

— Нет, — заявила Леонсия. — Он удивительный лгун. Мы все имели возможность убедиться, что лжет он поистине удивительно. Давайте немного позабавимся. Вот он сейчас сходит с лошади. Спрячемся все четверо. А вы, — она жестом обвела отца и братьев, — сядьте-ка в кружок и сделайте вид, будто горюете о моей гибели. Этот мерзавец войдет сюда. Вы, конечно, захотите узнать у него, что произошло с нами. Он наврет вам с три короба. А мы пока спрячемся вон за той ширмой… Ну, пойдемте же!

Она схватила королеву за руку и бросилась к ширме, приказав взглядом Френсису и Генри следовать за ними.

Когда Торрес вошел, глазам его представилась весьма мрачная картина. Энрико и его сыновья еще совсем недавно пребывали в таком горе, что им ничего не стоило разыграть это сейчас. При виде гостя Энрико поднялся было со своего места, чтобы его приветствовать, но тут же снова бессильно опустился в кресло. Торрес обеими руками схватил его руку и изобразил на лице величайшее сочувствие, притворяясь, что от волнения не может вымолвить ни слова.

— Увы! — наконец, произнес он трагическим тоном. — Они погибли. И ваша прекрасная дочь Леонсия погибла. И оба Моргана тоже. Рикардо ведь, наверно, рассказал вам, что они погибли в недрах горы майя. Это какое-то заколдованное место, — продолжал он, выждав, пока уляжется первый взрыв горя у Энрико. — Я был с ними, когда они умирали. Если б они послушались меня, — сейчас все были бы живы. Но даже Леонсия не захотела послушать старого друга! Нет! Она предпочла послушаться этих двух гринго. А я, преодолев неописуемые опасности, выбрался из пещеры, спустился вниз в Долину Затерянных Душ, а когда вернулся, они были уже в агонии…

В этот миг в комнату влетел белый волкодав, за которым бежал слуга индеец. Дрожа и повизгивая от возбуждения, он обнюхал комнату, учуяв в ней запах, говоривший о присутствии его хозяйки. Но пес не успел подбежать к ширме, за которой скрывалась королева: Торрес схватил его за шею и передал в руки двум слугам индейцам, чтобы они подержали его.

— Пусть собака побудет здесь, — сказал Торрес. — Я расскажу вам о ней после. А сначала взгляните-ка вот на это. — И он вытащил из кармана целую пригоршню драгоценных камней. — Я постучался в двери мертвецов — и смотрите: сокровище майя — мое. Я теперь самый богатый человек не только в Панаме, но и в обеих Америках. Я буду могуществен.

— Вы ведь были с моей дочерью, когда она умирала, — прервал его Энрико с рыданием. —

Неужели она не просила ничего передать мне?

— Да, — тоже с рыданием ответил Торрес, и в самом деле взволнованный сценой смерти Леонсии, которую нарисовала ему его богатая фантазия. — Она умерла с вашим именем на устах. Ее последние слова были…

Но тут он вытаращил глаза и замер, не докончив фразы: Генри и Леонсия с самым естественным видом неторопливо проходили в этот момент по комнате, занятые разговором. Не замечая Торреса и продолжая беседовать, они подошли к окну.

— Вы говорили мне, что она велела вам передать мне перед смертью… — напомнил Энрико.

— Я… я солгал вам, — запинаясь, произнес Торрес, выгадывая время, чтобы как-то выпутаться из неприятного положения. — Я был убежден, что они все равно умрут, никогда уже не выберутся из той пещеры, — и я хотел смягчить для вас удар, сеньор Солано, сказав то, что, несомненно, сказала бы, умирая, ваша дочь. А потом еще этот Френсис, который так полюбился вам… Я решил, что лучше вам считать его умершим, нежели узнать, каким трусом оказался этот гринго.

Тут собака радостно залаяла, рванулась к ширме, и слугам стоило огромного труда удержать ее. А Торрес, не подозревая правды, на свою беду продолжал рассказ:

— В Долине Затерянных Душ есть слабоумное, придурковатое существо, которое утверждает, будто может читать будущее при помощи всякой чертовщины. Это страшная, кровожадная женщина. Не стану отрицать, что она хороша собой. Но это красота сколопендры, которая может понравиться лишь тому, кто любит сколопендр. Теперь я понимаю, как все произошло: она показала Генри с Леонсией какой-то потайной ход, по которому они выбрались из долины, а Френсис предпочел остаться и жить с ней во грехе, — ведь иначе как грехом не назовешь эту связь, раз в долине нет католического священника, который мог бы благословить их союз. О, не думайте, что Френсис влюблен в эту ужасную женщину, — отнюдь нет! Он влюблен в ее богатства! Вот каков ваш гринго Френсис! Вы пригрели змею на своей груди! Ведь он даже прекрасную Леонсию осмеливался осквернять своими влюбленными взглядами. О, я знаю, что говорю. Я сам видел…

Радостный, заливистый лай собаки заглушил его голос, и в тот же миг Торрес увидел Френсиса и королеву: как и предыдущая пара, они вышли из-за ширмы и, беседуя о чем-то, пошли через комнату. Королева остановилась и приласкала собаку; пес был так велик, что, когда положил лапы на плечи своей хозяйки, голова его оказалась выше ее головы. А Торрес, облизывая вдруг пересохшие губы, тщетно ломал голову над тем, как ему вывернуться из такого ужасного положения.

Энрико Солано первый разразился смехом. Сыновья вторили ему — они хохотали до слез.

— Я бы сам мог на ней жениться, — с ядовитой усмешкой заметил Торрес. — Она на коленях умоляла меня об этом.

— Ну, хватит, — сказал Френсис, — я избавлю вас всех от грязной работы и собственноручно вышвырну этого подлеца за дверь.

Но Генри, быстро подойдя к нему, сказал:

— Я тоже люблю иногда грязную работу, а эту выполню с особенным удовольствием.

Оба Моргана уже приготовились наброситься на Торреса, но тут королева подняла руку.

— Сначала, — сказала она, — пусть вернет мне кинжал, который торчит у него из-за пояса. Он украл его у меня.

— Кстати, — сказал Энрико, когда это было выполнено, — а не должен ли он также вернуть вам, прелестная леди, и те драгоценные камни, которые он у вас украл?

Торрес не стал мешкать: сунув руку в карман, он вытащил пригоршню драгоценностей и высыпал их на стол. Энрико взглянул на королеву, но та продолжала стоять, не говоря ни слова, — она ждала.

— Еще! — сказал Энрико.

Торрес выложил на стол еще три прекрасных неграненых камня.

— Вы, может, станете обыскивать меня, как обыкновенного воришку? — со страхом и злобой спросил он, выворачивая пустые карманы брюк.

— Ну, теперь я возьмусь за дело, — сказал Френсис.

— Нет, я! — сказал Генри.

— Ладно, хорошо, — согласился Френсис. — Давай вместе. Так он у нас дальше пролетит по ступенькам.

Они вдвоем схватили Торреса за шиворот и за ноги и поволокли к двери.

Все, кто был в комнате, бросились к окнам, чтобы посмотреть, как Торрес будет вылетать из дому; проворнее всех оказался Энрико, который первым подбежал к окну. Когда же, удовлетворившись интересным зрелищем, они снова вернулись в глубь комнаты, королева сгребла в кучку разбросанные по столу драгоценности и, захватив две полные пригоршни, передала Леонсии со словами:

— От Френсиса и меня — свадебный подарок вам и Генри.

Между тем И Пын, оставив старуху на берегу, подкрался обратно к асьенде и, укрывшись в кустах, стал наблюдать за тем, что происходит в доме. Увидев, как богатого кабальеро сбросили вниз по ступенькам с такой силой, что он растянулся во всю длину на песке, И Пын удовлетворенно хихикнул. Однако он был слишком умен, чтобы высунуться из своего укрытия и показать, что он все видел. Вместо этого он помчался вниз с холма и был уже на полпути к берегу, когда Торрес на своей лошади нагнал его.

Сын неба смиренно обратился к нему, но разъяренный Торрес замахнулся хлыстом с явным намерением наотмашь хватить его по лицу. Однако И Пын не растерялся.

— Сеньорита Леонсия… — быстро произнес он, и хлыст замер в руке Торреса. — У меня есть большой секрет. — Торрес ждал, не опуская хлыста. — Вы бы не хотели, чтобы другой мужчина женился на прекрасной сеньорите Леонсии?

Торрес опустил хлыст.

— Ну, выкладывай, — резко приказал он. — Что у тебя там за секрет?

— Вы бы не хотели, чтобы другой мужчина женился на сеньорите Леонсии?

— Предположим, что нет. Ну и что?

— Представьте себе, что есть секрет, и тогда тот, другой мужчина, не может жениться на сеньорите Леонсии.

— Что же это за секрет? Говори, живо!

— Сначала, — И Пын покачал головой, — вы заплатите мне шестьсот долларов золотом, а уж потом я скажу вам свой секрет.

— Хорошо, заплачу, — с готовностью сказал Торрес, хотя у него и в мыслях не было сдержать слово. — Ты сначала скажи мне, в чем дело, и если я увижу, что ты не наврал, я заплачу тебе. Вот, смотри!

И он вытащил из своего нагрудного кармана бумажник, до отказа набитый банкнотами. И Пын, нехотя согласившись, повел его к старухе, ожидавшей на берегу.

— Эта старая женщина никогда не лжет, — сказал он. — Она больная. Скоро умрет. Она боится. Она говорила со священником в Колоне. Священник сказал, что она должна раскрыть секрет, иначе после смерти она пойдет прямо в ад. Она не соврет.

— Предположим, что она не врет. Что же все-таки она может сказать мне?

— Вы мне заплатите?

— Конечно. Шестьсот долларов золотом.

— Ну так вот. Она родилась в Кадиксе, в Испании. Она была служанка первый сорт и кормилица первый сорт. И вот она нанялась в одну английскую семью, которая путешествовала по ее стране. Она долго жила в этой семье. Даже уехала с ними в Англию. Потом — вы же знаете: испанская кровь очень горячая — она очень на них обозлилась. В этой семье была маленькая девочка. Она украла девочку и бежала вместе с ней в Панаму. Эту маленькую девочку сеньор Солано удочерил. У него было много сыновей и ни одной дочери. И вот он сделал эту маленькую девочку своей дочкой. Но старуха не сказала ему фамилии этой девочки. А она из очень знатной и очень богатой семьи. Вся Англия знает их. Их фамилия Морганы. Вы слышали эту фамилию? В Колон приехали люди из Сан-Антонио, которые сказали, что дочка сеньора Солано выходит замуж за англичанина по фамилии Морган. Так этот гринго Морган — брат сеньориты Леонсии.

— Ага! — воскликнул Торрес с нескрываемым злобным восторгом.

— А теперь заплатите мне шестьсот долларов золотом, — сказал И Пын.

— Я тебе очень благодарен за то, что ты такой дурак, — сказал Торрес тоном, исполненным издевки. — Когда-нибудь ты, может быть, научишься умнее продавать свои секреты. Секреты — это ведь не туфли и не красное дерево. Сказал секрет — и нет его, ищи его потом как ветер в поле. Вот он дует на тебя — смотришь, а его и нет. Как призрак. Кто его видел? Ты можешь потребовать назад туфли или красное дерево. Но ты не можешь потребовать назад секрет, если ты его рассказал.

— Мы с вами говорим о призраках, — спокойно сказал И Пын. — А призраки действительно

исчезают. Никакого секрета я вам не говорил. Вам это все приснилось. Если вы станете об этом рассказывать, вас спросят, кто вам сказал. Вы скажете: «И Пын». А И Пын скажет: «Нет». И тогда все скажут: «Вам это привиделось», и станут над вами смеяться.

И чувствуя, что собеседник начинает сдаваться перед превосходством его логики, И Пын многозначительно умолк.

— Мы с вами поговорили, и наш разговор растаял в воздухе, — продолжал он через несколько секунд. — Вы правильно сказали, что слова — это призраки. А я когда продаю секреты, то продаю не призраки. Я продаю туфли. Я продаю красное дерево. Продаю доказательства. Верные доказательства. Они много на весах потянут. Если их записать на бумаге — по всем правилам, чтобы запись была законной, — бумагу можно порвать. Но факты — не бумага, их можно укусить и сломать себе зуб. Слова исчезли, как утренний туман. А в руках у меня остались доказательства. И за доказательства вы заплатите мне шестьсот долларов золотом, иначе люди будут смеяться над вами за то, что вы слушаете призраков.

— Ладно, — сказал Торрес, которого убедили доводы И Пына. — Показывай мне твои доказательства, — чтобы одни я мог порвать, как бумагу, а другие — попробовать на зуб.

— Раньше заплатите мне шестьсот долларов золотом.

— После того как ты покажешь мне свои доказательства.

— Вы сначала выложите шестьсот долларов — и доказательства ваши: хотите рвите их, как бумагу, хотите — кусайте. Вы обещали заплатить. Но обещание — ветерок, призрак. Мне же нужны деньги настоящие, а не призраки. Заплатите мне настоящими деньгами, чтоб я мог порвать их или попробовать на зуб.

В конце концов Торресу пришлось уступить и заплатить вперед за документы, старые письма, детский медальон и несколько детских вещичек, осмотром которых он остался вполне доволен. И Торрес не только заверил И Пына, что вполне удовлетворен сделкой, но, по настоянию последнего, даже выплатил ему лишнюю сотню, чтобы тот исполнил для него одно поручение.

Тем временем в ванной, соединявшей их спальни. Генри и Френсис, переодевшись в свежее белье, брились безопасными бритвами и напевали:

Мы — спина к спине — у мачты,

Против тысячи вдвоем.

А на своей изящно обставленной половине Леонсия, с помощью двух портних индианок, приветливо и великодушно посвящала королеву в тайны туалета цивилизованной женщины, и ей было и смешно и грустно. Королева — женщина до мозга костей — не скрывала своего безудержного восторга перед прелестными платьями, бельем и украшениями, которыми был полон гардероб Леонсии. Обе получали искреннее удовольствие от возни с тряпками, а искусные портнихи, сделав тут стежок, там складку, подгоняли тем временем несколько платьев Леонсии на более тонкую фигуру королевы.

— Вам совсем не нужен корсет, — заметила Леонсия, окидывая королеву оценивающим взглядом. — Такие фигуры, как у вас, бывают у одной женщины из ста. Первый раз вижу столь округлые формы у худенькой женщины. Вы… — Леонсия умолкла и отвернулась, словно для того, чтобы взять булавку с туалетного столика, на самом же деле — чтобы скрыть душившее ее волнение; и только справившись с ним, продолжала: — Вы очаровательная невеста, и

Френсис может гордиться вами.

Тем временем Френсис, распевая в ванной комнате, только что покончил с бритьем, когда стук в дверь спальни заставил его оборвать песню; он пошел открыть и увидел Фернандо, одного из младших сыновей Солано, державшего в руке телеграмму. Френсис взял ее и прочел:

«Срочно возвращайтесь. Необходимы более обширные полномочия. Цены на бирже колеблются — сильное наступление на все ваши акции, кроме „Темпико петролеум“, которые по-прежнему котируются высоко. Телеграфируйте, когда вас ждать. Положение серьезное. Надеюсь продержаться, если выедете немедленно. Жду срочного ответа.

Бэском.»

Выйдя в гостиную, оба Моргана увидели там Энрико и его сыновей, которые открывали бутылки с вином.

— Не успел получить свою дочь обратно, — сказал Энрико, — как снова теряю ее. Но на этот раз. Генри, я легче перенесу ее потерю. На завтра назначена свадьба. И чем скорее она будет, тем лучше. Ведь этот мерзавец Торрес, наверно, уже сейчас раструбил по всему Сан-Антонио, что Леонсия вдвоем с вами ездила в горы.

Но прежде чем Генри успел выразить ему свою признательность, в комнату вошли Леонсия и королева. Тогда Энрико поднял бокал и произнес:

— За здоровье невесты…

Леонсия, не поняв, взяла со стола бокал и посмотрела на королеву.

— Нет, нет, — сказал Генри, беря у нее бокал, чтобы передать его королеве.

— Ну, знаете ли, — сказал Энрико, — нельзя пить неизвестно за что, когда тост недоговорен. Дайте-ка лучше я провозглашу его. Итак, за здоровье невест!

— Вы с Генри завтра венчаетесь! — пояснил Алесандро Леонсии.

Как ни была неожиданна и горька эта весть для Леонсии, она совладала с собой и даже отважилась с наигранной веселостью посмотреть Френсису в глаза.

— Еще один тост! — воскликнула она. — За здоровье женихов!

Френсису и так уже стоило немалых усилий согласиться на брак с королевой и сохранять при этом внешнее спокойствие, теперь же, услышав о предстоящем венчании Леонсии, он не мог оставаться спокойным. И Леонсия сразу заметила, каких трудов ему стоит взять себя в руки. Его страдания доставили ей тайную радость, и с чувством чуть ли не торжества она увидела, как он под каким-то предлогом вышел из комнаты.

Еще до этого он показал всем телеграмму. Его состояние поставлено на карту, сказал он, нужно немедленно дать ответ. И он попросил Фернандо снарядить верхового, чтобы тот отвез телеграмму на правительственную радиостанцию в Сан-Антонио.

Леонсия не стала долго додать и последовала за Френсисом. Она нашла его в библиотеке; он сидел у письменного стола перед чистым листом бумаги, мечтательно глядя на большую фотографию Леонсии, которую он снял с низкого книжного шкафчика и поставил перед собой.

Тут Леонсия уже не могла больше сдерживаться — она невольно всхлипнула и покачнулась. Френсис тотчас вскочил и схватил ее в объятия, чтобы она не упала. И прежде чем они могли сообразить, что происходит, губы их слились в страстном поцелуе.

Внезапно Леонсия вырвалась из объятий Френсиса и с ужасом посмотрела на него.

— Довольно, Френсис, этому надо положить конец! — воскликнула она. — Больше того: вы не должны быть на моей свадьбе. Если вы останетесь, я не отвечаю за себя. Сегодня из Сан-Антонио в Колон уходит пароход. Вы должны уехать на нем вместе с вашей женой. Оттуда вы без труда доберетесь до Нового Орлеана на пароходе какой-нибудь фруктовой компании, а затем поездом — до Нью-Йорка. Я люблю вас, вы это знаете.

— Но мы с королевой еще не обвенчаны! — воскликнул Френсис, переставая владеть собой. — Нельзя же считать настоящим венчанием этот обряд перед алтарем бога Солнца! Мы не муж и жена — ни по обряду, ни на самом деле. Уверяю вас, Леонсия. Еще не поздно…

— Но этот обряд перед алтарем бога Солнца до сих пор связывал вас, — спокойно и решительно прервала она его. — Пусть он и связывает вас до тех пор, пока вы не приедете в Нью-Йорк или хотя бы… в Колон.

— Королева не захочет венчаться по нашим правилам, — сказал Френсис. — Она утверждает, что все женщины в ее роду венчались именно так и что обряд перед алтарем бога Солнца связывает священными узами.

Леонсия неопределенно пожала плечами, но на лице ее по-прежнему читалась твердая решимость.

— Женаты вы или не женаты, — сказала она, — вы должны оба уехать, и сегодня же. Иначе я сойду с ума. Предупреждаю вас: я не выдержу, если вы тут будете. Я не смогу, я знаю, что не смогу у вас на глазах венчаться с Генри и после венчания снова видеть вас… Пожалуйста, пожалуйста, не поймите меня неправильно. Я в самом деле люблю Генри, но… но не так, как вас. Я… мне не стыдно смело сказать вам об этом — я люблю Генри примерно так, как вы любите королеву, а вас я люблю так, как должна была бы любить Генри, как вы должны были бы любить королеву и как, я знаю, вы любите меня.

Она схватила его руку и прижала к своему сердцу.

— Вот! В последний раз! А теперь уходите! Но его руки уже обвились вокруг нее, и Леонсия ответила на его поцелуй. Однако она тотчас вырвалась из его объятий и бросилась к двери. Френсис смирился перед ее решением, потом взял ее фотографию.

— Я возьму это на память, — сказал он.

— Вы не должны этого делать, — сказала Леонсия, и лицо ее осветила нежная прощальная улыбка. — А впрочем, берите! — добавила она, повернулась и исчезла.

Итак, И Пыну предстояло еще выполнить поручение, за которое Торрес заплатил ему сто долларов вперед. На следующее утро, через несколько часов после отъезда Френсиса и королевы в Колон, И Пын явился в асьенду Солано. Энрико курил сигару на веранде, очень довольный собой и всем миром, а также тем, как в этом мире все складывается. Увидев И Пына, он сразу признал в нем вчерашнего посетителя и, прежде чем начать с ним беседу, велел Алесандро принести пятьсот песо, как было договорено накануне. Таким образом И Пын, занимавшийся торговлей секретами, не без удовольствия продал свой товар вторично. Но он

остался верен указаниям, полученным от Торреса, и заявил, что сообщит секрет только в присутствии Леонсии и Генри.

— Этот секрет завязан веревочкой, — сказал И Пын, когда Генри с Леонсией явились и он стал при них развязывать пакет с доказательствами. — Сеньорита Леонсия и ее жених должны первыми осмотреть эти вещи. А потом будут смотреть все остальные.

— Что вполне справедливо, поскольку это касается прежде всего их самих, — великодушно согласился Энрико, хотя по тому, как он подозвал к столу дочь и Генри, чувствовалось, что ему не терпится поскорее ознакомиться с содержимым пакета.

Он старался сохранять равнодушный вид, но украдкой все время наблюдал за молодыми людьми. К его великому изумлению, Леонсия вдруг бросила на стол какую-то бумагу, которую она прочла вместе с Генри, и без всякого стеснения, от всего сердца обняла жениха, а потом от всего сердца и без всякого стеснения поцеловала прямо в губы. А Генри отступил и в смятении и тоске воскликнул:

— Но Боже, Леонсия, ведь это же конец всему! Мы никогда не сможем быть мужем и женой!

— Что такое? — вскипел Энрико. — Какой об этом может быть разговор теперь, когда все уже готово к свадьбе? Что это значит, сэр? Это оскорбление! Вы обвенчаетесь, и обвенчаетесь сегодня же!

Генри, на которого чуть ли не столбняк нашел, лишь посмотрел на Леонсию, как бы предоставляя ей говорить.

— Но по законам божеским и человеческим, — сказала она, — ни один человек не может жениться на своей сестре. Теперь мне понятно, почему я питала к Генри такое странное чувство. Он мой брат. Мы родные брат и сестра, если эти документы не врут.

И Пын понял, что может передать Торресу приятную весть: свадьба не состоится ни сегодня, ни вообще.

Глава двадцать четвертая

Добравшись до Колона на маленьком судне, курсировавшем вдоль берега, королева и Френсис уже через четверть часа были на борту парохода, принадлежавшего «Юнайтед фрут компани». Вообще весь путь до Нью-Йорка они проделали благодаря удачному стечению обстоятельств на редкость быстро. В Новом Орлеане Френсис взял в порту такси, которое мигом примчало их с королевой на вокзал, а там быстроногие носильщики подхватили их ручной багаж и помогли вскочить в поезд, когда он уже отходил от перрона. В Нью-Йорке Френсиса встречал Бэском, и молодая чета уже в собственном автомобиле была доставлена в чересчур, пожалуй, пышную резиденцию на Ривер-сайд-драйв, которую сам Р. Г. М., отец Френсиса, построил на свои миллионы.

И так получилось, что королева, попав в Нью-Йорк, едва ли узнала мир больше, чем в ту минуту, когда начала свое путешествие, бросившись в подземную реку. Будь она обычным человеком, она была бы потрясена окружающей цивилизацией. Она же принимала все с царственной небрежностью, как дар своего царственного супруга. А в том, что Френсис — царь, она не сомневалась: ведь ему прислуживало столько рабов! Разве не была она свидетельницей этого на пароходе, да и в поезде? И здесь, прибыв в его дворец, она восприняла как нечто само собой разумеющееся то, что множество слуг выстроилось приветствовать их. Шофер распахнул

дверцу лимузина. Другие слуги внесли в дом чемоданы. Френсис за все время и пальцем ни к чему не притронулся, если не считать того, что поддержал ее при выходе из машины. Даже Бэском — человек, который, как она догадалась, не принадлежал к числу слуг, — тоже служил Френсису. Она не преминула заметить, что, когда они уже входили во дворец, Бэском по приказу Френсиса сел обратно в автомобиль и куда-то спешно уехал.

У себя она правила горсткой дикарей в отрезанной от всего мира долине. А муж ее царил над королями здесь, в этой могущественной стране. Все это было так чудесно, и она с восторгом говорила себе, что ее королевское достоинство нисколько не пострадало от союза с Френсисом.

Внутреннее убранство особняка привело ее в детски-наивное восхищение. Забыв о присутствии слуг, или, вернее, не обращая на них внимания, как она не обращала внимания на прислужниц и телохранителей в своем доме у озера, она всплеснула руками при виде величественного вестибюля и мраморной лестницы, быстро взбежала наверх и заглянула в ближайшую комнату. Это была библиотека, которую она видела в Зеркале Мира в день своей встречи с Френсисом. И видение это стало сейчас явью: Френсис, обняв ее за талию, вошел вместе с нею в эту большую комнату, полную книг, — все было точно так, как она это видела на поверхности жидкого металла в золотом котле. Она вспомнила и телефоны, и биржевой телеграф, которые тоже тогда видела, — и совершенно так же, как тогда, подошла поближе к телеграфу, желая посмотреть, что это за диковина; Френсис последовал за ней, не снимая руки с ее талии.

Он начал было объяснять королеве, как действует аппарат, но тут же убедился, что посвятить ее за несколько минут во все сложности биржевых операций просто невозможно. Вдруг взгляд его выхватил на ленте цифру, указывавшую, что акции «Фриско консолидэйтед» упали на двадцать пунктов, — ничего подобного ни разу еще не случалось с акциями этой маленькой железной дороги в Айове, которую построил и финансировал еще Р. Г. М. До последнего дня своей жизни он верил, что акции этой железной дороги способны выдержать любую бурю и устоять, даже если половина банков и весь Уолл-стрит вылетят в трубу.

Королева, разволновавшись, заметила, что Френсис взволнован не меньше ее.

— Эта вещь тоже волшебная, как мое Зеркало Мира… — полуутвердительно, полувопросительно сказала она.

Френсис кивнул.

— Я понимаю: она раскрывает тебе тайны, — продолжала королева, — как мой золотой котел. Она показывает тебе здесь, в этой комнате, что творится во всем мире. То, что ты видишь сейчас, тревожит тебя. Это мне ясно. Но только что же может тревожить тебя в этом мире, где ты один из величайших королей?

Френсис открыл было рот, чтобы ответить, но так ничего и не сказал: как объяснить ей все это, как описать картины, что замелькали в эту минуту перед его мысленным взором, — убегающие вдаль железнодорожные пути и огромные пароходные пристани; многолюдные вокзалы и шумные доки; рудокопы, работающие в рудниках Аляски, Монтаны и Долины Смерти; оседланные мостами реки и обузданные водопады; провода высокого напряжения, перекрещивающиеся над долинами, низинами и болотами на высоте двухсот футов, — словом, всю технику, экономику и финансы в условиях цивилизации XX века.

— Тебя что-то тревожит, — настойчиво повторила королева. — А я — увы! — не могу тебе помочь. Нет больше моего золотого котла. Никогда я не увижу в нем того, что творится в мире. У меня нет уже власти над будущим. Я теперь просто женщина, беспомощная и беззащитная в

этом огромном чужом мире, в который ты меня привел. Я просто женщина и твоя жена, Френсис, — жена, которая гордится тобой.

В эту минуту Френсису даже показалось, что он любит ее. Бросив ленту биржевого телеграфа, он крепко прижал ее к себе, а затем подошел к батарее выстроившихся на столе телефонов. «Она — прелесть, — подумал он. — В ней нет ни хитрости, ни коварства, она просто женщина, настоящая женщина, до мозга костей, любящая и достойная любви. Но, увы, Леонсии суждено, видно, вечно стоять между нами».

— Еще одно волшебство! — пробормотала королева, когда Френсис, вызвав контору Бэскома, заговорил в трубку.

— Мистер Бэском должен через полчаса вернуться к себе. Это говорит Морган, Френсис Морган. Мистер Бэском уехал к себе в контору минут пять назад. Когда вы его увидите, скажите ему, что я выехал следом за ним и буду у вас почти одновременно с ним. У меня к нему важное дело. Скажите, что я уже выехал. Благодарю вас. До свидания.

Естественно, что королева, очутившись в этом огромном, полном чудес доме, думала, что Френсис покажет ей все, и была очень огорчена, услышав, что он должен немедленно выехать в некое место, именуемое Уолл-стритом.

— Что же заставляет тебя расстаться со мной и гонит куда-то, точно ты раб? — с оттенком недовольства в голосе спросила она.

— Бизнес — и это для меня очень важно, — сказал он с улыбкой и поцеловал ее.

— А кто этот Бизнес и почему он имеет такую власть над тобой, могущественным королем? Так зовут твоего бога, которому все вы поклоняетесь, как мой народ поклоняется богу Солнца?

Френсис улыбнулся, удивляясь меткости ее сравнения, и сказал:

— Да, это великий американский бог. И бог очень грозный: когда он карает, то карает быстро и ужасно.

— И ты вызвал его недовольство? — спросила она.

— Увы, да, хоть я и не знаю чем. Мне нужно ехать сейчас на Уолл-стрит…

— Это там его алтарь находится? — перебила она его вопросом.

— Да, там находится его алтарь, — подтвердил он, — и там я узнаю, чем я его прогневил и чем могу умилостивить, чтобы искупить свою вину.

Френсис попытался наскоро объяснить ей роль и обязанности горничной, которую он еще телеграммой из Колона распорядился здесь нанять, но это нимало не заинтересовало его молодую супругу; перебив его, она заметила, что горничные — это, по-видимому, то же самое, что женщины индианки, которые прислуживали ей в Долине Затерянных Душ, и прибавила, что привыкла к их услугам с самого детства, с тех пор как мать еще только начинала учить ее английскому и испанскому языкам.

Но когда Френсис, взяв шляпу, поцеловал на прощанье королеву, она все-таки смягчилась и пожелала ему удачи перед алтарем его бога.

После нескольких интереснейших часов, проведенных на своей половине, где ее водила по всем уголкам и нас водила горничная француженка, говорившая по-испански, а затем некая пышная матрона, по виду тоже королева (но на самом деле безусловно нанятая служить ей и Френсису), вместе с двумя девушками-помощницами обмерила ее со всех сторон и долго восхищалась ее фигурой, новая хозяйка дома спустилась вниз по величественной лестнице, чтобы хорошенько осмотреть библиотеку с ее волшебными телефонами и биржевым телеграфом.

Долго глядела она на биржевой телеграф, прислушиваясь к его прерывистому постукиванию. Как странно: она ведь умеет читать и по-английски и по-испански, но что значат эти таинственные значки на ленте — понять не может. Затем она принялась обследовать телефон. Она видела, как делал Френсис, и приложила ухо к микрофону. Потом, припомнив, что он поступал иначе, сняла трубку с крючка и поднесла к уху. И вдруг в ушах ее раздался чей-то голос — несомненно, женский, да так близко, что королева, вздрогнув от неожиданности, в испуге уронила трубку и отскочила от аппарата. В эту минуту Паркер, старый камердинер Френсиса, случайно вошел в комнату. Королева не заметила его раньше в толпе слуг; костюм камердинера был столь безукоризнен и осанка столь благородна, что она приняла его скорее за друга Френсиса, чем за слугу, — за доверенного человека, вроде Бэскома, который встретил их на вокзале в машине Френсиса и ехал вместе с ними, как равный, а потом без рассуждении отправился выполнять приказания ее мужа.

Серьезная мина Паркера смутила ее, она рассмеялась и жестом указала на телефон, как бы спрашивая, что это такое. Камердинер все с той же серьезной миной поднял трубку, негромко сказала в нее: «Ошибка» — и повесил на место. За эти несколько секунд в сознании королевы произошла целая революция. Голос, который она слышала, был вовсе не голосом бога или духа, а просто голосом женщины.

— Где эта женщина? — спросила она.

Паркер еще больше выпрямился, принял еще более сосредоточенный вид и поклонился.

— Здесь, в доме, спрятана женщина, — возбужденно заговорила королева. — Я слышала ее голос в этой штуке. Она, должно быть, рядом, в соседней комнате…

— Это телефонистка, — сказал Паркер, пытаясь приостановить поток ее слов.

— Мне безразлично, как ее зовут! — прервала его королева. — Я не потерплю, чтобы в этом доме была еще какая-то женщина, кроме меня. Попросите ее уйти. Я гневаюсь!

Но Паркер лишь еще больше выпрямился и принял еще более сосредоточенный вид. Тогда вдруг новая мысль пришла в голову королеве: быть может, этот почтенный джентльмен занимает в иерархии малых царьков куда более высокое положение, чем она думала? Быть может, он почти равен Френсису? А она обращается с ним, как с человеком, намного, очень намного ниже ее мужа.

Королева схватила Паркера за руку и, несмотря на его явное сопротивление, потащила за собой на диван и заставила сесть рядом. Окончательно смутив старого камердинера, она взяла из коробки несколько конфет и стала угощать его, суя ему в рот шоколадку всякий раз, как он пытался что-то возразить.

— Скажите, — спросила она, наконец, набив ему полный рот конфет, — разве в вашей стране принято многоженство?

Услышав столь прямой и откровенный вопрос, Паркер вытаращил глаза и чуть не подавился шоколадом.

— О, я отлично понимаю, что значит это слово, — заверила она его. — И спрашиваю вас еще раз: разве в вашей стране принято многоженство?

— В этом доме, сударыня, нет женщин, кроме вас, если не считать служанок, — проговорил, наконец, Паркер. — Этот голос, который вы слышали, принадлежит женщине, находящейся не здесь, а за много миль отсюда, и она к вашим услугам, как и к услугам всех, кто желает разговаривать по телефону.

— Она рабыня тайны? — спросила королева, начиная смутно понимать, в чем дело.

— Да, — подтвердил камердинер ее мужа. — Она рабыня телефона.

— Летающих слов?

— Да, сударыня, если вам угодно — летающих слов. — Он уже дошел до полного отчаяния, не зная, как ему выпутаться: в такую переделку он еще ни разу не попадал за все время своей службы. — Хотите, сударыня, я покажу вам, как пользоваться телефонным аппаратом? Рабыня летающих слов — к вашим услугам в любое время дня и ночи. Если вы пожелаете, она соединит вас с вашим супругом, мистером Морганом, и вы сумеете поговорить с ним.

— Сейчас?

Паркер кивнул, встал с дивана и подвел королеву к телефону.

— Сначала, — поучал он ее, — вы будете разговаривать с рабыней. Как только вы снимете эту штуку с крючка и поднесете к уху, рабыня заговорит с вами. Она всегда спрашивает одно и то же: «Номер?» А иногда говорит: «Номер? Номер?» Порой она бывает очень раздражительна. Когда она спросит: «Номер?», вы скажете: «Эддистоун, двенадцать-девяносто два». Рабыня повторит за вами: «Эддистоун, двенадцать-девяносто два?» А вы скажете: «Да, пожалуйста…»

— Я должна сказать рабе «пожалуйста»? — прервала его королева.

— Да, сударыня. Эти рабыни летающих слов — рабыни совсем особенные, которых никто никогда не видит. Я уже немолодой человек, однако за всю свою жизнь я ни разу не видел телефонистки… Итак, через несколько секунд другая рабыня, тоже женщина, но находящаяся на расстоянии многих миль от первой, скажет вам: «Эддистоун, двенадцать-девяносто два». А вы скажете: «Я, миссис Морган. Я хочу поговорить с мистером Морганом, который, насколько мне известно, находится в кабинете мистера Бэскома». Потом вы подождете — с полминуты или с минуту, — и мистер Морган начнет говорить с вами.

— Через много-много миль?

— Да, сударыня, и будет слышно его так, точно он в соседней комнате. А когда мистер Морган скажет: «До свидания», вы тоже скажете: «До свидания» — и повесите трубку, как я это сделал.

И королева проделала все, что сказал ей Паркер. Две разные рабыни ответили ей, повинуясь названной ею магической цифре. И вот уже Френсис разговаривает с нею, смеется, просит не скучать и обещает быть дома не позже пяти часов.

А для Френсиса весь этот день был заполнен делами и волнениями.

— Что за тайный враг у вас завелся? — снова и снова спрашивал его Бэском, но Френсис всякий раз лишь качал головой, отказываясь понять, кто бы это мог быть.

— Ведь вы же сами видите: там, где вы ни при чем, положение на бирже вполне устойчивое. А что происходит с вашими акциями? Начнем с «Фриско консолидэйтед». Никакими причинами и домыслами нельзя объяснить, почему акции этой компании так резко падают вниз. И заметьте: падают акции только ваших предприятий. Компания «Нью-Йорк, Вермонт энд Коннектикут» выплачивала последние четыре квартала пятнадцать процентов дивиденда, и акции ее казались так же непоколебимы, как стены Гибралтара. Тем не менее они полетели вниз, и полетели здорово. То же самое происходит с акциями «Монтана Лоуд», медных рудников в Долине Смерти, «Империэл Тангстен» и «Норс-Уэстерн электрик». А возьмите акции «Аляска Тродуэлл»? Они были устойчивее скалы. Наступление на них началось лишь вчера под вечер. К закрытию биржи они упали на восемь пунктов, а сегодня — на целых шестнадцать. Все это акции предприятий, в которые вложен ваш капитал. Никакие другие бумаги не затронуты. Во всем остальном положение на бирже вполне устойчиво.

— Но ведь и акции «Тэмпико петролеум» тоже устойчивы! — возразил Френсис. — А в это предприятие у меня больше всего денег вложено.

Бэском в отчаянии пожал плечами:

— Вы уверены, что не можете назвать никого, кто способен на такое? Неужели вам не приходит на ум, кто этот ваш враг?

— Ей-богу, нет, Бэском! Ни на кого не могу подумать. У меня нет никаких врагов просто потому, что после смерти отца я совсем не занимался делами. «Тэмпико петролеум» — единственное предприятие, которым я интересовался, но с его акциями пока все обстоит благополучно. — Он неторопливо подошел к биржевому телеграфу. — Вот видите, продано еще пятьсот акций по цене на полпункта выше, чем до сих пор.

— И все-таки кто-то за вами охотится, — заверил его Бэском. — Это ясно как Божий день. Я просматриваю все отчеты об этих предприятиях, которые я назвал вам. Факты в них подтасованы — подтасованы искусно и тонко, чтобы создать как можно более мрачное впечатление. Почему, например, «Норс-Уэстерн» не выплатила дивидендов? Почему в таких черных тонах составлен отчет Малэни о предприятиях «Монтана Лоуд»? Ладно, не будем говорить об этих тенденциозных отчетах. Но почему такое количество акций выбрасывается на рынок? Дело ясное: кто-то ведет наступление, по-видимому, на вас — и, поверьте, наступление это не случайно; оно подготавливалось медленно и неуклонно. Катастрофа может разразиться при первых же слухах о войне, о большой забастовке или финансовой панике, — словом, при первом же событии, которое ударит по всему биржевому рынку.

Посмотрите, в каком вы сейчас положении: акции всех предприятий, кроме тех, что вы финансируете, вполне устойчивы. Я все это время старался покрывать разницу между себестоимостью и продажной ценой акций, и это мне удавалось. Но значительная часть ваших дополнительных обеспечении уже израсходована, а разница между себестоимостью и продажной ценой акций продолжает уменьшаться. Это не пустяк. Это может привести к краху. Положение весьма щекотливое.

— Но у нас есть «Тэмпико петролеум» — тут счастье все еще улыбается нам: эти акции могут пойти в качестве обеспечения под все остальное, — сказал Френсис. — Правда, мне бы очень

не хотелось трогать их, — добавил он.

Бэском покачал головой:

— Мы должны считаться с возможностью революции в Мексике и с тем, что наше собственное правительство отличается удивительной мягкотелостью. Если мы введем в игру акции «Тэмпико петролеум», а там начнется какая-нибудь серьезная заваруха — вам конец, вы будете разорены и пущены по миру.

И все-таки, — в заключение сказал Бэском, — я не вижу иного выхода, как прибегнуть к помощи акций «Тэмпико петролеум». Я истощил почти все ресурсы, которые вы мне оставили. А то, что происходит с нами, — это не внезапный наскок. Это медленное и упорное наступление, которое напоминает мне движение ледника, сползающего с горы. Все эти годы, что я веду ваши дела на бирже, мы впервые попадаем в такой тупик. Теперь поговорим о вашем финансовом положении вообще. Финансами вашими ведает Коллинз, и ему должно быть все известно. Но вам необходимо быть в курсе всех дел. Какие бумаги вы можете дать мне в качестве обеспечения? Какие — сейчас и какие — завтра? Какие на будущей неделе и в последующие три недели?

— Сколько же вам надо? — в свою очередь, спросил Френсис.

— Миллион долларов сегодня, до закрытия биржи. — Бэском красноречиво указал на биржевой телеграф. — И по крайней мере еще двадцать миллионов в ближайшие три недели, если — советую вам хорошенько запомнить это «если» — если все в мире будет спокойно и положение на бирже останется таким же, каким оно было последние полгода.

Френсис с решительным видом встал и потянулся за шляпой.

— Я немедленно еду к Коллинзу. Он гораздо лучше осведомлен о состоянии моих дел, чем я сам. Я вручу вам до закрытия биржи по крайней мере миллион, и я почти уверен, что смогу вручить вам остальное в течение ближайших недель.

— Помните, — предупредил его Бэском, пожимая ему руку, — самое зловещее в этой направленной против вас атаке — методическая неторопливость, с какою она развертывается. И это не маскарадная шутка, а широко задуманная кампания, и ведет ее, по всей вероятности, какой-нибудь крупный туз.

Не раз за этот день и вечер рабыня летающих слов подзывала королеву к аппарату и соединяла с мужем. К своему великому восторгу, королева обнаружила у себя в спальне, возле кровати, телефон, по которому, вызвав кабинет Коллинза, она пожелала спокойной ночи Френсису и попыталась даже поцеловать его, в ответ на что услышала какой-то странный, неясный звук — его ответный поцелуй.

Королева сама не знала, долго ли она спала. Но, проснувшись, она из-под полуопущенных век увидела, что Френсис глядит на нее с порога; потом он тихонько вышел из спальни. Она тут же вскочила и побежала к дверям, но Френсис уже спускался по лестнице.

«Опять у него неприятности с американским богом», — подумала королева, догадавшись, что Френсис, видимо, направляется в эту удивительную комнату — библиотеку, чтобы прочесть на ленте стрекочущего аппарата угрозы и предупреждения гневного бога. Королева посмотрелась в зеркало, заколола волосы и, самодовольно улыбаясь, надела капот — еще одно чудесное доказательство внимания, предупредительности и заботы Френсиса.

У входа в библиотеку она остановилась, услышав за дверью чей-то чужой голос. Первой ее мыслью было, что это волшебный телефон, — но нет, не может быть, слишком громко и слишком близко звучит этот голос. Заглянув в щелку, она увидела двух мужчин, сидящих в больших кожаных креслах друг против друга. Френсис, осунувшийся от забот и волнений, был все еще в дневном костюме, тогда как другой был во фраке. Она слышала, как тот, другой, называл ее мужа «Френсис», а ее муж в ответ называл его «Джонни». Это обстоятельство, а также непринужденный тон беседы дали ей понять, что они старые, близкие друзья.

— Так я тебе и поверю, Френсис, — говорил тот, другой, — что ты там, в Панаме, вел монашеский образ жизни! Уж, наверно, раз десять дарил свое сердце прекрасным сеньоритам!

— Только одной, — после паузы сказал Френсис, глядя, как заметила королева, прямо в глаза своему другу. — Больше того, — продолжал он, снова помолчав, — я в самом деле потерял сердце… но не голову. Джонни Пасмор, ох, Джонни Пасмор, ты просто повеса и ловелас, и ничего ты в жизни не знаешь. Так вот: в Панаме я встретил самую чудесную девушку на свете; я счастлив, что дожил до встречи с нею, и был бы рад умереть за нее. Это пылкое, страстное, нежное, благородное существо — королева, да и только.

И королева, которая слышала его слова и видела его восторженное лицо, улыбнулась горделиво и неясно: какого любящего мужа обрела она.

— Ну, а дама… мм… отвечала тебе взаимностью? — спросил Пасмор.

Королева увидела, как Френсис многозначительно кивнул.

— Она любит меня так же, как я люблю ее, — серьезно ответил он. — Это я знаю наверное. — Он вдруг поднялся со своего кресла. — Подожди, я сейчас покажу тебе ее.

Френсис направился к двери, а королева, несказанно обрадованная признанием мужа, мгновенно шмыгнула в соседнюю роскошную комнату непонятного назначения, которую горничная называла гостиной. Она с поистине детским волнением представляла себе, как удивится Френсис, не найдя ее в постели, и лукаво смотрела ему вслед. А он взбежал по широкой мраморной лестнице и через минуту вернулся. Сердце королевы слегка сжалось, когда она заметила, что он не проявляет никакого беспокойства по поводу ее отсутствия в спальне. В руке он нес свернутый в трубку кусок тонкого белого картона и, не глядя по сторонам, прошел прямо в библиотеку.

Посмотрев в щелку, королева увидела, что он развернул свиток и, положив его перед Джонни Пасмором, сказал:

— Суди сам. Вот она.

— Но почему у тебя такой похоронный вид? — спросил Джонни Пасмор после тщательного изучения фотографии.

— Потому что мы встретились слишком поздно. Я был вынужден жениться на другой. И я расстался с ней навсегда за несколько часов до ее венчания с другим. Этот брак был решен еще прежде, чем мы узнали о существовании друг друга. Та, на которой я женился, да будет тебе известно, — хорошая, чудесная женщина. Я всю жизнь буду предан ей. Но, к несчастью, сердцем моим она никогда не завладеет.

Эти слова открыли королеве всю горькую правду. Ей стало дурно, и, едва не лишившись чувств, она схватилась за сердце. Хотя разговор в библиотеке продолжался, она уже не слышала ни

слова из того, что там говорилось. Медленно, огромным усилием воли она овладела собой. Наконец, ссутулившись, похожая больше на скорбную тень той блестящей красавицы и гордой жены, какою она была всего несколько минут назад, королева, шатаясь, прошла через вестибюль и медленно, точно в страшном сне, точно на каждой ноге у нее гиря привязана, стала подниматься по ступенькам. Очутившись в спальне, она утратила всякую власть над собой. В ярости сорвала с пальца кольцо Френсиса и принялась топтать его ногами. Сорвала с себя ночной чепец и черепаховые шпильки и тоже принялась их топтать. Потом, содрогаясь от рыданий и бормоча что-то невнятное, королева бросилась на кровать, ее трясло как в лихорадке; но когда Френсис, направляясь к себе в комнату перед сном, заглянул к ней в спальню, она нашла в себе силы притвориться спящей и ничем не выдать своего горя.

Целый час, показавшийся ей вечностью, она дожидалась, чтобы он уснул. Лишь после этого встала, взяла острый, украшенный драгоценными камнями кинжал, который она привезла с собой из Долины Затерянных Душ, и осторожно, на цыпочках, прокралась в его комнату. Там, на туалетном столике, лежал этот кусок картона — большая фотография Леонсии. Королева в нерешительности остановилась, сжимая кинжал так, что драгоценные камни на рукоятке впились ей в пальцы и в ладонь. Кого же ударить: мужа или Леонсию? Она шагнула к его постели и уже занесла руку для удара, но тут дотоле сухие глаза ее увлажнились, и слезы, точно завеса из тумана, скрыли от нее мужа. Она всхлипнула и опустила руку, сжимавшую кинжал.

Тогда она приняла другое решение и быстро направилась к туалетному столику. Внимание ее привлекли лежавшие там карандаш и блокнот. Она нацарапала два слова, вырвала из блокнота листок, положила фотографию Леонсии на блестящую, полированную поверхность стола, накрыла ее этим листком и нанесла удар, — он пришелся точно между глаз соперницы; острие кинжала вонзилось в дерево, рукоятка качнулась и застыла.

Глава двадцать пятая

Пока в Нью-Йорке происходили всякие события и Риган ловко продолжал свое гигантское наступление на все акции Френсиса, а Френсис и Бэском тщетно пытались выяснить, кто этим занимается, в Панаме тоже происходили не менее важные события, которые столкнули Леонсию и семейство Солано с Торресом и начальником полиции и в которых отнюдь не последнюю роль играл некто И Пын — толстый китаец с лунообразной физиономией.

Маленький старикашка судья — ставленник начальника полиции — похрапывал на заседании суда в Сан-Антонио. Он безмятежно проспал таким образом уже около двух часов, время от времени вскидывая голову и что-то глубокомысленно бормоча во сне, хотя дело, которое разбиралось, и было весьма серьезным: обвиняемому грозила ссылка на двадцать лет в Сан-Хуан, где даже самые крепкие люди выдерживали не более десяти. Но судье не было нужды вслушиваться в показания свидетелей или в прения сторон: прежде, чем начался разбор дела, в мозгу его уже сложилось решение, и он заранее вынес приговор в соответствии с пожеланиями шефа. Наконец, защитник окончил свою весьма пространную речь, секретарь суда чихнул, и судья проснулся. Он проворно огляделся вокруг и изрек:

— Виновен.

Никто не удивился, даже сам подсудимый.

— Предстать завтра утром перед судом для заслушания приговора! Следующее дело!

Отдав такое распоряжение, судья уже приготовился погрузиться снова в сон, как вдруг увидел

Торреса и начальника полиции, входивших в зал. По тому, как блестели глаза шефа, судья сразу понял, что надо делать, и быстро закрыл судебное присутствие.

Через пять минут, когда зал опустел, начальник полиции заговорил:

— Я был у Родригеса Фернандеса. Он говорит, что это настоящий камень и что хотя от него немало отойдет при шлифовке, тем не менее он готов дать за него пятьсот долларов золотом. Покажите камешек судье, сеньор Торрес, а заодно и остальные — из тех, что побольше.

Тут Торрес начал лгать. Он вынужден был лгать: не мог же он признаться в том, что Солано и Морганы с позором отобрали у него камни и самого его вышвырнули из асьенды! И так искусно он лгал, что убедил даже начальника полиции, а судья — тот принимал на веру решительно все, что требовал шеф, сохраняя независимое суждение только по части спиртных напитков. Вкратце рассказ Торреса, если освободить его от множества цветистых подробностей, которыми тот его уснастил, сводился к следующему: он, Торрес, был уверен, что ювелир занизил оценку камней, и потому отправил их своему агенту в Колон с приказанием переслать дальше — в Нью-Йорк, фирме «Тиффани» — для оценки, а возможно, и для продажи.

Когда они вышли из зала суда и стали спускаться по ступеням между глинобитными колоннами, хранившими следы пуль всех революций, какие были, начальник полиции сказал:

— Так вот, поскольку нам необходима защита закона, чтобы отправиться за этими драгоценностями, а главное — поскольку мы оба любим нашего доброго друга — судью, мы выделим ему скромную долю из того, что найдем. Он будет замещать нас на время нашего отсутствия из Сан-Антонио и, если потребуется, окажет нам поддержку законом.

Как раз в это время за одной из колонн, низко надвинув на глаза шляпу, сидел И Пын. Был он тут не случайно. Давно уже он понял, что ценные секреты, порождающие тревоги и волнения в сердцах людей, как правило, витают вокруг судебных помещений, где эти волнения, достигнув наивысшего накала, выставляются напоказ. Никто не знает, в какую минуту можно наткнуться на тайну или услышать секрет. И вот И Пын, подобно рыболову, забросившему в море сеть, наблюдал за истцами и ответчиками, за свидетелями той и другой стороны и даже приглядывался к завсегдатаям судебных заседаний и случайной публике.

В это утро единственным человеком, внушившим И Пыну смутные надежды, был оборванный старик пеон, который выглядел так, точно он всю жизнь чересчур много пил и теперь немедленно погибнет, если ему не поднесут стаканчик. Глаза у него были мутные, с красными веками, но на изможденном лице читалась отчаянная решимость. Когда зал суда опустел, он вышел и занял позицию на ступеньках у колонны.

«Зачем собственно он тут стоит? — недоумевал И Пын. — Ведь в суде осталось лишь трое заправил Сан-Антонио — шеф, Торрес и судья!» Какая связь могла существовать между ними, или кем-нибудь из них, и этим жалким пьянчужкой, который под палящими лучами полуденного солнца трясется точно на морозе? Хотя И Пын и не знал ничего, но подсознательно чувствовал, что подождать стоит: а вдруг, как это ни маловероятно, что-нибудь да клюнет! И так, растянувшись на камне за колонной, где ни один атом тени не защищал его от испепеляющего и столь ненавистного ему солнца, И Пын принял вид человека, любящего погреться на солнышке. Старый пеон сделал шаг, покачнулся, чуть было не упав при этом, но все-таки ухитрился привлечь внимание Торреса и побудить его отстать от своих спутников. А те прошли немного и остановились, поджидая его. Они переминались с ноги на ногу и всячески выражали сильнейшее нетерпение, точно стояли на раскаленной жаровне, хотя вели в это время между собою оживленный разговор.

И Пын тем временем внимательно следил за разговором между величественным Торресом и жалким пеоном, не упуская ни единого слова или жеста.

— Ну, что там еще? — грубо спросил Торрес.

— Денег, немного денег! Ради Бога, сеньор, немножко денег! — затянул старик.

— Ты же получил свое, — рявкнул на него Торрес. — Когда я уезжал, я дал тебе вдвое больше того, что тебе нужно, чтобы прожить не две недели, как обычно, а целый месяц. Так что теперь ты у меня еще две недели не получишь ни одного сентаво.

— Я кругом должен, — продолжал хныкать старик, весь дрожа от жажды алкоголя, хотя он совсем недавно предавался возлияниям.

— Хозяину пулькерии «У Петра и Павла»? — с презрительной усмешкой безошибочно угадал Торрес.

— Хозяину пулькерии «У Петра и Павла», — откровенно признался тот. — И доска, на которой он записывает мои долги, уже вся заполнена. Мне теперь ни капли в долг не дадут. Я бедный, несчастный человек: тысяча чертей грызет меня, когда я не выпью пульки.

— Безмозглая свинья, вот ты кто! Старик вдруг выпрямился с удивительным достоинством, словно осененный величайшей мудростью, и даже перестал дрожать.

— Я старый человек, — торжественно произнес он. — В моих жилах и в моем сердце остывает кровь. Желания молодости исчезли. Мое разбитое тело не дает мне возможности работать, хоть я и хорошо знаю, что труд дает облегчение и забвение. А я не могу ни работать, ни забыться. Пища вызывает у меня отвращение и боль в желудке. Женщины для меня — все равно что чума; мне противно подумать, что я когда-то желал их. Дети? Последнего из своих детей я похоронил двенадцать лет назад. Религия пугает меня. Смерть? Я даже во сне с ужасом думаю о ней. Пулька — о боги! — это единственная моя отрада, только она и осталась у меня в жизни!

Ну, и что же, если я пью слишком много? Ведь это потому, что мне нужно многое забыть и у меня осталось слишком мало времени, чтобы погреться в лучах солнца, прежде чем тьма навеки скроет его от моих старческих глаз.

Торрес сделал нетерпеливое движение, точно собираясь уйти: разглагольствования старика явно раздражали его.

— Несколько песо, всего лишь несколько песо! — взмолился старый пеон.

— Ни одного сентаво! — решительно отрезал Торрес.

— Очень хорошо! — так же решительно сказал старик.

— Что это значит? — раздраженно спросил Торрес, заподозрив недоброе.

— Ты что, забыл? — ответил старик столь многозначительно, что И Пын навострил уши: по какой это причине Торрес выплачивает старику что-то вроде пенсии или пособия?

— Я ведь плачу тебе, как мы условились, за то, чтоб ты забыл, — сказал Торрес.

— А я никогда не забуду того, что видели мои старые глаза, а они видели, как ты всадил нож в

спину сеньора Альфаро Солано, — ответил старик.

Хотя И Пын продолжал неподвижно сидеть за колонной, изображая греющегося на солнышке человека, — внутренне он «вскочил на ноги». Солано — люди именитые и богатые. И то, что Торрес убил одного из них, — секрет, за который можно получить немалый куш.

— Скотина! Безмозглая свинья! Грязное животное! — Торрес в ярости сжал кулаки. — Ты смеешь так разговаривать потому, что я слишком добр к тебе. Только сболтни что-нибудь — и я мигом сошлю тебя в Сан-Хуан. Ты знаешь, что это значит. Тебя не только во сне будет преследовать страх перед смертью, но и наяву. При одном взгляде на сарычей ты задрожишь от страха, — ведь ты будешь знать, что очень скоро они растащат твои кости. И в Сан-Хуане тебе уже не видать пульки. Те, кого я отправляю туда, забывают даже, какой у нее вкус. Так как же? А? Ну вот, так-то лучше. Ты подождешь еще две недели, и тогда я снова дам тебе денег. А не станешь ждать — не видать тебе ни капли пульки до самой смерти: я уж постараюсь, чтобы сарычи Сан-Хуана занялись тобой.

Торрес круто повернулся на каблуках и пошел дальше. И Пын смотрел вслед ему и двум его спутникам до тех пор, пока все трое не скрылись из виду; тогда он вышел из-за колонны и увидел, как старик, потеряв надежду опохмелиться, рухнул на землю и, охая, стеная, завывая, содрогался всем телом, как содрогается в агонии умирающее животное; пальцы его бессознательно щипали лохмотья вместе с кожей, точно он срывал с себя множество сколопендр. И Пын уселся рядом с ним и разыграл спектакль, — он был большой выдумщик и мастер на такие штуки. Вытащив из кармана несколько золотых и серебряных монет и позвякивая ими, он начал их пересчитывать; этот мелодичный и чистый звон казался уху обезумевшего от жажды пеона журчанием и бульканьем целых фонтанов пульки.

— Мы с тобой мудрые люди, — сказал ему И Пын в напыщенном испанском стиле, продолжая позвякивать монетами, в то время как пьяница снова принялся хныкать и клянчить несколько сентаво на стаканчик пульки. — Мы с тобой мудрые люди, старик. Давай посидим здесь и расскажем друг другу, что нам известно о мужчинах и женщинах, о жизни и любви, о гневе и внезапной смерти, о ярости, сжигающей сердце, и о холодной стали, вонзающейся в спину; и вот если ты расскажешь мне что-нибудь интересное, я дам тебе столько пульки, что она у тебя из ушей потечет и затопит глаза. Ты любишь пульку, а? Ты хочешь выпить сейчас стаканчик, сейчас, очень скоро?

Этой ночи, когда начальник полиции и Торрес снаряжали под покровом темноты свою экспедицию, суждено было остаться в памяти всех, кто жил в асьенде Солано. События начали развиваться еще до наступления ночи. На широкой веранде только что отобедали, и все мужчины Солано, включая Генри, который вошел теперь в состав семьи благодаря своему родству с Леонсией, пили кофе и курили сигареты. Внезапно на ступеньках, озаренных луной, показалась какая-то странная фигура.

— Ни дать ни взять привидение! — сказал Альварадо Солано.

— Но привидение весьма в теле, — добавил его брат-близнец Мартинес.

— Никакое это не привидение, а обыкновенный китаец, такого не проткнешь пальцем! — рассмеялся Рикардо.

— Да ведь это тот самый, который спас нас с Леонсией от женитьбы, — заметил Генри Морган, узнавая гостя.

— Продавец секретов! — со смехом ввернула Леонсия. — И я буду очень разочарована, если он

не принес ничего новенького.

— Что тебе надо, китаец? — резко спросил Алесандро.

— Симпатичный новый секрет, очень симпатичный новый секрет. Может, купите? — радостно залопотал И Пын.

— Твои секреты слишком дорого стоят, — охлаждая его пыл, сказал Энрико.

— Да, и этот новый симпатичный секрет очень дорогой, — смиренно подтвердил И Пын.

— Убирайся вон! — прикрикнул на него старый Энрико. — Я надеюсь еще долго прожить, но до самой своей смерти не стану больше слушать твои секреты.

Однако И Пын, несмотря на смиренный тон, держался весьма уверенно.

— У вас был очень замечательный брат, — сказал он. — И этот ваш очень замечательный брат, сеньор Альфаро Солано, однажды умер от удара ножом в спину. Очень хорошо. Интересный секрет, а?

Но Энрико, весь дрожа, уже вскочил на ноги и срывающимся от нетерпения голосом закричал:

— Что ты об этом знаешь?

— Сколько дадите? — спросил И Пын.

— Все, что у меня есть! — крикнул Энрико и, повернувшись к Алесандро, добавил: — Ты договорись с ним, сынок. Хорошо заплати ему, если он может подтвердить свои слова свидетельством очевидца.

— Будьте покойны, — сказал с достоинством И Пын, — свидетель есть. Он своими глазами все видел. Он видел, кто воткнул в темноте нож в спину сеньора Альфаро. Его зовут…

— Ну, ну? — задыхаясь, произнес Энрико.

— Тысячу долларов за его имя, — сказал И Пын, прикидывая, в какой валюте потребовать эту сумму. — Тысячу долларов золотом, — наконец проговорил он.

Энрико забыл, что все денежные переговоры он поручил вести старшему сыну.

— Где твой свидетель? — завопил он.

И Пын тихонько кликнул кого-то, и из кустов, что росли у подножия веранды, вылез старый пьяница, — он, как настоящий призрак, медленно приблизился к лестнице и, пошатываясь, стал подниматься по ступенькам.

В это самое время на краю города двадцать всадников, среди которых находились и жандармы Рафаэль, Игнасио, Аугустино и Висенте, охраняли караван из двадцати с лишним мулов, ожидая приказала шефа выступить в Кордильеры для никому не ведомой таинственной экспедиции. Они знали только то, что на спине у самого большого мула, которого держали в стороне от остальных животных, нагружено двести пятьдесят фунтов динамита. Еще они знали, что задержка происходит из-за сеньора Торреса, ускакавшего куда-то по берегу залива с этим страшным убийцей из племени кару — Хосе Манчено, который только по милости Божьей и их шефа вот уже сколько лет ускользает от виселицы, хотя веревка давно по нем плачет.

Торрес между тем стоял в ожидании на берегу, держа под уздцы лошадь Хосе Манчено и еще одну, запасную, в то время как сам Хосе поднимался по извилистой дороге, которая вела к вершине холма, где стояла асьенда Солано. Торрес и не подозревал, что всего в каких-нибудь двадцати футах от него, в зарослях, подступавших к самому берегу, мирно спал вдрызг пьяный старик, а возле него бодрствовал совсем не сонный и совсем трезвый китаец, в поясе которого была спрятана недавно полученная им тысяча долларов. И Пын едва успел оттащить пеона с дороги и укрыться, когда Торрес показался на песчаном берегу и остановился чуть ли не рядом с ним.

А наверху, в асьенде, все члены семейства Солано отправлялись уже ко сну. Леонсия только начала было расчесывать волосы, но, услышав шуршание камешков по стеклу, подошла к окну. Предупредив ее шепотом, чтобы она не поднимала шума и никого не звала, Хосе Манчено протянул девушке измятую бумажку — записку Торреса — и с таинственным видом сказал:

— Это вам от чудака китайца, который ждет вас тут внизу, за кустами.

И Леонсия прочла нижеследующее, написанное на ужасном испанском языке:

«В первый раз я сказал вам секрет про Генри Моргана. На этот раз у меня есть секрет про Френсиса. Выйдите ко мне для разговора».

Сердце Леонсии забилось, когда она прочитала имя Френсиса, и, накинув на себя мантилью, она последовала за кару, ни минуты не сомневаясь, что ее ждет И Пын.

И Пын, сидевший на берегу и наблюдавший за Торресом, тоже ни минуты не сомневался относительно того, что происходит, когда убийца Хосе Манчено появился на дороге, неся на плече, точно мешок муки, сеньориту Солано, которую он предварительно связал и заткнул ей кляпом рот. Не сомневался И Пын и относительно того, что должно за этим последовать: он видел, как Хосе и Торрес привязали Леонсию к седлу запасной лошади и галопом поскакали по берегу. Оставив пьяного пеона спать в кустах, толстяк китаец вышел на дорогу и побежал в гору со всей прытью, на какую только был способен. Добежав до асьенды, он, еле переводя дух, поднялся по ступенькам и стал колотить в дверь руками и ногами, моля про себя всех китайских богов, чтобы какой-нибудь из этих бешеных Солано не пристрелил его, прежде чем он успеет объяснить причину такой спешки.

— Ах, Боже мой, да убирайся ты к черту! — сказал ему Алесандро, когда, открыв дверь, при свете свечи разглядел лицо назойливого гостя.

— У меня большой секрет, — задыхаясь, выпалил И Пын. — Очень большой и совсем новый.

— Приходи завтра в те часы, когда люди занимаются делами, — рявкнул Алесандро, намереваясь дать китайцу пинка.

— Я не продаю этот секрет, — лепетал И Пын. — Я его вам дарю. Слушайте: сеньорита, ваша сестра… ее украли! Привязали к седлу и очень быстро погнали лошадь по берегу.

Но Алесандро, который всего каких-нибудь полчаса назад пожелал Леонсии спокойной ночи, громко рассмеялся, не веря ни одному слову китайца, и снова собрался было пинком вытолкать за дверь торговца секретами. И Пын пришел в полное отчаяние. Он вытащил из-за пояса мешочек с деньгами и, сунув его в руки Алесандро, — сказал:

— Пойдите скорее и посмотрите. Если сеньорита сейчас дома, можете оставить эту тысячу себе. Если сеньориты нет, вы отдадите деньги мне назад…

Это убедило Алесандро. Через минуту он уже будил весь дом. А еще через пять минут конюхи и пеоны, с трудом продрав глаза от крепкого сна, уже седлали и вьючили лошадей и мулов, тогда как Солано натягивали верховые костюмы и вооружались.

Вправо и влево по берегу, по множеству тропинок, ведущих в Кордильеры, рассыпался отряд Солано, ища в непроглядной тьме следы похитителей. Случаю было угодно, чтобы тридцать часов спустя одному Генри удалось напасть на след и нагнать шайку в той самой котловине, которую старый жрец майя называл Стопою бога и откуда он впервые увидел глаза богини Чиа. Там Генри и обнаружил всю банду, а также похищенную Леонсию.

Похитители только что приготовили себе завтрак и теперь уплетали его. У Генри был типичный для англосакса склад ума: ему и в голову не пришло выступить одному против двадцати и попытаться добиться справедливости — это было бы чистейшим безумием. Зато ему пришло в голову посмотреть на груженного динамитом мула, который был стреножен отдельно от других сорока мулов и, по легкомыслию, оставлен пеонами со своим опасным грузом на спине. Вместо того чтобы попытаться совершить невозможное и вызволить Леонсию, Генри, поразмыслив, решил, что в такой большой компании ничто не может угрожать женской чести, и увел мула с динамитом.

Увел он его, однако, недалеко. Притаившись в низкорослом леске. Генри вскрыл тюк и напихал во все карманы динамитных шашек, потом прихватил коробку детонаторов и небольшой моток фитилей. Сокрушенно посмотрев на остальной динамит, который он с удовольствием взорвал бы, но не посмел. Генри занялся подготовкой пути, по которому придется отступать, если ему удастся выкрасть Леонсию у ее похитителей. Подобно тому как Френсис в Хучитане усеял путь своего отступления серебряными долларами, так теперь Генри усеял путь своего отступления динамитными шашками: он закладывал шашки небольшими пучками, следя за тем, чтобы шнуры были не длиннее детонаторов и чтобы последние были прочно прикреплены к концу каждого из них.

Целых три часа бродил Генри вокруг лагеря, разбитого в Стопе бога, прежде чем ему удалось, наконец, дать знать Леонсии о своем присутствии; и еще два драгоценных часа было упущено, прежде чем она нашла возможность прокрасться к нему. Но потеря времени не была бы такой уж большой бедой, если бы их бегство не было тотчас обнаружено жандармами и остальными участниками экспедиции Торреса. Все мигом бросились к лошадям и быстро догнали беглецов.

Когда Генри, пригнув Леонсию к земле, залез вместе с ней под нависшую скалу и зарядил ружье, Леонсия запротестовала.

— У нас нет ни малейшего шанса. Генри! — сказала она. — Их слишком много. Начнется перестрелка, и тебя убьют. А тогда что станется со мной? Лучше беги, беги один и приведи сюда помощь, а пока пусть меня снова заберут в плен: так будет лучше, — твоя смерть все равно не спасет меня!

Но он покачал головой.

— Они не возьмут нас в плен, дорогая сестричка. Доверься мне и смотри в оба. Вот они едут. Теперь смотри!

Послышался цокот копыт, и на дороге показались Торрес, начальник полиции и жандармы — кто на лошадях, а кто на мулах, — видно было, что они впопыхах собирались в погоню. Генри прицелился, но не в них, а в ближнюю кочку, подле которой он заложил свою первую шашку динамита. Он нажал курок — и все вокруг заволокло густым облаком дыма и пыли. Когда это

облако медленно рассеялось. Генри и Леонсия увидели, что половина людей и животных лежит на земле, а остальные стоят, потрясенные и ошеломленные взрывом.

Генри схватил Леонсию за руку, рывком поднял на ноги, и они побежали. Миновав то место, где Генри зарыл вторую партию динамита, беглецы присели передохнуть.

— На этот раз они не так скоро нас догонят! — торжествующе сказал Генри. — И чем дольше они будут нас преследовать, тем медленнее будут продвигаться вперед.

И действительно, когда преследователи снова показались в виду. Генри и его сестра заметили, что они продвигаются очень медленно и очень осторожно.

— Надо было бы всех их перебить, — сказал Генри. — Но им повезло: у меня не хватает духа их прикончить. Зато жару я им, конечно, задам.

И он снова выстрелил в заложенный динамит и снова, пользуясь смятением неприятеля, побежал вместе с Леонсией к тому месту, где была зарыта третья партия динамита.

Взорвав третий заряд, беглецы бросились к стреноженной лошади. Генри посадил девушку в седло, а сам побежал рядом, держась за стремя.

Глава двадцать шестая

Френсис велел Паркеру разбудить его в восемь часов утра, и когда Паркер, осторожно ступая, вошел в назначенное время к своему хозяину, тот еще крепко спал. Пустив воду для ванны и приготовив все для бритья, камердинер вернулся в спальню. Продолжая неслышно двигаться по комнате, чтобы дать возможность своему хозяину поспать еще несколько минут, Паркер вдруг увидел кинжал, торчащий из полированной крышки туалетного столика, — острие его проткнуло записку вместе с лежавшей под нею фотографией. Паркер посмотрел, подивился, потом, не колеблясь, приоткрыл дверь в спальню миссис Морган и, заглянув туда, быстро направился к хозяину и стал трясти его за плечо.

Френсис открыл глаза, секунду посмотрел перед собой, ничего не понимая, как это бывает, когда человек внезапно пробуждается от крепкого сна, но очень быстро вспомнил об отданном накануне приказании.

— Пора вставать, сэр, — тихим голосом сказал камердинер.

— Это всегда самое неприятное для меня время, — с улыбкой сказал Френсис и, зевнув, снова закрыл глаза: — Дай мне еще полежать минутку, Паркер. Если я задремлю, ты меня потряси.

Но Паркер тут же начал трясти его.

— Вставайте скорее, сэр. Мне кажется с миссис Морган что-то случилось: ее нет в спальне, а тут я нашел какую-то странную записку и нож. Быть может, это вам что-нибудь объяснит. Я, право, не знаю, сэр…

Френсис одним прыжком вскочил с постели; с минуту он не отрываясь смотрел на кинжал, затем извлек его из дерева, прочел и снова перечел записку, словно никак не мог понять смысл двух простых слов: «Прощай навсегда».

Но еще больше, чем записка, поразил его кинжал, воткнутый между глаз Леонсии; глядя на отверстие, оставленное кинжалом в тонком картоне, Френсис вдруг отчетливо вспомнил, что

уже видел это когда-то, — и сразу в его памяти возник дом королевы на берегу озера: вот они все стоят возле золотого котла, смотрят в него и каждый видит свое. А ему тогда привиделась Леонсия, и между глаз у нее торчал нож. Френсис даже снова воткнул кинжал в фотографию и еще раз посмотрел на нее.

Объяснение напрашивалось само собой. Королева с самого начала ревновала его к Леонсии, и здесь, в Нью-Йорке, обнаружив ее фотографию на туалетном столике своего мужа, сделала столь же верный вывод, как верен был удар стального клинка в мертвое изображение. Но где она сама? Куда она девалась? Чужая в самом буквальном смысле слова всем и всему в этом огромном городе, наивная, неискушенная душа, считающая телефон волшебством, Уолл-стрит — храмом, а бизнес — нью-йоркским богом, она, должно быть, чувствует себя здесь все равно как обитательница Марса, свалившаяся вдруг на землю. Где и как провела она ночь? Где она сейчас? Да и жива ли вообще?

Френсису явственно представился морг с рядами неопознанных трупов, потом — берег океана, на который прилив выбрасывает тела утопленников… Вернул его к действительности Паркер.

— Не могу ли я быть чем-нибудь полезен, сэр? Быть может, позвонить в сыскное агентство? Ваш батюшка всегда…

— Да, да, — поспешно перебил его Френсис. — Был один человек, услугами которого он пользовался особенно охотно, — молодой такой, он работал у Пинкертона… Ты не помнишь, как его фамилия?

— Бэрчмен, сэр, — быстро ответил Паркер, направляясь уже к двери. — Я сейчас же пошлю за ним.

И вот Френсис в поисках своей жены вступил на путь новых приключений, которые открыли ему, исконному нью-йоркцу, такие стороны и уголки жизни огромного города, о которых он до этого времени не имел ни малейшего представления. Королеву искал не только один Бэрчмен — с ним работало еще около десятка сыщиков, которые прочесали весь город вдоль и поперек, а в Чикаго и Бостоне работали под его руководством другие сыщики.

Жизнь Френсиса в этот период никак нельзя было бы назвать однообразной: на Уолл-стрите он вел борьбу с неизвестным противником, а дома отвечал на бесконечные вызовы сыщиков, требовавших, чтобы он летел то туда, то сюда, то еще куда-нибудь для опознания какого-то только что найденного женского трупа. Френсис забыл, что значит спать в определенные часы, и привык к тому, что его могут вытащить в любое время из-за стола или даже из постели и погнать неизвестно куда для опознания все новых и новых трупов. По сведениям Бэрчмена, ни одна женщина, отвечающая описаниям королевы, не покидала Нью-Йорк ни поездом, ни пароходом, и он продолжал старательно обыскивать город, убежденный, что она все еще здесь.

Таким образом, Френсис побывал и в Мэттенуэне, и в Блэкуэлле, и в тюрьме, именуемой «Гробница», и в ночном полицейском суде. Не избежал он и бесчисленных вызовов в больницы и морги. Однажды его даже свели с только что задержанной магазинной воровкой, на которую в полиции не имелось карточки и чью личность никак не могли установить. Не раз он сталкивался с таинственными женщинами, которых подручные Бэрчмена обнаруживали в задних комнатах подозрительных гостиниц, а на какой-то из пятидесятых улиц Вест-Сайда он наткнулся на две сравнительно невинные любовные сценки, к величайшему смущению обеих пар и своему собственному.

Но, пожалуй, самым интересным и трагическим было то, что он увидел в особняке Филиппа

Джэнуери, угольного короля, которому этот его особняк стоил десять миллионов долларов. Какая-то неизвестная красавица, высокая и стройная, явилась в дом Джэнуери неделю назад, и Френсиса вызвали посмотреть на нее. При Френсисе она была столь же невменяема, как и в течение всей недели. Ломая руки и обливаясь слезами, она бормотала страстным шепотом:

— Отто, ты не прав. На коленях заверяю тебя, что ты не прав. Отто, я люблю тебя и только тебя. Никого, кроме тебя, Отто, для меня не существует. И никого никогда не было, кроме тебя. Все это ужасная ошибка. Поверь мне, Отто, поверь, иначе я умру…

И все это время на Уолл-стрите продолжалась борьба против так и не обнаруженного могущественного противника, начавшего, по общему мнению Френсиса и Бэскома, решительное наступление на состояние молодого магната, — наступление с целью уничтожить Френсиса.

— Только бы нам продержаться, не пуская в ход «Тэмпико петролеум»! — от души пожелал Бэском.

— У меня вся надежда на «Тэмпико петролеум», — отвечал Френсис. — После того, как будут поглощены все ценные бумаги, которые я могу выбросить на рынок, я пущу в бой «Тэмпико петролеум», — это будет равносильно вступлению свежей армии на поле почти проигранного сражения.

— А представьте себе, что неизвестный нам враг достаточно силен, чтобы проглотить и этот последний великолепный куш и даже попросить еще? — спросил Бэском.

Френсис пожал плечами.

— Что ж, тогда я буду разорен. Но отец мой разорялся раз пять, прежде чем прочно стал на ноги, он и родился в разоренной семье, — так что мне уже можно о такой ерунде не беспокоиться.

Некоторое время в асьенде Солано события развивались очень медленно. Вообще говоря, после того как Генри — не без помощи динамита — спас Леонсию, никаких событий больше и не происходило. Даже И Пын ни разу не появлялся с какими-нибудь свежими и абсолютно новыми секретами для продажи. Казалось, ничего не изменилось, если не считать того, что Леонсия ходила вялая и скучная и что ни Энрико, ни брат ее Генри, ни остальные шесть ее братьев, которые уже, в сущности, не были ее братьями, не могли ее развеселить.

А пока Леонсия хандрила. Генри и рослым сыновьям Энрико все не давала покоя мысль о сокровище Долины Затерянных Душ, к которому Торрес в это время динамитом прокладывал себе путь. Им было известно лишь одно, а именно: что экспедиция Торреса отправила Аугустино и Висенте в Сан-Антонио еще за двумя мулами с грузом динамита.

Поговорив с Энрико и получив его разрешение. Генри посвятил в свои планы Леонсию.

— Милая сестричка, — начал он, — мы хотим съездить в горы и посмотреть, что поделывает там этот мерзавец Торрес со своей шайкой. Благодаря тебе нам теперь известна их цель. Они хотят взорвать динамитом часть горы и проникнуть в долину. Мы знаем, где Та, Что Грезит спрятала свои камни, когда загорелся ее дом, а Торрес не знает. Вот мы и решили, когда они осушат пещеры майя, проникнуть вслед за ними в долину и попытаться овладеть сундуком с драгоценностями. Я думаю, что у нас будет для этого не меньше, а, пожалуй, побольше шансов, чем у них. Говорю я все это к тому, что мы очень хотели бы взять тебя с собой. Мне кажется, что если нам удастся добыть сокровище, ты не станешь возражать против того, чтобы

повторить наше путешествие по подземной реке.

Но Леонсия устало покачала головой.

— Нет, — сказала она в ответ на его уговоры. — Мне не хочется не только видеть Долину Затерянных Душ, но и слышать о ней. Ведь там я уступила Френсиса этой женщине.

— Получилась ошибка, дорогая сестричка. Но кто тогда мог это знать? Я не знал, ты не знала, и Френсис ведь тоже не знал. Он поступил честно и благородно, как подобает мужчине. Он и не подозревал, что мы с тобой брат и сестра, считал, что мы с тобой помолвлены, — а ведь так оно и было тогда, — не стал отбивать тебя у меня и, чтобы не поддаться соблазну и спасти всем нам жизнь, женился на королеве.

— Я все вспоминаю ту песню, которую вы с Френсисом пели в те дни: «Мы — спина к спине — у мачты...» — грустно и вне всякой связи с предыдущим пробормотала Леонсия. На глазах у нее появились слезы и закапали с ресниц.

Она повернулась, сошла с веранды, пересекла лужайку и бесцельно начала спускаться с холма. Уже, наверное, в двадцатый раз, с тех пор как Френсис уехал, бродила девушка по этой дороге, где все напоминало ей о нем. Вот здесь она впервые увидела его, когда он подъезжал к берегу в шлюпке с «Анджелики»; сюда, вот в эти кусты, она увлекла его, чтобы спасти от разгневанных братьев и отца, а потом, угрожая ему револьвером, заставила поцеловать себя, вернуться в шлюпку и уехать. Это был его первый приезд сюда.

Затем Леонсия стала перебирать в памяти мельчайшие подробности, связанные с его вторым посещением, — с той минуты, когда, выйдя из-за скалы после купания в лагуне, она увидела его: прислонившись к скале, он писал ей свою первую записку. События того памятного дня встали перед ней: она в испуге бросилась в джунгли, вот ее укусила за ногу лабарри (которую она приняла тогда за ядовитую змею), вот, убегая, она столкнулась с Френсисом и, потеряв сознание, упала на песок.

Леонсия раскрыла зонтик и села: ей вспомнилось, как она пришла в себя и увидела, что Френсис собирается высасывать яд из ранки, которую он успел уже надрезать. Теперь она понимала, что именно боль от этого надреза и привела ее тогда в чувство.

Леонсия вся ушла в милые ее сердцу воспоминания: как она ударила Френсиса по щеке, когда его губы приблизились к ее колену, как она вспыхнула и закрыла лицо руками, как потом смеялась, почувствовав, что у нее затекла нога от его чрезмерных стараний потуже затянуть повязку; вспомнила, как страшно рассердилась на него, когда он упрекнул ее за то, что она считает его убийцей своего дяди Альфаро, и как, наконец, отвергла его предложение развязать жгут. Все это было словно вчера — и вместе с тем словно с тех пор прошло уже полвека. А сколько за это время выпало на ее долю необычайных приключений, волнующих событий, лирических сцен!

Леонсия так глубоко погрузилась в эти приятные воспоминания, что даже не заметила показавшийся на дороге наемный экипаж: из Сан-Антонио. Не заметила она и того, что какая-то дама, похожая на картинку нью-йоркского журнала мод, вышла из экипажа и пешком направилась к ней. Это была не кто иная, как королева, жена Френсиса. Она шла тоже под зонтиком, прикрываясь от тропического солнца.

Остановившись за спиною Леонсии, королева, конечно, и не подозревала, что девушка в эту минуту отрешается от всего самого ей дорогого. Она видела только, что Леонсия держит в руке крошечную фотографию, которую вынула из-за корсажа, и пристально смотрит на нее.

Заглянув через ее плечо, королева узнала на фотографии лицо Френсиса, и слепая ревность вспыхнула в ней с новой силой. Она выхватила спрятанный на груди кинжал и занесла было руку, но как ни быстро было это движение, Леонсия почувствовала его и, наклонив немного зонтик вперед, оглянулась, чтобы узнать, кто стоит за ее спиной. Глубоко измученная, утратив способность удивляться, Леонсия поздоровалась с женой Френсиса Моргана так, точно они расстались всего час назад.

Даже кинжал не возбудил в ней ни страха, ни любопытства. Быть может, если бы она проявила одно из этих чувств, соперница и пронзила бы ее стальным клинком. Так или иначе, королева лишь воскликнула:

— Ты низкая женщина! Низкая, низкая! На что Леонсия только пожала плечами и сказала:

— Советую вам лучше держать зонтик так, чтоб он защищал вас от солнца.

Королева вышла из-за спины Леонсии и встала прямо перед нею, глядя на свою соперницу сверху вниз. Гнев и ревность душили ее, и она не могла вымолвить ни слова.

— Но почему же я гадкая? — первой заговорила Леонсия после долгого молчания.

— Потому что ты воровка! — вскипела королева. — Потому что ты крадешь мужчин, когда у тебя есть свой муж. Потому что ты не верна своему мужу, — по крайней мере в душе: для большего у тебя пока не было возможности.

— У меня нет мужа, — спокойно возразила Леонсия.

— Ну, есть жених… Вы ведь, по-моему, должны были пожениться на следующий день после нашего отъезда.

— У меня нет и жениха, — продолжала Леонсия с тем же спокойствием.

Все тело королевы так напряглось, а лицо приняло такое выражение, что Леонсия невольно сравнила ее с тигрицей.

— А Генри Морган? — вскричала королева.

— Он мой брат.

— Это слово, Леонсия Солано, может значить очень многое. Я теперь узнала это. В Нью-Йорке есть люди, которые поклоняются каким-то непонятным божествам и называют всех людей в мире «братьями», а всех женщин — «сестрами».

— Отец Генри был моим отцом, — терпеливо пояснила ей Леонсия. — Его мать была моей матерью. Мы родные брат и сестра.

— А Френсис? — спросила королева, с внезапно пробудившимся интересом. — Ему ты тоже сестра?

Леонсия покачала головой.

— Значит, ты любишь Френсиса? — воскликнула королева в порыве горького разочарования.

— Но ведь он принадлежит вам, — сказала Леонсия.

— Нет, ты отняла его у меня.

Леонсия медленно и грустно покачала головой и так же грустно посмотрела вдаль — туда, где простиралась курящаяся под солнцем лагуна Чирикви.

После долгого молчания она устало промолвила:

— Если хотите, верьте этому. Верьте всему, чему вам угодно.

— Я сразу разгадала тебя, — воскликнула королева. — Ты обладаешь странной властью над мужчинами. Я — женщина, и тоже красива: здесь, в большом мире, и на меня заглядываются мужчины, — я заметила это. Я знаю, что могу быть желанной. Даже во взорах жалких мужчин моей Долины Затерянных Душ, которые вечно смотрят в землю, я читала любовь. Один из них осмелился высказать мне это — и умер ради меня, или, вернее, из-за меня: он был брошен в водоворот. Но ты своими чарами настолько подчинила себе Френсиса, что даже в моих объятиях он думает о тебе. Я знаю это. Я знаю, что и тогда он думает о тебе!

Эти последние слова были криком пораженного страстью, наболевшего сердца. И в следующую минуту, нимало не удивив этим Леонсию, которая в своей беспросветной апатии ничему уже не была способна удивляться, королева выронила кинжал, опустилась на песок и, закрыв лицо руками, истерически разрыдалась. Вяло и чисто машинально Леонсия обняла ее за плечи и стала утешать. Прошло немало времени, пока королева успокоилась.

— Я ушла от Френсиса в ту же минуту, как только узнала, что он любит тебя, — сказала она решительным тоном. — Я пронзила кинжалом твой портрет, который стоит у него в спальне, и приехала сюда, чтобы пронзить вот так же тебя самое. Но я была не права. Ведь это не твоя вина и не вина Френсиса. Одна я виновата, что не сумела завоевать его любовь. Не ты, а я должна умереть. Но сначала мне надо вернуться к себе в долину и взять свои камни. Френсис сейчас в большой тревоге, потому что бог, храм которого называется Уолл-стритом, разгневался на него. Он хочет отнять у Френсиса его богатство, и Френсису нужно другое богатство, чтобы спасти свое. У меня оно есть. Нельзя терять времени. Можешь ли ты помочь мне — ты и твои родные? Ведь это ради Френсиса!

Глава двадцать седьмая

Таким образом, в Долину Затерянных Душ одновременно с двух сторон пробирались сквозь горы две партии искателей сокровища. С одной стороны — и очень быстро — продвигались королева, Леонсия, Генри Морган и вся семья Солано. Куда медленнее, хоть она и выступила в поход гораздо раньше, продвигалась партия Торреса и начальника полиции. Подойдя к горе, Торрес понял, что проникнуть в ее недра не так-то легко. Чтобы взорвать вход в пещеры, требовалось больше динамита, чем он предполагал: скала с трудом поддавалась их упорным усилиям. Когда они, наконец, взорвали часть скалы и в ней образовалась брешь, оказалось, что она все равно не может служить стоком, так как гораздо выше уровня воды в пещере. Пришлось взрывать скалу еще раз. И еще один взрыв понадобился, когда они уже попали в пещеру, где плавали в воде мумии конкистадоров, а затем по узкому проходу добрались и до зала, где стояли бог и богиня. Но прежде чем двинуться дальше, в сердце горы, Торрес похитил рубиновые глаза Чиа и изумрудные глаза Хцатцла.

Тем временем королева и ее спутники почти без задержек проникли в долину через гору, ограждавшую ее с противоположной стороны. Они шли сейчас несколько иным путем, чем когда выбирались из долины. Королева, долгие годы смотревшая в Зеркало мира, знала каждый дюйм пути. Там, где подземная река вливалась в отверстие под скалой и затем впадала

в реку Гуалака, пришлось бросить лодки. Мужчины вместе с королевой обследовали все вокруг и обнаружили в почти отвесной скале узкий вход в пещеру, скрытый зарослями кустарника; обнаружить его мог лишь тот, кто знал, где он находится. Обвязав лодки канатами, путешественники втянули их в пещеру, затем пронесли на плечах по извилистому проходу и спустили в подземную реку там, где она спокойно и мирно текла между сравнительно широких берегов, так что без труда можно было грести против течения. В иных местах, где течение становилось слишком быстрым, они выскакивали на берег и тянули лодки бечевой. А там, где река ныряла в недра горы, королева показывала своим спутникам проходы, безусловно, прорубленные рукой человека, по-видимому, еще в древние времена. По проходам этим они без труда пронесли свои легкие лодки.

— Здесь мы расстанемся с лодками, — сказала, наконец, королева; и мужчины при колеблющемся свете факелов стали привязывать их к громоздившимся на берегу глыбам. — Нам осталось пройти очень немного. Этот последний проход выведет нас к небольшому отверстию в скале, скрытому диким виноградом и папоротником. Оттуда мы увидим то место, где когда-то стоял мой дом над озером. Затем мы на веревках спустимся со скалы, — это невысоко, футов пятьдесят, не больше.

Генри с электрическим фонариком шел впереди, рядом с ним — королева, а старик Энрико с Леонсией замыкали шествие, бдительно следя за тем, чтобы какой-нибудь малодушный пеон или индеец лодочник не вздумал сбежать. Но когда они дошли до того места, где должно было быть отверстие, его не оказалось. Выход был завален снизу доверху камнями разной величины — от обыкновенных булыжников до огромных глыб величиной с хижину туземца.

— Кто мог это сделать? — возмущенно воскликнула королева.

Но Генри, быстро осмотревшись, успокоил ее.

— Это просто обвал, — сказал он. — Осыпались камни, составляющие верхний покров горы. Мы быстро устраним эту преграду с помощью динамита. Хорошо, что мы его прихватили с собой.

Однако времени на это ушло немало. Пришлось потрудиться весь остаток дня и всю ночь. Взрывчатку закладывали небольшими зарядами, так как Генри опасался большого обвала. В восемь часов утра они взорвали очередную шашку, в скале образовалась щель, и они увидели впереди дневной свет. Тогда они стали действовать еще осторожнее. Наконец, осталась только одна огромная глыба, тонн в десять весом, которая загораживала проход. По обе стороны глыбы были щели, в них свободно можно было просунуть руку и даже почувствовать, как припекает солнце, но вылезть наружу было невозможно. Все попытки приподнять глыбу не приводили ни к чему — она лишь качалась, но не двигалась с места. Тогда Генри решил еще раз заложить динамит, в надежде, что взрывная волна сбросит глыбу в долину.

— Затерянные Души, конечно, догадались, что к ним идут гости: ведь мы уже пятнадцать часов стучимся к ним с черного хода, — рассмеялся он, готовясь поджечь фитиль.

Все население Долины Затерянных Душ, собравшееся у алтаря бога Солнца перед Большим домом, и в самом деле не без ужаса догадывалось о приближении непрошеных гостей. Столь тягостна была их последняя встреча с чужеземцами, когда сгорел дом у озера и погибла их королева, что теперь они молили бога Солнца не посылать им больше гостей. Но в то же время, подстрекаемые страстными призывами жреца, они приняли твердое решение на этот раз немедленно и без всяких разговоров убивать всех, кто явится к ним в долину.

— Даже если это будет сам да Васко! — воскликнул жрец.

— Даже если сам да Васко! — вторили ему Затерянные Души.

Все они были вооружены копьями, боевыми дубинками, луками и стрелами и в ожидании пришельцев с жаром молились перед алтарем. Чуть не каждую минуту с озера прибегали гонцы и сообщали одно и то же: гора грохочет, но никто из нее не показывается.

Маленькая девочка из Большого дома, принимавшая в прошлый раз Леонсию, первой увидела чужеземцев. А вышло так потому, что все внимание племени было сосредоточено на горе над озером и никто не ожидал вторжения чужеземцев с противоположной стороны.

— Да Васко! — закричала девочка. — Да Васко!

Все посмотрели в указанном направлении: в эту минуту Торрес, начальник полиции и вся их шайка как раз выходили на поляну и были всего в пятидесяти ярдах от алтаря. На голове Торреса снова был шлем, который он снял с головы своего высохшего предка в пещере мумий. Гостей радушно приветствовали градом стрел, которые мигом уложили двоих. И сразу Затерянные Души — мужчины и женщины — двинулись в наступление. Но тут заговорили ружья полицейских и Торреса. Захватчики меньше всего ожидали такого наскока, да еще со столь близкого расстояния, и хотя многие Затерянные Души упали, сраженные пулями, большинство все же добежало до своих врагов, — и тут началась отчаянная рукопашная схватка. В эти минуты преимущества огнестрельного оружия были сведены до минимума, и копья Затерянных Душ пронзили немало жандармов и прочих участников экспедиции, а дубинки их дробили направо и налево черепа врагов.

В конце концов Затерянные Души были все-таки отброшены — ведь из револьвера можно стрелять и в свалке, — а оставшиеся в живых бежали. Но и потери пришельцев были тоже велики: половина из них валялась на земле, и женщины племени позаботились о том, чтобы они недолго мучились. Начальник полиции рычал от боли и ярости, стараясь вытащить стрелу, пронзившую его руку. Однако все его усилия были тщетны, и Висенте пришлось отрезать заостренный конец стрелы и только после этого извлечь ее.

Торрес, если не считать того, что у него ныла рука от удара дубиной, в общем отделался легким испугом; он чуть не запрыгал от радости, увидев распростертого на земле жреца: старик умирал, положив голову на колени дочери.

Видя, что их раненые уже не нуждаются в медицинской помощи, Торрес и начальник полиции повели остатки отряда к озеру и по берегу добрались до развалин жилища королевы. Лишь обуглившиеся сваи, выступая из воды, показывали то место, где прежде был дом. При виде этого Торрес растерялся, а начальник полиции пришел в полную ярость.

— Но ведь тут, в этом доме, и стоял сундук с сокровищем! — заикаясь, пробормотал Торрес.

— Ищи синицу в небе! — прорычал начальник полиции. — Сеньор Торрес, я всегда подозревал, что вы дурак!

— Откуда же я мог знать, что этот дом сгорел?

— Должны были знать! Ведь вы хвастаетесь, что все знаете! — осадил его начальник полиции. — Только меня вам не провести. Я давно уже слежу за вами. Я видел, как вы украли изумруды и рубины из глаз идолов. Извольте поделиться со мной, и сейчас же!

— Обождите, пожалуйста. Чуточку терпения! — взмолился Торрес, — Давайте сначала посмотрим. Конечно, я поделюсь с вами, но что значат какие-то четыре камня в сравнении с

целым сундуком! Дом был легкий, непрочный. Сундук вполне мог провалиться в воду, когда рухнула крыша. А драгоценные камни от воды не портятся.

Шеф велел своим людям обследовать дно вокруг обугленных свай, и они — кто вброд, кто вплавь — обыскивали мелкие места, тщательно избегая водоворота. Обнаружил находку Аугустино-Молчальник — почти у самого берега, где вода едва доходила ему до колен.

— Я стою на чем-то твердом, — объявил он.

Торрес нагнулся и ощупал предмет, на котором стоял Аугустино.

— Это сундук, я уверен, — провозгласил он. — Ну-ка, все сюда! Все! Тащите ее на берег — посмотрим, что там в нем.

Но когда сундук вытащили и Торрес уже собрался поднять крышку, начальник полиции остановил его.

— Марш обратно в воду! — приказал он своим людям. — Там еще много таких сундуков, их надо найти, иначе наша экспедиция будет зряшной потерей времени. Разве один какой-то сундук может окупить все наши расходы?!

И только когда все залезли в воду и принялись нырять и обыскивать дно, Торрес поднял крышку. Начальник полиции стоял громом пораженный. Он лишь смотрел и бормотал что-то нечленораздельное.

— Ну что, поверили мне, наконец? — спросил Торрес. — Ведь этому сокровищу цены нет! Мы с вами теперь самые богатые люди в Панаме, в Южной Америке и во всем мире! Это и есть сокровище майя. Мы слышали о нем, еще когда были детьми. О нем мечтали наши отцы и деды. Конкистадорам не удалось найти его. А теперь оно наше! Наше!

Пока они, оцепенев, стояли и смотрели на свое богатство, жандармы, один за другим, вылезли из воды, молча выстроились полукругом за их спинами и тоже уставились на сундук. Ни начальник полиции, ни Торрес этого не подозревали, как не подозревали в свою очередь и стоявшие позади, что к ним неслышно подкрадываются Затерянные Души. И когда хозяева долины обрушились на пришельцев, те, точно завороженные, все еще смотрели на сокровище.

Стрела, выпущенная из лука на расстоянии десяти ярдов, всегда смертельна, особенно если у стрелка есть время прицелиться. Две трети искателей сокровища рухнули на землю, пронзенные стрелами Затерянных Душ. В тело Висенте, который, к счастью для Торреса, оказался позади него, вонзилось сразу по меньшей мере два копья и пять стрел. Горстка оставшихся в живых едва успела схватить винтовки и обернуться к нападающим, как те уже ринулись на них, размахивая дубинками.

Рафаэлю и Игнасио — двум жандармам, тем самым, которые участвовали еще в перипетиях на хучитанском нефтяном поле, — почти тотчас проломили головы. А женщины из племени Затерянных Душ, как и раньше, постарались, чтобы раненые недолго мучились.

Торресу и начальнику полиции оставалось жить считанные минуты, как вдруг оглушительный треск в недрах горы над озером и последовавший за этим грохот обвала отвлекли внимание нападающих. Сверху на поле битвы скатился огромный камень. Положение сразу изменилось. Несколько Затерянных Душ, которые уцелели при этом, кинулись, пораженные ужасом, со всех ног в кусты. На месте происшествия остались лишь начальник полиции и Торрес. Они взглянули вверх на скалу, из которой все еще валил дым, и вдруг увидели вылезающих из щели

Генри Моргана и королеву.

— Вы цельтесь в дамочку, — рявкнул начальник полиции, — а я прикончу этого гринго Моргана, пусть даже это будет мой последний выстрел в жизни, — ведь жить-то, видно, недолго осталось.

Оба подняли винтовки и выстрелили. Торрес, который никогда не был особенно хорошим стрелком, как ни странно, попал прямо в сердце королеве. Но начальник полиции, прекрасный стрелок и обладатель нескольких медалей за меткость, на этот раз промахнулся. В следующее мгновение пуля из ружья Генри прострелила ему правую кисть и вышла у локтя. И когда винтовка шефа со стуком упала на землю, он понял, что у него перебита кость и что он никогда уже больше не сможет держать оружие.

Но Генри на сей раз оказался далеко не метким стрелком. После суток пребывания во тьме пещеры глаза его не могли сразу освоиться с ярким солнечным светом. Его первый выстрел был удачным; однако сколько он потом ни стрелял в начальника полиции и Торреса, ни одна пуля их не задела, они повернулись и как сумасшедшие бросились в кусты.

Десять минут спустя, на глазах у Торреса, из-за дерева выскочила женщина из племени Затерянных Душ и, бросив огромный камень, размозжила голову раненому начальнику полиции, который шел впереди. Торрес пристрелил ее, потом с ужасом перекрестился и, спотыкаясь, побежал дальше. Издали доносились голоса Генри и братьев Солано, преследовавших его, — и тут ему вспомнилось то, что он видел в Зеркале мира, но не досмотрел до конца. Неужели ему и в самом деле суждено вот так погибнуть? Однако эти деревья, этот колючий кустарник, эти джунгли вовсе не походили на то место, которое он видел в Зеркале мира. Там не было никакой растительности — лишь суровые голые скалы, слепящее солнце да кости животных. В душе Торреса снова затеплилась надежда. Быть может, конец его наступит не сегодня, быть может, даже не в этом году? Кто знает, быть может, ему суждено еще жить добрых двадцать лет!

Выбравшись из леса, Торрес увидел впереди голое пространство, как бы покрытое застывшей лавой. Тут по крайней мере не останется следов, — и Торрес, осторожно перебравшись через это место, снова нырнул в заросли; он уже считал себя спасенным. Мало-помалу план бегства окончательно сложился у него в уме: он отыщет укромное местечко, где можно спрятаться до наступления темноты, а когда стемнеет, вернется к озеру — туда, где водоворот. Там уже никто и ничто не сможет остановить его. Он прыгнет в воду и — он спасен. Вторичное путешествие по подземной реке теперь уже не пугало его. И воображению его снова представилась приятная картина: река Гуалака, которая, поблескивая под солнцем, катит свои воды к морю. У него теперь есть два огромных изумруда и два таких же рубина из глаз Чиа и Хцатцла! Это уже само по себе целое состояние, и притом немалое. Ну пусть ему не удалось захватить сокровище майя и стать самым богатым человеком в мире — хватит с него и этих четырех камней. Сейчас Торрес мечтал лишь о том, чтобы поскорее стемнело, — тогда он в последний раз прыгнет в водоворот, проплывет по подземной реке сквозь недра горы и выберется в текущую к морю Гуалаку.

И так живо представилась Торресу эта картина, что, не заметив, куда ступает, он потерял равновесие и покатился вниз. Но полетел он не в бурлящие воды, а вниз по отвесной скале. Скала была такой скользкой, что он стремительно летел вниз, но он сумел перевернуться и теперь скользил лицом к скале, делая отчаянные попытки зацепиться хоть за что-нибудь руками и ногами. Однако все его усилия были тщетны; правда, падал он уже не столь стремительно, но задержаться не сумел.

Достигнув дна ущелья, Торрес пролежал несколько минут оглушенный, почти без дыхания. Когда он пришел в себя, то прежде всего почувствовал, что рука его сжимает что-то странное. Он мог бы поклясться, что это зубы. Наконец, собравшись с силами, он призвал на помощь всю свою решимость, открыл глаза и отважился посмотреть — и тотчас облегченно вздохнул: это в самом деле были зубы свиньи, выбеленные солнцем и ветром, а рядом валялась свиная челюсть. Вокруг него и под ним лежали груды костей; приглядевшись, он увидел, что это кости свиней и каких-то более мелких животных.

Где это он видел столько костей?.. Торрес напряг память и вспомнил большой золотой котел королевы. Он взглянул вверх. О Матерь Божья! То самое место! Он сразу узнал эту воронку, как только поднял голову. До ее края не меньше двухсот футов! И все эти двести футов — отвесная голая скала! Торрес с одного взгляда понял, что ни одному смертному никогда не взобраться на эту кручу.

Видение, всплывшее в памяти Торреса, заставило его вскочить и поспешно оглядеться вокруг. Эта западня, в которую он так неожиданно попал, напомнила ему колодцы-западни, какие вырывает в песке паук, терпеливо поджидая на дне свою жертву, — только этот был в миллион раз больше. Разгоряченное воображение подсказывало ему, что здесь тоже может прятаться какой-нибудь паук-чудовище, под стать этой пропасти, подстерегающий его, чтобы сожрать. Ему стало жутко от этих мыслей. Но страхи его оказались напрасными. Дно колодца, совершенно круглое, достигало футов десяти в диаметре и было сплошь усеяно толстым слоем костей каких-то мелких животных. «Интересно, зачем это древние майя вырыли такой глубокий колодец?» — подумал Торрес. Он был почти уверен, что западня, в которую он попал, сделана человеческими руками.

Прежде чем наступила ночь, Торрес сделал по меньшей мере десять попыток вскарабкаться наверх и убедился, что это невозможно. После каждой отчаянной попытки он сгибался в три погибели, чтобы укрыться в жалкой тени, которая, к счастью, увеличивалась по мере того, как садилось солнце, и отдыхал, тяжело дыша, облизывая сухие, растрескавшиеся от жары и жажды губы. Здесь было жарко, точно в печке; он чувствовал, как сквозь поры вместе с потом выходят последние его жизненные соки. Ночью он несколько раз просыпался, тщетно ломая голову над тем, как спастись. Выбраться отсюда можно было только вскарабкавшись наверх, но как это сделать? И он с ужасом думал о приближении дня, ибо знал, что ни один человек не сможет прожить десять часов в такой жаре. Еще прежде, чем снова наступит ночь, последняя капля влаги испарится из его тела, и солнце превратит его в сморщенную, высохшую мумию.

Наступивший день усилил его ужас и подхлестнул изобретательность, подсказавшую ему новый и чрезвычайно простой способ избежать смерти. Раз он не может вскарабкаться наверх и не может пройти сквозь стены, значит, единственный возможный путь — это вниз. Вот идиот! Ведь он мог бы работать в прохладные ночные часы, а теперь изволь трудиться, когда солнце с каждым часом будет все сильнее припекать. И он принялся в порыве энергии разрывать крошащиеся кости. Ну, конечно, тут есть ход вниз! Иначе куда бы девалась отсюда дождевая вода? Она доверху заполнила бы колодец, если бы тут не было стока. Идиот! Трижды идиот!

Торрес копал у одной стены, выбрасывая кости к противоположной. Он работал с таким отчаянием и так спешил, что обломал себе ногти и в кровь изодрал пальцы. Но тяга к жизни была в нем очень сильна, и он знал, что в этом состязании с солнцем на карту поставлена его жизнь. По мере того как он рыл, слой костей становился все плотнее, так что ему приходилось разбивать его дулом ружья, а потом отбрасывать измельченные кости пригоршнями.

К полудню, когда в голове у него уже начало шуметь от зноя, он вдруг сделал открытие. На той части скалы, которую он успел обнажить, показались какие-то буквы, явно нацарапанные

ножом. С возродившейся надеждой Торрес по самые плечи засунул голову в вырытую им дыру и принялся, как собака, разрывать и скрести костяную массу, отбрасывая крошащиеся кости назад. Часть их отлетала прочь, а часть — и притом большая — падала обратно на Торреса. Но он вошел уже в такой раж, что не замечал, сколь тщетны его усилия.

Наконец, он расчистил всю надпись и прочел:

Питер Мак-Гил из Глазго. 12 марта 1829 года.

Я выбрался из Чертова колодца через этот проход, который я обнаружил и раскопал.

Проход! Значит, под этой надписью должен быть проход! Торрес с яростью возобновил работу. Он так перепачкался в пыли и земле, что похож был на огромное четвероногое, что-то вроде гигантского крота. Земля то и дело попадала ему в глаза, забивалась в ноздри и в гортань, — тогда он поневоле высовывал голову из ямы и начинал чихать и кашлять. Дважды он терял сознание. Но солнце, к этому времени уже стоявшее прямо у него над головой, заставляло его снова браться за работу.

Наконец, Торрес обнаружил верхнюю закраину прохода. Он не стал рыть дальше и освобождать все отверстие. Как только оно оказалось достаточно широким для того, чтобы он мог протиснуть в него свое тощее тело, он изогнулся и влез туда, стремясь поскорее укрыться от палящих лучей солнца. В темноте и прохладе он немного пришел в себя, но после радостного возбуждения наступил упадок сил, и у него так заколотилось сердце, что он в третий раз потерял сознание.

Придя в себя, он бессвязно прошептал черными распухшими губами какую-то молитву и пополз по проходу. Он вынужден был ползти, так как проход был столь низок, что даже карлик не мог бы выпрямиться в нем. Это был настоящий склеп. Под ногами Торреса хрустели и крошились кости, и он чувствовал, как их острые обломки раздирают ему кожу. Он прополз таким образом примерно футов сто, когда увидел первый проблеск дневного света. Но чем ближе было спасение, тем медленнее подвигался вперед Торрес; он чувствовал, что силы его иссякают — не от усталости, не от голода, а главным образом от жажды. Воды, несколько глотков воды — и силы снова вернулись бы к нему. Но воды не было.

Тем временем свет становился все ярче. Торрес все ближе подползал к нему. Скоро он заметил, что проход стал спускаться вниз под углом в целых тридцать градусов. Теперь продвигаться было легче. Торрес скользил вниз, сила тяготения увлекала его слабеющее тело вперед, к источнику света. Почти у самого отверстия костей стало больше. Но это не встревожило Торреса — он уже привык к ним, да и слишком был измучен, чтобы думать об этом.

Хотя перед глазами у него все кружилось и пальцы почти утратили чувствительность, он обратил внимание на то, что проход суживается. Торрес продолжал спускаться вниз все под тем же углом в тридцать градусов, и вдруг ему пришло в голову, что проход этот очень похож на крысоловку, а сам он — на крысу, скользящую головой вперед неизвестно куда. Еще прежде, чем он добрался до отверстия во внешний мир, сквозь которое проникал яркий дневной свет, он подумал, что оно слишком узко для его тела. И опасение его оправдалось. Не задумываясь, он переполз через скелет, в котором сразу признал скелет мужчины, и ухитрился, обдирая уши, просунуть голову в узкую щель. Солнце нестерпимо жгло ему лицо, но он не замечал этого, жадно впиваясь глазами в раскинувшиеся перед ним просторы, куда неумолимая скала не желала его пустить.

Можно было помешаться от одного вида ручья, с таким мелодичным журчанием бежавшего всего в каких-нибудь ста ярдах, среди лесистых берегов, куда вел поросший травою склон. А в ручье этом, под тенью деревьев, стояли по колено в воде сонные коровы той карликовой породы, каких он видел в Долине Затерянных Душ; время от времени они лениво помахивали хвостами, отгоняя мух, и переступали с ноги на ногу. Торрес с ненавистью смотрел на них: вот они могут пить, сколько хотят, но, по-видимому, не испытывают никакой жажды. Глупые создания! Как можно не пить, когда вокруг столько лениво журчащей воды!

Вдруг коровы насторожились и повернули головы: из лесной чащи вышел большой олень. Коровы выставили рога и принялись бить копытами по воде так, что до Торреса донесся плеск, но олень, не обращая внимания на их недовольство, нагнул голову и принялся пить. Это было уж слишком: из груди Торреса вырвался безумный крик, — будь он в эту минуту в своем уме, он ни за что не признал бы своего голоса.

Олень отпрянул, а коровы повернулись в ту сторону, откуда раздался этот страшный крик, потом снова впали в дремоту, закрыв глаза и время от времени отгоняя хвостом мух. Резким усилием, едва ли понимая, что он может оторвать себе уши, Торрес втянул назад голову и без сознания упал на скелет.

Часа через два — хотя сам-то он, конечно, понятия не имел о том, сколько прошло времени, — Торрес очнулся и обнаружил, что лежит, прижавшись щекой к черепу скелета. Заходящее солнце бросало косые лучи в узкую щель, и перед Торресом вдруг блеснуло лезвие заржавленного ножа; острие его было выщерблено и сломано, и Торрес сразу понял почему. Это был тот самый нож, которым была нацарапана надпись на скале, у входа в подземный коридор, а скелет, на котором он сейчас лежал, был остовом человека, сделавшего надпись. И тут Альварес Торрес окончательно лишился рассудка.

— А-а, Питер Мак-Гил, так это ты мой враг? — пробормотал он. — Питер Мак-Гил из Глазго, предатель! Ты нарочно заставил меня протащиться по этому проходу до конца! Так вот тебе! Вот! Вот!

С этими словами он всадил тяжелый нож в хрупкий лоб черепа. Пыль от костей, что некогда хранили мозг Питера Мак-Гила, ударила Торресу в ноздри и привела его в еще большую ярость. Он набросился на скелет и руками стал раздирать его на части, кости так и летели вокруг. Это было похоже на сражение, в котором он уничтожил то, что осталось от человека, некогда бывшего жителем города Глазго.

Торрес еще раз просунул голову в узкую щель, чтобы взглянуть на угасающую красоту мира. Точно крыса, пойманная за горло в крысоловке древних майя, он смотрел, как дивный мир погружается во тьму, и вместе с угасающим днем погружалось во тьму смерти его собственное сознание.

А коровы продолжали стоять в воде и сонно отмахиваться от мух; потом опять появился олень и, не обращая внимания на стадо, наклонился к воде и стал пить.

Глава двадцать восьмая

Недаром коллеги называли Ригана Волком Уолл-стрита! Как правило, он очень осторожно играл на бирже, — правда, с большим размахом, — но время от времени он, точно запойный пьяница, вдруг пускался в самые смелые и невероятные авантюры. По крайней мере, пять раз за свою долгую карьеру он вызывал панику на бирже и неизменно клал себе в карман миллионы. Но Риган лишь изредка так буйствовал и никогда не марал рук по пустякам.

Несколько лет подряд он держался спокойно, чтобы усыпить подозрения противников и внушить им, будто Волк, наконец, постарел и утихомирился. И вдруг обрушивался, точно гроза, на тех, кого задумал сокрушить. Но хотя удар разражался как гром среди ясного неба, он никогда не бывал внезапным. Долгие месяцы, а иногда и годы Риган день за днем тщательно готовился к этому удару, терпеливо вынашивая планы будущего генерального сражения.

Так же было разработано и подготовлено неминуемое Ватерлоо для Френсиса Моргана. В основе здесь лежала месть, но месть покойнику: не против Френсиса, а против отца Френсиса был задуман этот удар, хотя он и поражал лежащего в могиле через его живого сына. Восемь лет Риган ждал и искал случая для удара, пока старый Р. Г. М. — Ричард Генри Морган — был еще жив. Но такая возможность не представилась. Хоть Риган и был Волком Уолл-стрита, но ему так и не посчастливилось ни разу напасть на Льва — до самой его смерти.

И вот, неизменно прикрываясь маской доброжелательства, Риган перенес свою ненависть с отца на сына. Однако возникла эта ненависть из неверно понятых действий и побуждений. За восемь лет до смерти Р. Г. М. Риган пытался провести его, но безуспешно. Однако Ригану и в голову не пришло, что Р. Г. М. разгадал его намерения и не только разгадал, а и удостоверился в правильности своей догадки, и тогда быстро и ловко подставил ножку своему вероломному коллеге. Если бы Риган подозревал, что Р. Г. М. известны его вероломные замыслы, он, вероятно, проглотил бы пилюлю и не помышлял бы о мести. Но, будучи уверен, что Р. Г. М. — такой же бесчестный человек, как и он сам, и такой же низкий, Риган воспринял это как очередную, ничем не вызванную и не обоснованную низость и решил поквитаться с дерзким: разорить если не его, так его сына.

И Риган стал ждать своего часа. Сначала Френсис не вмешивался в биржевую игру, довольствуясь доходами от солидных предприятий, в которые были вложены деньги его отца. И только когда Френсис стал одним из заправил компании «Тэмпико петролеум», когда он вложил в это предприятие, сулившее миллионные прибыли, несколько миллионов, Риган увидел возможность уничтожить молодого Моргана. Но уж теперь, раз эта возможность появилась, он не стал терять времени даром, хотя ему и надо было еще немало месяцев, чтобы не спеша и методично подготовиться к атаке. Прежде чем приступить к ней, Риган подробно выяснил, какие акции у Френсиса на онкольном счету и какими он владеет непосредственно.

Ригану потребовалось свыше двух лет, чтобы подготовиться. В нескольких корпорациях, где у Френсиса были вложены значительные суммы, Риган был одним из директоров и пользовался немалым влиянием: в «Фриско консолидэйтед» он был председателем; в компании «Нью-Йорк, Вермонт энд Коннектикут» — вице-председателем; в «Норс-Уэстерн электрик», где сначала ему удалось прибрать к рукам лишь одного из директоров, он постепенно, с помощью закулисных интриг, подчинил себе две трети голосов. И так всюду — прямо или косвенно: через корпорации и банковские филиалы — он сосредоточил в своих руках все тайные пружины и рычаги финансов и коммерции, от которых зависело богатство Френсиса.

Однако все эти предприятия были мелочью по сравнению с самым крупным — «Тэмпико петролеум». Тут, если не считать каких-то жалких двадцати тысяч акций, купленных на бирже, Риган не имел никакой опоры и ничего не контролировал, а между тем близилось время гигантских финансовых манипуляций. «Тэмпико петролеум» фактически была единоличной собственностью Френсиса. Кроме него самого, в этом предприятии были крупно заинтересованы несколько его друзей, в том числе и миссис Каррузерс. Эта беспокойная особа без конца теребила Френсиса и даже, не стесняясь, надоедала ему телефонными звонками. Однако были и такие — вроде Джонни Пасмора, — которые никогда не тревожили его и при встречах лишь вскользь, да и то оптимистически, говорили о состоянии биржи и о финансах вообще. Но Френсиса это удручало куда больше, чем бесконечные приставания миссис

Каррузерс.

Вследствие махинаций Ригана акции «Норс-Уэстерн электрик» упали на целых тридцать пунктов и продолжали котироваться очень низко. Люди, считавшие себя компетентными, пришли к выводу, что предприятие это весьма ненадежно. Затем настала очередь маленькой старой, устойчивой, как Гибралтар, компании «Фриско консолидэйтед». О ней пошли самые скверные слухи, поговаривали даже о банкротстве. «Монтана Лоуд» все еще не могла оправиться после весьма придирчивого и далеко не лестного отчета Малэни о состоянии ее дел, и даже Уэстон, крупный специалист в своей области, посланный на место английскими вкладчиками, тоже не смог сообщить ничего утешительного. «Империэл тангстен», которая вот уже полгода не приносила никакого дохода, сейчас терпела огромные убытки вследствие крупной забастовки, которой не предвиделось конца. И никто, кроме нескольких подкупленных профсоюзных заправил, и не подозревал, что в основе всего этого лежит золото Ригана.

Таинственность и смертоносность этого наступления на Френсиса парализовали энергию Бэскома. Казалось, медленно сползающий с горы ледник увлекает за собой в пропасть все, во что Френсис вложил хоть какие-то деньги. Со стороны ничего особенного нельзя было заметить — это было просто неуклонное падение, вследствие которого богатство Френсиса таяло с каждым днем. Падали не только акции, принадлежавшие лично ему, но и те, по которым он был должен банкам.

В это время поползли слухи о войне. Иностранным послам одному за другим вручали паспорта, создавалось впечатление, будто полмира становится под ружье. Именно теперь, когда положение на бирже было неустойчивым и, казалось, вот-вот начнется паника, а крупные державы медлили с объявлением моратория[20], Риган решил нанести окончательный удар. Это был самый подходящий момент, чтобы провести игру на понижение, да еще вкупе с десятком других крупных «медведей»[21], которые молчаливо приняли главенство Ригана. Но далее они толком не знали, в чем состоят его планы, и не догадывались, какова их подоплека. Они участвовали в игре ради того, чтобы заработать, и полагали, что он играет по той же причине. Им и в голову не приходило, что главная мишень — Френсис Морган, или, вернее, призрак его отца, против которого собственно и направлен был этот могучий удар.

Фабрика слухов под руководством Ригана заработала вовсю. Быстрее всех и ниже всех падали акции предприятий Френсиса, которые и без того уже котировались очень низко — еще прежде, чем «медведи» начали сбивать цены. Однако Риган избегал делать какой-либо нажим на «Тэмпико петролеум». Среди всеобщего краха и смятения акции этой компании непоколебимо удерживались на высоком уровне. Риган с нетерпением ждал лишь той минуты, когда отчаяние вынудит Френсиса выбросить их на рынок, чтобы заткнуть другие бреши.

— Боже мой! Боже мой! Бэском схватился рукой за щеку и сморщился так, точно у него вдруг разболелись зубы.

— Боже мой! Боже мой! — повторил он. — Рынок полетел ко всем чертям. И вместе с ним «Тэмпико петролеум»! Кто бы мог предвидеть такое!

Френсис сидел в кабинете Бэскома, упорно стараясь затянуться сигаретой и не замечая, что она у него не горит.

— Все продают и продают, прямо наперегонки, — промолвил он.

— Мы протянем самое большее до завтрашнего утра, а потом вас пустят с молотка, и меня вместе с вами, — просто сказал маклер, бросив быстрый взгляд на часы.

Френсис тоже машинально взглянул на циферблат: стрелки показывали двенадцать.

— Выбрасывайте на рынок остатки «Тэмпико», — устало сказал он. — Это даст нам возможность продержаться до завтра.

— А что будет завтра? — спросил маклер. — Ведь почва выбита у нас из-под ног, и все вплоть до младших клерков стремятся сбыть поскорее свои акции.

Френсис пожал плечами.

— Вы же знаете, я заложил и дом, и Дримуорлд, и дачу в Адирондакских горах — и по самой высокой цене.

— У вас есть друзья?

— В такое-то время! — с горечью заметил Френсис.

— Вот именно в такое время! — подтвердил Бэском. — Послушайте, Морган. Я знаю, с кем вы были дружны в колледже. Взять, к примеру, Джонни Пасмора…

— Да ведь он тоже по уши влез во все это. Когда я прогорю, прогорит и он. И Дэйву Дональдсону придется скоро начать жить на сто шестьдесят долларов в месяц. А Крису Уэстхаузу придется пойти работать в кино. Он всегда был хорошим актером, и, говорят, у него идеальное лицо для экрана.

— Но у вас еще есть один друг — Чарли Типпери, — напомнил Бэском, хотя явно было, что он сам не возлагает на этого друга особых надежд.

— Есть, — столь же безнадежно согласился Френсис. — Одна беда: его отец пока еще жив.

— Старый пес ни разу в жизни не рискнул и долларом, — добавил Бэском. — Зато у него всегда под рукой несколько миллионов. К несчастью только, он все никак не умрет.

— Чарли мог бы уговорить его и сделал бы это для меня, если бы не одно маленькое «но».

— У вас не осталось ценных бумаг под залог? — живо спросил маклер.

Френсис кивнул:

— Попробуйте-ка выудить у старика хоть доллар без залога!

Тем не менее несколько минут спустя Френсис, в надежде застать Чарли Типпери в его конторе, уже передавал секретарю свою визитную карточку. Фирма Типпери была самой крупной ювелирной фирмой в НьюЙорке, да и, пожалуй, самой крупной в мире. У старика Типпери было вложено в брильянты куда больше, чем подозревали даже те, кому известно очень многое.

Как и предвидел Френсис, разговор с Чарли не привел ни к чему. Старик все еще крепко держал в руках узды правления, и сын почти не надеялся, что ему удастся заручиться его помощью.

— Я ведь его знаю, — сказал он Френсису. — Я попробую уломать его, но ни минуты не надейся, что из этого что-нибудь выйдет. Кончится тем, что мы с ним разругаемся. Досаднее всего, что у него ведь есть наличные деньги, не говоря уже о великом множестве всяких

ценных бумаг и государственных облигаций. Но, видишь ли, мой дед в дни своей молодости, когда он еще только становился на ноги и основывал дело, одолжил одному своему другу тысячу долларов. Он так и не получил своих денег обратно и до самой смерти не мог этого забыть. Не может забыть этого и мой папаша. Этот печальный опыт запомнился им обоим на всю жизнь. Отец не даст ни пенни даже под Северный полюс, если не получит закладную на все эти льды, да еще прежде он пошлет туда экспертов, чтобы оценить их. А ведь у тебя нет никакого обеспечения. Но я вот что тебе скажу. Я поговорю со стариком сегодня после обеда — в этот час он почти всегда бывает благодушно настроен. Затем я посмотрю, чем располагаю сам и что могу для тебя сделать. О, я понимаю, что несколько сот тысяч не устроят тебя, но я сделаю все возможное и невозможное, чтобы раздобыть побольше. Как бы там ни было, завтра в девять утра я буду у тебя…

— Мда, для меня это будет хлопотливый денек, — слабо улыбнувшись, заметил Френсис и пожал руку приятелю. — Меня уже в восемь часов не будет дома.

— В таком случае я приеду до восьми, — сказал Чарли Типпери и еще раз сердечно пожал ему руку. — А пока займемся делом. У меня уже появились кое-какие идеи…

В тот же день у Френсиса было еще одно деловое свидание. Когда он вернулся в контору своего маклера Бэскома, тот сообщил ему, что звонил Риган и хотел встретиться с ним. Риган просил передать, что у него есть для Френсиса интересные новости.

— Я немедленно поеду к нему, — сказал Френсис, берясь за шляпу; лицо его сразу посветлело от вспыхнувшей надежды. — Он старинный друг моего отца, и если кто-нибудь еще может вытащить меня из беды, то уж, конечно, он.

— Не будьте в этом так уверены, — покачав головой, сказал Бэском и помолчал немного, не решаясь высказать то, что вертелось у него на языке. — Я звонил ему перед самым вашим возвращением из Панамы. Я был с ним очень откровенен. Я сказал ему, что вы в отъезде и что положение ваше весьма печально, и… ну, да вот так напрямик и спросил: могу ли я рассчитывать на его помощь в случае нужды? И тут он начал увиливать от ответа. Вы знаете, как люди умеют увиливать, когда их просят об одолжении. Вот так же было и с ним. Но мне показалось, что тут кроется еще кое-что… Нет, я не решился бы сказать, что это враждебность, а только у меня создалось впечатление… Ну, в общем, мне показалось, что он как-то уж очень равнодушно и хладнокровно относится к перспективе вашего разорения.

— Какая ерунда! — рассмеялся Френсис. — Он был слишком хорошим другом моего отца.

— А вы когда-нибудь слышали о слиянии «Космополинтен реилуэйз»? — многозначительно спросил Бэском.

Френсис кивнул.

— Но меня тогда еще не было на свете, — немного погодя сказал он. — Я только знаю кое-что понаслышке. Так расскажите же, в чем там было дело? Почему вы вдруг об этом вспомнили?

— Слишком долго рассказывать, но послушайтесь моего совета: когда увидите Ригана, не выкладывайте ему всех своих карт. Пусть он сыграет первым. И если он что-нибудь собирается вам предложить, пусть сделает это без всякой просьбы с вашей стороны. Конечно, быть может, я и ошибаюсь, но вам не вредно было бы сначала посмотреть его карты.

Через полчаса Френсис уже сидел один на один с Риганом в его кабинете. Он настолько ясно сознавал, какая ему грозит беда, что с трудом сдерживался, чтобы не признаться в этом

откровенно; однако, памятуя совет Бэскома, старался возможно небрежнее говорить о состоянии своих дел. Он даже пробовал разыгрывать полное спокойствие.

— По уши завяз, а? — начал Риган.

— Ну, не так глубоко, голова у меня еще на поверхности, — шутливо откликнулся Френсис. — Я еще могу дышать и тонуть не собираюсь.

Риган ответил не сразу. Несколько минут он изучал последние данные на ленте биржевого телеграфа.

— И все-таки ты выбросил на рынок довольно много акций «Тэмпико петролеум».

— Зато их прямо рвут из рук, — парировал Френсис и впервые за все время с удивлением подумал, что, быть может, Бэском и прав. — Ничего, я заставлю своих противников проглотить столько акций, что их тошнить начнет.

— И все-таки, заметь, акции «Тэмпико» начинают падать, хоть их и раскупают вовсю. Вот что очень странно! — сказал Риган.

— Когда на бирже идет игра на понижение, всякие странные вещи случаются, — спокойно и мудро возразил Френсис. — Но когда мои враги напихают себе брюхо тем, отчего я с радостью готов избавиться, у них начнутся колики. И тогда кое-кому придется дорого заплатить за то, чтоб избавиться от последствий своего обжорства. Я думаю, что они вывернут карманы еще прежде, чем я разделаюсь с ними.

— Но ведь ты уже дошел до точки, мой мальчик. Я следил за этой битвой на бирже, когда тебя еще здесь не было. «Тэмпико петролеум» — твоя единственная и последняя опора.

Френсис покачал головой.

— Это не совсем так, — солгал он. — У меня есть капиталовложения, о которых мои противники на бирже и не подозревают. Я их заманиваю в западню — нарочно заманиваю. Конечно, Риган, я говорю вам это по секрету. Вы ведь были другом моего отца. Я выкручусь из этой заварухи. И если хотите послушаться моего совета, то покупайте, пока цены на рынке такие низкие. Можете не сомневаться, что свободно расплатитесь за все, когда цены поднимутся.

— Какие же это капиталовложения у тебя еще есть? Френсис пожал плечами.

— Мои противники узнают об этом, когда биржа будет затоварена моими акциями.

— Втираешь очки! — с восхищением воскликнул Риган. — Но держишься ты крепко, совсем как, бывало, старик Р. Г. М. Только, чтобы я поверил, тебе придется доказать мне, что это не очковтирательство.

Риган ждал ответа, и тут Френсиса вдруг осенило.

— Что тут доказывать, вы правы, — пробормотал он. — Я действительно втирал вам очки. Я тону: вода уже дошла мне до ушей. Но я выплыву, если вы мне поможете. Вспомните о моем отце и протяните руку помощи сыну. Если вы поддержите меня, им всем кисло придется.

И вот тут-то «Волк» Уолл-стрита и показал свои зубы. Он ткнул пальцем в портрет Ричарда

Генри Моргана.

— Как ты думаешь, почему я держу его у себя на стене столько лет? — спросил он.

Френсис кивнул: понятно, мол, между вами была проверенная годами давняя дружба.

— Нет, не угадал, — с мрачной усмешкой произнес Риган.

Френсис недоуменно пожал плечами.

— Для того, чтобы всегда помнить о нем! — продолжал Волк. — И я не забываю его ни на миг. Помнишь историю со слиянием «Космополитен рейлуэйз»? Твой отец провел меня на этом деле. И здорово провел, уж поверь! Но он был слишком хитер, чтобы я мог с ним поквитаться. Вот почему я повесил тут его портрет и стал терпеливо ждать. И дождался!

— Вы хотите сказать?.. — спокойно спросил Френсис.

— Вот именно, — прорычал Риган. — Я ждал и подготавливал наступление. И сейчас мой день настал. Щенок, во всяком случае, у меня в руках. — Он с ехидной усмешкой взглянул на портрет. — И если это не заставит старого хрыча перевернуться в гробу, тогда уж…

Френсис поднялся с кресла и долго с любопытством смотрел на своего противника.

— Нет, — сказал он, точно разговаривая сам с собой. — Нет, не стоит.

— Что не стоит? — сразу заподозрив неладное, спросил Риган.

— Отлупить вас, — был спокойный ответ. — Я мог бы в пять минут вот этими руками отправить вас на тот свет. Никакой вы не волк, вы просто помесь дворняжки с хищным хорьком. Мне говорили, что от вас можно этого ожидать, но я не поверил и пришел сюда, чтобы самому убедиться. Мои друзья были правы. Вы вполне заслуживаете всех тех прозвищ, какими они вас награждали. Уф, надо поскорее убираться отсюда. Здесь пахнет, как в лисьей норе. Ну, и вонища!

Уже взявшись за ручку двери, он помедлил и оглянулся. Ему не удалось вывести Ригана из себя.

— Так что же ты собираешься предпринять? — с издевкой спросил тот.

— Если разрешите мне позвонить по телефону моему маклеру, тогда, может, узнаете, — ответил Френсис.

— Пожалуйста, мой мальчик, — любезно отозвался Риган, но тут же, заподозрив подвох, добавил: — Я сам соединю тебя с ним.

И только убедившись, что у телефона действительно Бэском, он передал трубку Френсису.

— Вы были правы, — сказал тот Бэскому. — Риган заслуживает всех тех прозвищ, какими вы его награждали, и даже больше того. Продолжайте придерживаться выработанного нами плана. Мы можем прижать его, когда нам заблагорассудится, хотя старая лиса ни минуты не верит этому. Он считает, что ему удастся обобрать меня до нитки. — Френсис помолчал, обдумывая, как бы половчее обмануть противника, затем продолжал: — Я скажу вам сейчас кое-что, чего вы пока не знаете. Это он с самого начала вел на нас наступление. Так что теперь нам известно, кого придется хоронить.

Сказав еще несколько фраз в том же духе, он повесил трубку.

— Видите ли, — пояснил он, снова останавливаясь у порога, — вы так ловко заметали следы, что мы никак не могли догадаться, чья это работа. Черт возьми, Риган, мы ведь собирались измордовать какого-то неизвестного противника, которого считали в десять раз сильнее вас. Теперь, когда оказалось, что это вы, все будет куда проще. Мы готовились к тяжелым боям, а сейчас все сведется к легкой победе. Завтра в это время, вот здесь, в вашем кабинете, состоится панихида, и вы не будете в числе плакальщиков. Вы будете покойником, самым настоящим финансовым трупом, после того как мы разделаемся с вами.

— Точная копия Р. Г. М., — с усмешкой заметил старый Волк. — Боже мой, как он умел втирать очки!

— Какая жалость, что он не похоронил вас и не избавил меня от этих хлопот! — бросил ему на прощание Френсис.

— И от всех расходов, связанных с этим, — крикнул ему вслед Риган. — Вам это дороговато обойдется, молодой человек, а панихид в этом кабинете никаких не будет.

— Ну-с, завтра решающий день, — заявил Френсис Бэскому, когда они прощались в этот вечер. — Завтра к этому времени с меня уже сдерут скальп и я буду препарирован по всем правилам: этакий высушенный на солнце и прокопченный экземпляр для частной коллекции Ригана. Но кто бы мог поверить, что этот старый подлец имеет против меня зуб! Ведь я никогда не делал ему ничего дурного. Напротив, я всегда считал его лучшим другом отца. Если бы только Чарли Типпери удалось выудить что-нибудь у своего папаши…

— Или если бы Соединенные Штаты вдруг объявили мораторий, — в тон ему заметил Бэском, нимало, впрочем, не надеясь на это.

А Риган в эту минуту говорил собравшимся у него агентам и мастерам по фабрикации слухов:

— Продавайте! Продавайте! Продавайте все, что у вас есть, и тут же вручайте акции покупателям. Я не вижу конца этому понижению!

А Френсис, купив по дороге домой последний выпуск вечерней газеты и пробежав ее глазами, увидел заголовок, набранный огромными буквами: «НЕ ВИЖУ КОНЦА ПОНИЖЕНИЮ, — ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ТОМАС РИГАН».

На следующее утро, в восемь часов, когда Чарли Типпери прибыл к Френсису, его уже не было дома. В эту ночь правительство в Вашингтоне не спало, и ночные телеграммы разнесли по всей стране сообщение о том, что хотя Соединенные Штаты и не вступили в войну, однако объявлен мораторий и платежи прекращаются. В семь часов, когда Френсис еще был в постели, к нему явился сам Бэском с этими вестями, и Френсис тут же поехал с ним на Уолл-стрит. То, что правительство объявило мораторий, вселило в них надежду, и им предстояло многое сделать.

Чарльз Типпери, однако, был не первым, кто приехал в то утро во дворец на Риверсайд-драйв. Около восьми часов у парадного входа позвонили черные от загара, пропыленные Генри и Леонсия. Оттолкнув в сторону младшего камердинера, открывшего им дверь, они прямо направились в комнаты, к великому смятению выбежавшего им навстречу Паркера.

— Напрасно будете подниматься, — сказал им Паркер. — Мистера Моргана нет дома.

— Где же он? — спросил Генри, перекладывая чемодан из руки в руку. — Нам нужно увидеть

его pronto. А pronto, да будет вам известно, означает немедленно. Кто вы такой, черт возьми?

— Я камердинер мистера Моргана, — торжественно ответил Паркер — А вы кто будете?

— Моя фамилия Морган, — отрезал Генри и оглянулся вокруг, словно ища чего-то; затем он открыл дверь в библиотеку и увидел там телефоны. — Где Френсис? По какому номеру я могу его вызвать?

— Мистер Морган специально наказал, чтобы никто не беспокоил его по телефону, разве только по очень важному делу.

— Ну, так у меня как раз важное дело. Давайте номер.

— Мистер Морган чрезвычайно занят сегодня, — упрямо повторил Паркер.

— Его здорово прижало, а? — спросил Генри.

Лицо камердинера оставалось бесстрастным.

— Похоже, что его сегодня разденут до нитки, да? Лицо Паркера словно одеревенело, казалось, он не понимает, что ему говорят.

— Повторяю вам еще раз: мистер Морган очень занят… — начал он.

— Фу-ты, черт рогатый! — рассердился Генри. — Ведь это же ни для кого не секрет, что его схватили на бирже за горло. Это всем известно. Все утренние газеты кричат об этом. Да ну же, господин камердинер, говорите номер. У меня к нему очень важное дело.

Но Паркер был неумолим.

— Как фамилия его адвоката? Или фамилия его маклера? Или кого-нибудь из его представителей?

Паркер покачал головой.

— Если вы скажете мне, какое у вас к нему дело… — начал камердинер.

Генри бросил чемодан на пол и, казалось, готов был ринуться на Паркера и вытрясти из него ответ, но тут вмешалась Леонсия.

— Скажи ему! — посоветовала она.

— Сказать ему?! Зачем же: я лучше покажу ему. Эй, вы, подите сюда! — Генри вошел в библиотеку, положил чемодан на письменный стол и начал отпирать его. — Слушайте, господин камердинер, у нас настоящее, что ни на есть самое важное дело к мистеру Моргану. Мы приехали спасти его, вытащить из беды. Мы привезли ему миллионы — вот здесь, в этом чемодане…

Паркер, который до сих пор слушал с холодным, осуждающим видом, при последних словах испуганно попятился. Эти странные гости либо сумасшедшие, либо хитрые злоумышленники. Ведь в эту самую минуту, пока они удерживают его тут своими баснями о миллионах, их соучастники, может быть, уже очистили весь верхний этаж. Что же до чемодана, то, может, в нем и динамит — кто его знает!

— Стой!

И прежде чем Паркер успел выскочить из комнаты, Генри схватил его за шиворот и повернул лицом к столу.

Другой рукой Генри приподнял крышку чемодана, и глазам Паркера предстала груда нешлифованных драгоценных камней. Паркер был близок к обмороку, но Генри совсем неверно истолковал причину его волнения.

— Надеюсь, я убедил вас? — торжествующе спросил Генри. — А теперь будьте славным малым и дайте мне номер телефона.

— Присядьте, пожалуйста, сэр… и вы, сударыня, — пробормотал Паркер, почтительно кланяясь и весьма удачно сумев взять себя в руки. — Присядьте, пожалуйста. Я оставил номер телефона мистера Моргана в его спальне; он записал мне его сегодня утром, когда я помогал ему одеваться. Я сию минуту вам его принесу. А пока присядьте, пожалуйста.

Выйдя за дверь библиотеки, Паркер вновь обрел ясность ума и тотчас проявил необычайную деловитость и распорядительность. Поставив младшего швейцара у парадного хода, а старшего — у двери в библиотеку, он разослал остальных слуг обследовать комнаты верхнего этажа — посмотреть, не прячутся ли там сообщники этих преступников. Сам же по телефону из буфетной вызвал ближайший полицейский участок.

— Да, сэр, — повторил он в ответ на вопрос дежурного сержанта. — Это либо двое сумасшедших, либо двое преступников. Пожалуйста, сэр, пришлите немедленно полицейскую карету с охраной. Я еще не знаю, какие страшные преступления, быть может, сейчас совершаются под крышей этого дома…

Тем временем швейцар, выйдя на звонок к парадной двери, с явным облегчением впустил Чарли Типпери, одетого во фрак, несмотря на утренний час, — швейцар знал, что это давний и испытанный друг хозяина. Так же обрадовался ему и старший швейцар, который, подмигивая и всячески предостерегая Чарли Типпери, распахнул перед ним дверь библиотеки.

Ожидая увидеть там бог знает что или бог знает кого, Чарли Типпери вошел в комнату, где сидели незнакомые мужчина и женщина. Их загорелые и усталые после дороги лица не вызвали у него, как у Паркера, никаких подозрений, а, скорее, побудили отнестись к ним с большим вниманием, чем то, которое обычно уделяет житель Нью-Йорка заурядным приезжим. Красота Леонсии поразила его, и он сразу понял, что перед ним настоящая леди. Бронзовое лицо Генри, так похожее на Френсиса и Р. Г. М., понравилось ему и внушило уважение.

— Доброе утро, — обратился он к Генри, отвешивая поклон обоим. — Вы друзья Френсиса?

— О, сэр! — воскликнула Леонсия. — Больше чем друзья! Мы приехали, чтобы спасти его. Я читала утренние газеты. Если бы не глупость слуг…

У Типпери исчезли последние сомнения. Он протянул руку Генри.

— Чарльз Типпери, — отрекомендовался он.

— Морган, Генри Морган, — в свою очередь, назвал себя Генри, хватаясь за его руку, как утопающий за спасательный круг. — А это мисс Солано. Сеньорита Солано, мистер Типпери. Собственно говоря, мисс Солано — моя сестра.

— Я, видите ли, пришел по тому же делу, что и вы, — объявил Чарли Типпери после того, как с представлениями было покончено. — Спасти Френсиса, насколько я понимаю, может лишь звонкая монета или такие ценности, которые могут быть превращены в деньги. Я принес все, что мне удалось наскрести за эту ночь, хотя я убежден, что этого недостаточно.

— Сколько вы принесли? — напрямик спросил Генри.

— Миллион восемьсот тысяч. А вы?

— Да так, пустяки, — сказал Генри, указывая на раскрытый чемодан и не подозревая, что он говорит с представителем третьего поколения ювелиров — экспертов по драгоценным камням.

Чарли Типпери взял наугад с полдюжины камней и быстро осмотрел их, а еще быстрее определил на взгляд, сколько их тут; лицо его вспыхнуло — так он был потрясен.

— Да ведь тут на миллионы и миллионы долларов камней! — воскликнул он. — Что вы намерены с ними делать?

— Продать их, чтобы помочь Френсису выпутаться, — ответил Генри. — Их примут как обеспечение под любую сумму, не правда ли?

— Закройте чемодан! — приказал Чарли Типпери. — Я сейчас позвоню по телефону. Я хочу застать отца, пока он еще дома, — бросил он через плечо, уже стоя у телефона и дожидаясь, когда его соединят с отцом. — Отсюда до нас всего пять минут ходу.

Он как раз заканчивал краткий разговор с отцом, когда в комнату вошел Паркер в сопровождении лейтенанта полиции и двух полисменов.

— Вот она, вся шайка, лейтенант, арестуйте их, — сказал Паркер, — Ах, прошу прощения, мистер Типпери! Не вас, конечно! Только вот этих двух, лейтенант. Пускай суд решает, кто они. Сумасшедшие-то наверняка, а может, что и посерьезнее.

— Здравствуйте, мистер Типпери, — сказал лейтенант, узнав молодого человека.

— Никого не надо арестовывать, лейтенант Берне, — улыбнувшись, заметил Чарли. — Можете отослать свою карету назад в участок. Я объясню потом все инспектору. Но вам придется проводить меня и этих подозрительных людей с их чемоданом ко мне домой. Вы будете нас охранять. О, не меня, а этот чемодан: в нем миллионы — холодные, ослепительные, прекрасные. Когда я открою этот чемодан перед моим отцом, вы увидите зрелище, какое мало кому доводилось видеть. А теперь идемте! Мы только зря теряем время.

Он вместе с Генри схватился за ручку чемодана. Заметив это, лейтенант Берне тотчас подскочил к ним.

— Пока мы еще не договорились, я, пожалуй, сам понесу его, — сказал Генри.

— Конечно, конечно, — согласился Чарли Типпери. — Только не будем терять драгоценного времени. Ведь нам еще надо договориться. Пойдемте же! Быстрее!

Глава двадцать девятая

Мораторий, объявленный правительством США, помог стабилизировать положение, и акции на бирже перестали падать, а некоторые даже поднялись в цене. Такая картина наблюдалась в

отношении акций почти всех предприятий, кроме тех, в которые были вложены капиталы Френсиса и которыми Риган играл на понижение. Он продолжал играть на понижение, вызывая неуклонное падение цен, и с радостью отметил, что на рынке появились большие пакеты акций «Тэмпико петролеум», которые, очевидно, выбрасывал не кто иной, как Френсис.

— Теперь пришло наше время, — скомандовал Риган своим сообщникам. — Продавайте и покупайте. В обоих случаях будете в выигрыше. И все время помните о списке предприятий, который я вам дал. Продавайте только эти акции, да так, чтобы их побыстрее вручить покупателю. Они будут падать и падать. А все остальное покупайте, и покупайте немедленно; и вручайте покупателю все, что продадите… Поймите, это дело беспроигрышное, а продолжая сбывать акции, указанные в списке, вы убьете сразу двух зайцев.

— А вы-то сами что будете делать? — спросил один из «медведей».

— Я? Мне покупать нечего, — был ответ. — Пусть это служит вам доказательством, что я даю вам честный совет и что у меня нет сомнений в правильности этой тактики. Я не продал ни одной акции, кроме тех, которые указаны в списке, так что я ничего не должен покупателям. Я тут же рассчитываюсь с ними и продолжаю держаться списка, и только списка. В этом и заключается моя игра, и вы можете принять в ней участие: надо только продавать и тут же рассчитываться с покупателем.

— Вот и вы, наконец! — в отчаянии воскликнул Бэском, когда Френсис в половине одиннадцатого вошел в его кабинет. — На бирже цены на все пошли вверх, кроме акций ваших предприятий. Риган хочет пустить вам кровь. Вот уж никогда бы не подумал, что он может проявить такую силу! Мы не способны выдержать этот натиск, нам крышка. Мы раздавлены — и вы, и я, и все мы…

Никогда еще Френсис не был так спокоен, как сейчас. «Раз все потеряно, чего же волноваться?» — рассуждал он. Не будучи большим специалистом в биржевой игре, он все же вдруг увидел просвет, которого не заметил многоопытный и слишком детально ее знавший Бэском.

— Не принимайте все так близко к сердцу, — посоветовал Френсис, меж: тем как зародившийся в его мозгу план с каждой секундой принимал все более ясные очертания. — Давайте покурим и обсудим немного положение.

Бэском нетерпеливо махнул рукой.

— Да подождите же, — взмолился Френсис. — Постойте! Послушайте! Вы говорите, что мне крышка?

Маклер кивнул.

— И вам тоже?

Снова кивок.

— Значит, мы с вами разорены, разорены дотла, продолжал Френсис развивать созревший у него в голове план. — А для вас и для меня совершенно ясно, что не может быть ничего хуже полного, абсолютного, стопроцентного, окончательного разорения.

— Мы теряем драгоценное время, — запротестовал Бэском, кивком головы все же давая понять, что он согласен с этим выводом.

— Что же нам осталось терять, если мы с вами разорены, как мы только что признали? — с улыбкой произнес Френсис. — Если человек разорен дотла, то уже ни время, ни покупка, ни продажа акций — ничто не имеет для него значения. Все ценности перестали теперь для нас существовать. Вам это понятно или нет?

— Ну, и что вы предлагаете? — спросил Бэском с внезапным спокойствием, какое порождает отчаяние. — Меня разорили, я вылетел в трубу, да еще с каким треском!

— Вот теперь вы меня поняли! — обрадовался Френсис. — Вы — член биржи. Так кто же вам мешает участвовать в игре? Продавайте или покупайте. Делайте все, что вашей душе угодно. И моей тоже. Нам нечего терять. Сколько бы вы ни вычитали из нуля, все равно будет нуль. Мы спустили все, что у нас было. А теперь давайте спустим то, чего у нас нет.

Бэском еще пытался слабо протестовать, но Френсис решительно положил конец его сопротивлению.

— Помните: сколько бы вы ни вычитали из нуля, все равно будет нуль.

И вот Бэском, следуя советам Френсиса, но действуя уже не как маклер, а на собственный страх и риск, пустился в самую сумасшедшую финансовую авантюру, какую он когда-либо предпринимал в своей жизни.

— Ну, вот и все, — со смехом сказал Френсис в половине двенадцатого, — теперь мы можем и выйти из игры. И помните: положение наше в данную минуту ничуть не хуже, чем оно было час назад. Тогда мы были на нуле. Мы и сейчас на нуле. Теперь вы в любое время можете вывесить объявление о распродаже имущества.

Бэском тяжело опустился в кресло и устало взялся за телефонную трубку, намереваясь отдать распоряжение прекратить борьбу и объявить безоговорочную капитуляцию, как вдруг дверь распахнулась и в комнату ворвался знакомый припев старой пиратской песни. При первых же звуках этой песни Френсис вырвал трубку из рук маклера и бросил ее на рычаг.

— Стойте — закричал Френсис. — Слушайте!

И они услышали

Мы — спина к спине — у мачты,

Против тысячи вдвоем!

А затем и сам Генри ввалился в комнату, таща огромный чемодан, но уже не тот, который был у него утром. Увидев его, Френсис подхватил припев.

— Что случилось? — спросил Бэском у Чарли Типпери.

Друг Френсиса был по-прежнему во фраке, но выглядел совсем серым и измученным после бессонной ночи и пережитых волнений.

Типпери вынул из внутреннего кармана и вручил Бэскому три индоссированных чека на общую сумму в миллион восемьсот тысяч долларов.

Бэском грустно покачал головой.

— Слишком поздно, — сказал он. — Это лишь капля в море. Положите их обратно в карман.

Нечего пускать деньги на ветер!

— Подождите-ка, — воскликнул Чарли Типпери, выхватил чемодан из рук Генри, продолжавшего распевать во все горло, и открыл его. — А вот это вам не поможет?

«Это» состояло из огромной кипы аккуратно сложенных пачек облигаций и ценных бумаг с золотым обрезом.

— Сколько тут? — задыхаясь, спросил Бэском, и мужество вспыхнуло в нем, словно разгоревшееся пламя костра.

А Френсис, пораженный столь солидным подкреплением, перестал петь и замер с раскрытым ртом. Но когда Генри вытащил из внутреннего кармана еще двенадцать индоссированных чеков, Френсис и Бэском совсем онемели и вытаращили глаза, ибо каждый чек был на миллион долларов.

— И мы можем получить еще сколько угодно там, где получили это, — небрежно бросил Генри. — Достаточно тебе сказать слово, Френсис, и мы сотрем эту банду «медведей» в порошок. А теперь живо принимайся за дело! Все только и говорят о том, что ты разорен дотла. Покажи-ка им, где раки зимуют! Разори всех до единого, кто полез на тебя! Вытряси из них все золото вплоть до часов и коронок на зубах.

— Значит, вы все-таки нашли сокровище старого сэра Генри? — обрадованно спросил Френсис.

— Нет, — покачал головой Генри. — Это часть древнего сокровища майя; тут примерно одна треть. Вторая треть находится у Энрико Солано, а последняя отдана на хранение «Национальному банку ювелиров и торговцев». Знаешь, у меня для тебя много новостей. Я расскажу тебе их, когда ты сможешь меня выслушать.

Но Френсис уже готов был их слушать. Бэском лучше его знал, что надо делать, и уже отдавал по телефону распоряжения своим помощникам покупать акции в таких огромных количествах, что всего состояния Ригана не могло хватить на то чтобы вручить покупателям все, что он продал с обязательством доставить в кратчайший срок.

— Торрес умер, — сообщил Генри.

— Урра! — возликовал Френсис, услышав эту новость.

— И умер, точно крыса в крысоловке. Я видел его голову, которая торчала из щели в скале. Зрелище было не из приятных. И начальник полиции тоже умер. И… и еще кое-кто умер…

— Неужели Леонсия! — воскликнул Френсис.

Генри покачал головой.

— Кто-нибудь из Солано? Старый Энрико?

— Нет, твоя жена, миссис Морган. Ее убил Торрес, застрелил самым подлым образом. Я был рядом с ней, когда она упала. А теперь держись: у меня есть для тебя еще новости. Леонсия тут рядом, в соседней комнате, и ждет тебя. Стой, куда ты! Погоди! Выслушай до конца! Есть еще новости, которые я должен сообщить тебе, прежде чем ты ее увидишь. Фу-ты, черт рогатый! Будь сейчас на моем месте один знакомый китаец, уж он бы заставил тебя заплатить миллиончик за этот секрет, который я тебе собираюсь выложить задаром.

— Ну, так выкладывай, что там еще? — нетерпеливо спросил Френсис.

— Новость безусловно приятная, даже очень, самая приятная, какую ты когда-либо слышал. Я… только, пожалуйста, не смейся и не вздумай снести мне голову с плеч… Так вот: у меня появилась сестра.

— Ну, и что же? — грубо перебил Френсис. — Я всегда знал, что у тебя есть сестры в Англии.

— Но ты меня не понимаешь — продолжал интриговать его Генри. — У меня появилась совсем новая сестра, вполне взрослая, и такая красавица, что другой такой на свете нет.

— Ну и что же? — пробурчал Френсис. — Для тебя это, наверно, очень приятная новость. Но я-то тут при чем?

— Ну вот, мы и подошли к самому главному, — ухмыльнулся Генри. — Ты женишься на ней. Даю тебе на это полное разрешение…

— Даже если бы она была десять раз твоя сестра и сто раз красавица, я бы все равно на ней не женился, — перебил его Френсис. — Такой женщины, на которой я мог бы жениться, нет на свете.

— И все-таки, Френсис, мой мальчик, на этой женщине ты женишься. Я это знаю. Я это всем своим нутром чувствую. Хочешь пари?

— Ставлю тысячу, что не женюсь.

— Нет, уж ты повысь ставку, чтобы это было настоящее пари, — сказал Генри.

— Могу поставить, сколько хочешь.

— Отлично. В таком случае тысячу пятьдесят долларов. А теперь пройди в соседнюю комнату и посмотри на невесту.

— Она там с Леонсией?

— Ничего подобного. Она одна.

— Мне послышалось, что ты сказал — там Леонсия.

— Да, сказал. Я это сказал. И Леонсия действительно там. И с ней нет ни одной живой души: она ждет тебя, чтобы поговорить с тобой.

Тут уж Френсис начал сердиться.

— Ну чего ты меня водишь за нос? — спросил он. — Ни черта не пойму из твоего кривляния. То у тебя там твоя новая сестрица, то твоя жена…

— Кто это сказал, что у меня есть жена? — в свою очередь, вспылил Генри.

— Сдаюсь, — воскликнул Френсис. — Пойду к Леонсии. А с тобой мы поговорим позже, когда к тебе вернется здравый рассудок.

Он шагнул было к двери, но Генри остановил его.

— Еще одну секунду, Френсис, и я отпущу тебя, — сказал он. — Может быть, ты хоть сейчас что-нибудь поймешь. Я не женат. В соседней комнате тебя ждет одна девушка. Эта девушка — моя сестра. И она же — Леонсия.

Потребовалось целых полминуты, чтобы Френсис понял смысл этих слов. А когда понял, то стремглав ринулся к двери, но Генри опять задержал его.

— Так я выиграл? — спросил Генри.

Но Френсис, оттолкнув его в сторону, распахнул дверь и захлопнул ее за собой.

[1] Асьенда — дом с прилегающими к нему плантациями.

[2] Джон Смит и Покахонтас — следопыты, первооткрыватели Америки.

[3] Гринго — в Центральной Америке так называют англичан и жителей Соединенных Штатов.

[4] Живо (исп.).

[5] Конкистадоры — испанские завоеватели, захватившие в конце XV и в XVI веке огромные территории Южной и Центральной Америки.

[6] Пулькерия — кабачок.

[7] Мескаль — мексиканская водка.

[8] Боливар — один из вождей национально-освободительного движения в Америке.

[9] Сиеста — послеполуденный отдых в часы наибольшей жары.

[10] Мальчик (исп.).

[11] Шпигаты — желоба для стока воды с палубы.

[12] Человек (исп.).

[13] Риата — самодельная веревка.

[14] Друг, друг (исп.).

[15] Из теплых краев (исп.). — Здесь имеется в виду: из долины.

[16] Блэкстон Уильям (1723 — 1780) — английский профессорюрист, написавший четыре тома «Комментариев к английским законам».

[17] Таммани-холл — организация демократической партии в Нью-Йорке.

[18] Тортильи — по-испански: оладьи.

[19] Твердая земля (ит.).

[20] Мораторий — отсрочка погашения платежей, устанавливаемая правительством на определенный срок, ввиду каких-либо чрезвычайных обстоятельств.

[21] Медведь — биржевик, играющий на понижение.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch